

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Л.С. Левитская

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Чебоксары 2014

УДК 881.512.111
ББК 81.2 Чув
Л 37

*Утверждено к печати ученым советом
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор и автор предисловия и примечаний
кандидат филологических наук П.Я. Яковлев

Левитская Л.С.

Л 37 Историческая фонетика чувашского языка: монография
/ Л.С. Левитская; науч. ред. и авт. предисл. и примеч.
П.Я. Яковлев; Чувашский государственный институт
гуманитарных наук. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 320 с.

Предлагаемая книга представляет собой относительно полное описание изменений звукового строя чувашского языка, начиная с периода общетюркской общности. Л.С. Левитская обобщила результаты исследований своих предшественников в области исторической фонетики чувашского языка и сравнительно-исторические работы по остальным тюркским языкам. Автор является специалистом по тюркскому языкознанию, сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, исторической фонетике и морфологии чувашского языка.

Рукопись хранилась в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук более 40 лет. Сейчас, вероятно, многое в ней было бы написано по-иному, но и в предлагаемом виде текст имеет огромную научную ценность.

Книга адресована ученым-филологам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется вопросами истории языка.

ISBN 978-5-87677-194-0

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2014

© Яковлев П.Я., научное редактирование,
предисловие и примечания, 2014

С о д е р ж а н и е

Предисловие редактора.....	5
ВВЕДЕНИЕ	
Краткий обзор литературы вопроса.....	12
Основные источники для написания исторической фонетики чувашского языка.....	19
Отношение чувашского языка к другим тюркским языкам.....	26
Чувашский язык и языки Северного Кавказа	
Чувашско-кыпчакские параллели.....	37
Чувашско-башкирские параллели.....	39
Чувашско-мишарские параллели.....	40
Чувашский язык и тюркские языки Сибиря и Алтая.....	41
Чувашско-монгольские параллели.....	43
ГЛАВА I. ВОКАЛИЗМ	
Общетюркский вокализм.....	45
Гласные первого слога.....	49
Долгие гласные. Система долгих гласных в тюркских языках. Рефлексы долгих гласных в чувашском языке.....	77
Гласные непервых слогов.....	97
«Редуцированные» гласные в чувашском языке и их происхождение.....	108
Превращение исконных гласных заднего ряда в гласные переднего ряда.....	126
Превращение исконных гласных переднего ряда в гласные заднего ряда.....	130
Сочетания гласных и согласных.....	133
ГЛАВА II. КОНСОНАНТИЗМ	
Общетюркский консонантизм.....	139
Смычные.....	145
Губные.....	145
Гуттуральные.....	154
Дентальные.....	175
Спирант δ	186

Спирант <i>ɣ</i>	194
Общетюркский <i>j</i>	195
Общетюркский <i>-j⁻³, -j</i>	203
Общетюркский <i>s</i>	203
Общетюркский <i>š</i>	208
Аффриката <i>č</i>	212
Носовые <i>m, n, ŋ</i>	216
Плавные <i>l, r</i>	222
Ротацизм.....	226
Ламбдаизм.....	245
Сочетания согласных.....	247
Оглушение начальных согласных и его причины.....	251
Соноризация интервокальных согласных.....	254
Явление сандхи.....	256
Палатализация согласных.....	257
Протетические согласные.....	258
Заключение.....	276
История происхождения гласных и согласных современного чувашского языка.....	278
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Условные сокращения.....	281
Чувашско-тюркские лексические параллели.....	294
Примечания редактора.....	301
Библиография работ Л.С. Левитской по чувашскому языку.....	318

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Лия Сергеевна Левитская (23.11.1931–22.10.2009) – специалист по тюркскому языкознанию, сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, тюркской этимологии, исторической фонетике и морфологии чувашского языка.

Л.С. Левитская родилась в Москве. В 1948 г. поступила на восточное отделение филологического факультета Московского государственного университета и была одной из талантливых учениц основоположника отечественной школы тюркологии советского периода, члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева (1898–1954). Этот крупнейший ученый определил ее научную судьбу, вызвав в ней интерес к чувашскому языку.

После окончания университета Л.С. Левитская работала сотрудником редакции газеты «Туркменская искра» (1953–1955), но из-за болезни была вынуждена вернуться в Москву. Затем она работала в отделе востоковедения научной библиотеки им. А.М. Горького при МГУ (1956–1958). С 1958 по 1989 г. – научный сотрудник отдела тюркских и монгольских (впоследствии урало-алтайских) языков Института языкознания АН СССР.

На восточном отделении филологического факультета МГУ чувашский язык не преподавался, Лии Сергеевне пришлось выучить язык самостоятельно, устанавливать контакты с чувашскими лингвистами. Она окончила аспирантуру под руководством видного финно-угроведа и тюрколога, действительного члена АН СССР Б.А. Серебренникова (1915–1989). Работая над диссертацией, Лия Сергеевна прошла у своего руководителя великолепную школу компаративистики. Для чувашских лингвистов, также занимающих особое место в тюркологии прежде всего в силу специфики своего языка – вечной загадки тюркологов, она была непререкаемым авторитетом и отзывчивым товарищем. В 1966 г. Л.С. Левитская защитила кандидатскую диссертацию «Историческая фонетика чувашского языка», а потом создала классическую историческую морфологию чувашского языка. «Ее диссертационная работа, к сожалению, не была издана, – отмечают коллеги Лии Сергеевны, – но все фонетические публикации автора

были посвящены ее узловым проблемам...» (Благова Г.Ф., Грунина Э.А., Дыбо А.В. Лия Сергеевна Левитская (1931–2009) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 3. С. 217–220).

В исследованиях по чувашскому языку Л.С. Левитская разрабатывала проблемы этимологии, исторической фонетики и грамматики, также лексикологии. В ее монографии «Историческая морфология чувашского языка» (М., 1976) впервые в чувашском языкознании предлагается история форм словоизменения и словообразования, дается убедительная интерпретация происхождения многих грамматических формантов с широким привлечением сравнительных данных из других тюркских языков, а также с учетом материала диалектов и основных говоров чувашского языка (внешняя реконструкция), применяется и сопоставительный анализ семантически близких структурных моделей (основа + аффикс) и отдельных аффиксов в чувашском и тюркских, в чувашском и финно-угорских языках. Примечателен общий вывод автора: «Для нас несомненно одно, что морфологическая система чувашского языка (тюркская в своей основе) складывалась в результате длительного взаимодействия с типологически близкими языками, родственными и неродственными. <...> Недостаточно изученной остается и “чувашская предыстория”, т.е. формирование болгарских диалектов в период общетюркской общности и взаимодействие с другими языками алтайского (и даже азиатского) ареала» (с. 185).

Теплые и дружеские отношения сложились у Л.С. Левитской с чувашскими коллегами, можно сказать, что в Чувашской Республике она нашла полное взаимопонимание и была всегда желанной гостьей. Об этом хорошо свидетельствует библиография работ Л.С. Левитской, изданных в ЧР. Эту библиографию мы сочли нужным привести в конце настоящего издания. Известные исследователи отмечают: «Эрудиция в области сравнительно-исторического языкознания позволила ей создать две уникальные работы: по исторической фонетике и исторической морфологии чувашского языка. В основе реконструкции чувашской морфологической системы лежало знание чувашских диалектов, хотя и здесь присутствовал

общетюркологический фон, и тщательный анализ всех существовавших точек зрения в отношении чувашского феномена. Труд Лии Сергеевны сразу вошел в круг широко цитируемых научных работ» (*Благова Г.Ф., Грунина Э.А., Дыбо А.В.* Лия Сергеевна Левитская (1931–2009). С. 218).

С начальных этапов подготовки «Этимологического словаря тюркских языков» (ЭСТЯ) Э.В. Севортьяном, членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества, Л.С. Левитская участвовала в работе, а после смерти автора фактически возглавила группу ЭСТЯ (с 1980 г.), приняв на себя основную нагрузку в сборе и обработке колоссального материала по всем тюркским языкам. В томах словаря, вышедших с того времени (на буквы Ж, Ж, Й – 1989, два выпуска на К, Қ – 1997, 2000, на Л, М, Н, П, С – 2003), ею написано не менее 60 % словарных статей.

Л.С. Левитская также является одним из авторов фундаментального монографического исследования «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» в шести томах (Т. 1. Фонетика. 1984. Т. 3. Морфология. 1988. Т. 4. Лексика. 1997. Т. 5. Региональные реконструкции. 2002. Т. 6. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. 2006). Прочная компаративистская база и обширные знания Лии Сергеевны по фактологии всех тюркских языков позволили ей предложить убедительную реконструкцию пратюркского вокализма и показать его репрезентацию в фонетических системах современных языков и диалектов. В томе «Морфология» она является автором разделов «Наречие» и «Послелог». Для тома «Региональные реконструкции» по состоянию здоровья она не писала, но успела собрать материал по огузской морфологии, так что раздел «Огузские языки. Фонетика. Морфология: имя» значится под авторством А.В. Дыбо с участием Л.С. Левитской. С 1989 г., находясь на пенсии, она принимала участие в работе отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН по грантам, участвовала в создании тома «Лексика», вместе с А.В. Дыбо ею был подготовлен словник к этому труду. Ей принадлежат здесь статьи, составляющие четверть объема этого тома, в том числе разделы «Мир поздних тюрков», «Метеорология», «Торговля, собственность, финансы», значительная часть огромного раздела «Материальная культура». Последний,

шестой том, посвященный реконструированной фонетике и пратюркскому языковому состоянию, содержит также картину мира пратюркского этноса по данным языка. В основе очерков «Климат» и «Материальный быт. Одежда» лежат разделы Л.С. Левитской из «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». Следует отметить, что еще в 1987 г. исследовательское внимание Лии Сергеевны было сосредоточено на следах космологических представлений тюркских народов в лексике и фразеологии их языков (см.: Сущность, развитие и функционирование языка: сб. ст. М., 1987. С. 186–189).

Под научным руководством Л.С. Левитской было защищено несколько кандидатских диссертаций, ее аспиранты-ученики А.В. Дыбо, О.А. Мудрак, Ю. Дмитриева, Е.А. Лебедева (Анисимова) продолжают исследования и в выбранном направлении в своих сравнительно-исторических и этимологических изысканиях активно используют материал чувашского языка.

Л.С. Левитская является автором 62 научных работ.

В 2012 г. по инициативе отдела чувашского языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук (в то время отделом заведовал профессор Н.И. Егоров) был поднят вопрос об издании рукописи Л.С. Левитской «Историческая фонетика чувашского языка». Рукопись хранилась в архиве института более 40 лет, тем ограднее, что дирекция института во главе с профессором Ю.Н. Исаевым не только поддержала инициативу, но и с большим вдохновением включилась в реализацию данного проекта.

Предлагаемая читателю монография Л.С. Левитской представляет собой относительно полное описание изменений звукового строя чувашского языка начиная с периода общетюркской общности. Автором обобщены результаты исследований предшественников в области исторической фонетики чувашского языка и сравнительно-исторические работы по остальным тюркским языкам. Следует особо отметить, что во многих случаях Л.С. Левитская предлагает свою интерпретацию звуковых изменений и приводит новые фактические материалы, в том числе данные диалектов и финно-угорских языков. При этом Лия Сергеевна не ставит задачу реконструирования

общетюркского состояния, а опирается на результаты, достигнутые в тюркологии к тому времени.

В ряде случаев автор лишь выдвигает соответствующие проблемы, не имея возможности подойти к их решению. Это вызвано объективными трудностями, например малой изученностью тех или иных вопросов, таких, как тюркские заимствования в монгольских языках (также монгольские заимствования в тюркских языках), первоначальная структура тюркских «непроизводных» основ, тюркская акцентуация и т.д.

Монография состоит из введения, двух глав и краткого заключения. Приводятся список условных сокращений и перечень некоторых чувашско-тюркских лексических параллелей, не включенных в «Этимологический словарь чувашского языка» профессора В.Г. Егорова.

Во введении дается краткий обзор литературы по исторической фонетике чувашского языка, который начинается с первой исторической фонетики чувашского языка – труда В. Шотта. Автор подробно останавливается на вкладе в историческую фонетику чувашского языка таких финских и венгерских исследователей, как Г.И. Рамстедт, М. Рясянен, Й. Буденц, З. Гомбоц, В. Мункачи, Ю. Немет, Л. Лигети, М. Палло. В работе получили отражение труды зарубежных ученых В. Грэнбека, В. Банга, Н. Поппе, О. Прицака, Й. Бенцинга. Из отечественных ученых, занимавшихся историей чувашского языка, объектом внимания являются трактовки В.В. Радлова, который, как известно, придерживался мнения о нетюркском происхождении чувашского языка. Л.С. Левитская подчеркивает: «...тюркский характер чувашского языка не вызывает ни у кого сомнения. Однако отсюда не следует, что в его фонетике (не говоря уже о лексике) не могло остаться следов языков не тюркских, носители которых контактировали с чувашами в далеком прошлом».

Из исследований чувашских языковедов особо выделяются работы Н.И. Ашмарина, Н.И. Золотницкого, В.Г. Егорова, Т.М. Матвеева. В монографии также рассматриваются статьи Б.А. Серебренникова, посвященные исторической фонетике чувашского языка. Следует особо подчеркнуть, что Л.С. Левитская не пересказывает содержание основных источников, а лишь обозначает

основные вехи, так или иначе повлиявшие на развитие научной мысли. Анализируя и критикуя то или иное теоретическое положение, Л.С. Левитская на протяжении всей работы проявляет уважение и такт к другим авторам.

Во введении подробно описаны основные источники для написания исторической фонетики чувашского языка: данные родственных языков, диалекты, чувашские заимствования в финно-угорских языках, памятники болгарского языка. Что же касается отношения чувашского языка к другим тюркским языкам, то здесь Л.С. Левитская всегда исходила из позиции, основывающейся на анализе огромного фактического материала. В работе отдельно рассмотрены чувашско-обшкетюркские параллели в следующих группах слов: названия деревьев, названия диких животных, названия птиц, названия рыб, названия частей тела, названия чисел. Автор особо выделяет чувашско-кыпчакские, чувашско-башкирские, чувашско-мишарские, чувашско-монгольские параллели. Что же касается сходных черт чувашской фонетики и звукового строя тюркских языков Сибири, исследователь придерживается мнения, что эти параллели представляют скорее инновацию в истории каждого языка, чем архаизм, унаследованный ими из общего прошлого.

В главе «Вокализм» Л.С. Левитская рассматривает вопрос о составе гласных древнетюркского праязыка, который до сих пор является предметом спора тюркологов. Большинство исследователей восстанавливает для общетюркского 16 или 18 гласных фонем. Далее автор останавливается на спорных вопросах и рефлексах общетюркских гласных в чувашском языке.

В главе «Консонантизм» рассматриваются бытующие в тюркологии реконструкции общетюркского консонантизма. Наряду с рефлексами общетюркских согласных автор анализирует такие явления чувашской фонетики, как палатализация, соноризация интервокальных согласных, протетические *j*, *v*, *h*, сочетания согласных и т.д.

В заключении Л.С. Левитская характеризует основные этапы изменения фонетической системы чувашского языка. Она выделяет «древнечувашский» период — языковое состояние, дошедшее до нас в памятниках болгарского языка до X в., «старочувашский» (X—XIII вв.) — язык болгарских

эпитафий XIII–XIV вв., и период после XIII в., когда совершились основные изменения чувашского вокализма.

Примечательно, что в конце монографии в виде схемы представлена история происхождения гласных и согласных современного чувашского языка.

Наука не стоит на месте. Разумеется, со времени написания монографии Л.С. Левитской появилось немало работ в области сравнительно-исторических исследований тюркских языков. Однако это нисколько не умаляет ценность настоящего труда. Будучи научным редактором, мы сочли необходимым как можно меньше вмешиваться в текст, сохранить авторский оригинал и транскрипцию [1] (цифра в квадратных скобках соответствует порядковому номеру примечаний редактора в конце книги). Кроме того, в «Примечаниях редактора», мы полагаем, будет полезно хотя бы вкратце перечислить работы, вышедшие после написания данной монографии и касающиеся истории чувашского языка. При этом, чтобы не повторяться, мы сознательно упускаем обширную литературу, которая приводится и анализируется в общетюркологических трудах (*Шербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика. М., 1984*). «Примечания» составлены с использованием различного справочного материала, в том числе и «Чувашской энциклопедии» (Чувашская энциклопедия: в 4 т. / [Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук]; Редкол.: В.С. Григорьев (гл. ред.) и др. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2006–2011).

Пусть это издание будет данью светлой памяти выдающегося исследователя истории чувашского языка Лии Сергеевны Левитской.

П.Я. Яковлев.

ВВЕДЕНИЕ

Краткий обзор литературы вопроса

Звуковой строй чувашского языка уже давно привлек внимание исследователей. Путем сравнения чувашской лексики с данными других языков и установления регулярных фонетических соответствий ученые стремились определить место чувашей и их языка среди тюркских и финно-угорских (алтайских и уральских)¹ народов и языков. Интерес к чувашскому языку и его истории был велик и у специалистов по финно-угорским языкам². В чувашских материалах они искали опору для разрешения многих проблем, связанных с историческим прошлым финно-угорских народов и развитием их языков.

После того как вопрос о тюркском характере чувашского языка был решен положительно, с помощью ряда его фонетических особенностей пытались восстановить архаичные черты тюркской звуковой системы. Чувашскими данными пользовались при обосновании «алтайской гипотезы», при установлении генезиса «первичных» долгот и т.п.

Неудивительно, что изысканиям в области чувашской исторической фонетики прямо или косвенно посвящено множество статей и несколько монографий. Даже краткий пересказ их содержания занял бы десятки страниц. Поэтому мы решили обращаться к ним на протяжении всей работы, а здесь ограничиться указанием тех, которые кажутся нам особенно важными в истории чувашского языкознания.

Первая историческая фонетика чувашского языка — это глава знаменитой книги В. Шотта «De lingua tchuwaschorum» [2].

В. Шотт не только установил тюркско-чувашские фонетические соответствия

¹ См.: *Klaproth J.*, *Comparaison*; *Schott W.* *De lingua tchuwaschorum*. См. также работы *Г.И. Рамstedта*, *М. Рясненa*, *Д. Немета*, *Н.И. Ашмарина*, *В.Г. Егорова* и т.д.

² См. работы *З. Гомбоца*, *М. Рясненa*, *Х. Паасонена*, *Ю. Вихмана*, *Э. Беке* и т.д. и более новые исследования *В.И. Лыткина*, *Б.А. Серебренникова*, *Г. Барци*, *Л.П. Грузова* и др.

e ~ a
a ~ u
ɣ(g) ~ w
ŋ ~ m
n ~ m
-k(-k) ~ 0 (нуль);
k- ~ j-
j- ~ ś-
z ~ r
š ~ l
s ~ ś
t ~ č

и т.д., но и попытался объяснить происхождение некоторых явлений чувашской фонетики (например, *v*-протеза, изменения *t > č* перед *i*).

Мысль В. Шотта о том, что чувашские формы типа *tāvar* «соль» архаичнее, чем их тюркские соответствия, была подхвачена и развита В. Гренбеком.

Вслед за В. Шоттом необходимо назвать имя венгерского лингвиста Й. Буденца [3]. Его заслуги перед чувашеведением очень велики³. Достаточно указать, что ему принадлежит издание диалектальных записей Регули⁴ и что он является автором ценной морфологии чувашского языка⁵. Й. Буденц определил источник древнетюркских заимствований венгерского языка и ввел для них термин «древнечувашские заимствования» (*ocsuvas*)⁶.

В специальной статье⁷ Й. Буденц рассматривал тюркско-чувашские звуковые соответствия, при этом особенно интересна его интерпретация як. *t*, койбальск. *z*, тур. *j*, чув. *r* (для В. Шотта оно осталось нераскрытым, так как он учитывал лишь два его члена: *j* и *r*). Й. Буденц полагал, что чувашский *r*, койбальск. *z*, тур. *j* восходят к одному источнику, под которым он подразумевал сохранившийся в якутском *t*. По мнению Й. Буденца, чувашский *r* восходит к *t* через ступень *z*, т.е. *t > z > r*.

³ См. *Palló M. Hungaro-Tschuwaschica.*

⁴ *Reguly csuvas példamondatai.*

⁵ *Csuvas közlések és tanulmányok.*

⁶ *Jelentés Vambéry. A magyar-török szóegyezéseiről.*

⁷ *Némely látszólagos képtelenségek a csuvas- török hangviszonyokban.*

Таким образом, понимание Й. Буденцом этого звукового соответствия почти идентично современному.

Первый очерк сравнительной исторической фонетики чувашского языка по-русски был написан Н.И. Золотницким в 1871 г.⁸ Ему же принадлежит сравнительный словарь чувашского языка⁹. Н.И. Золотницкий отметил большинство тюркско-чувашских (главным образом, татарско-чувашских) звуковых соответствий, но не касался вопроса о направлении изменений и их относительной хронологии [4].

В 1898 г. вышли в свет «Материалы для исследования чувашского языка» Н.И. Ашмарина. Эта книга содержит раздел «Отношение чувашского языка к звукам других тюркских наречий» (с. 61–102), по сути дела являющийся кратким очерком сравнительной фонетики [5].

В предисловии к «Материалам» Н.И. Ашмарин уже высказал ряд интересных соображений относительно истории чувашского языка.

Прежде всего он отметил, что при сравнении с другими тюркскими языками в языке чувашей выявляются как архаизмы, так и инновации, что «в различные эпохи своего развития чувашский язык, очевидно, последовательно подвергался влиянию различных тюркских племен, говоривших на различных наречиях с неодинаковыми фонетическими особенностями». Последний тезис, по мнению Н.И. Ашмарина, подтверждается наличием в чувашском языке двоякого отражения общетюркских звуков (например, *ä* > *a*, *ä* > *i*) и существованием дублетов типа *xīräm* «желудок» ~ *xurāndaš* «брат»; *jurt-* «беги рысью» ~ *šärya* «иноходец, рысак» и т.д.

Н.И. Ашмарин указывал также на нетюркскую подпочву чувашского языка, следы которой, по его словам, можно найти в его фонетическом и грамматическом строе.

Большое место Н.И. Ашмарин уделил объяснению процессов расширения и сужения чувашских гласных¹⁰. При хронологизации этого явления он опирался на чувашские заимствования венгерского языка и на данные

⁸ Заметки для ознакомления с чувашским наречием.

⁹ Корневой чувашско-русский словарь.

¹⁰ Под этим, как видно из его примеров, он понимал такие изменения, как *ä* > *a*, *u* > *ä*, *o* > *u*, *ü* > *ä*, *i* > *ä* и т.д.

чуваши́х говоро́в, в кото́рых до сих пор наблюдаются переходные случаи.

Часто при сравнении с тюркскими формами Н.И. Ашмарин исходит из чувашского языка.

Так, он указывает, что чувашский *й* замещает тюркские звуки *a, ä, e, i, u, öj, ö, uj, ojo, öjö, ujï, oju*, чувашский *й* может встречаться на месте тюркских звуков *a, ä, o, u, i, uγ*. Таким образом, он не ставит перед собой задачу проследить историю чувашской звуковой системы от ее общетюркской стадии (которая в тот период, кстати, еще не была восстановлена).

Однако, говоря о явлениях протезы, метатезы, о кратких и удлинённых основах, замещениях согласных и т.д., Н.И. Ашмарин все же отталкивается от тюркских вариантов, вероятно, признавая их более близкими к общетюркскому типу.

Несмотря на то, что в работе Н.И. Ашмарина встречаются спорные этимологии, что данные тюркских языков (даже учитывая ценные комментарии Н.Ф. Катанова) могут быть уточнены и дополнены, она не утратила своего значения и в наши дни. Гораздо позднее были напечатаны его «Заметки по сравнительной грамматике тюркских языков»¹¹, в которых содержатся интересные замечания по чувашской фонетике. Так, чувашский *r* (тюркский *j, z, t*) в середине и конце слова Н.И. Ашмарин возводит к интердентальному *δ*, общетюркский *š* и чувашский *l* (в словах типа *qış ~ хәл* «зима») считает рефлексами глухого *l* и т.д.

В 1902 г. увидело свет исследование В. Гренбека¹², влияние идей которого прослеживается и в трудах современных ученых. По сути дела, В. Гренбек попытался путем реконструкции воссоздать историю тюркского вокализма и консонантизма.

Он рассмотрел такие общетюркологические проблемы, как гармония гласных, происхождение первичных долгот, понятие тюркского корня. Усматривая в фонетическом строе чувашского языка много архаичных явлений, В. Гренбек, естественно, не мог не коснуться в своем труде основных особенностей чувашской фонетики.

¹¹ Казань, 1928.

¹² Forstudier til tyrkisk lydhistorie.

Попробуем перечислить (далеко не полностью) те проблемы истории чувашских звуков, ответ на которые можно найти в исследовании В. Гренбека.

Так, В. Гренбек полагает, что двойные согласные, появляющиеся при склонении слов типа *al̥* «рука» (*all̥n* «руки» и т.д.), отражают исчезнувший ауслautный гуттуральный, т.е. *all̥n* < *al̥g-ən*; причину появления *ī* вместо общетюркского *a* в словах типа *ild̥n* «золото» (общетюркское *altun* ~ *alt̥in*) он усматривает в *u-Umlaut*'е. В. Гренбек констатирует случаи совпадения в чувашском *â* ~ *ə* и *o* ~ *ö*, первоначальное различие которых маркируется противопоставлением *k* и *x*.

В. Гренбек правильно трактует соответствия:

чувашского *u(o)* ~ общетюркскому *a*;

чувашского *a* ~ общетюркскому *ä*;

чувашского *r* ~ тюркским *t, z, j* < *d*;

чувашского *š* ~ общетюркскому *s* и т.д.

Он прослеживает отражение в чувашском и других тюркских языках звуковых комплексов: гласный + *γ, b*, устанавливает связь изменений согласного в чувашском анлауте (*x* > *j* и т.д.) с долготой последующего гласного, пытается объяснить двоякий рефлекс общетюркского *ä* (*a* и *i*) в чувашском, различает сильно спирантизованный *j* (в чувашском *ś*) и вокалический *j̥* (чувашская *j*-протеза). В. Гренбеку принадлежит этимология чувашских слов *śūze* «ива», *piz̥k* «большой», *pəžə* «бедро», *ž* ~ *z* которых он выводит из сочетания *gd*: например, *piz̥k* < **bägdük* ~ тюрк. *böjük, bejik*. И хотя многие из гипотез и реконструкций В. Гренбека могут быть оспариваемы, два его тезиса, пожалуй, не вызывают сомнения:

1) ауслautные Media в языках юго-западной группы являются отражением долготы в односложных словах (*ad* «имя») и безударности слога в двусложных словах (*ádar* «нога»);

2) структура так называемых «первичных» корней в тюркских языках часто является сложной, т.е. «первичные» корни содержат аффиксальные показатели (*jan-* «гореть», *jaq-* «жечь» < **ja-* и т.д.). Иными словами, первичные корни имеют свою историю.

Сам В. Гренбек, увлеченный этой идеей, почти всегда исходит из двусложности тюркского корня и переоценивает роль стяжения как фактора его различных фонетических преобразований.

Историческая фонетика чувашского языка многим обязана финским и венгерским ученым: достаточно назвать классическую работу Г.И. Рамstedта [6], труды М. Рясянена [7], З. Гомбоца [8], Б. Мункачи [9], Д. Немета [10], Л. Лигети [11], М. Палло¹³ [12], которые широко использованы нами в данной работе.

Интересные соображения об отдельных явлениях чувашской фонетики принадлежат В. Бангу¹⁴.

Из американских исследователей историей чувашского языка плодотворно занимался Н. Порре [13], развивший ряд идей Г.И. Рамstedта, поставивший и решивший много новых проблем.

В последние годы привлекают внимание исследования О. Прицака [14] и Й. Бенцинга [15].

Из русских ученых, занимавшихся историей чувашского языка, главным образом историей развития его звукового строя, кроме упомянутых выше, в первую очередь надо назвать В.В. Радлова¹⁵. Хотя его теория о нетюркском происхождении чувашского языка и об этапах в становлении его вокализма была отвергнута большинством чувашеведов, нельзя не признать, что слабыми у В.В. Радлова являются скорее доказательства (точнее, аргументация) теории, а не ее посылки [16].

Тюркский характер чувашского языка не вызывает ни у кого сомнения. Однако отсюда не следует, что в его фонетике (не говоря уже о лексике) не могло остаться следов языков не тюркских, носители которых контактировали с чувашами в далеком прошлом. В вокализме и консонантизме чувашского языка и сейчас легко прослеживается многослойность (к древней системе «подстроились» новые подсистемы), которая является результатом, с одной стороны, возможной диалектальной неоднородности, с другой стороны, многократных контактов с родственными тюркскими языками.

Значение прекрасных исследований в области чувашской исторической фонетики В.Г. Егорова общеизвестно [17]. Они

¹³ См. список цитируемых книг и статей.

¹⁴ Monographien zur türkischen Sprachgeschichte... ; Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, 3-Brief, с. 7 его комментарии к некоторым работам *Н.Понне* и т.д.

¹⁵ Phonetik der nördlichen Türkssprachen.

служат основой и отправной точкой для всех новых изысканий¹⁶ на данную тему.

Нам хотелось бы назвать имя еще одного историка чувашского языка, работы которого лишь в последнее время становятся доступными для чувашеведов. Это Т.М. Матвеев [23]. Т.М. Матвееву принадлежат лекционные курсы по истории и диалектологии чувашского языка, которые сохранились лишь в конспективном изложении. Ряд важных вопросов чувашской исторической фонетики затронут им в статьях о чувашских диалектах¹⁷ и чувашских числительных¹⁸. В первой статье он рассматривает все основные чувашско-тюркские соответствия в области гласных и согласных. Примечательно его описание чувашских интервокальных *t* и *tt* в сравнении с татарскими *d* и *t*, где он устанавливает градацию их длительности: тат. *d* и чув. *t*, тат. *t*, чув. *tt*.

Т.М. Матвеев там же указывает на последовательность чувашских звуковых изменений $*a > o^1 > u$ и $*o^2 > u$ (сначала $a > o$, потом o^1 и $o^2 > u$). При этом изменение $o > u$ было, по его мнению, стимулировано контактами с татарским языком, $a > o$ в верховых говорах поддержано марийским влиянием.

Во второй статье Т.М. Матвеев пишет о *v*-протезе и о «добавочных» *ə*, *ә* в именных основах.

Несколько статей посвятил исторической фонетике чувашского языка Б.А. Серебренников¹⁹.

Он акцентирует внимание исследователей на ареальных изменениях в чувашской фонетике (финно-угорско-чувашские, татарско-башкирско-чувашские, присущие финно-угорским и тюркским языкам Волго-Камья).

Рассматривая основные чувашско-тюркские соответствия, Б.А. Серебренников стремится определить условия звуковых изменений, их направленность и относительную хронологию. Важной представляется его попытка наметить этапы звуковых трансформаций чувашского языка [24].

¹⁶ См. исследования А.С. Каноковой [18], Г.Е. Корнилова [19], В.И. Котлева [20], Л.П. Сергеева [21], Р.И. Цапфиной [22].

¹⁷ Краткий обзор чувашских диалектов.

¹⁸ Некоторые особенности чувашских числительных.

¹⁹ См. список условных сокращений.

Основные источники для написания исторической фонетики чувашского языка

Данные родственных языков

Известно, что письменные памятники чувашского языка относятся лишь к XVIII в.²⁰ Поэтому для истории чувашского звукового строя исключительное значение имеют данные родственных языков. Звуковые системы современных тюркских языков очень близки, однако они развивались неравномерно, и каждая система претерпела преобразования, не тождественные с перестройкой другой системы (тут играли роль как внешние, так и внутренние факторы развития звуковой системы каждого конкретного языка, а в ряде случаев и группы языков).

Так, в туркменском и якутском языках²¹ наличествует противопоставление долгих и кратких гласных корневого слога, видимо, утраченное большинством тюркских языков.

Сопоставление чувашских данных с туркмено-якутскими позволяет установить, что чувашское сочетание *əva* в словах типа *kəvak* «синий» (в говорах дифтонг *oa*) является рефлексом первоначального долгого *ō*.

Благодаря сравнению с другими тюркскими языками выясняется, что в случаях *šna* «муха», *šnər* «жила» и т.д. мы имеем **s* > *š* перед *i* (туркм. *šinek*, тур. *sinir*).

Соответствие чувашского *r* (в словах типа *ura* «нога») тувинскому *d*, сарыгюгурскому и хакасскому *z* позволяет восстановить древнечувашский *δ* в качестве источника современного *r*.

Татарская и башкирская система вокализма, где, как известно, общетюркский ряд широких *o, ö, ä* дал *u, ü, i*, а общетюркский ряд узких *u, ü, i, i* дал *ö, õ, ä, ə*, помогает реконструировать систему чувашских гласных XI–XIII вв.

Азербайджанские *ä* и *e* и туркменские *ä, e, ĩ*, обычно привлекаются для объяснения двоякого рефлекса

²⁰ Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык; его же. Чувашские словари XVIII века.

²¹ «Первичные» долготы обнаружены в ряде других тюркских языков и диалектов.

общетюркского *e* в чувашском: *a* и *i* (*ar* «мужчина», *piläk* «талия») и т.д.

Таким образом, реконструкция на основе сравнения данных родственных языков – пока, пожалуй, самый действенный способ воссоздания истории младописьменных языков, к числу которых принадлежит и чувашский.

Диалекты²²

Одним из важных источников при изучении истории фонетической системы чувашского языка являются диалекты²³.

Так, например, данные чувашских верховых говоров, в звуковой системе которых содержатся *ö* и *õ*, позволяют выяснить историю литературных *ä* и *ə*:

туркм. *būd*, як. *mūs*, тат. *böz* «лед» ~ чув. моргауш. *pör*, чув. лит. *pär*;

туркм. *šüt*, як. *ūt*, тат. *söt* «молоко» ~ чув. моргауш. *söt*, чув. лит. *sət*. Следовательно, чувашские *ä* и *ə* в ряде случаев (там, где в верховых говорах представлены *ö* и *õ*) восходят к общетюркским губным *u* и *ü*.

Верховой *o* обычно соответствует литературному (низовому) *u* в словах, тюркские соответствия которых имеют *a*: *omla* ~ *umla* «яблоко» ~ общетюрк. *alma*, *olttā* ~ *ulttā* «шесть» ~ общетюрк. *altı* и т.д.

На основании этого соответствия исследователи уже давно пришли к заключению, что общетюрк. *a* (*a^o*) > *u*, вероятно, совершилось через стадию *o*, т.е. *a^o* > *o* > *o* > *u*²⁴. Гласный *o* встречается в средних (переходных) говорах²⁵.

²² Классификации чувашских диалектов и говоров и их характеристику можно найти: *Ашмарин Н.И.* Материалы...; *Егоров В.Г.* Совр. чув. лит. язык; Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1, 2; *Канюкова А.С.* Чувашская диалектология.

²³ Большинство диалектологов выделяет верховой (окающий) и низовой (укающий) диалекты и так называемые переходные говоры, в которых наблюдаются черты обоих диалектов. Низовой диалект лег в основу чувашского литературного языка.

²⁴ См., например: Матер. по чуваш. диалектологии. Вып. 1. С. 38.

²⁵ Матер. по чуваш. диалектологии. Вып. 2. С.123.

Наблюдаемое в чувашских говорах чередование начальных $k \sim t$ позволяет объяснить соответствие чувашского t общетюркскому k , чув. *tip-* «сохнуть» ~ тат. *kip-*. А чередование $l \sim v$, которое зарегистрировано также в говорах коми и русского языков, привлекает внимание к ареальным явлениям в чувашской фонетике.

Чувашские заимствования в финно-угорских языках

В финно-угорских языках Волго-Камья: марийском²⁶, мордовских²⁷ и пермских²⁸ — много лексических заимствований из чувашского языка. Эти заимствования нередко сохраняют фонетические архаизмы. Последние помогают хронологизировать фонетические изменения.

Так, в коми-языке имеются слова *кан* «царь» и *чарла* «серп», представленные в современном чувашском как *xun* и *šurla*. Эти слова иллюстрируют исходную стадию $a^o > o > u$, и, кроме того, служат ориентиром для хронологизации этого процесса.

Марийские слова *он* «грудь», *канаш* «совет» и т.д., происходящие из чувашского языка, позволяют восстановить в системе чувашских согласных η , выступающий в современном языке как m и n (*um* «перед», *kanaš* «совет»).

Мордовские *сюконамс* «поклониться» и *сирек*, *сирть* «ильм» важны для датировки чувашского $\check{j} > \acute{z} > \acute{s}$, так как предполагают, что эти слова попали в мордовский язык до XVIII в.²⁹

Особое значение для восстановления истории звуков чувашского языка имеют так называемые «древнечувашские»³⁰ заимствования венгерского языка.

Заимствования, до сих пор квалифицируемые как «древнечувашские», вернее заимствования чувашского типа, фонетически неоднородны. Поэтому не случайно возник вопрос о группе языков (или о двух языках),

²⁶ Räsänen M. (2); Beke Ö. (1, 2); Федотов М.Р. [25].

²⁷ Paasonen H.

²⁸ Wichmann Y.

²⁹ Paasonen H.

³⁰ Budenz J. (2), Gombocz Z. (1), Bárczi G.

близких к чувашскому, которые могли быть источником данных заимствований³¹.

Как бы то ни было, «чувашизмы» венгерского языка — пока что самый значительный памятник, отражающий фонетическое состояние языков чувашского типа в период V—IX вв. н.э.³²

Памятники болгарского языка

Чувашский язык обычно включают в одну группу с языком болгарским³³. Об особенностях последнего мы можем судить по заимствованиям в языках других систем³⁴, по собственным именам и титулатуре³⁵.

Наиболее ярко фонетические особенности болгарского языка отразились в эпиграфических памятниках волжских болгар (эпитафиях), датируемых XIII—XIV вв.³⁶, и славяно-болгарском именнике, донесшем до нас диалект дунайских болгар VIII в.³⁷

Несмотря на то, что эпитафии волжских болгар очень давно привлекли внимание исследователей и их язык был признан очень близким к современному чувашскому языку, мы до сих пор не располагаем полным словарем³⁸ этих памятников и критическим их изданием с указанием имеющихся разночтений.

При чтении эпитафий у исследователей можно было наблюдать две тенденции. Первая — стремление несколько

³¹ *Bárczi G.*, с. 71; *Ligeti L.* (1), с. 40.

³² При этом следует учитывать, что, по мнению ряда специалистов (ср. ВЯ. 6. 1963. с.130—131), венгры контактировали не только с волжскими булгарами, а и с булгарами Юго-Восточной Европы (местность к северу от Кавказа).

³³ См.: *Рясянен М.* (5), с. 23; *Самойлович А.*, с. 14 и т.д.

³⁴ Угро-финских и славянских.

³⁵ См.: *Fundamenta*, с. 687—688, *Баскаков Н.А.* (2), с.108.

³⁶ Библиографию см. в книге *Г.В. Юсупова* «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику», с. 7—18. Кроме того, можно назвать статьи *О. Прицака* в УАЯб.

³⁷ Библиографию см.: *Fundamenta*. С. 687—691; *Pritsak O.* (2).

³⁸ У *Г.В. Юсупова* есть довольно полный перечень слов, но они не транскрибированы.

осовременивать фонетику памятников, т.е. читать текст по-чувашски³⁹. Если учесть, что «чувашизмы (булгаризмы)» в эпитафиях XIII–XIV вв., скорее, представляли известный архаизм и что фонетический строй чувашского языка за последующие пять столетий претерпел существенные изменения, такое стремление к модернизации языка эпитафий кажется нам неоправданным. Другая тенденция проявилась в «переоценке» возможностей арабского шрифта. Безусловно, не все фонетические особенности болгарского языка могли быть отражены с помощью арабского алфавита. Насколько нам известно, до сих пор болгарские эпитафии не изучались с этой точки зрения.

Не пытаясь решить эту задачу, мы все-таки сопоставим графические варианты некоторых болгарских слов⁴⁰ с реконструированными древнечувашскими формами и выскажем некоторые соображения о болгарской фонетике.

بلش «пять», بلنج «пяты́й» *bel, *bielim, чув. piläk < *bël, як. biäs, азерб. bēš;

جيت «седьмой», جيات «жиа́», جياج «жиа́», جتى «семь», جيات «жиа́», *jeti, *jet, *jiet, чув. síččä, síjə < *jēti, як. sättä, азерб. jēddi;

جيرمش «жирмеш», جيرميش «жирмеш», جيرم «жирм», جيرم «жирм», *jerim, jierim «двадцать», جيرميش «двадцатый» чув. širəm < *jērim, азерб. ijirmi, тув. čērbi;

تواتم «тватэм», *tvätim, *tüätim «четвертый», чув. tāvat < *tāvät < tōrt, туркм. dōrt, як. tüört;

وان «ван», *van, vn «десять», وانم «ваным», чув. von, vun < *van, туркм. ōn, як. uon;

كون «кун», *kūn, *kvän, *kūn «день», чув. kun, туркм. gūn, як. kūn;

جال «жал», *jal, чув. sul, sol < *jal, туркм. jāš «возраст»;

ايح «айх», *ajix, чув. ujəx, ojəx < *ajik, туркм. āj;

³⁹ Это отчасти проявилось в работах Н.Ф. Катанова (ср. мнение С.Е. Малова об оканье в эпитафиях) и Н.И. Ашмарина.

⁴⁰ Они взяты из названной работы Г.В. Юсупова и статей С.Е. Малова.

الط ‘الط’ «шесть» *altī الطش *altīš «шестой», чув. *ulttā*, *olttā*, *ult*, *olt* < *altī, туркм. *altī*;

طحور ‘طحر’ «девять» *tāxur, чув. *tāxxār* < *toqur;
سكر «восемь» *sākər, чув. *sakkār* < *säkir;

وطر ‘وطر’ «тридцать» *vutār, чув. *vādār* < *vutār, < *otur;
وجم ‘وجم’ «третий» *vūjim, وج *vüč, *vič «три», чув. *viššā*, *viš* < *vič, *vüč < *üč ;

اول ‘اول’ «сын» *ul, *āvāl чув. *ul*, *ivāl*, *āvāl* < *oγul;

خرح «сорок» *xārx, чув. *xərəx* < *qiriq < qirq;

جور «сто» *jūr, чув. *šər* < *jūr;

هير ‘هير’ «девушка» *xir, чув. *xər* < *xir < *qür;

هيرجوم «наложница» *xīrxum, чув. *xārxām*.

Язык волжских болгар был еще *a*-диалектом (وان ‘ايح’ ‘جال).

Долгие губные гласные *o*, *ö* представлены в нем как *va* < *ua*, *vā* < *üā* (وان ‘تواتم’), краткие анлаутные губные *o*, *ü* дали *vu*, *vi* (وجم ‘وطر’), *é u ē* > *ie* (بيالم ‘جيات’); *ī* > *ī* (هير), в двухсложных словах встречались гласные неполного образования (طحور) < *tāxur* «девять», *xārx* «сорок».

Диалект волжских болгар был, вероятно, *j*-диалектом (جور ‘جال’) ⁴¹ *κ* > *x* в анлауте и ауслауте (هير ‘ايح’ ‘خرح’); *rt* > *t* (تواتم), *γ* > *v* (اول). В болгарских эпитафиях графически представлено противопоставление мягких и твердых согласных: ه خ ‘ت ط’.

Вокализм и консонантизм диалекта дунайских болгар описан О. Прицаком ⁴² главным образом на основе данных именника болгарских князей ⁴³.

⁴¹ Хотя возможно, что *j* служил для передачи спиранта (шипящего или свистящего).

⁴² Мы не затрагиваем здесь вопроса о том, насколько методически правильно О. Прицак подошел к интерпретации текста Именника и не оцениваем его реконструкции, так как это увело бы нас в сторону от основной темы.

⁴³ Словарь именника содержит 18 (?) дунайско-болгарских слов, которые, в свою очередь, представляют реконструкцию, опирающуюся на славянский транскрипционный текст.

Вокализм первого слога выглядит следующим образом:

*a	*a ^o	*o (ǫ)
*ä	(~i)	*ö
*é	(~i)	*e < u
*i (ə в сочетании si)		*öü < ō
		*vā < ū

Диалект дунайских болгар был δ -языком (**Sila^om* «змея», *doxta^or*). В то же время О. Прицак отмечает, что анлаутный *y ž > дун. б. *š или ž (диалектальное явление (?).— Л.Л.).

Для дунайско-болгарского О. Прицак принимает *si и *sī > sǝ, sǝ. Интересно также двойное замещение ауслатного *n (n и m)⁴⁴.

Естественно, что скудость фактического материала, послужившего основой для реконструкции, а также то, что он дошел до нас в трансформированном виде (арабская графика болгарских эпитафий, славянская транскрипция именника, греческая транскрипция надписей и глосс)⁴⁵, заставляют относиться к нему как к источнику наших суждений о языке болгар с осторожностью.

Булгарские заимствования в старославянском и древнерусском языках⁴⁶

Мы не смогли воспользоваться этим источником, так как не имеем славистической подготовки. Ценность этих реликтов⁴⁷ для исторической фонетики чувашского языка не подлежит никакому сомнению [26]. К сожалению, мы до сих пор не располагаем глоссарием предполагаемых булгаризмов (например, древнерусских).

⁴⁴ Более подробно см. в ук. соч. О. Прицака.

⁴⁵ Правда, транскрипционные тексты имеют и известные преимущества.

⁴⁶ Ценный материал могут дать также болгарская (в широком смысле) топонимика и чувашская ономастика. Последняя пока ждет своего исследователя.

⁴⁷ См., например: Селищев А.М. Старославянский язык. § 12. Тюркские слова в старославянских памятниках.

Нельзя игнорировать и чувашские заимствования в русских народных говорах, внимание к которым привлёк М. Рясянен⁴⁸.

Отношение чувашского языка к другим тюркским языкам

Сторонники генетического родства алтайских языков полагают, что чувашский язык принадлежал вместе с общетюркским (языковым состоянием, восстанавливаемым на основе всех тюркских языков, кроме чувашского) к предтюркской (гуннской (?)) общности⁴⁹. Основанием для такого заключения являлось главным образом то, что чувашский в отличие от остальных тюркских языков является *l*- и *r*-языком. Иными словами, по мнению этих алтаистов, *l* и *r* состояние было исходным по отношению к *š* и *z* состоянию, которое представлено большинством тюркских языков.

Однако такие исследователи, как М. Рясянен, Й. Бенцинг, А.М. Щербак [27], считают возможным рассматривать чувашский язык наравне с другими тюркскими языками и интерпретировать его звуковую систему, отталкиваясь от общетюркского состояния. Этим, конечно, не снимается вопрос о соотношении *r* (*l*) и *z* (*š*) тюркских языков, но и не предопределяется, как у ортодоксальных алтаистов, его единственное решение.

Вполне возможно, что после создания чувашской исторической грамматики и тотального изучения чувашской лексики вопрос о месте чувашского языка среди других тюркских языков и диалектов придется несколько пересмотреть. Но в настоящее время общетюркский характер чувашского языка не вызывает у нас сомнения. Многие изменения его звукового строя, на что уже указывалось

⁴⁸ Например, чувашизмы, отмеченные в словаре *В. Даля*.

⁴⁹ Что касается гуннско-чувашских языковых отношений, нам кажется преждевременным делать в этом плане какие-нибудь далеко идущие заключения. Мы целиком согласны с проф. Л. Лигети, что древнечувашский характер гуннского языка – это лишь гипотеза (см.: с. 95–96; MNy. LVI. 3. с. 290). Ср. также *G. Doerfer*.

исследователями, представляют собой инновации. В системе словоизменения и словообразования отступления от общетюркского типа в общем тоже незначительны и являются результатом длительного, изолированного по отношению к другим тюркским языкам развития (при этом не без влияния типологически близких финно-угорских языков)⁵⁰.

Что касается лексики, то нам кажется бесполезным привести здесь некоторые чувашско-общетюркские параллели, которые позволяют лучше проиллюстрировать отношение чувашского к другим тюркским языкам.

Для сравнения нами избраны следующие группы слов⁵¹:

- а) названия деревьев;
- б) названия диких животных⁵²;
- в) названия некоторых промысловых птиц;
- г) названия рыб;
- д) названия частей тела;
- е) названия чисел.

I

чув. *xurǎn* «береза» ~ тур. *kajın*, туркм. *gajij*, кум. ног., балк. *qajin*, тат., башк. *qajǎn*, каз., ккал., кир., алт. *qajij*, узб. *qajin*, уйг. *qejin*, хак. *xazij*, тув. *xadij*, як. *xatij*;

чув. *juman* «дуб» ~ кум., ног., балк., каз., ккал., кир. *emen*, узб., уйг. *emän*, алт. *ermen*;

⁵⁰ См. об этом: *Серебренников Б.А.* (3, 7, 8)

⁵¹ Широкие сопоставления чувашских слов уже проводились проф. *В.Г. Егоровым* в его книге: «Современный чувашский литературный язык», но их целью была констатация тождества чувашского слова с соответствующим тюркским. Ареал слова не очерчивался.

При наших сравнениях не учитываются такие факты, как:

а) возможные межтюркские заимствования;

б) вероятное несовпадение границ распространения растений и животных в настоящее время и в период «общетюркской общности» (последнее обстоятельство могло привести к исчезновению, архаизации или переосмыслению названий);

в) роль запретов в развитии охотничьей терминологии (например, чув. *uba* «медведь» < **aba* «отец»).

Фактический материал почерпнут из национально-русских и русско-национальных словарей. Диалектологические источники не используются.

⁵² См. очень интересную работу *А.М. Щербака* «Названия домашних и диких животных в тюркских языках» в книге «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961. С. 82–172.

чув. *tirek* «тополь» ~ туркм. *derek*, ног., каз., ккал., кир., алт. *terek*, тат., баш. *tiräk*, узб., уйг. *teräk*, хак. *tirek*, як. *tirex*;
 чув. *xäva* «ива, куст» ~ тат. *quaq* «куст», баш. *qäwaq*, тур. *kavak* «тополь», азер. *govag* «тополь», тув. *xäq* «мелкий тальник»;
 чув. *šäga* «липа» ~ кум. *jöge*, ног. *jöke*, каз. *žöke*, тат., баш. *jükä*, з.с.г. *jügä*, азер. *čökä*;
 чув. *kavräs*, *karäs* «ясень» ~ кум. *güjriüç*, ног. *küjriš*, тат. *qöräç*, баш. *qörös*, азер. *göjriüš*, ср. венгер. *kórisfa* «ясень»;
 чув. *äväs*⁵³, *vus*, *vīs*, *us* «осина» ~ тат. *usaq*, баш. *uđaq*, з.с.г. *auśaq*, алт. *aspaq*, хак. *os*,
 чув. *xir*⁵⁴, *xirä* «сосна» ~ хак. кач. *xara*, *xazī*, тув. *xadī*, ср. як. *xatī* «всякое остистое колючее растение»;
 чув. *širäk* «ольха» (< тат.?)⁵⁵ ~ тат. *ziräk*, баш. *järäk*, з.с.г. *jöräk*, ср. узб. *zirk* «барбарис»;
 чув. *čäräš*, *čärzä* «ель» (< тат.?) ~ тат. *čäršä*, баш. *šäršä*, каз., ног. *širši*, ккал. *širša*;
 чув. диал. *parat* «сосна» (< тат.?) ~ тат., балк., кум. *parat*, ср. монг. *нарс (ан)* «сосна»;
 чув. *värene* «клен» (< тат.?) ~ тат. *örängä*, уйг. *ürängi*;
 чув. *xurama* «вяз» (< тат.?) ~ тат., баш. *qarama* (из чувашского это слово попало в удмуртский: *куромо*);
 чув. *palan* «калина» (< тат.?) ~ тат., баш., уйг. *balan*, алт. *ḡalan*;
 чув. *pileš* «рябина» (< тат.?) ~ тат., баш., *miläš*.

Из чувашских названий деревьев только *xurän* «береза» является общетюркским. Большинство слов этой категории сближает чувашский язык с кыпчакскими языками: *čäräš* «ель», *parat* «сосна», *šäga* «липа», *kavräs* «ясень», *juman* «дуб»⁵⁶.

Примечательны названия деревьев, совпадающие у чувашей и тюрков Сибири: *xir* «сосна», *äväs* «осина».

Наконец, среди слов-названий деревьев встречаются и вероятные татарские(?) заимствования: *xurama* «вяз», *palan* «калина», *pileš* «рябина».

⁵³ Возможно, < индоевропейского.

⁵⁴ Чув. *xir* нередко сопоставляют с коми-перм. *коз*, удм. *кыз*, мар. *кож*, фин. *кууси* «ель».

⁵⁵ Возможно и наоборот, так как татарское *z* могло появиться на месте чувашского *ž*.

⁵⁶ Ср. азер. и тур. *küknar* «ель», азер. *šat* «сосна», тур. *çam* «то же», азер. *palid ayağı* «дуб», тур. *meşe a'yağı* «то же».

чув. *uba* «медведь» ~ хак. *aba* «медведь» (собственно: «отец»);

чув. *tilä* «лиса» ~ туркм., тур., гаг. *tilki*, азерб., алт., кир., кум., ног. *tülkü*, тат., каз. *tölkä*, баш. *tölkö*, узб., уйг. *tülki*, хак. *tülgü*, тув. *dilgi*;

чув. *kujan* «заяц» (< тат., ср. *mulkač*) ~ тат., баш. *qujan*, алт. кир. *qojon*, каз., ккал., кум., ног., балк., турк., уйг. *qojan*, узб. *quja^on*, тув. *qojyın*, *qodan*, хак. *xozan*;

чув. *xändär* «бобр» ~ туркм. *gunduđ* «выдра», азерб. *gunduz*, тат., каз. *qöndäz*, баш. *qöndöd*, кир., ккал., ног., узб., уйг. *qunduz*, тур. *kunduz*, алт. *qumdus*, тув. *qundus*, ср. хак. *xamnos*;

чув. *xäta* «бобр, соболев» ~ баш., тат., каз., уйг., ккал. *qata* «выдра»;

чув. *säzar* «куница» ~ тур. *sansar*, тат. *susar*, баш. *häwhar*, узб. *sawsar*, ккал. *suwsar*, кир. *sūsar*, алт. *sūzar*, уйг. *sösä(r)*;

чув. *jus* «горностай» ~ тур., тат., кир., хак. *as*, балк. *agas* < *aq as* «горностай, ласка», баш. *ađ*;

чув. *šüleväs* «рысь» ~ тат. *säläwčän*, баш. *hələwhən*, каз. *silewsən*, узб. *siläwčän*, кум. *silewsün*, *selewčän*, кир. *sülösün*, алт. *šülüzin*, ср. мон. *šülüse(n)*;

чув. *käš* «соболев» ~ тат., баш. *käš*, кум., узб. кир., алт., тув. *kiš*, ног. *kis*, як. *kīs*;

чув. *kaškär* «волк» ~ каз., ккал., ног., разг. *qasqir*, узб. *qašqir*, кир. *qarišqir*;

чув. *arlan* «хомяк» ~ баш. диал., з.с.г. *irlän* «хомяк», тат. *ärlän*, ног. *erlen* «суслик», алт. *erlen* «крыса», ср. каз. *arlan* «самец», баш. *arđan* «кобев», туркм. *arlanjüt* «суслик»;

чув. *sävär* «сурок» ~ тат. *suwär*, баш. *hävär* «байбак, сурок, тарбаган», каз. *söwir*, узб., уйг. *suçur*, кир. *sür* «сурок», сюг. *sivir* «крот»;

чув. диал. *jätman* «суслик» (< тат.(?) ~ тат., баш. *jötman*, уйг. *jumran*, узб. *jumra^onqa^oziq*, балк. *juburan*;

чув. *pälän* «олень» ~ тат., баш., каз. *bölan* «олень», алт., тув. *hulan* «лось», хак. *pulan* «лось», ног., кир. *bulan* «вид газели», узб. фольк. *bula^on* «дикая лошадь»;

чув. *šaškä* «норка» ~ тат., баш. *šäškä*;

чув. *ječce jus* «ласка» ~ тат. *lätcä*, баш. *jätsä*, узб. *lätcä*;

⁵⁷ Интересные данные о чувашских названиях диких животных содержатся в статье В.Г. Егорова «Чувашские словари XVIII века», с. 138–139.

чув. *pāži* «люсь» ~ тат. *pāši*, баш. *māšā*, ср. удм. *пужей* «олень»;
чув. *jābar* «выхухоль» ~ баш. *jōfar*, тат. *jōfar*.

Общетюркскими являются чувашские названия лисы (*tila*) и бобра (*xāndār*). Многие названия диких животных объединяют чувашский язык с тюркскими языками северо-западной, юго-восточной и северо-восточной (по А.Н. Самойловичу) групп: *sāzar* «куница», *süleväs* «рысь» (< монгольского(?)), *kāš* «соболь», *pālan* «олень», *jus* «горноста́й».

К чувашско-кыпчакским⁵⁸ соответствиям можно причислить названия волка (*kaškār*), сурка (*sāvār*), суслика (*jāmran*). Чувашские *ječče* «ласка» и *jābar* «выхухоль», вероятно, пришли из татарского языка.

Чувашское слово *mulgač* «заяц», по мнению В.Г. Егорова, заимствовано от удмуртов: удм. *му* «земля» + *лудкеч* «заяц-русак»⁵⁹.

Интересно, что в удмуртский язык в свою очередь попало чувашское слово *pāzara* «хорек»⁶⁰ < *pāzar-* «пускать ветры». Это удмуртское *бызара* обозначает суслика.

Чувашское название барсука *purāš*, диал. *pārāš* соотносится с тур. *porsuk*, *pörsük*, азерб. *porsug*, тув. *morzuq*, уйг. *borsuq*, баш. *burhāq* и т.д.

Возможно, из древнечувашского заимствовано венгерское *borz* «барсук».

III

чув. *puđene* «перепел» ~ тат. *büđänä*, баш. *büđänä* туркм. *bedene*, каз., ног., кум., ккал. *böđene*, узб. *bedänä*, уйг. *böđine*, кир. *bödönö*, совр. монг. *büđne*;

чув. *āzan* «тетерев» ~ з.с.г. *ōsan* «тетерка», тат. бар. Рад. *uzan*;

чув. *pājār* «рябчик» ~ тат. *bōjār* «рябчик», ср. ног. и т.д. *bužir* «рябой».

Название перепела совпадает в большинстве тюркских языков (но ср. азерб. *bildirčün*, тур. *bildirčün*, хак. *puđurčün*, но чув. *pāldārjan* «трясогузка»).

Рябчик у многих тюркских народов именуется *čil* (азерб., тур., узб., уйг., кир. (серая куропатка), *säl* (баш.), *šäl*

⁵⁸ Ср. азерб. *gurd*, тур. *kurt*, туркм. *gürt* «волк» (во многих языках *böri* и т.д.), алт., тув., хак. *tarbaγan* «сурок», хак. *örke*, тув. *örye*, алт. *örkō* «суслик».

⁵⁹ *Кеч* – по-удмуртски «заяц», *луд* – «серый» (южн.) и «поле, полевой, дикий», ср. мар. *лудо* «серый», ср. коми *коч* «заяц».

⁶⁰ Сюда же мар. *пушара* «вонючка».

(каз.). В ногайском языке *šal* обозначает стрепета. Чувашское *päĵär* (и татарское *böĵär* «рябчик», «рябой»), вероятно, сравнительно новый охотничий термин, так как в рукописном «Словаре языка чувашского»⁶¹ отмечено слово *шули* «рябчик»⁶².

Узбеки, каракалпаки, казахи, башкиры и киргизы называют тетерева *qur* (*qör*) или *qaraqur*, у хакасов, алтайцев, татар и тувинцев названия тетерева тоже генетически близкие: хак. *kürkü*, алт. *kürtük*, тув. *kürtü*, тат. *körtläk* (ср. чув. *karäk* «тетерев, глухарь»).

IV

чув. *šubaх* «лещ» ~ тур. *çapak balık*, ккал. *šabaq*, азерб. *çapağ* «лещ», туркм. ёмуд. *çapaq* «вобла», баш. *sabaq* «плотва», кир. *čabaq* «всякая мелкая рыба», ср. тув. *šabağa* «мелкая рыба»;

чув. *čabak* «плотва» < тат. *čabaq* «плотва, сорожка»;

чув. *šujän* «сом» ~ туркм. ёмуд. *jäjin*, каз. *žajin*, баш. *jäjän*, кир. *ĵajin*, тат. *ĵäjän*, кум. *jajin*;

чув. *šärttan* «щука» ~ туркм. *čortan*, кир. *čorton*, тат. *čurtan*, баш. *surtan*, хак. *sortan*, тув. *šortan*, як. *sordoŋ*;

чув. *šəgə* «стерлядь» ~ туркм. *čöke*, тат. *čögä*, баш. *sögä*;

чув. *äptä*, *äktä* «язь» ~ баш. *öptö*, тат. *öptä*, алт. конд. *upta*;

чув. *šäla* «судак» ~ баш. *häla*, ккал. *silä*, ср. туркм. ёмуд. *šile* «разновидность судака».

чув. диал. *kärman*, *xärban* «лещ» ~ тат., баш. *qörban*;

чув. *ševrik*, *sevräk* «севрюга» ~ туркм. *šüjrik* «севрюга», з.с.г. *söjräk* «осетр» (см. Дмитриев Н.К. Строй. С. 562);

чув. *iraš pätri* «пескарь» ~ хак. саг. *pidro*;

чув. *pardas* «язь» ~ тат. *bärtäs*, мар. *parđaš*;

чув. *šamba* «налим» ~ баш. *šambä* (ср. тат. *žumba*, мар. *šamba*, ср. мар. *mokšänčö* «налим»);

чув. *kudam* «голавль», чув. диал. *kudan* «пескарь, ерш» ~ мар. *kotoma* «форель», мар. горн. *kadama* «пескарь» (ср. чув. *küdeme* «хариус»);

чув. *kärdäš* «ерш» ~ мар. *käräš*⁶³ (ср. тат. *järtäš* «ерш»);

⁶¹ Егоров В.Г. (2), с. 128.

⁶² В словаре Н.И. Ашмарина (вып. XVII) *шули* «название птицы», *шулли* «жулик».

Ср. удм. *сяла* «рябчик», *сибыр сяла* «куропатка», *сялбер* «рябчик», коми *сьола* «рябчик».

⁶³ Но мар. *pijolänge* «ерш».

чув. *ulangā* «окунь» < *ula* + *ngā* ~ мар. *olānge*, гор. *alānge*⁶⁴, ср. общетюрк. *alabuḡa* «окунь» < *ala* «пестрый» + *buḡa* «бык», монг. *alagana* «окунь» < *ala* + *gana* (ср. совр. монг. *xulgana* «мышь», *xargana* «карагана — назв. растения», *batgana* «муха» и т.д.).

Линь по-чувашски *xura karas*, досл. «черный карась», ср. каз., баш., тат. *qara balāq* «линь» (досл. (?) «черная рыба» и мар. *šemgol* < *šem kol* «черная рыба» (в марийском есть и другое слово *tóto* «линь»).

Из чувашских названий рыб только *šubax* «лещ», *šujān* «сом», *šärttan* «щука» можно считать общетюркскими.

Примечательными являются чувашско-марийские параллели (при этом те же названия в ряде случаев встречаются у татар и башкир): *pardas* «язь», *šamba* «налим», *kudan* «голавль», *kārdāš* «ерш».

V

чув. *puś* «голова» ~ туркм., тур., азер., гаг., балк., кум., тат., баш., кир., алт., уйг. *baš*, узб. *baʻš*, караим., ног., каз., ккал., як. *bas*, алт., тув. *ħaš*;

чув. *tübe* «макушка» ~ туркм. *depe*, тур. *tepe*, азер. *tüpä*, караим. *töb'a*, балк. *töppe*, кум., ног., каз., ккал. *töbe*, тат., баш. *tübä*, кир., алт., як. *töbö*, узб. *töpä*, уйг. *töpe*;

чув. *әнзе* «затылок» ~ туркм. *jeñde*, тур. *ense*, ккал. *jeñse*, ног. *ense* «часть спины между лопатками», *jeñsä* «загривок» (кир. *ense* «сила»);

чув. *pit* «лицо» ~ караим., балк., кум., ног., каз., ккал., кир., узб. *bet*, тат., баш. *bit*, уйг. *bät*, з.с.г. *pit* «лицо, щека»;

чув. *šāvar* «рот» ~ туркм. *аγид*, тур., гаг. *āz*, азер., уйг. *аγиз*, караим. *awuz*, балк. *auz*, ног., каз., ккал. *awiz*, тат. *awāz*, баш. *awāḍ*, кир. *ōz*, алт. *ōs*, хак., тув. *ās*, як. *uos*, узб. *aʻyiz*, сюг. *ayis*;

чув. диал. *čārej* «лицо, щека» ~ караим., з.с.г. *čiraj*, кум., тат., кир., алт. *čiraj*, ног., каз., ккал., тув. *širaj*, узб. *čiraʻj*, уйг. *čiraj*, як. *sirej*;

чув. *tuda* «губа» ~ туркм. *dōdaq*, тур., гаг. *dudak*, азер. *dodag*;

чув. *čāļe* «язык» ~ туркм., тур., азер., гаг. *dil*, караим., балк., кум., ног., ккал., кир., алт., узб., уйг. *til*, тат., баш., каз., хак. *təl*, тув. *ḡil*, як., лоб. *tīl*;

⁶⁴ Суффикс *аңге* со значением «названия животных и растений»: *koršaңge* «репейник», *koršaңge* «насекомое жук», *vāčāraңge* «плющ» и т.д.

чув. *ana* «подбородок» ~ туркм. *eŋek*, тур. *enek*, азерб. *änk*, ног., ккал. *ijek*, тат., узб. *ijäk*, баш. *äjäk*, каз. *äjek*, кир., алт. *ĕk*, хак. *ek*, як. *señä*, узб. *eñäk*, уйг. *iñäk*, сюг. *iñek*, з.с.г. *ejek*.

чув. *suŋa* «жабры» ~ тур. *sakak* «двойной подбородок», лоб. *saqaq* «жабры», ног. *saŋŋaq* «жабры», тат. *sanaq*;

чув. *azav* «КЛЫК» ~ туркм. *adï*, тур., аз. *azi*, караим., балк., тат. *azaw*, баш. *adaw*, ккал. *aziw*, кир. *azū*, алт. *azu*, хак., сюг. *aziŋ*, тув. *aziŋ*, узб. *a^oziq*;

чув. *xärbäk*⁶⁵ «ресницы» ~ туркм., тур., азерб., гаг., караим., балк., ног., ккал., кир., уйг. *kirpik*, тат. *kärfäk*, баш., каз. *kärfäk*, алт., тув. *kirbik*, хак. *kärbäk*, узб. *kiprik*;

чув. *xälyä* «УХО» ~ туркм. *gulaq*, тур., гаг. *kulak*, азерб. *gulag*, балк., кум., ног., ккал., кир., алт., тув., уйг., сюг., лоб. *qulaq*, тат., баш., каз. *qölaq*, хак. *xulax*, як. *kulyäx*, узб. *qula^oq*, уйг. хот., сюг. *qolaq*;

чув. *mäj*, *mij*, *lob* «шея» ~ туркм., тур., азерб., караим., балк., кум., уйг., лоб. *bojun* «шея», гаг. *bojni*, ног., каз., ккал., алт., хак. *mojin* тат., баш. *mujän*, кир., тув. *mojun*, як. *moj*, узб. *bojun*;

чув. *pür* «горло, глотка, гортань» ~ туркм. *boğad*, тур. *bo'az*, азерб., караим., ног. *boğaz*, гаг. *buaz*, ног., тат. *buğaz*, баш. *böğad*, узб. *boğiz*, уйг., лоб. *boğuz*;

чув. *pü* «рост, тело, туловище, стан» ~ туркм., тур., азерб., караим., ног., каз., ккал., кир., уйг., лоб. *boj*, алт. *höj*, тат., баш. *buj*, хак. *pos*, тув. *hot*, узб. *boj*, сюг. *poz*;

чув. *üt* «тело, мясо»⁶⁶ ~ туркм., тур., караим., балк., кум., ног., каз., ккал., кир., алт., узб., уйг., сюг., як. *et*, азерб. *ät*, гаг., сюг. *jet*, тат., баш., хак. *it*, тув. *e't*.

Ср. также чув. *pü-sän* «тело, стан», *üt-pü* «туловище, тело» и, например, баш. *buj-hän* «фигура, телосложение», тув. *e't-hot* «тело».

чув. *kägär* «грудь» ~ туркм. *göwüŋ*, тур. *göjüs*, азерб., сюг. *köküs*, гаг. *güs*, караим. *kökis*, алт., як. *kögüs*, хак. *köğas*, узб. *köks*, уйг. *köksi*, лоб. *köküz*;

чув. диал. *tüš* «грудь, грудинка» ~ туркм. *döš*, тур., азерб. *döš*, караим., балк., кум., кир., уйг., лоб., алт., тув.

⁶⁵ В чувашском ожидалась бы *kärbäk* или *kärbäk*, быть может, контаминация с чув. *xärbu* «околыш, оторочка», ср. чув. диал. *xärbax*, *xärbu*, *xärbäk* «ресница».

⁶⁶ В чувашском *üt* «тело, мясо» ~ общетюрк. *et*; *ü*, возможно, появилось из *i* в сочетании *üt-pü* «туловище, тело».

töš, тат., баш. *tüš*, ног., каз., ккал., хак., сюг. *tös*, як. *tüös*, узб. *tqš*;

чув. диал. *anbušsi* «плечо» ~ кум. *inbaš*, балк. *umbaš*, тат., баш. *iḡbaš*;

чув. *xulbušsi* «плечо» ~ тат., баш. *qulbaš*, з.с.г. *qulpaš*;

чув. *šurəm* «спина» ~ туркм. *jaḡirin*, караим., кум. *jawrun*, балк. *žaurun*, ног. *jawirin*, баш., з.с.г. *jawrən*, каз. *žawriin*, ккал. *zawirin*, кир. *ḡōrun*, алт. *d'arin*, хак., тув. *čarin*, як. *sarin*, узб. *jayrin* «плечо, лопатка, спина»;

чув. *xirəm* «желудок, живот» ~ туркм, азер. *garin*, тур., гаг. *karin*, балк., кум., ног., тат., баш., каз., ккал., кир., алт., сюг. *qarin*, хак., як. *xarin*, тув. *xirin*, узб. *qa^orin*, уйг. *qerin*;

чув. *kuṭ* «зад, ягодица» ~ тур., гаг. *göt*, каз., кир., уйг. хам. *köt*;

чув. *iza* «крестцовая область»⁶⁷ ~ туркм. *ūḡa*, тур., сюг. *uḡa*, ног. *uša*, тат. *ōča*, баш. *ōsa*, кир., алт., хак., саг., сюг., лоб. *uča*, як. *uha*;

чув. *xis*, *xiza* «лобок, пах» ~ тур. *kasik*, туркм. *gaḡiq*, азер. *gasig*, тат. *qasəq*;

чув. *xiš* «задняя часть, послед» ~ тур., гаг. *kič* «задняя часть, зад», азер. *gič*;

чув. *pilək* «поясница» ~ туркм., як. *bil*, тур., азер., гаг., караим., кум., балк., ног., каз., ккал., кир., узб., лоб. *bel*, тат., баш. *bil*, хак. *pil*, алт., тув. *ḡel*, уйг. *bäl*, сюг. *pel*;

чув. *ipke* «легкие» ~ караим., кум., ног., ккал. *öpke*, тат., баш. *ipkä*, каз., хак., тув. *ökre*, кир. *öpkö*, алт. *ökpö*, узб. *opkä*, уйг. *öpkä*, сюг. *öpre*;

чув. *pəver* «печень» ~ туркм., азер., караим. *bayir*, тур. *ba'ir*, балк., кум., ног., тат., баш., каз., ккал. *bawur*, кир. *bōr*, алт. *ḡūr*, шор., хак. *pār*, тув. *ḡār*, як. *bīar*, узб. *bayir*, уйг. *beḡir*, сюг. *paḡir*;

чув. *püre* «почка» ~ туркм. *böwrek*, тур., гаг. *böbrek*, азер. *böjrək*, балк., кум., ног., каз., ккал. *büjrek*, балк. *bürek*, тат. *böjər*, баш. *böjör*, кир. *böjrök*, алт. *ḡörök*, хак. *pürek*, хак., саг. *pügürek*, тув. *ḡürek*, узб. *bujrak*, уйг. *böräk*;

чув. диал. *talak* «селезенка» ~ туркм. *dālaq*, тур., гаг. *dalak*, азер. *dalag*, караим., балк., кум., ног., тат., баш., каз., ккал. *talaq*, узб. *tala^oq*, уйг., лоб. *tal*, як. *tāl*;

чув. *sula* «селезенка» ~ М.К. *sulaq*;

⁶⁷ В слове *iza* скорее ожидалось бы *ž*, однако, *z* ~ *ž* (*s* ~ *š*) известно и в чувашских говорах.

чув. *šānār* «жила, сухожилие» ~ туркм., кум., ккал., узб. *siḡir*, тур., караим. *siḡir*, караим. *sinir*, ног., тат., каз. *səḡar*, баш. *həḡar*, хак., тув. *sīr*, як. *iḡir*;

чув. *tīmar* «жила, кровеносный сосуд, корень» ~ туркм., тур., азерб., гаг., караим. *damar*, балк., ног., каз., ккал., кир., алт., хак. *tamir*, тат., баш. *tamār*, кум. *tamur*, тув. *ḡamir*, як. *tīmīr*, уйг. *tomur*;

чув. *kāmārʹak* «хрящ» ~ туркм. *gemirček*, тат. *kimərčäk*, баш. *kimərsäk*, ккал. *kemiršek*, кир., алт. *kemirček*, узб. *kemirčäk*, тур. *kemirčik*, ног. *kemiršik*;

чув. *mīme* «мозг» ~ туркм. *bejni*, тур., азерб. *bejin*, караим., кум., ккал. *mij*, балк. *miji*, балк. *mijī*, ног., каз. *mij*, тат. *mī*, баш. *māḡ*, кир., алт., тув. *mē*, хак. *mī*, як. *mejī*, *mejī*, узб. *mijä*, уйг. *mijä*, *māḡä*, лоб. *megä*, з.с.г. *mōjä*;

чув. *šēmā* «кость» ~ туркм. *šūḡk*, азерб. *süümük*, караим. *sivek*, балк., кум., ног., каз., ккал. *süjek*, тат. *söjäk*, баш. *höjäk*, кир., алт., хак., тув. *sök*, узб. *sujak*, узб. *soḡak*, уйг. *söḡäk*, *süjäk*, сюг. *soḡuk*, сюг. *simiq*, лоб. *söḡök*;

чув. *xul* «рука (от кисти до плеча), плечо» ~ туркм., азерб. *gol*, тур., гаг., караим. *kol*, балк., кум., ног., каз., ккал., кир., алт., уйг., сюг., лоб. *qol*, тат., баш., сюг., лоб. *qul*, тув., хак. *xoḡ*, узб. *qoḡ*;

чув. *aḡ* «рука» ~ туркм., тур., гаг. *el*, азерб., уйг. *äl*, лоб., узб. *ilik*, уйг. хам. *ilik*, сюг. *elig*, як. *ilī*;

чув. *ura* «нога» ~ туркм., балк., кум., ног., тат., баш., каз., ккал., кир., уйг., з.с.г. *ajaq*, тур., гаг., караим. *ajak*, азерб. *ajag*, хак. *azaḡ*, шор., сюг. *azaq*, як. *ataḡ*, узб. *aʹjaʹq*;

чув. *čar* «колени» ~ туркм. *dāḡ*, тур., азерб., гаг. *diz*, караим., кум., ног., уйг., сюг., лоб. *tiz*, караим. *tüz*, *kiz*, тат. *təz*, баш. *təḡ*, хак. диал. *təs*, каз. *təze*, ккал. *dize*, кир., алт. *tize*, узб. *tizzä*;

чув. *čarḡe* «ноготь, коготь, копыто» ~ туркм. *dīnaq*, тур., гаг., караим. *tīrnak*, азерб. *dīrnag*, караим. *tīrnax*, балк., кум., ног., тат., баш., каз., ккал. *tīrnaq*, кир., алт., лоб. *tīrnaq*, хак. *tīrbax*, *tīryax*, тув. *ḡirbaq*, узб. *tirnaʹq*, сюг. *tirvaq*, як. *tijirax*;

чув. *pūrḡe* «палец» < **purḡe* (под влиянием модели *čarḡe*) < **burnak* < **barmaq* ~ туркм., балк., кум., ног., тат., баш., каз., ккал., кир., уйг. *barmaq*, тур., гаг., караим. *parmak*, *barmax*, азерб. *barmaq*, узб. *barmaʹq*;

чув. *paḡälʹjak*, диал. *paḡalʹjak* «шиколотка, лодыжка» ~ тат., баш., *bäkäl* «шиколотка, бабка», кир. *baḡalčaq*, уйг. *paḡalčäk*, ср. узб. *baḡalaʹq* «бабка»;

чув. *čäre* «сердце», возможно, представляет контаминацию **šäre* «сердце» ~ туркм., тур., гаг., кум., ног. *jürek*, азерб. *üräk*, караим. г. *jirek*, балк. *žürek*, тат. баш. *jöräk*, каз., ккал. *žürek*, кир. *jürök*, алт. *d'ürek*, хак., тув. *čürek*, як. *sürex*, узб. *jurak*, уйг. *jüräk*; и чув. *čärä* «живой» ~ общетюрк. *tirig*);

чув. *šäl* < **sil* туркм. *čiš*, тур. *şiş* и т.д. «острие, вертел» и **čal*: «зуб», ср. алт. *tiš* «зуб» (общетюрк. *tiš*, *diš*) и *tiš* «вертел».

чув. *kuś* (*koś*) «глаз» вряд ли следует отождествлять с общетюркским *köz*. Либо здесь представлено заимствование из какого-нибудь татарского говора, где *ü*→*ú*⁶⁸, либо производное от глагола *kur-* «видеть» *kurč* ~ *kurč* (ср. туркм. *görec* «зрачок»).

Таким образом, среди чувашских названий частей тела *puś* «голова», *tübe* «макушка», *ura* «нога», *xəly* «ухо», *xirəm* «живот, желудок», *pilək* «поясница», *šəvar* «рот», *šənər* «жила», *timar* «кровеносный сосуд», *ana* «подбородок», *pəver* «печень», *püre* «почка», *čəlye* «язык», *čər* «коллено», *pürne* «палец», *čərne* «ноготь», *mime* «мозг», *šurəm* «спина», *üt* «тело, мясо» являются общетюркскими.

Очень интересны огузско-чувашские параллели: *tuda* «губа», *xis* «лобок», *xiś* «задняя часть».

Такие слова как *pağəlĵak* «лодыжка», *tüś* «грудь», *čərej* «лицо, щека», *janax* «подбородок, челюсть», *azav*⁶⁹ «клык» по признакам *š*, *č*, *j*, *z* и *a* представляют заимствования из других тюркских языков.

Примечательны также чув. *səmza* «нос» ~ монг. *samsa(n)* «крылья носа», *šamga* «лоб» ~ мар. *šamga* «лоб», *ləpke* «темя» ~ мар. *lepke* «лоб», *allappi* «кисть» < *al* + *lappa* ~ мар. горн. *lapa* «кисть руки», показывающие на связь чувашского с другими языками.

VI

Чувашские имена числительные

<i>pəg</i> ,	<i>pəre</i> ,	<i>pərrə</i>	«один» (ср. туркм. <i>bir</i>)
<i>ik</i> ,	<i>igə</i> ,	<i>ikkə</i>	«два» (туркм. <i>ikki</i>)
<i>viś</i> ,	<i>vižə</i> ,	<i>viśśə</i>	«три» (туркм. <i>üç</i>)
<i>təvat</i> ,	<i>təvadə</i> ,	<i>təvattə</i>	«четыре» (туркм. <i>dört</i>)

⁶⁸ У Паасонена: тат. диал. *kuś*.

⁶⁹ В марийском языке отмечено *ora püj* «клык»; *ora*, возможно, < др. чув. **araγ*, ср. монг. *arā(n)* «корневой зуб».

<i>pilək</i> ,		<i>pillək</i>	«пять» (туркм. <i>bās</i>)
<i>ult</i> ,	<i>uldā</i> ,	<i>ulttā</i>	«шесть» (туркм. <i>alti</i>)
<i>śič</i> ,	<i>śijā</i> ,	<i>śiččā</i>	«семь» (туркм. <i>jedi</i>)
<i>sagār</i> ,		<i>sakkār</i>	«восемь» (туркм. <i>θekid</i>)
<i>tāγār</i> ,	<i>tāxxār</i>		«девять» (туркм. <i>doquđ</i>)
<i>vun</i> ,	<i>vunā</i> ,	<i>vunnā</i>	«десять» (туркм. <i>ōn</i>)
<i>širem</i>			«двадцать» (туркм. <i>jigirmi</i>)
<i>vāđār</i>			«тридцать» (туркм. <i>otuđ</i>)
<i>xərəx</i>			«сорок» (туркм. <i>qırq</i>)
<i>al</i> ,	<i>alā</i> ,	<i>allā</i>	«пятьдесят» (туркм. <i>elli</i>)
<i>utmāl</i>			«шестьдесят» (туркм. <i>almiš</i>)
<i>šitmāl</i>			«семьдесят» (туркм. <i>jetmiš</i>)
<i>šər</i>			«сто» (туркм. <i>jüđ</i>)
<i>pın</i>			«тысяча» (туркм. <i>müj</i>)

являются общетюркскими.

Для того, чтобы лучше представить себе возможные чувашско-тюркские языковые контакты (хронологически и территориально), мы предлагаем также несколько эскизов – параллельных явлений (в лексике и фонетике) чувашского и некоторых из тюркских языков. Нам думается, что более полное выявление таких параллелей в будущем окажется не бесполезным для выяснения генезиса и формирования чувашского языка, а косвенным путем и его носителей⁷⁰.

Чувашский язык и языки Северного Кавказа

Чувашско-кыпчакские параллели

Для истории чувашского языка небезынтересны чувашско-(булгарско)-осетинские лексические параллели⁷¹.

чув. *kavrāś* «ясень» ~ осет. *kærz*, *kærzæ*;

чув. *agar* «борзая»⁷² ~ осет. *jegar*;

⁷⁰ Было бы очень интересно отметить чувашско-огузские параллелизмы. В словоизменении (система склонения и т.д.) эта задача частично выполнена *N. Poppe*.

⁷¹ *Абаев В.И.* (2), с. 35 (о слове *сухт*); *он же*: Историко-этимологический словарь осетинского языка, 1.

⁷² Слово распространено в славянских и угро-финских языках.

чув. *čãgãt* «сыр» ~ осет. *сyxт, ciğd*;

чув. *šava* «коса» ~ осет. *сæвæг*;

чув. **ʃeken* (удм. *šakan*, венг. *gyékény*) «тростник, камыш, рогоз» ~ осет. *jegen, jegejnæ*.

Обычно ученые допускают прямые болгаро-осетинские контакты⁷³. Однако в ряде случаев не исключено посредничество языков кыпчакской группы, о чем как будто свидетельствуют такие соответствия:

чув. *kavĩš* «ясень», кум. *gũjrũč*, балк. *kũjrũč*, кар. *kũrũč* (венг. *kõris*);

чув. *agar* «борзая», кум., балк. *eger*;

чув. *čãgãt* «сыр», караим. *čĩyĩt, cĩyĩt*;

чув. *karman* «крепость», караим. *kermen* (осет. *Kermen* «имя героя»), СС *kermen*;

чув. **ʃeken* «тростник», балк. *ʃegen*, СС *jegan* «циновка».

По словам К.М. Мусаева⁷⁴, существовали и караимско-болгарские (чувашские) связи, которые он локализует на Северном Кавказе и в районе Волги и Каспийского моря.

Отражение этих связей он видит в караимско-чувашских лексических параллелях, часть из которых может быть, пожалуй, оспорена: караим. *cuvr'a* «вокруг» (ср. СС *cõvre, cũvre*) скорее следует сопоставлять с чув. *šavra* «круг» (ср. тур. *çevre*) (*šarã* «кольцо» < *jũzũk*);

чув. *avgalan-* «изгибаться» < *av-* «гнуть» + *kala* + *n* < **eg-* «гнуть» едва ли родственно караим. *авкалан-*, *окалан-* «валяться в пыли, в порошке»⁷⁵;

чув. *torã, turã* «бог» < **taŋrĩ* «бог, небо» мы отделяем от караим. *tora* «закон, Библия Ветхого Завета». Что касается чув. *xurav* // *xorav* «ответ», караим. *karuv*, то это слово встречается во многих тюркских (напр., алт. *qarũ*, тув. *хагĩ* «ответ», тат. *qaruw* «возражение») языках, и, видимо, монгольского происхождения.

Сами по себе караимско-чувашские и караимско-куманско-чувашские лексические параллели представляют большой интерес, так как свидетельствуют о кыпчакском вкладе в чувашскую лексику:

чув. *šãra* «замок» ~ караим., СС *juzaq*, тат. *jõzaq*, баш. *jõдаq*;

⁷³ Историко-этимологический словарь, с. 328.

⁷⁴ Грамматика караимского языка, с. 19.

⁷⁵ Ср. кум. *avlan-* «валяться».

чув. *pīdar* «прятать, скрывать» ~ СС *batir*;

чув. *unaś* «комочок скатанного теста» ~ караим. *umac*, *umac* «клецки» < *uv-* «катать тесто» (ср. тур. *o(γ)mac* «род вермишели»);

чув. *śegəl* «крюк, на который вешают одежду» ~ караим. *cengel*, *cengil* (тур. *çengel*, азерб. *çängäl*); чув. *parne* «подарок», тат., баш. *birnä* ~ караим. *berne*, *bern'a*.

Чувашско-башкирские параллели

В звуковом строе башкирского языка можно наблюдать ряд явлений, идентичных фактам чувашской фонетики:

1. Спирантизация аффрикаты *č*: общетюрк. *č* > башк. *s*, общетюрк. *č* > чуваш. *ś*.

туркм. *čortan*, баш. *surtan* «щука» ~ чув. *śärttan*; туркм. *čöke*, баш. *söğä* «стерлядь» ~ чув. *śəgə*;

2. Развитие звуковых комплексов *uγ*, *oγ*:

общетюрк. *uγ* > баш. *əw*,

общетюрк. *uγ* > чув. *əv* ~ *u*,

общетюрк. *oγ* > баш. *əw*,

общетюрк. *oγ* > чув. *əv* ~ *u*,

туркм. *būγ* «пар», баш. *bəw*, чув. *pəv* ~ *pu*;

туркм. *doγ* - «родиться», баш. *təw-*, чув. *tu-*;

азерб. *goyuś* «дупло», ног. *quwiś* «углубление, ниша, выемка», баш. *qəwəś* «полюй, шатер, балаган», чув. *xəvəl* «полюй, дупло»⁷⁶.

3. Развитие звуковых комплексов *je-*, *śe-*:

общетюрк. *je* ~ баш. *jə* (тат. *ji*)

общетюрк. *je* ~ чув. *śə*

туркм. *jeŋ* ~ «побеждать» ~ тат. *jiŋ-*, баш. *jəŋ-*, чув. *śəŋ-*;

туркм. *jer* «земля» ~ тат. *jiŋ*, баш. *jər*, чув. *śər*.

⁷⁶ В башкирских диалектах встречается *əvə* ~ *u* вместо общетюркск. *o*: *təwəś* ~ *tuś* ~ *duś* «наледь», алт. *toś* «лед», хак. *tos* «наледь», ср. *əvə* ~ *u* в чувашском языке.

Чувашско-мишарские параллели

В западном диалекте татарского языка (мишарском) наблюдается ряд фонетических особенностей, сближающих его с языком чувашей [28].

1) В системе гласных отмечены \bar{o} , \bar{e} , \bar{e} которые, по словам диалектолога Р.Ф. Шакировой⁷⁷, можно назвать дифтонгоидами, так как они имеют неоднородный характер: u_o , \bar{u}_o , i_e . Исторически они восходят к общетюркским o (\bar{o}), \bar{o} ($\bar{\bar{o}}$), e (\bar{e}) и дали в тюркских языках Поволжья: татарском и башкирском u , \bar{u} , i .

В чувашских говорах отмечены o^u и u^o (видимо, φ)⁷⁸, а на месте \bar{u}_o развилось сочетание $\bar{e}va$: $di\bar{u}ort > t\bar{e}vat$ «четыре».

2) В мишарском диалекте и чувашском языке однотипно отражается общетюркское $\bar{u}j$ ($\bar{i}w$):

миш. $k\bar{i}w\bar{a}$ «моль», чув. $k\bar{a}ve$, баш., тат. $k\check{o}j\bar{a}$, уйг. $k\bar{u}j\bar{a}$, туркм. $g\bar{u}je$, тур. $g\bar{u}ve$;

миш. $t\bar{i}w-$ «долбить», чув. $t\bar{u} \sim t\bar{a}v-$, тат., баш. $t\check{o}j-$, туркм. $d\bar{o}w-$, кум. $t\bar{i}j-$;

3) Общетюркские jt , jr , jn , jl дают в мишарском и чувашском палатализованные согласные: t' , r' , n' , l' :

миш. $kar'ak$ «точилка» ~ чув. диал. $x\bar{i}r'a$;

$ar'an$ «кислое молоко» ~ чув. диал. $ur'an$;

at' - «говорить» ~ чув. диал. it' - «спрашивать» и т.д.

4) Чувашский и мишарский \bar{u} является более передним по сравнению с \bar{i} кыпчакского типа (\bar{u}).

5) Палатализованные согласные мишарского диалекта, так же как и чувашские, на слух производят впечатление более мягких, чем согласные татарского языка.

6) В мишарском диалекте встречается $ti > k$, как и в чувашском языке.

7) В мишарском диалекте отмечены:

$\check{j} > d'z'$ ($\bar{a}ndz\bar{a}$ «жемчуг»; $dz\bar{a}ji$ «теща»);

$\check{c} > ts$, $t's'$ ($c\bar{a}r\bar{u}$ «гниение»; $cabata$ «лапти»);

$c > s$ ($t\bar{a}skan$ «мышь»).

Эти процессы напоминают $\check{j} > \acute{s}$ ($\check{j} > d'z' > \acute{z}$) и $\check{c} > \acute{s}$ в чувашском.

⁷⁷ Материалы (1), с. 96–99.

⁷⁸ Матер. по чуваш. диалектологии, I, с. 84; II, с. 15, 123.

8) Примечательны и некоторые мишаро-чувашские лексические соответствия.

Например, чув. *avan* «хороший, добрый» ~ мишар. *avan* (Морд. АССР) «хорошо»;

чув. *kurga* «ковш, чашка» ~ мишар. (Сарат., Пенз.) *kur'ka*;

чув. *igerĵə* «блины, олады» ~ мишар. (Сарат., Ульянов.) *igärčə*;

чув. *kāldāk* «повод, недостаток» ~ мишар. (Сарат., Ульянов.) *kāltāk*.

Чувашский язык и тюркские языки Сибири и Алтая

Некоторые исследователи отмечали сходные черты чувашской фонетики и звукового строя тюркских языков Сибири⁷⁹.

Так, например, Т.М. Матвеев обратил внимание на аналогию в распределении глухих и звонких фонем, А.С. Каниюкова сравнивала параллелизмы звуковых соответствий (*o ~ u, ö ~ ü, e ~ i*) и т.д.

Повод искать языковые связи чувашей с народами Сибири дали лингвистам историки, поддерживающие теорию, связывающую чувашей с гуннами⁸⁰. Однако слишком прямолинейное решение такой проблемы, как отражение возможных былых исторических (этнографических и т.д.) связей в языках соответствующих народов, едва ли может принести надежные результаты. Обратимся хотя бы к рассмотрению сходных процессов в чувашском и хакасском языке.

И чувашский, и хакасский язык имеют глухой анлаут, в инлауте (между гласными и между сонорным и гласным) шумные озвончаются. При этом чувашскому и хакасскому языку присущи краткие (анлаут) и долгие (инлаут) смычные согласные. Но такое сходство в строении консонантизма может быть результатом параллельных процессов и скорее представляет инновацию в истории каждого языка, чем архаизм, унаследованный ими из общего прошлого.

⁷⁹ Матвеев Т.М. (1); Каниюкова А.С. Чувашская диалектология.

⁸⁰ Бартольд В.В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народов.

Низовой диалект чувашского языка является укающим (**a^o* > *o* > *u* и **o* > *u*). При этом **o* > *u* или даже *o* ~ *u* могло быть сравнительно старым (надо подчеркнуть, что **a^o* > *o* > *u* и **o* > *u* и **u* > *ä* представляли, видимо, взаимосвязанные процессы). Уканье (**o* > *u*) характерная черта сагайского и бельтирского диалектов хакасского языка. Но сама по себе констатация этого сходства почти ничего не говорит о его генезисе, ибо соответствие *o* ~ *u*, *ö* ~ *ü* наблюдается в ряде диалектов и говоров азербайджанского, алтайского, турецкого и других тюркских языков.

Чувашский язык представляет *r*-состояние (**ađaq* > *ura* «нога»), хакасский *z*-состояние (**ađaq* > *azaq*) в обоих анлаутный и ауслаутный *q* дал *x*. В чувашском *č* > *ś*, в хакасском **č* > *s*. Чувашский начальный *č* < **j* < **j*, хакасский начальный *č* < **j* < **j* (вероятно, после того как **č* > *s*).

Параллелизм в трансформациях консонантизма, а точнее джекание, зекание, спирантизация *k* в прошлом, на наш взгляд, скорее свидетельствуют о возможных более тесных генетических связях этих двух языков, чем факты, приводимые традиционно.

Чувашско-хакасские лексические параллели изучены пока недостаточно. Нам хотелось бы здесь привести лишь несколько слов, зона распространения которых в известной степени показательна для суждения о связях чувашского языка с языками Сибири.

чув. *aža* «отец, самец» ~ хак. *aĵa* «ст. брат, дядя по отцу», тув. *ača* «отец», сюг., лоб. *ača* «отец»;

чув. *pičce* «ст. брат» ~ хак. *piĵe* «сестра»;

чув. *uba* «медведь» ~ хак. *aba*;

чув. **xoran* «заяц» ~ хак. *xozan*, тув. *xodan*, кыпч. *qoĵan*, *qiĵan*;

чув. *äväs* «осина» ~ хак. *os*, алт. *aspaq*, з.с.г. *awsaq*, тат. *usaq*, баш. *uđaq*;

чув. *xir*, *xirä* «сосна» ~ хак. кач. *xara xazi*, тув. *xadi*;

чув. *iraš pätři* «пескарь» ~ хак. саг. *piđrö*;

чув. *šäl* «ключ, родник, колодец» ~ хак. *čul* «ручей», др. тюрк. *jul* (ср. мар. *Jul* «река Волга»⁸¹).

⁸¹ См. *Sinor D. Yul. StOr*, 28.

Чувашско-монгольские параллели

Как справедливо заметил проф. В.Г. Егоров, вопрос о взаимоотношении чувашского и монгольского языков нуждается в углубленном исследовании⁸². Такие ученые, как G.J. Ramstedt⁸³, N. Poppe полагали, что *l* и *r* состояние чувашского и монгольского языков унаследовано ими из эпохи тюрко-монгольской общности и отрицали наличие монгольских заимствований в чувашском языке как результат языковых контактов. Д. Немет, напротив, писал о существовании болгарско-(древнечувашско)-монгольских контактов⁸⁴. Близкой точки зрения придерживается и Г. Клосон⁸⁵. Болгарско-(древне-чувашско)-монгольская языковая проблема привлекла особое внимание венгерских ученых⁸⁶, часть из которых усматривала в языке древних болгар посредника при заимствовании монголизмов в венгерский язык. Нам известно, что и в настоящее время в Венгрии изучаются чувашско-монгольские лексические параллели⁸⁷.

«Монголизмы»⁸⁸ чувашского языка, видимо, можно предварительно классифицировать на три группы⁸⁹:

- 1) общетюркские (чувашско-тюркские),
- 2) межтюркские (например, чувашско-кыпчакские, чувашско-татаро-башкирские и т.д.),

⁸² Совр. чув. лит. язык, I, с. 118–121.

⁸³ Zur Frage, с. 5, 28, 32

⁸⁴ Über den Ursprung, с. 244.

⁸⁵ См., например, рецензию А.М. Шербака, с. 151.

⁸⁶ История вопроса у *Ligeti L. (5)* и *Bárczi G.*

⁸⁷ Над этой темой работает А. Рона-Тау.

⁸⁸ «Монголизмами» мы называем здесь лексические параллели из монгольских языков. При этом допускаем возможность заимствования в обоих направлениях (из монгольского в тюркский и, наоборот, из тюркского в монгольский, или из третьего источника в тюркский и монгольский). Важен также вопрос о монгольском языке-источнике заимствования.

⁸⁹ Эта классификация очень условна, так как наши сведения о распространенности того или иного слова в тюркских языках субъективно (нашими сведениями) и объективно ограничены (далеко не все зарегистрировано в существующих словарях, тем более архаизмы и диалектизмы).

3) чувашские⁹⁰ (параллели из других тюркских языков пока не обнаружены). Попытаемся проиллюстрировать это соответствующими примерами, опираясь в основном на исследования В.Г. Егорова⁹¹.

1) чув. *ar*, тюрк. *ār*, *er*, *ir* «муж, мужчина» ~ монг. *ere*;
чув. *ĉäyĉ*, тюрк. *tavıq*, *tañaq*, *tōx* «курица» ~ монг. *takija(n)*;

2) чув. *xažan* «ленивый», уйг. *qaşaq*, кир. *qaşaq*, *qaşaq*, алт. *qažaq* ~ монг. *xaşang*, бур. монг. *xaşan*;

чув. *turĕx* «кислое молоко, варенец», тув. *taraq* «простокваша», ккал. *toraq* ~ монг.? *tarag*.

3) чув. *sĕmza* «нос» ~ монг. *samsa* «крылья носа»;

чув. *tĕxlan* «олово» ~ монг. *tuγulya(n)*, бур. монг. *tūlyā(n)* «свинец»;

чув. *tüle vutti* «швырковые дрова» ~ монг. *tülige(n)*, *tülije(n)*, бур. монг. *tülĕ(n)*;

чув. *kagaj* «мясо» ~ монг. *gaxaj* «свинья»;

чув. *tudĕr* «платок» ~ монг., бур. монг. *tatūrğa* «матерчатая повязка в виде венка»;

чув. *sĕran* «выделанная кожа» ~ монг. *sur* «кожаный ремень», бур. монг. *hur*;

чув. *ama* «мать, самка» ~ монг. *eme* «женщина, самка»;

чув. *vadĕ* «старый», *vadĕl-* «стареть» ~ монг. *ötegiü*, *ötel-*, бур. монг. зап. *ütĕ*, *ütel-*;

чув. *kala-* «говорить» ~ монг. *kele-*;

чув. *kiv-* «толочь белье при стирке» ~ монг. *gübi-*, *göbi-* «ударить несколько раз, выбивать пыль»;

чув. *kivžen* «в долг, займы» ~ монг. *kölüsü(n)* (< *köli-*), «наем, рента»⁹²;

чув. *talaj* «море, океан» ~ монг. *dalaj* (алт., хак., тув. < монг.).

⁹⁰ Такие «чувашские» монголизмы, как *kagaj* «мясо», *talaj* «море» относительно нового происхождения, так как сохраняют *a* первого слога.

⁹¹ Егоров В.Г. (2), с. 118–121; Этимологический словарь чувашского языка.

⁹² К чув. *kivžen* < **külĕ-en* см. *Ligeti L.* (5), с. 233–238.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОКАЛИЗМ

Общeturкский вокализм⁹³

Большинство тюркологов восстанавливают для общeturкского 16⁹⁴ или 18⁹⁵ гласных фонем. Спорным издавана считается так называемый закрытый \bar{e} ⁹⁶. Рефлексы этого \bar{e} обычно усматривают в современном туркменском, якутском, азербайджанском и чувашском языках.

В туркменском языке наличествуют \bar{a} (долгий), e (краткий) и $\bar{i} < *e$; в якутском дифтонг $i\bar{a} < \bar{e}$; в азербайджанском \bar{a} и e ; в древнечувашском $*\bar{a}$, $*\bar{a}$, $*\bar{e} > a$ и $*\bar{e} > i$.

Некоторые исследователи⁹⁷ пытались установить следующие соответствия:

азер. \bar{a} ~ туркм. \bar{a} ~ як. $i\bar{a}$ чув. a ;

азер. \bar{e} ~ туркм. \bar{i} ~ як. $i\bar{a}$ ~ чув. i ;

азер. \bar{a} ~ туркм. e ~ як. \bar{a} ~ чув. a

Однако, как будет видно ниже, они не являются абсолютными.

Более или менее последовательно отражается лишь \bar{e} (туркм. \bar{i} ~ азер. e ~ як. $i\bar{a}$)⁹⁸.

Возможно, что $*\bar{a}$ и $*\bar{e}$ в общeturкском представляли варианты одной фонемы (или даже несколько фонем, так как допустимы чередования $a \sim \bar{a}$, $e \sim i$, $\bar{a} \sim \bar{e}$)⁹⁹. Впоследствии в ряде языков \bar{a} и \bar{e} могли совпасть, а в других стали выступать как самостоятельные фонемы. Так, в азербайджанском и туркменском языках подсистема

⁹³ Речь идет о вокализме корневого слога.

⁹⁴ *Bažin L.*, с. 11–19; *Щербак А.М.* (3), с. 37; *Thomsen K.*

⁹⁵ *Gabain A.V.* (2); *Poppe N.* (6).

⁹⁶ См. Историю вопроса; см. *Németh J.* (4). Ср. также *Thomsen K.*

⁹⁷ Например, *Poppe N.* (6), с. 102–106.

⁹⁸ Подробнее см. ниже.

⁹⁹ Ср. $a \sim \bar{a}$ в современных языках Поволжья, $\bar{a} \sim i$ в якутском языке, $\bar{a}t-$ < $at-$ «шагать», $d\bar{a}n-$ < $dan-$ «отказаться» в туркменском языке и т.д.

вокализма персидских заимствований, где бытует *æ*, могла поддержать существование *ä-e*¹⁰⁰.

Во всяком случае, мы склонны пока исходить из девятичленной системы общетюркского вокализма:

*a	*ä	*e	*i	*i
*o	*ö	*u	*u	*ü

При реконструкции общетюркского вокализма корневого слога возникает и другая проблема. Известно, что кроме так называемых регулярных соответствий типа: общетюркский *o* ~ татар. *u*, баш. *u*; общетюркский *a* ~ чув. лит. *u*; общетюркский *e* ~ хак. *i* и т.д., встречаются нерегулярные соответствия, представленные в так называемых вариантных словах¹⁰¹.

К таким «нерегулярным» соответствиям относятся¹⁰²:

общетюрк. *a* ~ як. *i*;

общетюрк. *a* ~ тув. *i*,

а также, например, такие случаи, как:

а) узкий гласный переднего ряда (губной и негубной) ~ узкий гласный заднего ряда (губной и негубной):

тур. *sil-* «вытирать», ног. диал. *sülgi* «полотенце» ~ туркм. *šil*;

туркм. *biš-* «вариться» ~ тув. *biš-*, як. *bus-*;

кир. *miŋ* «тысяча», туркм. *müŋ* ~ ног. *müŋ*, тув. *muŋ*;

тур. *çim-* «нырять», туркм. *çüm-* ~ кир. *çum-*;

тур. *dit-* «чесать шерсть», туркм. *tüt-* ~ кир. *tüt-*;

туркм. *üm* «жест, намек, знак» ~ кир., тур. *im*.

б) узкий гласный переднего ряда негубной ~ узкий гласный переднего ряда губной:

тур. *diz-* «нанизывать» ~ туркм. *düð-*;

тур. *bin-* «садиться верхом» ~ туркм. *mün-*;

¹⁰⁰ Следует отметить, что *ä* и *e* в туркменском — это противопоставление долгого и краткого, а признак открытости и закрытости является дополнительным. В азербайджанском противопоставление *ä* и *e* является значимым лишь в паре: *äl* «рука» и *el* «страна». В азербайджанских диалектах *ä* может выступать вместо литературного *e*.

¹⁰¹ Мы ограничимся здесь рассмотрением односложных (исторически, быть может, и двусложных) слов.

¹⁰² В одной из последних работ, посвященных вариантным словам, «нерегулярными» признаны почти все общетюркско-чувашские соответствия гласных («Тюркский вокализм и сингармонизм», с. 48–49), с чем мы никак не можем согласиться.

тур. *dip* «дно» ~ туркм. *dīp*;

тур. *ip*, кир. *ǰip*, хак. *ǰар* «веревка» ~ туркм. *jūp*;

туркм. *bit*- «заживать, произрастать» ~ алт. *ḫūt*-.

в) узкий гласный заднего ряда негубной ~ узкий гласный заднего ряда губной:

ног. *šim* «кызыл» ~ балк. *šum*;

ног. *pit* «бедро» ~ туркм. *būt*;

ног. *pīs*- «прятаться» ~ туркм. *buθ*-.

г) узкий гласный переднего ряда губной ~ узкий гласный заднего ряда губной:

тур. *dūš*- «встречаться» ~ туркм. *dūš*-;

ног. *šūs*- «вина» ~ азер. *suč*;

туркм. *jūŋ* «шерсть» ~ як. *suŋ*, тат. *jōŋ*.

д) узкий гласный переднего ряда губной ~ узкий гласный заднего ряда:

тур. *čim* «дерн» ~ ног. *šim*, кир. *čim*;

тур. *čil* «рябчик» ~ каз. *šil-šəl*;

тур. *iz* «след» ~ туркм. *ið*;

туркм. *bič*- «кроить» ~ тув. *ḫiš*-;

туркм. *dil* «язык» ~ тув. *ḫil*, як. *tīl*;

туркм. *bit* «вошь» ~ тув. *ḫit*;

туркм. *it* «собака» ~ тув. *it*;

туркм. *čit* «ситец» ~ каз. *šit*.

е) широкий губной ~ узкий губной:

туркм. *boð*- «портить, разрушать» ~ кир. *buz*-;

тур. *jol*- «вырывать» ~ уйг. *jul*-.

ж) широкий негубной гласный заднего ряда ~ широкий негубной гласный переднего ряда:

туркм. *āð* «мало» ~ баш. *āð*;

туркм. *jāš* «слеза» ~ баш. *jāš*;

туркм. *jāš* «молодой» ~ баш. *jāš*;

туркм. *čāj* «чай» ~ баш. *sāj*;

туркм. *ðač* «волосы» ~ баш. *säs*;

туркм. *ajt*- «говорить» ~ баш. *ajt*-.

В одном и том же тюркском языке, например, в туркменском, встречаются:

dīð ~ *dīð* «колено»,

ið ~ *ið* «след»,

tīð ~ *tīð* «скоро, быстро».

Среди вариантных слов имеются и заимствования:

кир. *sim* «проволака» < иран. ~ туркм. *šim*;

балк. *ġum* «кызыл» < дагест. ~ ног. *šim*.

Вместе с тем, большинство тюркских односложных слов выступают с устойчивой огласовкой¹⁰³. Например:

āt «имя», *bār* «есть, имеется»,

āk «белый», *āč* «голодный»,

ōt «огонь», *bōl-* «быть»,

ič- «пить», *iš* «дело, работа»,

īč «конец» и т.д.

Опираясь на регулярные межтюркские соответствия гласных, представленных в словах этого типа, исследователи и восстанавливают состав общетюркского вокализма.

При реконструкции гласных в словах с «неустойчивым» вокализмом, естественно, возникают трудности. Однако в случае *ī ~ i ~ u ~ ū* может быть констатирован узкий характер гласного, в случае *ĩ ~ i* его узкий характер и рядность, а при *a ~ ä* широкий раствор, отсутствие губности и рядность (так как *a* в соответствующих словах имеет гораздо более широкую зону распространения, чем *ä*). О причинах появления «нерегулярных» соответствий тюркских гласных, о генезисе и возрасте вариантных слов (так называемых сингармонических вариантов и параллелизмов) писали многие исследователи¹⁰⁴. Нам хотелось бы лишь обратить внимание на следующие факты:

1. Степень вариативности у разных гласных фонем неодинакова (наиболее «устойчивым» представляется *a*: *a ~ ĩ*, *a ~ ä*);

2. Едва ли все «нерегулярные» соответствия восходят к одному периоду, т.е. хронологически однородны (ср. *ī ~ ĩ*, *u ~ ĩ* в заимствованиях);

3. Едва ли они генетически однородны (ср., например, очень большую вариативность гласных в сарыг-югурском языке, «нерегулярность» чувашско-общетюркских соответствий и опереднение *a* (*a > ä*) в башкирском языке в известных фонетических условиях).

¹⁰³ Как справедливо указывал М.А. Черкасский, было бы интересно обследовать все односложные слова с точки зрения возможностей варьирования их огласовки.

¹⁰⁴ См., например: Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. Там же подробно освещена история вопроса.

Гласные первого слога

a в первом слоге[29]

Общетюркский *a* в первом слоге представлен как *i̇*:

а) в односложных словах:

тат., баш., кир., тув. *qat-*, хак. *xat-*, узб. *qa^ot-* «твердеть» ~ чув. *xit-* (ср. *xut-* «топить»);

туркм., азерб. *gap-*, тат., баш., кир. *qap-*, хак. *xap-* «хватать, брать ртом» ~ чув. *xip-* (ср. *xup-* «закрывать»);

тур. *sar-* «обнимать, завертывать, окружать», тат. *sar-* «обступать, окружать» (ср. туркм. *ḡara-*, азерб. *sari-*) ~ чув. *sir-* «окружать, облеплять» (ср. *sur-* «плевать» и *sur-* «веять»);

туркм. *ḡaq*, ног. *saq* «зоркий, бдительный» ~ чув. *six*, *sij̄ā* «охрана»;

туркм., тур., кир. *ajt-* «говорить», як. *ij̄it-* ~ чув. *ijt-* «спрашивать»;

тур. *kašī-*, азерб. *gašī-*, кир. *qašī-* «чесать» ~ чув. *xiš-*;

туркм., тур., кир., тат., баш. *bal* «мед» ~ чув. *pil*;

туркм., кир., як., тат., баш. *bar-*, хак. *par-*, тур. *var-* «идти, ехать» ~ чув. *p̄ir-*;

Подобный же рефлекс в словах данного типа дает и общетюркский *ā*:

туркм. *āč*, тур. *ač*, баш. *as*, як. *ās* «голодный» ~ чув. *vižā* ~ *viš*;

туркм. *ār-*, хак., тув. *ar-*, др. тюрк. *ar-* «уоставать» ~ чув. *ir-* (ср. *ur-* «беситься»);

туркм. *jār*, як. *sir*, азерб. *jar*, ккал. *žar* «берег» ~ чув. *šir* (ср. *šur* «весна»).

б) в двусложных (многосложных словах)¹⁰⁵:

1. тип: *a - i̇(u) > i̇ - ā*¹⁰⁶:

тур. *tanik*, караим. *tanix*, *tanik*, др. тюрк. *taniq* «свидетель» ~ чув. *tinā*, *tin*;

туркм., тур. *dari*, кир. *tarū*, тат., баш. *tarā*, уйг. *teriq*, хак. *tarīy* «просо, посев, зерно» ~ чув. *tirā* «хлеб, зерно, посев»;

тат. *talqā*, кир. *talqū*, тув. *ḡalyıy*, алт. конд. *taliq* «мялка» ~ чув. *tīlā*;

¹⁰⁵ Примеры объединены в три группы с учетом этимологических гласных первого и второго слога.

¹⁰⁶ Ср. як. *timir* «жила» ~ общетюрк. *tamir*; тув. *qilin* «толстый» < *qalin*, *xirin* «живот» < *qarin*; *čiri-* «освещать» < *jarī-*.

туркм., кир. *altin*, баш., тат. *altān*, тув. *aldin* «золото» ~ чув. *ildān*;

уйг. *balčuq*, кир. *balčiq*, баш. *balsəq* «глина, грязь» ~ чув. *piljək*;

туркм. *garin*, тур. *karin*, тат., баш. *qarān*, як. *xarin*, тув. *xirin* «желудок, живот» ~ чув. *xirəm*;

туркм., тур. *japış-*, тат. *jabəš-*, кир. *jabiš-* «приставать» ~ чув. *šibəš-*;

др. тюрк. *jaɣuq*, *javuq*, кум. *juvuq*, балк. *žuvuq*, тув. *čəq*, кир. *jūq*, алт. *dūq* «близкий» ~ чув. *šivəx*;

туркм. *ayır*, тат. *awār*, кир. *ōr* «тяжелый» ~ чув. *jivər*;

туркм. *owuč*, тур. *avuč*, азерб. *owuç*, кир. *ūč*, баш. *us*, узб. *ha^owuč* «горсть» ~ чув. *ivəš*;

туркм. *aɣač*, уйг. *jaɣač*, кир. *jγač*, тув. *ijəš*, хак. *aγis* «дерево» ~ чув. *jivəš*;

2. тип: *a - a > i - a*:

азер., тур., гаг. *dana*, кир., ног., тат. *tana*, туркм. *tāna* «телка» ~ чув. *tina*;

тат. *qasmaq*, баш. *qəsməq*, каз., ккал. *qaspaq* «пленка, пригар» ~ чув. *xisma*; (ср. тур. *hazine*, туркм. *hadina*, кир. *qazina* < араб. *خزينة*, чув. *xisna*);

туркм., тур., азерб., гаг., караим. *damar*, др. тюрк. *tamar* «корень, жила» ~ чув. *timar*;

(ср. туркм. *habar*, тат. *xäbär*, кир. *qabar* «известие» < араб. *خبر* чув. *xibar*);

тат., баш., кир., уйг. *almaš-* «сменяться» ~ чув. *ilmaš-*;

тат., баш. *qabalan-* «спешить, торопиться» ~ чув. *xibalan-*;

(ср. тур. *maskara* «насмешка» < араб. *مسخرة*, чув. *miskara* «забава, шутка»).

3. тип *a - i > i - a*:

тат., баш. *jarlāqa-*, ног. *jarliqa-* «прощать, миловать» ~ чув. *širlax-*;

тур. *kasik*, тат. *qasəq*, туркм. *gađiq* «пах, лобок» ~ чув. *xiza*, *xis*;

СС *batir-* «скрывать», др. уйг. *batur-* ~ чув. *pidar-* «прятать»;

М.Рясянен¹⁰⁷ полагает, что *i < a* возник в различные времена. О раннем переходе *a > i* свидетельствуют, по его

¹⁰⁷ Материалы, с. 72–73.

мнению, древнебулгарские заимствования в венгерском языке: *ír* < **jr*, *tinó*, *tiló*.

Позднейшее изменение подтверждают такие слова, как *xisna* (< араб. *hazina*) и т.д. М. Рясянен допускает вслед за В. Гренбеком, что переход *a* > *i* в некоторых случаях мог быть вызван последующими *u*, *i* (*ildān* < *altun* и т.д.). Однако он признает, что при таком объяснении остается еще много исключений.

Й. Бенцинг¹⁰⁸ считает, что переход *a* > *i* в чувашском наступил не ранее XI в. Одним из его аргументов является ссылка на суварское слово *bal* «мед», которое в современном чувашском выступает как *pil*.

Г.И. Рамstedт¹⁰⁹ предполагает, что *i* на месте общетюркского *a* имеет двойное происхождение: с одной стороны, он представляет ослабление *u* (*a^o* > *ò* > *u* (диал. *i*)), а с другой стороны — является результатом усиления, «прояснения» старого *â* или *ǒ* (*ǎ* > *ǒ* > *â* (*â* > *i*)).

Этот *â* возник под влиянием последующих *i*, *l'*, *r'*, *j*¹¹⁰. Однако, как в свое время уже отмечали Н. Рорре, Л. Лигети и М. Рясянен, случаям *a* > *â* > *i* не всегда можно дать подобное объяснение.

Интерпретация перехода *a* > *i*, предложенная Н. Рорре, сходна с теорией Г.И. Рамstedта. Согласно Н. Рорре¹¹¹, слабуюдарный **ǎ* сначала передвинулся в **á*, а затем через степень *â* перешел в *i*.

Причина этого «перехода» остается для Н. Рорре неясной.

Некоторые исследователи¹¹² склонны считать чувашский (и якутский) *i* рефлексами долгого *ā* (*aj*, как полагает А.Г. Бишнев)¹¹³.

Перейдем к анализу материала.

В двусложных (многосложных) словах типа *a-a* и *a-â* и в настоящее время наблюдается тенденция к ослаблению артикуляции *a* первого слога¹¹⁴:

¹⁰⁸ ZDMG, 98, с. 24–27; ср. Das Tschuwaschische, с. 705.

¹⁰⁹ Zur Frage, с. 7

¹¹⁰ Там же. С. 7–12.

¹¹¹ KСsAg II, 1–2, с. 69.

¹¹² Отчасти эту точку зрения разделял Л. Лигети.

¹¹³ «Первичные» долгие, с. 67, 91.

¹¹⁴ Ср. случаи типа *xāzan* < *qāzan*, *xājta* < *qajmaq* в чувашском литературном языке.

valak ~ *vālak* «жолоб»,
varga- ~ *vārga-* «волноваться, страдать»,
aravazār ~ *āravazār* «очень, весьма, чрезвычайно»,
amārt ~ *āmārt* «орел»,
vargāš- ~ *vārgāš-* «веять» (о ветре).

В среднем говоре верхового диалекта чувашского языка отмечены формы:

*jāvār*¹¹⁵ «тяжелый» ~ лит. *jīvār*,

jāvās «дерево» ~ лит. *jīvās*,

āvās «горсть» ~ лит. *ivās*¹¹⁶

Эти данные, как нам кажется, позволяют вслед за Г.И. Рамstedтом думать о *a* > *ā* > *i* в двусложных словах типа *tīmar* и *ildān*. При этом в случае *tīmar* не исключено ослабление *a* первого слога в связи с изменением акцентуации:

**tāmar* «жила» > *tāmār* > *tīmar*.

Если признать, что венгерские *tinó*, *tiló*¹¹⁷ заимствованы из древнечувашского¹¹⁸, то *tī* (*tj*) едва ли может отражать в них звуковой комплекс *tj*, так как, во-первых, **tj* обычно > *čā*, а, во-вторых, всякий древнечувашский *i* > *ā*. Повидимому, здесь уже был какой-то звук типа *ā* (*ǎ*). Следует заметить, что наряду с *tīna* в чувашском (в говорах) встречается *tāna*. Появлению (сохранению) вариантов *tālā* «мялка», *tārā* «зерно», возможно, препятствует существование омофонов: *tālā* «путь» и *tārā* 1. «верхушка», 2. «прозрачный».

Г.И. Рамstedт, вероятно, был прав, когда усматривал второй путь для чувашского *i* < общетюркского *a* в *a^o* > *o* > *u* ~ *i*.

Иллюстрацию для этого процесса можно найти в *i* ~ *u* < *a*, наблюдаемом в современных чувашских говорах.

Однако необходимо сделать две оговорки:

¹¹⁵ *ā* > *i*; *i*, по словам В.И. Котлеева, сравнительно недавно появился в системе чувашского вокализма.

¹¹⁶ Чувашское *jīvās* < **jāvās* < **jvas* < общетюркского *jayač* ~ *jyač* или же *ayač* ~ *yač* > **āč* > **iač* > **jač* > *juš* ~ *jāvās* ~ *jīvās* (см. с. 185); чувашское *jīvār* < *āvār* < *aγār* ~ *awār* или же: *aγār* > **ār* > **iar* > **jar* > *jur* ~ *jāvār* ~ *jīvār*.

¹¹⁷ Впервые зарегистрированы в XVI в. (*tinó* в *tinós* в XV в.).

¹¹⁸ Венгерский *ír*- «писать» скорее следует сопоставлять не с общетюркским *jaz-*, а лобнорским *ǰij-* «проводить черту», монг. *ǰiru-* (чув. *šir-*).

1) *u* вместо *i* наблюдается в верховых говорах (например, моргаушском), где из *a* ожидалось бы *o* (поэтому здесь можно думать о субституции¹¹⁹ первоначального *i* < *a* или *i* > *u* в соседстве с губными согласными);

2) необходимо учитывать, что все современные говоры в известной степени являются смешанными: (так, в говоре одной и той же деревни находим *pur*- «идти», *pul* «мед», но *piz̄ək* «большой» (Икково, Чебокс. р-н)).

Примеры на соответствие *u* ~ *i* < *a*:

лит. *pīr*- ~ гов. (моргауш.) *pur*- ~ общет. *bar*- «идти»;

лит. *pīl* ~ гов. (моргауш.) *pul* ~ общет. *bal* «мед»;

лит. *pīlj̄ək* ~ гов. *pulj̄ək* ~ общет. *balčiq*, *balčiq* «грязь»;

лит. *pūjan* ~ гов. *pījan* ~ общет. *bāj* «богатый»;

лит. *viž̄ə* ~ гов. (Рикка) *vuž̄ə* ~ общет. *āč* «голодный»;

лит. *id̄ə* ~ гов. *ud̄ə* «нечет» ~ общет. *artiq*, *artuq* «излишек»;

лит. *tīl̄ə* ~ гов. *tula* ~ общет. *talqī* «мялка»;

лит. *ilmaš*- ~ гов. *ulmaš*- ~ общет. *almaš*- «сменяться»;

лит. *xibar* ~ гов. *xubar* «известие» < араб.;

лит. *mīskara* ~ гов. (моргауш.) *muskara* «шутка» < араб.;

лит. *utlan*- ~ гов. *itlan*- ~ общет. *atlan*- «садиться верхом».

Выше уже говорилось, что по мнению некоторых исследователей, чувашский (и якутский) *i* восходят к *ā*. Рассмотрим сначала якутский материал.

Туркменскому (и турецкому диалектальному) долговому *ā* в якутском может соответствовать долгий и краткий *ī*:

туркм. *ār*- «уствовать» ~ як. *īr*, *ir*;

туркм. *jād*- «сорваться» ~ як. *sīs*-;

туркм. *jār* «берег» ~ як. *sīr*; но

тур. (ЗК) *āl*- «брат» ~ як. *il*-;

тур. (ЗК) *āt*- «бросать» ~ як. *it*-;

тур. (ЗК) *jāt*- «лежать» ~ як. *sit*-;

туркм. *āj* «месяц» ~ як. *ij*.

Якутский *i* появляется и на месте общетюркского краткого *a* (во всяком случае, долгий гласный в нижеперечисленных словах не отмечен в соответствующих словарях):

¹¹⁹ Так, М. Рясянен (2) с. 92 указывал, что чувашский *i* может субституироваться в марийских диалектах через *u* (ср. мар. *tulé* «мялка», *tuná* «телка» < чув.)

ккал., тув., алт., хак. *aŋ* «дичь, марал (алт.)» ~ як. *iŋ* «загородь, посредством которой якуты промышляют на оленей»;

туркм. *daŋ*, кир. *taŋ*, тув. *ɟaŋ* «рассвет, заря» ~ як. *tiŋ*;

тюрк. *sač-*, *čač-* «раскидывать, рассеивать» ~ як. *iš-*;

тюрк. *aj-*, *ajt-*, *ajüt-* «говорить», тув. *ajüt-* «указывать, объяснять» ~ як. *ij-* «указывать»;

тюрк. *taj* «жеребенок» ~ як. *tij* «жеребенок по второму году»;

баш. *jad-* вспомогательный глагол со значением «чуть не», ног. *jaz-* ~ як. *sis-* (ср. *sīs-*);

СС *janč-* «раздавить», кум. *janč-*, ног. *janši-*, узб. *jānč-* «молотить, топтать», уйг. *jānči-*, тур. *jenč-* «раздавить» ~ як. *sis-*;

О переходе *aj* > *ij* можно думать лишь в случаях: *ij* «месяц», *ij-* «указывать», *tij* «жеребенок».

Что касается слов типа *ār-* > *īr*, *ir* «уоставать» или *daŋ* > *tiŋ* «заря», то усматривать здесь результат преобразования комплекса *a* затруднительно, так как формы **ajr*, **dajŋ* нигде не засвидетельствованы. Для сравнения интересно привести данные тувинского языка¹²⁰:

туркм. *ɟap* «рукоятка, черенок» ~ тув. *si''p*;

туркм. *tap-* «находить» ~ тув. *tip*;

туркм. *tart-* «тянуть» ~ тув. *tirt-*;

туркм. *jat-* «лежать» ~ тув. *či''t-*;

туркм. *jap-* «закрывать, покрывать» ~ тув. *šip-*¹²¹.

Обратимся теперь к чувашским материалам. «Якутско-чувашское» *i* выступает лишь в следующих случаях:

туркм. *al-* «братъ» ~ як. *il-* ~ чув. *il-*;

туркм. *at-* «бросать» ~ як. *it-* ~ чув. *ivət-*, *it-*, *ut-*;

туркм. *ār-* «уоставать» ~ як. *īr* ~ чув. *ir-*;

туркм. *jār-* «берег» ~ як. *sīr* ~ чув. *šir*.

Поэтому у нас нет оснований предполагать, что **ā* > *i* в якутском и чувашском языках. Но, может быть, следует выделить случаи:

чув. *ir-* «уоставать» ~ туркм. *ār-*, як. *īr*, *ir-*, ног. *ari-*;

чув. *xiš-* «чесать» ~ кир. *qašī-*, тур. *kašī-*;

чув. *sir-* «окружать, облеплять» ~ тур. *sar-*, азерб. *sari-*, т.е. нечто вроде:

¹²⁰ Приводятся только односложные слова.

¹²¹ Другие примеры см. у М. Рясненa (2), с. 55. Там же имеется библиография.

*arī- > *irī- > īr > ir-¹²² и

*āri' > *ārā- > ār- > ir-.

Таким образом, предварительно отметим следующее:

1) *a > ī в чувашском могло быть результатом нескольких процессов.

2) a > ā > ī позиционное изменение в двусложных (многосложных) основах. При этом ā > ī могло быть связано с перестройкой системы: u > ō; o > u, то есть ō - ā, но в ряду узких u - ī < ā. Нередко при ā > ī (в первом слоге) наблюдается расширение гласного второго слога.

3) *a > u ~ ī (u > ī комбинаторное изменение(?)),¹²³ в односложных и двусложных основах.

4) *a > ī относительно новое явление, так как оно могло иметь место лишь после u > ō, ü > ō, ī > ā, i > a и ti (ti) > čī (či); в противном случае ожидалось бы *a > ī > ā.

5) первая стадия процесса a > ā > ī (a > ā) могла наступить относительно рано.

6) нельзя отрицать в общетюркском возможности диалектального или комбинаторного a ~ ī (тувинские примеры).

Общетюркскому a первого слога может соответствовать i:

хак., саг. *čazīn*, ног. *jasīn*, тат., баш. *jäšən* «молния» ~ чув. *šizəm* (опереднение ī под влиянием последующего ś);

туркм., тур., тув., тат. *al-*, як. *il-* «братъ» ~ чув. *il* (по Г.И. Рамstedту¹²⁴ опереднение ī под влиянием последующего l', так как *šizəm* < *jal'čīn).

В турецком (З. Коркмаз) и узбекском отмечено āl- с долгим гласным. Не связан ли переход ī > i в слове *il-* с дифтонгизацией долгого гласного (или āl- < *ali- ср. маньч. *ali-* «*empfangen, nehmen*».)

2. u:

а) в односложных словах:

туркм., тур., кир., уйг., тат. *ač-*, як., баш., хак. *as-* тув. *aš-* «открывать» ~ чув. *uś-*;

¹²² Ср. туркм. *al-*, як. *il-*, чув. *il-*, но маньч. *ali-*.

¹²³ Ср. «делабиализацию» после губных в ногойском языке: *bilya-* «мешать», *bīta-* «срезать сучья»; в языке желтых уйгуров: *pīlīt* «облако», *pīt* «нога», *pīz* «лед», в азербайджанских говорах: *bīrīn* «нос», *vīr-* «бей», *bī* «этот».

¹²⁴ Zur Frage, с. 7.

туркм., азерб., кир., уйг., тат., баш. *tap-*, тув. *tʰip-* «находить» ~ чув. *tup-*;

тур., туркм., баш., тат. *jan-*, кир. *ǰan-*, каз. *ǰan-* «гореть» ~ чув. *śun-*;

Подобный же рефлекс в словах данного типа дает общетюркский *ā*;

туркм. *gān*, як. *xān*, кир., баш., тат. *qan*, тув. *xan*, тур. *kan* «кровь» ~ чув. *jun*;

туркм. *gār*, як., *xār*, тат., баш., кир. *qar*, тув. *xar* «снег» ~ чув. *jur*;

туркм. *gād*, як. *xās*, баш. *qad*, тат., кир., кум. *qaz*, азерб. *gaz*, тув. *qas* «гусь» ~ чув. *xur*;

б) в многосложных (гл. образом в двусложных словах):

туркм. *gara*, тат., баш., кир., тув., кум. *qara*, як. *xara* «черный» ~ чув. *xura*;

туркм. *gajñ*, хак. *xaziñ*, тув. *xadiñ*, як. *xafiñ*, тат., баш. *qajān*, тур. *kajin* «береза» ~ чув. *xurān*;

тат. *ǰabaǰa*, баш. *ǰabaǰā*, кир. *ǰabaǰi*, ккал. *ǰabaǰi* «шерсть-линька» ~ чув. *jubax*.

Под влиянием соседнего *ś* гласный *u* может опередняться и давать *ü*. Например:

туркм. *ǰaś*, тур. *saś*, як. *as*, кир. *čaś*, хак. *sas*, баш. *sās*, тат. *čāś* «волосы» ~ чув. *śūs*;

тур. *aǰi*, туркм. *āǰi*, тат. *äčä* «кислый, горький» ~ чув. *jüžä*.

Г.И. Рамстедт¹²⁵ полагает, что переход *a* (полудолгого, ударного) > *u* совершился следующим образом:

a > *ā*^o > *ò* > диал. *ò* ~ диал. *u*.

Этот переход, по словам Г.И. Рамстедта, принадлежит ко времени, когда в чувашском появились слова типа *jura-* «годиться» < **jara-* с анлаутным *j*. К точке зрения Г.И. Рамстедта присоединяется и В.Г. Егоров¹²⁶. Й. Бенцинг¹²⁷ датирует переход *a* > *u* XIV–XVI вв.

Н. Роппе¹²⁸ считает, что *u* появилось на месте сильноударенного **ā*. Переход *a* > *u*, по его мнению, совершился лишь после XIV в., так как в болгарских эпиграфических памятниках еще сохраняется *a*. В другой

¹²⁵ Zur Frage, с. 7–11.

¹²⁶ Совр. чув. лит. язык, 1, с. 159–160.

¹²⁷ Das Tschuwaschische, с. 705.

¹²⁸ Poppe N. (3), с. 66.

статье¹²⁹ N. Рорре прибегает к свидетельству и так называемых «древнечувашских» заимствований венгерского языка. М. Рясянен (2, с. 77, 78) приводит точку зрения, идентичную с высказываниями N. Рорре. Однако в своих Материалах (с. 74) он пишет, ссылаясь на Вихмана, что «о древности этого звукового изменения свидетельствуют коми-зыр. *u* < чув. *u*, *o* < *a*»¹³⁰.

Известно, что в тюркских языках Поволжья¹³¹ *a* (главным образом в первом слоге) имеет тенденцию к лабиализации. Вероятно, и древнечувашский *a* был огубленным. Из этого огубленного *a*^o мог развиться *o* верховых говоров¹³². В низовых говорах *o* < *a*^o и исконный *o* (быть может, чередовавшийся с *u*) передвинулся в *u*, так как весь ряд узких гласных (исконные *u*, *i*, *i*) передвинулся в \hat{e} (\hat{e}^o), \hat{e} (\hat{e}^o) (см. ниже):

Консервации *o* < *a* в верховых говорах могла способствовать территориальная изоляция их носителей по отношению к носителям низовых говоров.

Общеизвестно, что делабиализация в верховых говорах была менее интенсивной, чем в низовых. Нельзя ли здесь усмотреть сдерживающее влияние лугового марийского языка¹³³.

Переход *a*^o > *o* > *u* наступил сравнительно поздно. Об этом свидетельствуют такие факты как:

- 1) сохранение *a* в «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка (*sár* «грязь, болото» ~ чув. *šur*, *szám* «число» ~ чув. *sum* и т.д.);
- 2) сохранение *a* в древнечувашских заимствованиях коми-зырянского языка (*kan* «царь», *čarla* «серп»);
- 3) данные болгарских эпиграфических памятников;
- 4) участие в переходе *a*^o > *o* > *u* слов с анлаутными *j* и *č*.

¹²⁹ Рорре N. (7), с. 410.

¹³⁰ Однако, если принять, что коми *kan* «царь» и *čarla* «серп» заимствованы из древнечувашского, ссылка на Вихмана становится не совсем понятной.

¹³¹ Лабиализованный *a* встречается и в других тюркских языках.

¹³² *a*^o > *o*, по мнению ряда финноугроведов, имело место и в луговом марийском языке.

¹³³ Ср. точку зрения Матвеева Т.М. (1), с. 39.

Таким образом, вероятно, правы те исследователи, которые считают, что процесс перехода *a* в *o* ~ *u* начался не ранее XIV века и был довольно длительным.

Для определения генезиса и хронологизации перехода *a* > *o* ~ *u* известный интерес представляют такие факты:

a сохраняется в анлауте слов-терминов родства: *atte* «отец», *anne* «мать», *appa* «старшая сестра», *aĵa* «ребенок» и т.д. (сюда не относятся слова типа *taza* «чистый», *namās* «стыд» и т.д. — позднейшие татарские заимствования)

a удерживается во второй части некоторых сложных слов: *irat* «добрый конь» < *irĕ at*;

kĕzal «в нынешнем году» < *ku šal* > *šul* (хотя здесь можно думать и о вторичном *a* < *ä* < *u*);

a удерживается в интенсификациях типа: *xap-xura* «пречерный», *sap-sarĕ* «прежелтый», *šap-šurĕ* «совершенно белый»¹³⁴;

u появляется на месте этимологического *a* в новых заимствованиях (в говорах):

jalan ~ *julan* «всегда» (тат. *jalan*);

kakša ~ *kukša* «плешак» (тат. *qaqša*);

sandal ~ *sundal* «наковальня» (тат. *sandal*);

tamaža ~ *tumaža* ~ *tĕmaža* «диковина» (тат. *tamaša* «зрелище»)¹³⁵,

но и *a* может выступать на месте этимологического *o* ~ *u* (не горномарийское ли влияние?). Например:

xuskal- ~ *xaskal-* «двигаться» (тат. *quzyal-*);

tukmak ~ *takmak* «дубина, колотушка» (тат. *tuqmaq*);

kurlangĕ ~ *karlangĕ* «кисть ягод, шишек хмеля» (мар. гор. *karlangĕ*).

Что касается колеблющихся вариантов *jalan*, *julan*, то они подтверждают, что процесс перехода *a*^o > *o* > *u* завершился сравнительно недавно.

¹³⁴ *a* первого слога в словах типа *atte* и *xap-xura*, вероятно, было поддержано особой акцентуацией этих слов. Ср. тат. *áppak* «белый, пребелый», по данным У. Байчуры (с. 191). Возможно, сыграло роль и особое положение терминов родства в лексической системе (их большая социальная значимость, употребительность, непрерывность в передаче от поколения к поколению).

¹³⁵ Особенно интересно чувашское слово *pižĕk* «большой», «высокий», которое выступает в говорах как *pažĕk*, *pozĕk*, *pužĕk*.

В ряде случаев общетюркский *a* замещается в чувашском через *ä*.

Пожалуй, здесь можно говорить о двух явлениях.

С одной стороны, *a* перешло в *ä* через ступень *o ~ u*¹³⁶ (о диалектном чередовании *o ~ u ~ ä* см. ниже, с. 72).

С другой стороны, *ä* могло возникнуть из *a* в слабой безударной позиции¹³⁷ (очень часто перед *j*).

Примеры на первый случай:

тур. *bak-*, туркм., кир., уйг., кум., каз. *baq-*, тат. *ba°q-* «смотреть» ~ чув. лит. *päx-* ~, чув. гов. *pix-*;

балк., ком. *qaŋa* «доска» ~ чув. *xäta* (мар. гор. *oŋa*);

баш., тат., каз., уйг. ккал. *qata* «выдра» ~ чув. лит. *xäta* (уст.) «бобр, соболь», чув. гов. *xoma*;

тат., баш. *jalän-* «просить» ~ чув. лит. *jälän-*, чув. гов. *julän-*.

Примеры на второй случай:

туркм. *gajmaq*, тур. *kajmak*, кир., уйг., тат. *qajmaq* «сливки, сметана» ~ чув. лит. *xäjma*, чув. гов. *xijma*;

туркм. *hačan*, тур. *kačan*, кир., уйг. *qačan*, як. *xahan*, тув. *qažan*, баш. *qasan*, тат. *qajčan* «когда» ~ чув. *xäžan*.

В новейших татарских заимствованиях *a* первого слога остается неизменным, так как в системе чувашского вокализма к этому времени уже появился новый *a < ä*.

К таким татарским заимствованиям относятся:

agäš «лебедь», *anra* «глупец», *aräslan* ~ «лев», *as-* «беситься», *azav* «клык», *adaš* «тезка», *saban* «плуг», *sarä* «желтый»¹³⁸ и т.д.

Примечательным является чувашское слово *jat* «имя, название» (общетюркское *ät, at*).

«Неправильный» фонетический облик этого слова (*jat* вместо ожидаемого **jut* или **ut*) относят¹³⁹ за счет контаминации двух слов: *at* «имя» и *et* «мясо, сущность». Не повинно ли в сохранении *a* наличие омонимов *jut* «чужой», *ut* «лошадь»? Ведь слово *jat* несет большую социальную нагрузку в лексической системе языка.

¹³⁶ См. *Benzing J.* (1), с. 705.

¹³⁷ Оба эти случая не всегда легко разграничить.

¹³⁸ См. напр. *Егоров В.Г.* (2), с. 112–113.

¹³⁹ См. *Ропре* (7), с. 413, там же ссылка на *Г.И. Рамstedта*.

ä (e) в первом слоге

Краткий и долгий (?) общетюркский *ä* первого слога совпали и перешли в *a*.

а) в односложных словах:

азер. *käs-*, тур., кир. *kes-*, тат., хак. *kis-*, баш. *kið-* «резать» ~ чув. *kas-*;

азер. *äj-*, туркм. *eg-*, тат. *ij-*, каз. *əj-*, кир. *ij-* «сгибать» ~ чув. *av-*;

туркм. *ār*, азер. *är*, кир., каз., ног., алт., тув. *er*, тат., баш., хак. *ir* «мужчина» ~ чув. *ar*;

туркм. *māḍ*, азер. *vāz, vāzi*, тур., кир., кум. *bez*, тат. *biz*, уйг. *bāz*, тув. *bes* «железа» ~ чув. *par*;

б) в многосложных (двусложных) словах:

азер. *älli*, туркм., тур., гаг. *elli*, тат., баш. *illə*, узб., уйг., лоб. *ellik*, хак. *iləg* «пятьдесят» ~ чув. *allā*;

азер. *kāndir*, туркм., кир. *kendir*, тат., баш. *kindər* «конопля» ~ чув. *kandār*;

азер. *gājir*, туркм. *gāgir-*, тур. *gejir-*, тат. *kikər-* «рыгать» ~ чув. *kagār-*;

В словах, приведенных в пунктах а) и б), азербайджанский (литературный) имеет *ä*.

Сравните еще:

чув. *avās-*, *as-* «веять» ~ азер. *äs-*;

чув. *ak-* «сеять» ~ азер. *äk-*;

чув. *alā* «рука» ~ азер. *äl*;

чув. *kart-* «делать зарубку» ~ азер. *kärtik* «зарубка»;

чув. *kar-* «отгораживать, натягивать» ~ азер. *gär-*;

чув. *sap-* «бросать что-нибудь сыпучее» ~ азер. *sāp-*;

чув. *sar-* «разостлать» ~ азер. *sār-*;

чув. *sazā* «голос, звук» ~ азер. *säs*;

чув. *tap-* «толкать» ~ азер. *tāpik* «пинок»;

чув. *tar* «пот» ~ азер. *tār*;

чув. *taga* «баран» ~ азер. *tākä*;

чув. *palla-* «знать» ~ азер. *bällä-*;

чув. *ala* «решето» ~ азер. *äläk*;

чув. *amak* «болезнь, недуг» ~ азер. *ämäk*;

чув. *sak* «лавка» ~ азер. *säki*;

чув. *sakkār* «восемь» ~ азер. *säkkiz*;

чув. *tarān* «глубокий» ~ азер. *därin*;

чув. *šak-* «вешать» ~ (?) азер. *čäk-* «тянуть, вешать» (тат. *ä* иногда субституируется через *a*):

чув. *arlan* «хомяк» ~ тат. *ärlän*;
чув. *arĵa* «ящик» ~ тат. *ärĵä*, или *ärlän* и *ärĵä* < чувашского(?)

Однако нередки случаи, когда чувашскому *a* соответствует азербайджанский *e*¹⁴⁰ (по мнению некоторых исследователей отражающий так называемый узкий *e*):

чув. *par-* «давать» ~ азерб. *ver-*;

чув. *at-* «делать» ~ азерб. *et-*;

чув. *kaś-* «переходить» ~ азерб. *keč-*;

чув. *sav-* «любить» ~ азерб. *sev-*;

чув. *avlan-* «жениться» ~ азерб. *evlän-*;

чув. *ažak* «осел» ~ азерб. *eššäk*;

чув. *sajra* «редкий» ~ азерб. *sejräk*;

чув. *šavär-* «вращать, переворачивать» ~ азерб. *čevir-*;

чув. *tavär-* «выворачивать, переворачивать» ~ азерб. *devir*.

Таким образом, едва ли можно безоговорочно утверждать вслед за N. Рорре¹⁴¹, что азербайджанский *ä* и чувашский *a* представляют рефлексы общетюркского широкого *ε*, а чувашский *i* и азербайджанский *e* ~ общетюркский узкий *é*.

Скорее следует думать, что в общетюркском *ä* мог реализоваться в двух вариантах *ε* и *é*. Кроме того, *ε* и *é*, *é* и *i*, и даже *ε*, *e*, *i*, вероятно, чередовались по диалектам (говорам). Ср. положение в современных тюркских языках и диалектах¹⁴².

Ко времени же передвижения чувашского *ä* > *a* гласный *é* в ряде случаев качественно совпал с *ε*.

Выше было показано, что *ä*, *ǟ* (?) и, частично, *é* отразились в чувашском как *a* < *ä*.

Тот же *a* выступает в чувашском и на месте долгого *ē* (в туркменском *ī*(?)).

Этому долгому **ē* в якутском соответствует *iä*, в туркменском *ī* (*ij* < *éj*), в турецком *e* (*i*):

¹⁴⁰ В нахичеванском и ордубанском диалектах азербайджанского языка отмечено *e* > *ä*:

čävir- < *čevir-* «поворачивать»,

äv < *ev* «дом»,

vär- < *ver-* «дать»,

än- < *en-* «спускаться».

¹⁴¹ См. Рорре N. (5), с. 413–414.

¹⁴² См., например, Рясянен M. (5), с. 79–81.

туркм. *īn*, як. *iän*, азерб., тур., каз. *en*, тат., баш. *ij*, уйг. *än* «ширина, полотнище» ~ чув. *an*;

туркм. *īn-*, тур. *in-*, азерб. *en-*, тат. *ij-* «спускаться, заходить (о небесных светилах)» ~ чув. *an-*;

туркм. *īl*, койб. (Кастр.) *ēl*, тур., азерб. *el*, тат. *il*, уйг. акс. *äl* «деревня, село, страна, народ» ~ чув. *jal*;

туркм. *gīč* «поздно», як. *kiähä*, тур. *geç*, азерб. *geç*, тат. *kič* «вечер» ~ чув. *kaś*;

туркм. *īt-*, як. *siät-*, азерб. *jedäk* «ведение ездового животного в поводу», тув. *čet-*, тур. *jet-*, кир. *ĵetele-* «водить на веревке» ~ чув. лит. *šavät*¹⁴³, диал. *šat-*;

туркм. *ber-*, тур. диал. *ber-*, як. *biär-*, тур., азерб. *ver-*, тат. *bir-* «давать» ~ чув. *par-*;

туркм. *išik*, тур., азерб. *eşik*, тат. *išək* «ворота, дверь» ~ чув. *aläk*, но

туркм. *dij-*, як. *diä-*, тур., азерб. *de-*, тат. *di-* «говорить, сказать» ~ чув. *te-*.

Общeturкский *é* (реже *ä*, *ā*) может быть представлен в чувашском через *i*. Примеры, иллюстрирующие это замещение, вероятно, генетически не однородны.

В ряде случаев *i* мог появиться на месте узкого варианта *é*.

С другой стороны, *i* мог проникнуть в систему гласных в связи с массовыми заимствованиями из какого-то диалекта кыпчакского типа (смещение, наложение на систему чувашского вокализма другой близкой системы). Впоследствии оба *i* совпали и их очень трудно разграничить.

Первый «чувашский» *i* можно проиллюстрировать такими примерами.

азерб., тур., кир. *beš*, як. *biäs*, хак. *pis*, тат., баш. *biš* «пять» (но туркм. лит. *bāš*, диал. *beš*) ~ чув. *piläk*¹⁴⁴.

¹⁴³ В данном случае *avä* < *a* по аналогии *šavär-* ~ *šar-* «вращать» (общeturк. *tärin*) и т.д. Ср. также: чув. *aväs-*, *as-* «везть», азерб. *äs-*, туркм. *öŧ-* (также *öwüŧ-*), тур., лоб. *es-* «дуть, везть» (о ветре); чув. *avät-*, *at-* (сундыр.) «петь», азерб., тур. *öt-* «петь», тув. *et-* «издавать звуки, кричать» (о животных).

¹⁴⁴ Примечательно, что в болгарских эпиграфических памятниках XIII–XIV вв. встречается написание *يا لم* и *بلنج* «пятый», *جيا ت* и *جتى* «семь», т.е. **bielim*, **belinj* и **ĵiet*, возможно, **ie* отражает тенденцию к сужению.

тур., азерб., кум., балк., ног. *bel*, туркм. *bīl* «поясница» (но як. *bīl*)¹⁴⁵ ~ чув. *pilək*;

туркм., азерб. *ešit-*, тур., гаг. *išit-*, тат., баш. *išət-*, як. *ihit-* «слышать» ~ чув. *ilt-*;

Второй *i* можно усмотреть в таких словах, как:

тур., азерб., кир. *sez-*, тат. *siz-*, баш. *hiδ-* «чувствовать» ~ чув. *sis-* (следовало бы ожидать **sir-*);

алт., тув. *ert-*, хак. *irt-* «проходить, проезжать» ~ чув. *irt-* (следовало бы ожидать упрощения сочетания *rt*, ср. *vit-* «крыть» ~ тюрк. *ört*, *vāda* «середина» ~ тюрк. *orta*, *tāvadā* «четыре» ~ тюрк. *dört*, *šət-* «рвать» ~ тюрк. *jürt-*).

Еще несколько примеров на *i* < общетюркского *E* (*a* ~ *ē*):

а) азерб. *dāmir*, тур., туркм. *demir*, як. *timir*, тат. *timər* «железо» ~ чув. *timər*;

азерб. *gāmi*, тур. *gemi* (но туркм. *gāmi*), кир. *keme*, хак. *kime* «лодка» ~ чув. *kimə*;

азерб. *āz-*, туркм. *eδ-*, тур. *ez-*, кир. *ez-*, тат. *iz-* «разминать, давить» ~ чув. *ir-*;

азерб. *gäl-*, тур., туркм. *gel-*, як. *käl-*, тат. *kil-* «приходить» ~ чув. *kil-*;

б) азерб. *jet-*, кир. *jeti-*, тув. *čet-*, баш. *jət-* «доходить» ~ чув. *šit-*;

азерб. *jeddi*, кир. *jeti*, тув. *čedi*, хак. *čittə*, баш. *jətə* «семь» ~ чув. *šijə*, *šiččə*;

туркм. *jəlim*, кир. *jelim*, тат. *jiləm*, баш. *jələm* «клей» ~ чув. *šiləm*;

¹⁴⁵ В якутском языке можно наблюдать *i* на месте ожидаемого *ä* (в том числе после *s* и перед *i* второго слога):

sir «земля» ~ азерб. *jer*, тат. *fir*;

min «я» ~ азерб. *män*, тат. *min*;

sit «достигать, догонять» ~ азерб. *jet-*, тат. *jit-* «делать»;

it- «заряжать ружье» ~ азерб. *et-*, тат. *it-*;

bil «таймень» ~ алт. *bel*, хак. *pil*;

til «теленка или жеребенка, припускаемый к чужой самке» ~ кир. *tel*, баш. диал. *tiləw* «припускать теленка к чужой матке».

Кроме того, *i* – *ä* чередуются в якутских говорах:

ilī ~ *äli* «рука»;

tir ~ *tär* «кожа, шкура»;

ikki ~ *äkki* «два»;

ilt- ~ *ält-* «водить»;

См. также: Убрятова Е.И., с. 51–52.

туркм., кир. *em*, тат., баш., хак. *im* «лекарство, снадобье» ~ чув. *im*.

Чувашский *i* < *e* выступает как *ə* (после *ś*, *j*; ср. *i* > *ə* после *j* в башкирском языке и *ä* > *i* после *s* в якутском языке):

туркм., тур., азерб. *jer*, кир. *ĵer*, тув. *ĉer*, тат. *ĵir*, баш. *jəŕ* «земля» ~ чув. *śər*;

туркм. *jeŋ*, тур. *jen*, кир. *ĵeŋ*, тат. *ĵiŋ*, баш. *jəŋ* «побеждать» ~ чув. *śən*;

тур., азерб. *jeni* «новый» ~ чув. *śənə* (но туркм. *janı*, баш. *janə*, тат. *janə*, як. *saŋa* и т.д.);

туркм. *jemir*, кир. *ĵemir*, тат. *ĵimər*, баш. *jəməŕ* «бить, разрушать» ~ чув. *śəmər*;

туркм. *ekið*, тур. *ikiz*, кир. *egiz*, тат. *igəz*, хак. *əkkəs* «двойня» ~ чув. *jəgər*¹⁴⁶.

i > *ə* перед *ś*, вероятно, и в *kəśše* ~ *kəže* «войлок» ~ тур., туркм. *keče*, азерб. *keçä*.

Наряду с *təlmər* «питать надежду» в чувашском встречается *tilmər*- (ср. кир., ккал. *telmir*-, уйг. *telmü(r)*-, баш. *tilmər*-).

В слове *juman* «дуб» на месте общетюркского *e* появляется *u*:

кум., ног., кир., каз., ккал. *emen*, алт. *ermen*, тат., баш. *imän* ~ чув. *juman* (*joman*). Маловероятно, чтобы *joman* ~ *juman* < *jaman* < *jämän* < *iemən* (ср. казах., ккал.). Скорее *jaman* > *juman* по ассоциации к марийскому *тумо* «дуб»¹⁴⁷.

В слове *śüren* «рыжий», хак. *ĉigəren*, ног. *ĵijren*, кум. *ĵijren*, баш. *jərän* *ü* < *i* < *e* возник под влиянием губного *v* < *g*, т.е. *śüren* < *śivren* < *śigren* < (ср. русск. *игривый* < чувашского).

Непонятным остается чувашское *üt* «тело, мясо», туркм., тур., кир., алт., узб., уйг. *et*, тат., баш. *it*.

Может быть, появлению *ü* в слове *üt* способствовало его употребление в таких сочетаниях как *üt-puś* «организм», *üt-pü* «тело» (ср. тув. *e"t-ħot* «тело»). *ü* могло появиться и на месте *i* в чувашских говорах (ср. *külemi* ~ *kilemi* «жена моего старшего дяди», *tilyēbe* ~ *tilyēbe* «вожжи», *ürgen* ~ *irgen* «лениться»).

¹⁴⁶ В хакасском языке *e* > *i* > *ə* перед *ə* второго слога:

sərəg «войско» < *sirəg* < *ĉerig*;

əkkəs «двойня» < *ikəs* < *ekiz*;

əzək «дверь» < *izək* < *ešik*.

¹⁴⁷ Предположение Б.А. Серебренникова.

Необходимо остановиться еще на двух чувашско-татарских звуковых соответствиях:

1. чувашский *e* ~ тат. *ä*:

чув. *senger* ~ тат. *zäjär* «синий, голубой»;

чув. *per-* ~ тат. *bär-* «ударять»;

чув. *peləš* ~ тат. *bäləš* «большой пирог»;

чув. *tengə* «рубль» ~ тат. *tänkä* «монета»;

чув. *čeñäge* «острога» ~ тат. *čänäčkə* «вилка»;

чув. *čeĵek* ~ тат. *čäčäk* «цветок»;

чув. *ježal* «зелень» ~ тат. *jäšäl* «зеленый»;

чув. *erəm* «попынь» ~ тат. *ärəm*.

Чувашский *e*, видимо, выступает здесь субституттом татарского *ä*. Мы видели, что общетюркский *e* (*ä*) первого слога представлен в чувашском как *a* и *i*. Однако в системе чувашского вокализма сохранился *e* непервых слогов¹⁴⁸, который и мог выступать субституттом чуждого *ä*, после того как процесс *ä* > *a* завершился.

2. чувашский *a* ~ татарский *ä*.

чув. *arĵa* ~ тат. *ärĵä* «ящик, короб»;

чув. *arba* ~ тат. *ärbä* «полова» (баш. *äwräw* «мякина»);

чув. *karas* ~ тат. *käräs* «соты»;

чув. *šaškə* ~ тат. *šäškə* «норка»;

чув. *šara* ~ тат. *šärä* «голый»;

чув. *arlan* ~ тат. *ärlän* «хомяк»;

чув. *kalda* ~ тат. *kältä* «ящерица»;

чув. *kalĵa* ~ тат. *kälšä* «всходы»;

чув. *pas* ~ тат. *päs* «иней, изморозь».

В одних случаях (чув. *arĵa*) *a* здесь выступает субституттом татарского *ä*, в других (тат. *ärlän*, *šärä*), напротив *ä* замещает чувашский *a* (чув. *arlan* соответствуют *erlen* и *irlän* в других тюркских языках, чув. *šara* < *čärä или *järä, тат. *š* субститут чувашского *š*).

В чувашских говорах встречаются соответствия *a* ~ *i*:

sagälda ~ *sigälde* «выбоина на дороге»;

¹⁴⁸ Любопытно, что в нескольких чувашских словах *e* выступает в первом слоге вместо ожидаемых *a* или *i*: тат. *čiräm* «дерн», баш. *siräm*, *siđäm* «целина» ~ чув. *šerem* «дерн»;

туркм. *šerće*, тур. *serçe*, азер. *särčä* «воробей» ~ чув. *šerzi*;

туркм., кир. *elči* «посол», тат. *ilčə* ~ чув. *elĵə*;

тур., туркм. *peltek*, тат. *birtäk* «заика» ~ чув. *peldek*, тур. *čengel*, азер. *čängäl*, караим. (?) *cengel*, *cengil* «крючок» ~ чув. *šegöl*;

ažak ~ *ižek* «осел»;
aš- ~ *iš-* «ходить по воде, снегу, грязи»
talmār- ~ *tilmār-* «умолять»;
talār- ~ *tilār-* «беситься».

a ~ e:

valaś- ~ *veleś-* «раздавать»;
arām ~ *erām* «попынь»;
aptār ~ *eptār* «шило»;
anĵāk «собака, щенок» ~ *enĵak* «кутенок»;
jaška ~ *ješke* «всякое жидкое варево»;
šamža ~ *šemže* «мягкий».

ī в первом слоге

Общетюркский *ī* в первом слоге представлен как:

1. *ā*

а) в односложных словах:

кир. *sij* «подарок, награда», тат. *sāj*, баш. *hāj*
«угощение» ~ чув. *sāj*;

тат. *sān*, баш. *hān*, уйг. *sin* «внешний вид, облик» ~
чув. *sān*;

кир. *qij-*, тат., баш. *qāj-* «сметь, осмеливаться» ~ чув. *xāj-*;

б) в многосложных словах:

тат., баш. *qājaq*, туркм. *gījaq*, уйг. *qijaq* «осока» ~
чув. *xājax*;

туркм. *dīqīd*, кир. *tīyiz*, тат. *tāγāz*, баш. *tāγād* «тесный,
узкий» ~ чув. *tāvār*;

туркм. *dīriš-*, кир. *tīriš-*, тат., баш. *tārāš-*, ккал. *tīriš-*
«стараться» ~ чув. *tārāš-*.

В татарском и башкирском языках общетюркский *ī* тоже дал *ā*. Поэтому во многих случаях трудно определить, отражает ли чувашский *ā* древний *ī* или мы имеем дело с более поздними заимствованиями.

2. *ə*.

Общетюркские *ī* и *ī̄*: часто выступают как *ə*.
Опереднение *ī > ə*, по мнению Г.И. Рамстедта, было вызвано мягкими *l'*, *č*, *ś*.

Однако, как показывают примеры, общетюркский *ī* часто соответствует чувашскому и в тех случаях, когда в чувашских словах отсутствуют названные звуки.

Например, общетюрк. *qīs-* «жать» ~ чув. *xəs-* (но *xās-* «испытывать рвоту»);

общетюрк. *qırq* «сорок» ~ чув. *xərax*;
 общетюрк. *qırγij* «ястреб» ~ чув. *xəryi*;
 общетюрк. *qisir* «яловая» ~ чув. *xəzər*;
 общетюрк. *qizyan-* «жалеть» ~ чув. *xəryen-*;
 общетюрк. *qiz, qiz̄* «девушка» ~ чув. *xər*;
 общетюрк. *iz, iz̄* «след» ~ чув. *jər*;
 общетюрк. *qin* «ножны» ~ чув. *jənə*;
 общетюрк. *qiz-* «накаливаться» ~ чув. *xər-* (но *xər-* — засыхать).

В чувашских говорах, как, впрочем, и в других тюркских языках и диалектах, можно наблюдать чередование *ə* и *ä*.

Особенно примечательны такие примеры:

jər ~ *jər* «след»;
xənəx- ~ *xənəx-* «привыкать»;
tərna ~ *tərne* «журавль».

В словах, где в каком-нибудь из тюркских языков наличествует долгий *ī*, опереднение *i* иногда объясняют влиянием последующего *j*, т.е. предполагают нечто вроде¹⁴⁹

$*qiz̄ > *qijz > *xir > xər$ ¹⁵⁰;
 $*tīn > tijn > *tin > čəm$.

Однако в словах *xəl* «зима», *xələx* «волос», *xəs-* «жать», *xərax* «сорок» не засвидетельствован долгий гласный.

Чувашское *xəs* «меч», вероятно, из общетюркского *qilic̄* > *qilč̄* > *xəs* > *xəs* (*š* — всегда мягкий).

3. *i*

Чувашское *xir* «нива, поле, степь» можно сопоставить с тур. *kir*, туркм. *gır*, тат., баш. *qār*, а чувашское *čik-* «колоть, втыкать» — с тат., баш. *təq-*, кир., туркм. *tıq*, кир. *tik-*.

Появление *i* на месте общетюркского *ī* (~ *ä*) остается для нас неясным (быть может, *i* > *ä* > *ə* > *i*).

4. *i*

В словах *ir* «пазить» и *xir-* «скоблить» общетюркскому *ī* (*ä*) соответствует *i*:

баш. *är-*, хак. *ir-* «пазить, рубить срубы в паз» ~ чув. *ir-*;
 туркм. *gır-*, тув. *xir-*, тат., баш. *qār-* «скоблить, брить» ~ чув. *xir-*.

ä (*i*) > *i* в этих словах, возможно, в соседстве с *r*.

¹⁴⁹ Ср. Бишев А. (1), с. 94–95.

¹⁵⁰ В болгарских эпитафиях имеем **هير** «девушка».

Однако более привлекательно предположить в чувашском *xir-* контаминацию двух тюркских глаголов — **qaz-*, **qazi-* (например, тур. *kazi-* «скоблить, чесать, парापать») и **qir-* (например, кир. *qir-* «скоблить, брить»), т.е. **qazi-* > **xir-* и **qir-* > **xar-*, а с чувашским *ir-* «пазить» интересно сопоставить хак. саг. *ar-* «выдалбливать в бревне выемку или паз». В этом случае чувашские *xir-* и *ir-* являлись бы правильным продолжением общетюркских **qaz-* и **ar-* (**a* > *ä* > *i*).

Чувашское *jurä* «песня» обычно сопоставляют с туркм., тур., хак., кир., тув. *ir*, тур., ног., кум., кар.т.г. *jir*, тур., балк. *ĵir*, каз. *žir*, узб. *žir* и т.д. Однако это сопоставление сомнительно (ср. еще: з.с.г. *jiru* «песня»).

***i* в первом слоге**

1. *ə*

а) в односложных словах:

туркм., тур., кир. *ič-*, тат. *äč-* «пить» ~ чув. *äś-*;

туркм. тур., як. *bil-*, тат., баш. *bäl-*, хак. *päl-* «знать» ~ чув. *päl-*;

б) в многосложных (двусложных) словах:

тур. *ilk* «первый», тат. *äläk* «раньше, прежде» ~ чув. *äläk*;

туркм., тур. *inek*, хак. *enek* «корова» ~ чув. *ene*;

Долгий *i*: совпал с кратким и выступает как *ə*:

туркм. *iš*, тур. *iş*, тат. *äş* «работа, дело» ~ чув. *äś*;

туркм. *gīr-*, кир. *kir-*, як. *kīr-*, тат., баш. *kər-* «входить» ~ чув. *kər-*;

туркм. *hīn*, як. *īn*, *īŋ*, хак. *ən*, тур. *in* «берлога, нора, пещера» ~ чув. *jənə* (ср. тат. *öñ*, баш. *öñ*);

туркм. *dīd*, *dīd̄*, тур., азер., гаг. *diz*, кум., уйг. *tiz*, тат., ног. *təz* «колени» ~ чув. *čər*.

Некоторые исследователи усматривают следы долгого *i* в *č* < *t* и протетическом *j* в *jənə* < **ijn*.

2. *i*

тур. *bin*, азер. *min*, туркм. *mīn*, каз. *mīŋ*, хак., тув. *muŋ*, тат., баш. *məŋ* ~ чув. *pin* «тысяча»;

тур. *piš-*, кир. *biš-*, кум., туркм., азер. *biš-*, як. *bus-*, тат. *pəš-*, баш. *bəš-* «вариться» ~ чув. *piš-*;

тур., азер. *ip*, кум. *jip*, туркм. *jür*, кир. *ĵip*, уйг. *žip*, хак. *čər*, тат. *ĵər* «нитка, шнур» ~ чув. *šip*.

i также отражается как *i*:

туркм. *īr*, тур. *er* «утро, рано», сюг. *er* «прежнее время» ~ чув. *ir*;

В этом слове можно видеть «заимствование» из какого-то *i*-языка (т.е. из языка, где *e > i*) (ср. ниже с. 83).

3. *ə*

алт., тув., кир. *kiš*, тат., баш. *kəš* «соболь» ~ чув. *kəš*;

туркм., тур., азерб., гаг., балк., кум., кир., уйг. *kirpik*, тат. *kərfək*, баш., ног., каз. *kərpək*, алт., тув. *kirbik* «ресница» ~ чув. *xərbək*;

туркм. *šijek*, тур. *sinek*, тув., хак. *sək* «муха» ~ чув. *šəna*;

Об *i > ə > ə* см. раздел «Превращение исконных гласных переднего ряда в гласные заднего ряда».

В слове *pijdə* «вошь» *ij* появилось на месте общетюркского *i ~ i (ə)*:

туркм. *bit*, тат., баш. *bət*, хак. *pət*, тув. *bi't*, як. *bit* (чув. диал. *pid'ə*, *pəjdə*, *pujdə*), но ног., ккал., алт. *bəjt*, узб. диал. *pijt*)¹⁵¹.

Ср. туркм., тур., сюг. *it-* «толкать», караим. К., алт. *ijt-*, тув. *i't-*, *it-*, сюг. *išit-* (ср. ног. *ijte-* «толкать»);

туркм., тур., азерб., узб. *it* «собака», каз., ног., ккал., алт. *ijt*, тув. *i't*, караим. Г. *jit*, уйг. *išt*)¹⁵²;

як. *ūt*, кир., хак., тув. *ūt* «отверстие», алт. *ijjt*;

туркм., тур., гаг., кир., сюг. *inek*, уйг. *inäk*, як. *inäx* «корова», шор., кбал. *ijnek*.

о в первом слоге¹⁵³

1. *u*

а) в односложных словах:

туркм. *goj*, тат., баш. *quj-*, кир. *qoj-*, др. тюрк. *qod-* «класть» ~ чув. *xur-*;

тур., туркм., каз., хак., як. *ot*, тув. *o't* «трава» ~ чув. *udə* «сено»; *ō* отражается тоже как *u*:

туркм., сюг. *ōt*, як. *uot*, тур., кар., кир., каз., ног., ккал., уйг., алт., хак. *ot*, тат., баш. *ut* «огонь» ~ чув. *vut* (о *v*-протезе см. ниже);

¹⁵¹ См.: Поливанов Е.Д. Изв. АН, VII серия, 1929.

¹⁵² Не является ли чувашский *j* в словах *jidə* «собака», *pijdə* «вошь» особым рефлексом исторически сильного конечного *t*, ср. тув. *bi't* «вошь», *i't* «собака», сюг. *pišt* «вошь», *išt* «собака» (*iš < ij*).

¹⁵³ Об отражении *o* в абсолютном начале слова см. раздел «Протетические согласные».

туркм. *jöl*, як. *suol*, тур. *jol*, кир. *ǰol*, хак. *čol*, баш., тат. *jul* «дорога» ~ чув. *śul*.

Как показывают случаи типа: *uj* «поле» (общетюрк. *oj*), *uj* «намерение» (общетюрк. *oj*), *jurt-* «бежать рысью», *jumax* «сказка», *u* может отражать как общетюркский *o*, так и более поздний *u < o*. Иначе в словах типа *uj* следовало бы ожидать «протетический» *v* (ср. *vur-*, *vun*, *vut*), а вместо *jumax* и *jurt-* выступали бы **śumax* и **śurt-* (ср. *śul*, *śuk*, *śun*).

2. ə

а) в односложных словах:

туркм. *doŋ*, тур., азерб. *don*, тув. *doŋ*, кир., уйг. *toŋ*, тат., баш. *tuŋ* «мороз, заморозки» ~ чув. *təm*;

тур. *bok*, уйг. *poq*, алт. *ḥoq*, кир., каз. *boq* «кал, навоз» ~ чув. *pəx*.

б) в многосложных (двусложных) словах:

туркм. *gonaq*, кир. *qonoq*, тат., баш. *qunaq* «гость» ~ чув. *xəna*;

туркм. *topraq*, кир. *topuraq*, тур. *topraq*, тув. *dowuraq*, тат. *tufraq*, баш. *tupraq* «земля, почва» ~ чув. *təpra*;

туркм. *goŋur*, кир. *qoŋur*, ккал., алт. *qoŋir*, хак. тув. *xōr*, баш. *quŋär* «бурый, коричневый» ~ чув. *xətər*.

Для интерпретации двоякого отражения общетюркского *o* в чувашском языке несомненный интерес представляют следующие факты.

Во-первых, колебания в общетюркских межязыковых соответствиях, которые можно проиллюстрировать хотя бы такими примерами:

туркм. *bođ-*, тур. *boz-*, азерб. *poz-* «портить», но кир., уйг. *buz-*, тув. *ḥus-*, тат. *bōz-*, баш. *bōđ-*;

туркм., тур., азерб. *jol-* «выдергивать», но кир. *ǰul-*, уйг. *jul-*, тув. *čul-*, тат., баш. *jōlq-*;

кир. *botqo*, алт. *ḥotqo*, уйг., каз. *botqa*, баш. *butqa* «каша», но тат. *bōtqa*.

Такие «перебои» являются не только межязыковыми, но и внутриязыковыми (междиалектными). Их существование вполне допустимо и для эпохи общетюркского, а позднее древнечувашского языка.

Можно полагать, что в языках, с которыми контактировали древние чувашские диалекты, колебания типа *o ~ u* (а также *ä ~ ü*, *e ~ i*) были нередкими.

Во-вторых, показательным представляется отражение общетюркского *o* в говорах современного чувашского языка.

Общeturкский *o*, давший в чувашском литературном языке *u* (низовые говоры), в верховых говорах отражается как *o*.

śul ~ *śol* «дорога»,
tul- ~ *tol*- «наполняться»,
tum ~ *tom* «одежда»,
uj ~ *oj* «поле»,
jurt- ~ *jort*- «бежать рысью»,
xul ~ *xol* «рука»,
xur- ~ *xor*- «класть»,
tuj ~ *toj* «свадьба»,
śun- ~ *śon*- «тесать».

Как правило, в этих словах *u* не дает *ǎ*, но *vut*, *vot* и *vǎt* «огонь», *jumax*, *jomax*, *jǎmox* «сказка».

Общeturкский *o*, давший в чувашском литературном языке *ǎ* (низовые говоры), в верховых говорах отражается как *ǝ* (реже *u*): *pǎs*- ~ *pǝs*- «портить»,

pǎdǎ ~ *pǝdǝ* «каша»,
pǎx ~ *pǝx* «навоз»,
tǎm ~ *tǝm* «заморозка»,
xǎp- ~ *xǝp*- «отставать»,
śǎrya ~ *śǝrya* «иноходец»,
tǎxxǎr ~ *tǝxxǝr* «девять»,
tǎri ~ *tǝri* «жаворонок»,
xǎmǎr ~ *xǝmǝr* «бурый» и
śǎrttan ~ *śurdan* «щука»,
śǎl-, *śǎl*-, *śul*- «дергать».

Случай типа:

śom ~ *śum* ~ *śǝm* «сорняк»,
oram ~ *uram* ~ *ǎram* «улица»,
jomax ~ *jumax* ~ *jǎmox* «сказка»

позволяют предполагать два перекрещивающихся направления развития губных:

верх. *o* (*ǝ*) ----- низ. *u* ----- *ǎ*,
низ. *u* (*ǎ*) ----- верх. *o*

(в окающих верховых говорах заимствования из низовых могут получать *o* вместо *u*).

Двойное замещение общeturкского *o* в первом слоге Г.И. Рамстедт объяснял, опираясь на теорию ступеней (сильная ступень — *u*, слабая ступень *ǎ*)¹⁵⁴.

¹⁵⁴ См. Zur Frage, с. 12.

Близкую к Рамстедту точку зрения высказал и N. Порре, который утверждал, что ударяемые *o* и *u* передвинулись в чувашском в *u*, тогда как *o* и *u* в безударной позиции дали \bar{a} ¹⁵⁵.

Й. Бенцинг также отмечал двойное замещение губных¹⁵⁶. При этом он указывал, что *o*, *u* > \bar{a} прежде всего перед вторым слогом с полными гласными¹⁵⁷.

Так называемые «древнечувашские» заимствования венгерского языка сохраняют *o*:

gyom «сорная трава» ~ чув. *śom* ~ *śum*.

В удмуртский язык чувашские слова попали из верховых говоров уже после того, как общетюркский *a* > *o*.

Этот *o* < *a* отражается в удмуртском как *u* (*бултыр* «свояченица», *буртчин* «шелк», *бусено* «свояк», *ульмо* «яблоко» и т.д.). В виде *u* отразился также *o* < общетюркского *o*:

куно «гость» ~ чув. лит. *x̣əna* < *qonaq*¹⁵⁸,

кузё «хозяин» ~ чув. лит. *xuža*, тат. *xuǰa*.

ö в первом слог¹⁵⁹

1. *ü*

туркм. *θön-*, тур. *sön-*, тат. *sün-* «гаснуть» ~ чув. *sün-*;

туркм. *öθ-*, кир., каз., каз., ног., ккал., уйг., алт., хак., тув. *ös*, тат. *üs-* «расти» ~ чув. *üs-*;

туркм., тур., кир. *çör*, хак. *sör*, баш. *sür*, тат. *çür* «сор, мусор» ~ чув. *śübə*.

Такой же рефлекс может давать и долгий \bar{o} :

туркм. *köl*, як. *küöl*, тур. *göl*, кир., уйг. *köl*, тув. *xöl*, тат., баш. *kül* «озеро» ~ чув. *külə*;

туркм. *böl-*, кир. *böl-*, хак. *pöl-*, тат., баш. *bül-* «делить» ~ чув. *pül-* «загораживать».

Здесь можно предположить проникновение слов из какого-то *ü* диалекта, где долгие и краткие уже совпали, так как древнечувашский \bar{o} > $\bar{a}va$.

¹⁵⁵ KCsAr, II, 1–2, § 7, § 9.

¹⁵⁶ Fundamenta, с. 706.

¹⁵⁷ Из 12 двусложных слов в 7 во втором слог^е нами отмечен полный гласный (*a*).

¹⁵⁸ Но удмуртский *u* мог появиться и на месте чувашского \bar{a} , \bar{o} < *u*: ср. удм. *бус* < чув. *päs*, *pös*; а также мар. гор. *x̣əna* и мар. луг. *una* «гость» < чув. *x̣əna*.

¹⁵⁹ Об отражении \bar{o} в абсолютном начале слова см. также раздел «Протетические согласные».

О появлении *u*, *ə* вместо ожидаемого *ü* в словах *kur*- «видеть», *kuş* «перекочевать», *um* «грудь, перед», *kək* «корень» и т.д. см. раздел «Превращение исконных гласных переднего ряда в гласные заднего ряда».

2. ə

алт. *töj*, уйг., кир., ккал. *döj* «возвышение, холм, бугор» ~ чув. *təm* «кочка, бугорок» (ср. баш. *tüngäk* «кочка»).

туркм. *köpri*, тур. *köprü*, уйг. *köpriük*, тат., баш. *küpär* «мост» ~ чув. *kəber*;

кир. *örçü-*, каз. *örşä-*, тат. *ürçä-* «плодиться» ~ чув. *əře-*;

В двух последних примерах гласный второго слога в чувашском расширился.

В чувашских говорах наблюдается чередование *ə* ~ *ü*:

əře- ~ *ürçe-*, *kəřäk* ~ *kürçäk*, *pəрге-* ~ *pürge-* и т.д.

Нельзя ли поэтому допустить, что отражение общетюркского *ö* > *ü* в виде *ə* представляет собой частный случай *ö* > *ü* > *ü* ~ *ə*. Или же мы имеем здесь поздние кыпчакские (татарские?) заимствования.

ö в первом слоге дает в чувашском *əva* (в абсолютном начале *va*).

туркм. *köđ*, азерб. *köz*, хак., тув. *kös*, тат. диал. *küz* «горячие угли» ~ чув. *kəvar*;

туркм. *dört*, як. *tüört*, тур. *dört*, кир. *tört*, тат., баш. *dürt* «четыре» ~ чув. *təvat*;

туркм. *gök*, як. *küöx*, тув. *kök*, тат. *kük* «синий, голубой, сизый» ~ чув. *kəvak*.

По говорам *əva* чередуется с *ua* и *oa*:

kəvak ~ *koak* ~ *kvak*

kəvar ~ *koar* ~ *kvar*.

О соответствии *ö* ~ *əva* см. в разделе «Долгие гласные».

u в первом слоге

Общетюркский *u*¹⁶⁰ в первом слоге представлен как

1. ə

а) в односложных словах:

уйг. *bus*, кум. *pus*, баш. *böđ*, тув. *bus* «пар» ~ чув. *päs*;

туркм., тур., азерб. *dur-*, кир., як. *tur-*, тув. *tur-* тат., баш. *tör-* «стоять» ~ чув. *tär*;

¹⁶⁰ Об *u* в абсолютном начале слова см. раздел «Протетические согласные».

туркм., тур., кир. *bur-*, баш., тат. *bör-* «поворачивать» ~ чув. *pār*.

Такой же рефлекс дает и долгий *ū*.

туркм. *būd*, як. *mūs*, тур. *buz*, кир., уйг. *muz*, тат. *böz*, баш. *böd* «лед» ~ чув. *pār*.

б) в многосложных (двусложных словах):

кир. *qulmaq*, баш. *qōmalaq*, алт. *qumnaq*, хак. *xumnaq*, тат. *qōlmaq* «хмель» ~ чув. *xāmla*;

кум. *julduz*, як. *sulus* (< *sullus* < *suldus*), тур. *jıldız*, тат. *jöldāz*, баш. *jōndōd* «звезда» ~ чув. *šāldār*;

туркм. *gulaq*, тур. *kulak*, кир., уйг., тув. *qulaq*, як. *kulāx*, тат., баш. *qōlaq* «ухо» ~ чув. *xālyā*.

В словах *vās* «конец», *vās-* «летать» *ā* < *u* > *ə* под влиянием последующего *ś*.

Слово *təl* «время, место» ~ туркм. *dūš*, кир., азерб. *tuš*, хак., ккал. *tus*, тув. *duš* в турецком и татарском имеет соответствия с передним гласным: *dūš* и *iōš*. Быть может, *ā* > *ə* под влиянием *l* (сюда же *pələt* «облако»).

2. *u*

туркм., тур., азерб. *duj-*, кир., уйг. *tuj-*, тат., баш. *tōj-* «чувствовать» ~ чув. *tuj-*;

туркм. *jūrt*, азерб. *jurq*, кир. *ǰurt*, тат., баш. *jört* «дом, постройка» ~ чув. *śurt*;

В слове *śūye* «тонкий» (туркм. *juqa*, тур. *jufka*, уйг. *žurqa*, кум. *juqqa*, тат. *juqa*, тув. *čuyā*) *u* > *ū* после *ś*.

3. *i*

туркм., тур., азерб., кир., уйг., як. *tut-*, тув. *t^hut-*, тат. баш. *tōt-* «держатъ, хвататъ» ~ чув. *tīt-*;

туркм. *ūqī*, тур. *ıjku*, уйг., кир. *ıjqu*, хак., тув. *ıjyu*, баш. *jōqō*, тат. *jōqā* «сон» ~ чув. *ijyā*;

тур. *su*, туркм. *šuw*, тув. *suɣ*, хак. *suɣ*, як. *ū*, баш. *hāw* «вода» ~ чув. *šiv*;

туркм. *ūja*, тур. *ıja*, кир., алт., хак. саг., уйг., сюг., лоб. *ıca*, тат. *ōca*, баш. *ōsa* «бедро, крестец» ~ чув. *iza*.

В говорах встречаются такие чередования:

tīt- ~ *tut-* «держатъ»;

ijāx ~ *ājāx* «сон»;

šiv ~ *šāv* ~ *šu* «вода».

Возможно, что *i* в *tīt-* появилось непосредственно из *u* (ср. *ixra* ~ *uxra* «чеснок», *idā* ~ *udā* «нечет», *tīla* ~ *tula* «мялка» и т.д.), а в *ijāx*, *šiv* этот *i* < *ā* < *u*. Чувашское слово *iza*

остаётся пока неясным: *i* мог возникнуть из *u* или *ə*, но откуда *z* вместо ожидаемого *ẓ*?

Особняком стоит слово *təvar*¹⁶¹ «соль» ~ туркм. *dūd*, тур., кир. *tuz*, як. *tūs*, тув. *ɟus*, баш. *tōδ*, тат. *tōz*.

əva обычно соответствует общетюркскому *ö*.

Большинство исследователей (N. Порре, Й. Бенцинг) полагают, что *o* и *u* в чувашском совпали и получили одинаковые отражения.

Как уже говорилось, N. Порре и Г.И. Рамстедт различают *o*, *u* в сильной (ударное) и слабой (неударное) позиции¹⁶².

В чувашском литературном языке (укающие говоры) общетюркский *o* перешел в *u*, отчасти совпал с исконным *u* и через ступень *ə* (<*ö*) дал *ə*: все эти стадии можно проследить в низовых говорах.

В верховых говорах (окающих) *o* сохранился, *u* обобщился в *o*, или расширился в *ö*.

Смешение (переселение) носителей верховых и низовых говоров, а также проникновение лексики из укающих кыпчакских говоров вызвало различные отклонения от этой схемы¹⁶³. Кроме верхового *o* и низового *u* диалектологи отмечают звук *o* средний по степени лабилизации между *o* и *u*. Этот *o* зарегистрирован, например, в говоре Красночетайского района Чувашской АССР, в чувашских говорах Аксубаевского района Татарской АССР, говорах Чурачикского района Чувашской АССР и т.д.

***ü* в первом слоге**

Общетюркский *ü* в первом слоге представлен как:

1. *ə*

а) в односложных словах:

туркм., кир. *kül*, тат., баш. *köl* «зола» ~ чув. *kəl*;

балк., кир., уйг. *tük*, тув. *ɟük*, тат., баш. *tök* «перо, волос, шерсть» ~ чув. *tək*;

туркм., кир. *bür-*, хак. *pür-*, тат., баш. *bör-* «сужать, делать складки» ~ чув. *pər-*.

Так же представлен и общетюркский долгий *ǖ* (об *ü* в абсолютном начале слова см. раздел «Протетические согласные»).

¹⁶¹ Ср. Benzing J. (1), с. 706.

¹⁶² См. KCSAr, 2, 1–2, 1926, § 7 и § 9, пункт 5, 6.

¹⁶³ Ср. Матер. по чуваш. диал. (2), с. 13–15.

туркм. *jüδ*, як. *sīs*, тур. *jüz*, тув. *čüs*, баш. *jöδ*, тат. *jöz* «сто» ~ чув. *šar*;

туркм. *güδ*, тур. *güz*, кир. *küz*, тат. *köz* «осень» ~ чув. *kər*;
туркм. *dür*, кир., уйг. *tür*, тув. *đür*, тат., баш. *tör* «дно» ~

чув. *tər*.

б) в многосложных (двусложных) словах:

туркм., кир., уйг. *kümüš*, хак. *kümüs*, тат. *kömäš*, баш. *kömdöš* «серебро» ~ чув. *kəmäl*;

туркм. *jüdük*, кир. *jüzük*, тур. *jüzük*, тув. *čüskük*, баш. *jödök*, тат. *jözäk* «кольцо» ~ чув. *šarə*;

туркм., кум. *gijew*, алт. *küjü*, хак. *kəzö*, тат. *kijäw*, др. тюрк. *küdägü* «зять, жених» ~ чув. *kərü*;

2. *ü*

туркм. *düδ*, тур., азер. *düz*, кир., уйг. *tüz*, тат. *töz* «прямой» ~ чув. *türə*.

туркм. *hüwi*, тур. *öjü*, уйг. *ükä*, кир. *ükü*, хак. *ügü*, баш. диал. *ökö* «филин» ~ чув. *iγə*.

Об *ü* > *u*, *ü* > *ə* в словах *kul-* «смеяться», *kun* «день», *kəndär* «полдень» и т.д. см. раздел «Превращение исконных гласных переднего ряда в гласные заднего ряда».

3. *i*

кир. *tüjö-*, тат. *töjä-*, як. *tiäi-*, ккал., каз., ног. *taje-*, баш. *tajä-* «грузить» ~ чув. *tije-*;

азер., кир., алт., кум., ног. *tülkü*, туркм., тур. *tilki*, каз. *tülkä*, узб., уйг. *tülki*, хак. *tülgü*, тат. *tölkə*, баш. *tölkö* «лиса» ~ чув. *tilə*.

Как видно из этих примеров, существует межтюркское соответствие *i* (ə) ~ *ü*. Его можно найти и в чувашских говорах.

Чув. *i* по говорам чередуется с *jə*:

ižəm ~ *jəžəm* «изюм, виноград»;

igel ~ *jəgel* «желудь»;

ider- ~ *jəder-* «сосать перед доением»;

idem ~ *jədem* «гумно».

Й. Бенцинг¹⁶⁴ оставляет различные рефлексy *ö* (*ü*) без объяснения. Н. Рорре¹⁶⁵ указывает, что ударяемые *ö* и *ü* в чувашском представлены большей частью через *ü*, а *ö* в инлауте как *əva*.

Что касается безударных *ü* и *ö*, то они, по словам Н. Рорре, представлены как *ə* и *ə̃*.

¹⁶⁴ Benzing J. (1), с. 706–707.

¹⁶⁵ КСsАг, 2, 1–2, § 8, § 9.

Долгие гласные

Система долгих гласных в тюркских языках. Рефлексы долгих гласных в чувашском языке

Вопрос о существовании долгих гласных¹⁶⁶ в общетюркском языке до сих пор остается спорным. Одни исследователи (В. Гренбек, В.В. Радлов) не признавали существования так называемых первичных долгот. В.В. Радлов пытался трактовать долгие гласные этого типа как результат стяжения¹⁶⁷. Кроме того, он полагал, что сохранению долгих, например в якутском языке, способствовала их значительная функциональная (смыслоразличительная) нагрузка¹⁶⁸.

Л. Лигети¹⁶⁹, М. Рясänen¹⁷⁰, Е.Д. Поливанов¹⁷¹ и др., опираясь на данные туркменского, якутского и некоторых других тюркских языков и диалектов, полагали, что различие долгих и кратких гласных существовало уже в общетюркском.

«Примирить» обе указанные точки зрения попробовал А. Биишев¹⁷². Он пришел к выводу, что так называемые первичные долготы принципиально ничем не отличаются от вторичных. Между ними существует лишь хронологическая граница. «Первичные» долготы возникли в общетюркскую эпоху, вторичные появились в ходе истории конкретных тюркских языков.

Появление «первичных» долгих гласных большинство исследователей объясняли стяжением различных звуковых комплексов: гласный + γ , b , j (В. Гренбек, В.В. Радлов), гласный + j (Л.Г. Биишев).

¹⁶⁶ Речь пойдет лишь о долгих гласных в первом слоге, главным образом односложных слов.

¹⁶⁷ Радлов (1), с. 72–83.

¹⁶⁸ Радлов (2).

¹⁶⁹ Ligeti (2).

¹⁷⁰ Räsänen (4).

¹⁷¹ Поливанов (2, 3).

¹⁷² Биишев (1).

Д. Немет¹⁷³ и Г.И. Рамстедт¹⁷⁴ связывали долготы с акцентуацией, К. Менгес¹⁷⁵ усматривал в них результат компенсирующего удлинения.

Н. Роппе¹⁷⁶ указывал, что данные современных языков в большинстве случаев не позволяют идти дальше признания первичных долгот. Восстанавливаемые же исследователями формы типа *oyt*, *ojt* (для тюркского *ōt* «огонь») и т.д. нигде не засвидетельствованы и в равной степени гипотетичны.

В связи с проблемой о происхождении первичных долгот необходимо еще отметить, что если многие исследователи считают дифтонгизацию долгих гласных в туркменском (А.П. Поцелуевский¹⁷⁷, Н.К. Дмитриев¹⁷⁸), якутском (В.А. Богородицкий¹⁷⁹) и карагасском (К. Менгес¹⁸⁰) сравнительно новым явлением, то по мнению А.Г. Биешева, туркменские и карагасские дифтонги представляют архаизм.

Почти все исследователи, занимавшиеся проблемой первичных долгот, так или иначе обращались к чувашскому материалу.

С первичной долготой связывали такие факты истории чувашских звуков как $t > \check{c}$, $s > \check{s}$, $k > j$, v и j -протезу, $\hat{a} > a$ и некоторые другие. См. об этом соответствующие разделы настоящей работы.

Самая полная сводка данных об отражении первичных долгот в чувашском языке принадлежит, насколько нам известно, М. Рясянену¹⁸¹ и А. Бишеву¹⁸². Так как ими предложена различная интерпретация фактического

¹⁷³ *Németh* (1).

¹⁷⁴ *Ramstedt* (5).

¹⁷⁵ *Menges* (1).

¹⁷⁶ *Poppe* (7).

¹⁷⁷ *Поцелуевский*.

¹⁷⁸ Исследования.

¹⁷⁹ *Богородицкий*, с. 99.

¹⁸⁰ *Fundamenta*, с. 646.

¹⁸¹ *Räsänen* (5), с. 60–61.

¹⁸² *Бишев* (1), с. 34–47 (список односложных слов).

материала¹⁸³, здесь приводится список односложных слов с первичной долготой и делается попытка их анализа¹⁸⁴.

Общетюркский *ā*¹⁸⁵

- 1) туркм. *āw* «охота», хор. *āγ*, др.т. *ab*, тур. *av*;
- 2) туркм. *āγ* «опрокинуться», ккал. *aw-*, тув., хак. *andar-* «перевертывать»;
- 3) туркм. *āδ-* «сбиться с пути», азер. *az-*, тув. *as-*;
- 4) туркм. *āδ-* «мало», гаг. *āz-*, узб. (Кузн.) *āz*, азер. *az*, хак., тув. *as*;
- 5) туркм. *āj* «месяц», як. *ij*, хак. тув. *aj*, азер. *aj*; чув. *ujāx*;
- 6) туркм. *āq* «белый», тур. *ak (a'ī)*, хак. *ax*, тув. *aq*;
- 7) туркм. *āl* «злой дух, хитрость», тур. *al* «хитрость, обман, уловка», алт. *al* «мрачный, дикий», лоб. *al* «духовное вредящее существо»;
- 8) туркм. *āl* «алый», хор. *āl*, азер. *al*;
- 9) туркм. *āl* «перед», сюг. *al*;
- 10) тур. (ЗК) *āl-* «братъ», узб. (Яр. 171) *āl-*, як. *il-*, туркм., азер. *al-*, чув. *il-*;

¹⁸³ У М. Рясянена приведены статистические данные. А.Г. Биишев строит свои заключения на небольшом числе примеров, почему-то игнорируя свой огромный фактический материал с. 34–53.

¹⁸⁴ Основные сведения почерпнуты из книги А.Г. Бишшева. Из списка исключены сомнительные, на наш взгляд, этимологии. Он дополнен примерами из туркменского, чувашского и других тюркских языков. Слова сгруппированы по долготу гласному, чтобы отражение его в чувашском было более наглядным. Соответствия с краткими гласными приводятся выборочно.

¹⁸⁵ Здесь приводятся некоторые примечания к списку А. Бишшева:

- 1) чув. *jus-* лучше, пожалуй, сопоставить с тат. *jaz* «лишаться, сбиться» и т.д., так как тюркское *az-* скорее могло дать *ur-* или *jur-*;
- 2) в туркменском литературном языке глагол *ak-* «течь» не имеет долготы;
- 3) як. *sīs-* «колотить, толочь» лучше сопоставить с узб. *janč-* «колотить, топтать», кум. *janč-*, тур. *jenč-* и т.д. Чувашский глагол *śār-* «месить тесто, глину», венг. *gyúr* «месить, мять» ~ туркм. *juγur-*, кир. *ǰūr-*, азер. *joγur-*.
- 4) чув. *xāvar-* «оставлять» < *xu-* ~ *xāv-* «класть» < *qoj-*, ср. чув. *xur-* < *qod-*; *qij-*.
- 5) в туркменском литературном *kak* «сушеные фрукты» долгий гласный не отмечен.

- 11) тур. (ЗК) *ālt* «низ», тур. *alt* (*aldi*), шор. *ālt* и *alt*, азер. *alt*;
 12) туркм. *āŋ* «сознание», ккал., баш. *aŋ*, чув. *ān*;
 13) туркм. *āŋ* «понимать», тур., азер. *an-* «вспоминать»;
 14) туркм. *ār-* «утомиться», як. *īr*, *īr-*, кир., алт. *ari-*, чув. *īr-*;
 15) туркм., гаг. *ārt* «зад», кир., алт., ккал., баш. *art*;
 16) туркм. *āt* «имя», як. *āt*, узб. (Буд., Юд.) *āt*, хор. *ād*,
 тур. (ЗК) *āt*, тур. *at* (*adi*), хак., ккал., кир., алт. *at*, чув. *jat*;
 17) тур. (ЗК) *āt-* «бросать», ккал., хак. *at-*, як. *it-*, чув. *ivāt-*, *it-*;
 18) туркм. *āč* «голодный», як. *ās*, гаг., узб. (Юд.) *āč*, караг.
ajš, тур. *ač* (*aĵi*), ккал. *aš*, хак. *as*, чув. *vižē*, чув. диал. *vužē*;
 19) як. *ās-* «голодать», азер. *aĵ*, кир. *ač-*, каз. *aš-*, чув. *viš-*;
 20) туркм. *aš-* «переваливать», як. *ās-* «переходить за
 пределы», алт., тув. *aš-*, хак., ккал. *as-*;
 21) (?) шор. *āš* «пища», туркм., кир., алт. *aš*, як. *as*,
 тув. *a'š*;
 22) туркм. *bāγ* «веревка», як. *bīa*, узб. *ba^oγ*, ккал. *baw*,
 хак. *paγ*;
 23) як. *bāj-* «связывать», др. тюрк. *ba-*;
 24) туркм., як. *bāj* «богатый», ккал. *baj*, тув. *baj*, хак. *paj*,
 чув. *pujan*;
 25) туркм., як. *bār* «есть, имеется», узб. (Кузн.) *bār*, тур.
 (ЗК) *vār*, хак. *par*, ккал. *bar*, тув. *bar*, чув. *pur*;
 26) (?) узб. (Кузн.) *bā^oš* «голова», туркм., азер. *baš*, хак.
pas, тув. *ħa''š*, чув. *puš*;
 27) туркм. *bāš* «рана, язва», як. *bās*, караг. *bajš*, ср. алт. *ħalu*,
 тув. *ħaliγ*, хак. *palīγ*;
 28) туркм. *jāγ* «масло», як. *sīa*, тув. *čaγ*, азер. *jaγ*, чув. *śu*;
 29) туркм. *jād* «лето», як. *sās* «весна», гаг. *jāz*, узб. (Пол.)
jāz, алт. *d'as*, тув. *čas*, чув. *śur*;
 30) туркм. *jād* «сорваться», як. *sis-* «промахнуться», тув.
čas-, ккал. *žaz-*, тат. *jaz-*, чув. *jus-*;
 31) тур. (ЗК) *jāz-* «писать», туркм. *jad-*, азер. *jaz-*,
 (?) чув. *śir-*;
 32) туркм. *jāj* «лук», як. *sā* «ружье», тув. *ča*, азер. *jaj*,
 ккал. *žaj*, баш. *jājā*, чув. *śu* в *ukśu*;
 33) туркм. *jāj* «бить масло», сюг. *jaj-*, *jāj-*, ср. тат. *jaz-*,
 баш. *jad-*;
 34) туркм. *jāl* «грива», уйг. *jajil*, як. *sāl* «жир под
 гривой», «грива» и як. *siäl* «грива», тур. *jele*;
 35) туркм. *jān* «бок», азер. *jan*, ккал. *žan*, чув. *śum*;
 36) туркм. *jār* «берег», як. *śīr*, азер. *jar*, чув. *śīr*;

- 37) туркм. *jār-* «рассекать», азерб. *jār-*, тув. *čar-*, ккал. *žar-*, чув. *šur-*;
- 38) туркм. *jāt* «чужой», кир. *jat*, ног., баш. *jat*, чув. *jut*;
- 39) тур. (ЗК) *jāt-* «лежать», узб. (Яр.) *jāt-*, азерб. *jat-*, як. *sit-*, тув. *čit-*;
- 40) туркм. *jāš* «слеза», азерб. *jaš*, ккал. *žas*, тув. *čaš*, чув. *šul*;
- 41) туркм. *jāš* «возраст», як. *sās*, азерб. *jaš*, чув. *šul*;
- 42) туркм. *jāš* «молодой», тув. *čaš*, ккал. *žas*, чув. *jažə*;
- 43) туркм. *māl* «скот», як. *māl*, *mal* «имущество», тув., ккал. *mal*, чув. *mul*;
- 44) туркм. *gāđ* «гусь», як. *xās*, гаг. *kāz.*, караг. *qās*, тув. *qas*, чув. *xur*;
- 45) туркм. *gāj-* «плавать в воздухе», тур. *kaj-* «скользить», кир. *qajī-*, алт. *qaj-*;
- 46) туркм. *gāl-* «остаться», як. *xāl-*, азерб. *gal-*, ккал., алт. *qal-*, чув. *jul-*; возможно, сюда же: тув. *qay-* «оставлять»;
- 47) туркм. *gān* «кровь», як. *xān*, узб. (Буд.) *qān*, койб. *qān*, тув. *xan-*, чув. *jun*;
- 48) туркм. *gān* «утолять жажду», тур. *kan-*; ног. *qan-* «насыщаться, удовлетворяться», кир. *qan-*, тув. *xan-*, узб. *qa^on-*»;
- 49) туркм. *gār*, тур. *kar* (*kabi*), ккал. *qar*, тув., хак. *xar* «футляр, чехол»;
- 50) туркм. *gār* «снег», як. *xār*, гаг. *kār*, узб. (Кузн.) *kā^or*, тув. *xar*, чув. *jur*;
- 51) туркм. *gār-* «мешать, смешивать», тур. *kar-* «месить, смешивать с водой», узб. *kā^or*»;
- 52) туркм. *gāš* «бровь», як. *xās*, шор. *qās*, койб. *qas*, чув. *xaržə*¹⁸⁶;
- 53) туркм. *ğāđ* «болото», венг. *sár*, алт., хак. *sas*, узб. *sa^oz*, чув. *šur*, ср. баш. *šar* «труднопроходимое болотистое место»;
- 54) туркм. *ğāj-* «считать», азерб., тур. *saj-*, ног. *sajī-*, як. *āx-*, чув. *su-*;
- 55) туркм. *ğāl* «плот», як. *āl*, венг. *szál*, чув. *sulə*;
- 56) туркм. *ğān* «число», хор. *sān*, венг. *szām*, ккал., тув., хак. *san*, чув. *sum*, ср. азерб. *saj*, тур. *sajī*;
- 57) туркм. *dāy* «гора», як. *tīa*, тув. *day*, хак. *tay*, ккал. *taw*, чув. *tu*;

¹⁸⁶ *xaržə* < *xaş*, *xazə*, *r* в ряде слов появляется перед *ž* ~ *š*: *xurška* «белое пятно на лбу у лошади» < *qašqa*, *təržə* «ядро» и т.д.

- 58) туркм. *taj* «равный, один из пары», ног., азерб. *taj*;
 59) туркм. *tāj-* «поскользнуться», сюг., ккал., тув. *taj-*;
 60) туркм. *dāl-* «погрузиться в забытие», як. *tāl-*
 «остолбенеть», тув. *t^hal-*, баш., хак. *tal-*, кир. *tal-, tali-*;
 61) туркм. *tām* «комната», тур., азерб. *dam* «крыша, дом,
 хлев», уйг. *tam*;
 62) туркм. *tāŋ* «удивление», тур. *tan*, кир. *taŋ*;
 63) туркм. *dār* «узкий», азерб. *dar*, тув. *t^har*, хак. *tar*;
 64) туркм. *dāt* «вкус», тур. *tat (tadi)*, чув. *tudā*;
 65) туркм. *dāt-* «отведать», тур., ккал. *tat-*, баш. *tatā-*,
 уйг. *teti-* «иметь вкус, отвеживать», алт. *tati-* «иметь вкус»;
 66) туркм. *dāš* «камень», як. *tās*, караг. *tajš*, тув. *daš*,
 ккал., хак. *tas*, чув. *čul*;
 67) туркм. *dāš-* «переливаться через край», тур. *taš-*,
 азерб. *daš-*, уйг. *taš-*, ног. *tasī-*, кир. *taši-*;
 68) туркм. *čāŋ* «время»; тур. *čā*, як. *sax*, тув. *šaŋ*, ккал.
šaq, чув. *čux*;
 69) туркм. *čāj* «речка», тур., азерб. *čaj*;
 70) туркм. *čāj-* «покрывать поверхность металлом», ср.
 хак. *čājindī* «покрытый металлом»;
 71) туркм. *čāl* «седой», азерб., алт., хак. *čal*, ккал. *sal*;
 72) тур. (ЗК) *čāl-* «бросить», азерб. *čal-*;
 73) туркм. *čāš-* «теряться», кир., тур., уйг. *šaš-*, ног. *sas-*.

Как видно из приведенного материала, общетюркскому *ā* в чувашском соответствуют:

- 1) *u* (в том числе и в сравнительно поздних заимствованиях: например, *čux* «время», *jut* «чужой»);
- 2) *i, i;*
- 3) *a* (в новейших заимствованиях: *jažā* «стройный, молодой», *xaržā* «бровь»).
- 4) *â* (в слове *ân* «сознание»).

Так как в виде *u ~ o* в чувашском отражается и общетюркский *a* (см. выше), то вполне вероятно, что ко времени *a > u* долгие и краткие в чувашском уже совпали.

О чувашском *u* в словах типа *tu* «гора» < *taŋ, taw* см. в разделе «Исторические судьбы сочетаний гласных с согласными: *g, ɣ, b*».

Общетюркские *ē* и *ā*

Общетюркский *ē* (туркм. *ī* ~ якут. *īa* ~ азерб. *e*):

- 1) туркм. *bīd* «бязь», тув. *p^hös*, азерб. *bez*, чув. *pir*;

- 2) туркм. *bīl* «поясница» (як. *bīl*), азерб. *bel*, чув. *pilək*;
- 3) як. *biär-* «дать» (туркм. *ber-*), азерб. *ver-*, чув. *par-*;
- 4) як. *biäs* «пять» (туркм., лит. *bāš*, диал. *beš*), караг. *pēš*, тув. *beš*, азерб. *beš*, чув. *pilək, pillək*;
- 5) туркм. *īl* «страна», хак. *il*, азерб. *el*, чув. *jal*;
- 6) туркм. *īn* «ширина», хак. *in*, як. *iän*, азерб. *en*, чув. *an*;
- 7) туркм. *īn-* «спускаться», азерб. *en* – чув. *an*¹⁸⁷;
- 8) туркм. *īr* «рано», тур. *er* «утро, рано», азерб. *ertä* «рано», сюг. *er* «прежнее время», чув. *ir* (< *er* заимствование?);
- 9) туркм. *īš-* «вить, сучить», уйг. *äš-*, азерб., тув., кир. *eš-*;
- 10) туркм. *gīŋ* «широкий», як. *kiän*, алт. *ken*, азерб. *gen*;
- 11) туркм. *gīč* «поздно», азерб. *geč*, чув. *kaš* «вечер», ср. як. *kiähä*;
- 12) туркм. *pīl* «лопата», тур., азерб., узб. *bel*, уйг. *bäl*¹⁸⁸;
- 13) туркм. *tīr-* «собирать», алт. *ter-*, хак. *tēr-*, *tir-*, ног. диал. *teri-*, азерб. *dār-*;
- 14) туркм. *īr-* «надоедать», тур. *erin-* «проявлять небрежность», тув. *erik-* «надоедать», азерб. *ärin-*.
- Если действительно туркм. *ī*, як. *iä*, азерб. *e* < \bar{e} , то чуваш. *é* > *a* уже после того, как долгий и краткий *E* (*e, ä*) совпали. Это можно представить следующим образом:
- а) $\bar{e} > ie > i$,
- б) $E (\acute{e}, \grave{ä}) > \grave{ä} > a$.
- В туркменском языке, кроме $\bar{i} < \bar{e}$ представлен $\bar{ä}$ (всегда долгий):
- 1) туркм. $\bar{ä}w-$ «спешить» ~ тур. *iv-* «спешить, торопиться»;
- 2) туркм. $\bar{ä}k$ «добавок» ~ тур. *ek* «связь, сустав, шрам», гаг. *jek*;
- 3) туркм. $\bar{ä}r$ «мужчина», караг. $\bar{e}r$, *er*, як. *är*, азерб. *är*, чув. *ar*;
- 4) туркм. $\bar{g}äp$ «чучело», як. *kiär* «выкройка, форма», тув. *xep*, чув. *kap*;
- 5) туркм., хор. $\bar{m}äð$ «железа», кир., узб. *bez*, чув. *par*;
- туркм. $\bar{ä}t-$ «шагать» < $*\bar{ä}t-$, чув. *ut-*;
- туркм. $\bar{d}än-$ «отказываться» < $\bar{d}än-$, кир., баш. *tan-*, чув. *tun-* «не признаваться, отрицать».
- По одному примеру (туркм. $\bar{ä}r$, азерб. *är*, як. *är* ~ чув. *ar*) нельзя судить о том, имелся ли в общетюркском $\bar{ä}$. Во

187 Як. *iŋ-* «входить» у А.Г. Бишова < *siŋ* «всасываться, проникать».

188 < перс. *بیل*.

всяком случае, если таковой существовал, он совпал с *ä* и дал в чувашском *a* ($\bar{a} > \ddot{a} > a$).

Нам кажется, что интерпретация \bar{a} и \bar{e} в виде звуковых комплексов *äj*, *ej*, как это предполагает А.Г. Биишев, не помогает решению проблемы долгого *E*.

Так как в этом случае остается неясным, почему общетюркское **bejl* дает в якутском *bīl* < *bijl* (чув. *piläk*), общетюркское **kejč*¹⁸⁹ «вечер», як. *kiähä* (чув. *kaś*), общетюркское **bejš* ~ **bejl* «пять» дает в якутском *biäs*, в туркменском *bāš* (диал. *beš*) (чув. *piläk*).

Получается, что звуковые комплексы *äj*, *ej* (см. А.Г. Биишев, с. 102) в одном и том же языке могут давать различные рефлексy (*i* и *a* в чувашском).

Возможные причины такого двойного представления остаются при концепции А.Г. Биишева невыясненными.

Общетюркский *ī*

1) туркм. *bīd* «шило», ног. *biz*, узб. *bigiz*¹⁹⁰ «шило», тув. *his* «острие», хак. *pis* ср. як. *bī* «острие»;

2) як. *bīr* «один», туркм., кир. *bir*, чув. *pər*, *pəṛə*;

3) туркм. (хор.) *īg* «больной», туркм. *īgli* «болезненный»;

4) туркм. *īl*- «вешать», як. *īl*-, тув., алт. *il*- (ср. чув. *jālmak* «петля», ног. *ilmek* «крючок»);

5) туркм. *hīn* «берлога», хор. *īn* «гнездо», кир. *ijin*, як. *in*, *ij* «нора», хак. *ən*, кум. *in*, чув. *jənə*; с як. *ī*; ср. тур. *sin* «яма, могила»;

6) туркм. *īs* «работа», як. *īs*, хор. *īs*, алт., азер. *iš*, чув. *əś*;

7) туркм. *gīr*- «входить», як. *kīr*-, тур. *gīr*-, тув. *kir*-, чув. *kər*-;

8) хор. *kīr*- «грязь», туркм. *kir*, азер. *kir*, тув. *xir*, чув. *kirək*;

9) як. *kīs* «соболь», узб. *kiš*, тув. *kiš*, чув. *kāš*;

10) туркм. *dīs* «зуб», як. *tīs*, хор. *dīs*, караг. *dīs*, тув. *diš*, хак. *tīs*¹⁹¹;

11) туркм. *čīg* «сырой», тур. *čij*, ног. *šij*, баш. *səj*, як. *sīk*;

¹⁸⁹ А.Г. Биишев реконструирует **kājč*, но азер. *gej* и туркм. *gīč* скорее говорят в пользу **kejč*.

¹⁹⁰ О *j > g* см. Ряснен М. (5), с. 166.

¹⁹¹ Нередко сопоставляют с чув. *šəl* «зуб». Эта этимология кажется нам сомнительной. Из *tīs* следовало бы ожидать *čəl*. Ср. *diz* «колени» чув. *čər*; для чув. *šəl* скорее можно было б восстановить **sil* (см., например, G.J. Ramstedt. Введение, с. 108).

12) туркм. *čĩš* «вертел», тув., тур. *šiš*, ног. *sis*, чув. *šāl* «зуб»;

13) туркм. *čĩš* «нарыв», тур. *šiš*, хак. *səs*, тат. *səs*, чув. *šiš*;

14) туркм. *čĩš*- «опухать», хак. *səs*-, тув. *i"š*-, тур. *šiš*-, чув. *šiš*-, ср. кир. *šiši*- «опухать»;

15) туркм. *iθ*, *iθ* «запах», ног., кум., ккал. *ijis*, уйг. *is*, тур. *is* «запах дыма», баш. *jəθ* «угар, запах», тат. *əš* «копоть, чад, угар», тат. *is* «запах, угар».

Таким образом, в большинстве случаев общетюркский долгий *i* представлен в чувашском как *ə* (*ə*).

А.Г. Биишев (ук. соч., с. 93) полагает, что долгому *i* (звукосочетанию *ij*) в чувашском соответствует *i* (*i* и *jə* в *Anlaut'e*).

В качестве иллюстрации он приводит глаголы *tir*- «нанизывать» < **tijz*-; *čik*- «вонзать» < **tijk*-; и *ider*- «возбудить к дойке» < **ijdir*.

Рассмотрим приведенные им примеры.

i в глаголе *tir*- «нанизывать» (ср. также *tilə* «лиса», *tije*- «грузить»), видимо, относительно новый, так как в противном случае мы ожидали бы *t* > *č* (перед *i*), как в словах *čər* «колени», *čəl*- «шепать», *čəlye* «язык» и т.д.

Как правило, этому *i* в других языках соответствуют *i* ~ *ü* (татарские *ə* ~ *ö*):

туркм. *mür*, тур. *bin*, тат., баш. *məṣ* «тысяча» ~ чув. *pin*;

туркм. *biš*-, як. *bus*-, тат. *pəš*-, баш. *bəš*- «вариться» ~ чув. *piš*-;

туркм. *jür*, тур. *ip*, тат. *ǰəp*, баш. *jəp* «нитка, бечевка» ~ чув. *šip*.

туркм. *düd*-, як. *tis*-, койб., кар. *tez*-, тат. *təz*-, баш. *təd*- «нанизывать» ~ чув. *tir*-;

туркм. *ime*, азер. *ime*, тат., баш. *ömä* «помочь, коллективная работа» ~ чув. *nime*;

туркм. *üč*, тур. диал. *üš*, тат. *öč*, баш. *ös* «три» ~ чув. *vis*;

кир. *tüjö*-, ккал. *tije*-, тат. *töjä*-, баш. *tajā*- «грузить» ~ чув. *tije*-;

тур. *tilki*, уйг. *tülki*, тат. *tölkə*, баш. *tölkö* «лиса» ~ чув. *tilə*;

Глагол *čik*- принадлежит к словам иного типа. Здесь *č* < *t* перед *i* (ср. кир. *tüq*, *tik*-, тат., баш. *təq* и т.д.).

Глагол *ider*-, *jäder*- «возбудить к дойке» следует сопоставить с тув. *edir*- (<*et*-), хак. *is*- «давать молоко (о корове)», як. *iät*- «возбуждать к дойке», кир. *ij*- «спустить

молоко». Отсюда восстанавливается первоначальная форма *eδ-, которой в чувашском могло бы соответствовать *ir- или *ar- «давать молоко» и *irdir- > *irder- > *ider- «возбуждать к дойке». Чувашский *i* в *ider-*, следовательно, не отражает исконный *ī* < *ij*. Возможно, что чувашское *ider-* ~ *jæder-* < **ijder* ср. баш. *əjdər-*, т.е. является поздним заимствованием (*i* > под влиянием протетического *j*).

Ср. также:

чув. лит. *jægel* «жёлудь» ~ диал. *igel* (тат. *ägälä*);

чув. лит. *jædem* «гумно» ~ диал. *idem* (баш. *ǝrdǝn* или тат. *idän* «пол»);

чув. лит. *jälen* «старинная суконная поддевка женщин» ~ диал. *ilen* (тат. *filän*, баш. *jälän*);

чув. лит. *jäksü* «горечь, тошнота» ~ диал. *iksü*;

чув. лит. *jædes* «дужка» ~ диал. *ides* (тат. *jädäč*).

Поэтому нам кажется, что закономерным заместителем общетюркского *i* является *ə* (*i* и *ī* долгий в чувашском совпали, а затем уже дали *ə* (*ǝ*)).

Что касается *i*, появившегося на месте долгого и краткого *i* в словах типа *tir-* «нанизывать», то он возник позднее из первоначального *ə* ~ *ǝ* < *i* ~ *ü* в силу каких-то, пока неясных, причин. Быть может, этот *i* отражает межтюркское чередование *i* ~ *ü* или внутривчувашское *i* ~ *ə*.

Общетюркский *ō*

1) гаг. *bōz* «серый», тур. *boz*, туркм. *bođ*, кир. *boz*;

2) як. *buol-* «быть», кир. *bol-*, чув. *pul-*;

3) як. *buor* «глина», баш. *bur*, кум., кир. *bor* «мел», чув. *pur*, *purǝ*;

4) туркм. *jōl* «дорога», як. *suol*, алт. *d'ol*, кум. *jol*, чув. *šul*;

5) туркм. *jōn-* «тесать», кум. *jon-*, алт. *d'on-*, чув. *šun-*;

6) туркм. *jōq* «нет», як. *suox*, кум. *joq*, алт. *d'oq*, чув. *šuk*;

7) туркм. *ōj* «дума», кир., ккал. *oj*, чув. *uj*;

8) туркм. *ōj* «впадина», ккал. *oj*, чув. *uj*;

9) туркм. *ōj-* «вкапывать, делать выемку», ккал., тув. *oj-*;

10) туркм. *ōn* «десять», як. *uon*, тув., ккал. *on*, чув. *vun*, *vunǝ*;

11) туркм. *ōt* «огонь», як. *uot*, тув. *ot*, чув. *vut*;

12) туркм. *gōl* «небольшая равнина среди песков», кум. балк. *qol*;

13) туркм. *gōm* «вал, волна», алт. *qom*, чув. *xum*;

- 14) туркм. *gōr* «куча горячих углей», гаг. *kor*, кир. *qor*;
 15) туркм. *ǰōl* «левый», азер., ккал., тув. *sol*;
 16) туркм. *tōδ* «пыль», гаг. *tōz* (?), тур., азер., кир. *toz*;
 17) як. *tuoj* «глина», туркм. *tojun*, тув. *t^hoj*, хак. *toj*;
 18) туркм. *dōl-* «наполняться», як. *tuol-*, хор. *dōl-*, шор. *tōl-*, азер. *dol-*, чув. *tul-*;
 19) туркм. *dōn* «халат», ккал., хак. *ton*, чув. *tum*;
 20) як. *tuos* «береста», шор. *tos*, тув. *t^hos*;
 21) туркм. *čōγ* «уголья», алт., кир. *čoq* «горящие угли», уйг. *čoγ*.

Судя по вышеприведенным примерам, долгий общетюркский *ō* отразился в чувашском как *u*¹⁹² или в Anlaut'e как *vu*.

А.Г. Биишев (ук. соч., с. 96–97) представляет это развитие следующим образом: *ō = oj > ov > əvə > u*.

Для доказательства своего предположения он использует чувашские слова *əvəs* «осина» и *pəvər* «бурый».

Чувашское *əvəs* «осина» можно сопоставить с тат. *usaq*, баш. *uđaq*, алт. *aspaq*, хак. *os*, з.с.г. *aṣsaq*.

На основании этих данных восстанавливается общетюркское **absaq*, **awsaq*, где *aq*, по-видимому, суффиксальный элемент.

В чувашских говорах отмечены следующие варианты этого слова: *vus*, *vis*, *us*, *ivəs*, *əvəs*, *visə*, которые указывают на первоначальное *avəs > uvəs > əvəs*.

Чувашское *pəvər* соответствует чаг. *boz*, гаг. *bōz*, тур., кир. *boz* (ср. тув. *ħora*, алт. *ħoro*), баш. *bud*, тат. *buz*.

В чувашском языке *u* часто появляется вместо сочетания *əvə*, *ivə*, например: *jivəs*, *jəvəs*, *juś* «дерево», *ivəl*, *əvəl*, *ul* «сын», *səvər*-, *sur-* «веять» и т.д.

Но возможно и обратное явление:

ut- ~ *it-* «бросать» < общетюрк. *at-* ~ *ivət-*; *sula-* «лизать» < общетюрк. *jala-* ~ *šəvla-*.

Поэтому *pəvər* могло развиться из *pur*.

В этом случае едва ли можно говорить об особом рефлексе долгого *ō* в чувашском. Вернее, долгий и краткий *o*, совпав, дали чувашский лит. *u*.

¹⁹² Так же, как и краткий *o*.

Общeturкский \bar{o}

- 1) туркм. *böl-* «делить», кир. *böl-*, алт. *ḥöl-*, чув. *pül-* «загораживать»;
- 2) туркм. *köd* «горячие угли», азерб. *köz*, хак., тув. *kös*, тат. диал. *küz*, чув. *kāvar*;
- 3) туркм. *gök* «синий», як. *küöx*, тур. *gök*, чув. *kāvak*;
- 4) туркм. *köl* «озеро», як. *küöl*, тув. *xöl*, чув. *külä*;
- 5) туркм. *gön* «кожа», азерб. *gön*, ккал. *kön*;
- 6) туркм. *möj* «фаланга», кир. *böj*, *böjü*, каз. *böjә*, баш. *böjǎ*, ккал. *mäj*;
- 7) туркм. *mön* «бестолковый, простой», тур. *bön* «глупый, слабоумный»;
- 8) туркм. *öd* «свой», як. *üös* «центр, середина», азерб., ккал. *öz*, чув. *var* «сердцевина»;
- 9) туркм. *öl* «мокрый, влажный», як. *üöl*, тув. *öl*, чув. *vil* «роса»;
- 10) туркм. *ön-* «расти», як. *ün-*, кир., ккал. *ön-*, уйг., тув. *ün*;
- 11) туркм. *ör* «верх», тур., кир., уйг. *ör*, тат., баш. *ür*, каз., ног., ккал. *üör*, чув. *vir*;
- 12) туркм. *ör-* «подниматься», кир. *ör-*, *örü-* «ползать, двигаться вверх»;
- 13) туркм. *ör-* «плести», шор. *ör-*, азерб. *hör-*, тув. *örü-*;
- 14) як. *üör-* «радоваться», тув. *örü-*, хак. *örin-ürin-*;
- 15) туркм. *öt* «желчь», тур. *öt*, тув. *öt*, чув. *vat*;
- 16) койб. *öt-* «проходить», караг. *öt-*, азерб., туркм. *öt-*, чув. *vit-*;
- 17) туркм. *öç* «мечь», як. *ös*, тув., ккал. *öš*, чув. *vəǰә*;
- 18) туркм. *öğ-* «ругать», як. *üöx-*, кум., хак. *sök-*, тур. *söv-*;
- 19) туркм. *dön-* «возвращаться», тур., азерб. *dön-*;
- 20) туркм. *tör* «почетное место», кир. *tör*, тув. *dör*;
- 21) туркм. *dör-* «рыть, ковырять», як. *tüör-*;
- 22) туркм. *dört* «четыре», як. *tüört*, тув. *dört*, хак. *tört*, чув. *tāvadā*;
- 23) туркм. *dös* «грудь», як. *tüös*, тув. *t^hös*, ккал. *tös*, чув. диал. *tüš*.

Общeturкский \bar{o} представлен в чувашском как:

- 1) *va* (*āva*);
- 2) *vi* (*üi*).

В первом случае дело, видимо, идет об отражении первичного долгого¹⁹³.

¹⁹³ См. Рясянен (5), с. 82–83.

После совпадения долгого и краткого *ö* мы имеем *ü* (*vi* в абсолютном начале слова).

Чувашское *vəʃə* «ярость, месть», вероятно, заимствовано из татарского (ср. тат. *üç* «месть», баш. *üs* «месть, злоба»). В противном случае мы ожидали бы на месте общетюркского *öç* **vaś* или **viś*.

Общетюркский *ü*

- 1) туркм. *bū* «этот», азерб., узб. *bu*, тув. *ho*;
- 2) туркм. *būγ* «пар», азерб. *buγ*, кир. *bū*, чув. *pu*;
- 3) туркм. *būd* «лед», як. *būs*, *mūs*, хак. *pus*, чув. *pār*;
- 4) туркм. *būt* «бедра», хор. *būt*, хак. *put*¹⁹⁴;
- 5) туркм. *jürt* «страна», як. *surt* «стойбище», тув. *ču'rt*, алт. *d'urt*, чув. *śurt* «дом»;
- 6) туркм. *jüt-*, *juwut-* «глотать», азерб. *ud*, ккал. *žut-*, тур. *jut-*, чув. *śät-*;
- 7) туркм. *gürt* «червь», ккал. *qurt*, тур. *kurt(d)*, чув. *xurt*;
- 8) як. *kūs-* «обнимать», ккал. *quš-*, узб. *quč-*;
- 9) туркм. *ǰūr* «серый», алт., уйг., узб., кир., ккал. *sur*, тат. *sörə*, баш. *höř*, чув. *särə*, *sörö*;
- 10) туркм. *tūγ* «знамя», узб. *tuγ*, тув. *tuq*, ккал. *tuw*, баш. *tāw*;
- 11) туркм. *dūd* «соль», як. *tūs*, тув. *dus*, чув. *tāvar*;
- 12) туркм. *dūš-* «встречаться», тур. *düş-*;
- 13) туркм. *ūd* «искусный», як. *ūs* «мастер», хак., тув. *us*;
- 14) туркм. *ūq* «жердь», кир. *uq*, ккал., каз. *uwīq*;
- 15) туркм. *ūn* «мука», азерб., ккал., хак. *un*¹⁹⁵;
- 16) туркм. *üç* «конец», тур. *uç* (*ʃ*), тув. *uś*, чув. *vəś*.

Таким образом, общетюркский долгий *ü* (как и краткий) отражается в чувашском через *ä* (*ä* > *ə* перед *ś*). Однако в ряде слов долгий после сокращения не дает *ä*:

śurt «дом»;

xurt «червь», ср. *tuj-* «чувствовать»;

xur'ä «сталь» и т.д. (в соответствующих татарских и башкирских словах отмечен *ö*).

¹⁹⁴ Обычно сопоставляют с чув. *pəžə*. Этимология сомнительна. Правда, *ś ~ t* встречается в чув. *uśla-* «пахтать» ~ тат. *atla-*. Ср. чув. *uślam ~ uslam* «количество масла, спахтанное за один раз» ~ тат. диал. *atlam*, т.е. *ś ~ s ~ t*. Ср. чув. *pəžəye* «зоб» ~ тюрк. *böteke*, *beteke*.

¹⁹⁵ В этих словах, возможно, мы имеем дело с вторичной долготой: *tūq ~ uwəq* < **uγuq*, *ūn* < **uγun*.

Примечательно, что в словах *śurt* и *xurt* мы находим звукосочетание *rt*, тогда как обычно в чувашском оно упрощается (*r* перед *t* выпадает):

śat- «рвать» < *jirt-*; *vit-* «крыть» < *ört*; *vāda* «середина» < *orta* и т.д.

Некоторые исследователи считают, что только в слове *tāvar* «соль» непосредственно отражается долгий гласный (дифтонг *uj*)¹⁹⁶.

Л. Лигети представляет себе развитие долгого *ū* в чувашский *āva* следующим образом:

**ūr* > **tuṛ* > **tujur* > **tuvar* > *tāvar*.

По А. Бишшеву, общетюркский **tujz* > *tuvz* > *tāvar*.

Нам кажется более вероятным, что общетюркский **uuuz* > **uuvr*¹⁹⁷ > **uivāṛ* > *tāvar* (Ср. *śāvar* «рот» < **jaγur*).

Общетюркский *ū*

- 1) туркм. *jūd* «сто», як. *sūs*, тув. *čūs*, алт. *d'ūs*, чув. *śar*;
- 2) туркм. *jūd* «лицо», як. *sūs* «люб», азер. *üz* «лицо», алт. *d'ijūs*;
- 3) туркм. *jūd* «осень», як., тув. *küs*, чув. *kər*;
- 4) туркм. *gül-* «связывать четыре конечности» (напр. барану), алт. *kül-*, тув. *xüli-*;
- 5) як. *kūt-* «ждать», тур. *güt-*, ккал. *küt-*, чув. *kət-*;
- 6) туркм. *güč* «сила», як. *küs*, тув. *küs*;
- 7) туркм. *mün* «вина, грех», кир. *mün* «дефект, изъян», ккал., ног. *min*;
- 8) туркм. *ṡūt* «молоко», як. *ūt*, тув. *süt*, чув. *sət*;
- 9) туркм. *dün* «вчера», як. *tün* «ночь», тув. *dün*;
- 10) туркм. *dür* «дно», тур. *dip(b)*, тув. *ḡür*, узб. *tip*, чув. *tər*;
- 11) туркм. *dür-* «свертывать», як. *tür-*, венг. *tür-* «сгибать», тув. *ḡür-*, *ḡür-*, чув. *tər-*;
- 12) туркм. *tūṡ* «цвет», ккал. *tüs*, чув. *təs*;
- 13) туркм. *düş* «сон», тув. *düş*, ккал. *tüs*, чув. *tələk* (ср. як. *tül*, сюг. *tel*);
- 14) туркм. *tüt* «расчесывать шерсть», ног. *tüt-*, уйг. *tit-*, кир. *tüt-*, тур. *dit-*;
- 15) туркм. *ün* «звук», тув., тур., хак. *ün*;

¹⁹⁶ См., например, *Ligeti* (2), с. 75, *Бишшев А.Г.* (1), с. 100.

¹⁹⁷ О тенденции *ū* > *uц* > *uw* в туркменском языке см. *Поцелуевский А.П.*, с. 30.

16) туркм. $\bar{u}r$ - «лаять», азерб. $h\bar{u}r$ -, як., хак. $\bar{u}r$ -, тур. $\bar{u}r\bar{u}$ -, чув. $v\bar{a}r$ -;

17) туркм. $\bar{u}\check{s}$ - «собираться», тур., гаг. $\bar{u}\check{s}$ -;

18) як. $\bar{u}t$ «отверстие», алт. $\bar{u}jt$, хак., тув., кир. $\bar{u}t$.

Вышеприведенные примеры показывают, что общетюркский \bar{u} (так же, как и \bar{u}) представлен в чувашском как \bar{a} .

По всей вероятности, $*\bar{u} > \bar{u} > \check{o} > \bar{a}$, т.е. долгий и краткий совпали, а затем расширились в \check{o} .

Общетюркский \bar{i}

1) туркм. $g\bar{i}\check{d}$ «девушка», як. $k\bar{i}s$, тув. $q\bar{i}s$, чув. $x\bar{a}r$;

2) як. $k\bar{i}s$ - «краснеть», туркм. $g\bar{i}z$ - «накаливаться», тув. $q\bar{i}s$ -, чув. $x\bar{a}r$ -;

3) туркм. $g\bar{i}n$ «ножны», як. $k\bar{i}n$, тув. $x\bar{i}n$, чув. $j\bar{a}n\bar{a}$;

4) туркм. $g\bar{i}r$ «серый», тур. $k\bar{i}r$, азерб. $g\bar{i}r$, тув. $q\bar{i}r$ «чалый», хак. $x\bar{i}r$;

5) туркм. $\bar{y}\bar{i}l$ «вытирать», тур., азерб. sil -, чув. $\check{s}\bar{a}l$ -;

6) туркм. $\bar{y}\bar{i}n$ «наблюдение», кир., каз. sin «испытание, критика»;

7) туркм. $\bar{y}\bar{i}n$ «ломаться», тув. $si\bar{j}$ -, $si\bar{n}$ -, ккал. $si\bar{n}$ -;

8) туркм. $\bar{y}\bar{i}r$ «шить в строчку», алт. $s\bar{i}r$ - «стегать», хак., ног. $s\bar{i}r\bar{i}$ -;

9) туркм. $t\bar{i}y$ «острие» (<перс.?), тур. $t\bar{i}$ «игла, спица», уйг. $t\bar{i}y$ (ср. азерб. $tij\bar{a}$ «клинок, острие»);

10) туркм. $d\bar{i}\check{d}$ «колени», азерб. diz , чув. $\check{c}\bar{a}r$;

11) туркм. $d\bar{i}n$ - «избавляться, переставать», ног., кир. $t\bar{i}n$ - «утихать»;

12) як. $t\bar{i}n$ - «дыхание», хак. $t\bar{i}n$, чув. $\check{c}\bar{a}m$;

13) туркм. $\check{c}\bar{i}y$ «роса», ног. $\check{s}\bar{i}q$, тув. $\check{s}\bar{i}q$, тат. $\check{c}\bar{a}q$, тур. $\check{c}\bar{i}j$, як. $s\bar{i}k$;

14) туркм. $\bar{i}\check{d}$ «след», азерб. iz , тув. is , чув. $j\bar{a}r$;

15) туркм. $\bar{i}q$ «направление ветра», кир., каз., ног., ккал. $i\bar{q}$;

16) туркм. $\bar{i}q$ - «идти по ветру», кир., каз., ног., ккал. $i\bar{q}$;

17) як. $\bar{i}t$ - «посылать», тув. $i\bar{t}$ -, хак. $i\bar{s}$ -, алт., балк. $i\bar{j}$ - (ср. чув. jar - < $*ij\bar{i}\check{d}$

Общетюркский \bar{i} (выступающий в ряде языков как \bar{i} : $\bar{i}\check{d}$ // iz , $\bar{y}\bar{i}l$ - // sil -, $d\bar{i}\check{d}$ // diz и т.д.) представлен в чувашском как \bar{a} (\check{a}).

О словах типа *xər* «девушка» и т.д. см. раздел «Преобразование исконных гласных заднего ряда в гласные переднего ряда».

В «древнечувашиских» заимствованиях венгерского языка отразились общетюркские долгие гласные первого слога *ā, ö, ē, ū, ī*:

венг. *szám* «число» ~ туркм. *ǰān*, чув. *sum*¹⁹⁸,

венг. *szál* «плот» ~ туркм. *ǰāl*, як. *āl*, чув. *sulā*;

венг. *sár-* «грязь, болото» ~ туркм. *ǰadliq* «болотистое место», чув. *šur*;

венг. *sárga* «желтый» ~ туркм. *ǰari* «желтый», чув. *šurē* «белый»;

венг. *kék* «синий, голубой» (*кек, keik, keek, kék*) ~ туркм. *gök*, як. *küöx*, чув. *kəvak*;

венг. *kép* «картина, образ», як. *kiäp* «выкройка, форма», чув. *kap* «внешний вид, форма»;

венг. *késik-* «опаздывать», *késő* «поздний» ~ туркм. *gĩč* «поздно», як. *kiähä* «вечер», чув. *kaš*;

венг. *túr-* «мять, сминать» ~ туркм. *dür-* «свертывать», як. *tür-*, чув. *tər-*;

венг. *térd* «колени» ~ туркм. *dĩd*, чув. *čər*.

Труднее судить о первичных долготах в болгарских эпитафиях XIII–XIV вв.

Показательными представляются такие начертания, как:

تواتم، تواتم «четвертый»,

كوان، كوان «день», которые можно прочесть как: **tüvāt, *küvān* (современные чув. *tāvat, kun*);

بيلنج، بيلنج «пятый» **bielim, *belinĭ* (совр. чув. *pil(ək)*);

ون، ون، وان «десять» **van?* (современное чувашское *vun*);

هير، حير «девушка» *xir* (совр. чув. *xər*);

جال «год» **jal*, туркм. *jaš* (совр. чув. *šul*);

جور «сто» **jūr* или **jür*, як. *sūs* (совр. чув. *šar*);

ايح، ايح، ايح «месяц», туркм. *ar* (совр. чув. *oĭax, uĭax*).

ع، ع، ع любопытно сравнить **ĭieti* «семь» (совр. чув. *siččə*), так как *يا* в обоих словах используется, вероятно, для передачи особого звучания *e (ie)*, а не долготы гласного.

¹⁹⁸ Приведены слова, имеющие параллели в современном туркменском языке. Подробнее см. *Räsänen M.* (4), с. 246–255.

В современном чувашском языке наиболее бесспорным является рефлекс общетюркского долгого \bar{o} : $\bar{a}va$

$k\bar{a}var$ «горячие угли» ~ туркм. $k\bar{o}\delta$;
 $k\bar{a}vak$ «синий, голубой» ~ туркм. $g\bar{o}k$;
 $t\bar{a}vad\bar{a}$ «четыре» ~ туркм. $d\bar{o}rt$;
 var (1 и 2) «овраг, живот» ~ туркм. $\bar{o}\delta$;
 vat «желчь» ~ туркм. $\bar{o}t$,

так как он прослеживается в абсолютном анлауте и инлауте.

Рефлексы общетюркского \bar{a} обычно усматривают в $q > j$, $s > \check{s}$, $t > \check{c}$ в анлауте таких слов, как:

jun «кровь»,
 jur «снег»,
 $\check{s}ur$ «болото»,
 $\check{s}ur\bar{a}$ «белый»,
 $\check{c}ul$ «камень».

Если принять эту точку зрения, то придется признать, что чувашские:

xur «гусь» < $q\bar{a}z$ и jur «снег»,
 sum «число» < $s\bar{a}n$ и $\check{s}ur$ «болото»,
 $sul\bar{a}$ «плот» < $s\bar{a}l$ и $\check{s}ur\bar{a}$ «белый»

либо имели разные согласные в анлауте (s^1-s^2 (\check{s} ?) k^1-k^2), либо они восходят к разным диалектам (территориально или хронологически)¹⁹⁹.

Разнообразны, а потому спорны рефлексы общетюркского долгого \bar{i} :

$x\bar{a}r$ «девушка»,
 $x\bar{a}r-$ «накаливаться»,
 $j\bar{a}n\bar{a}$ «ножны»,
 $j\bar{a}r$ «след».

В первых двух словах — опереднение гласного, в третьем слове $q > j$ ($j\bar{a}n\bar{a}$ < $q\bar{i}n$) и опереднение гласного; в четвертом — опереднение гласного (но во многих тюркских языках iz) и j в Anlaut'e.

Долгий \bar{e} лишь в слове jal «деревня, село» < $\bar{e}l$, туркм. $\bar{i}l$ развился в a с протетическим j , в остальных случаях он, совпав с \bar{a} , выступает как a или же дает i .

Долгий общетюркский \bar{o} лишь в абсолютном анлауте развился в vu (vo) < va ? (см. болгарские эпитафии: \bar{o} ان). В остальных случаях картина затемнена, так как он, как и o

¹⁹⁹ Подробнее см. в главе «Консонантизм».

(близких диалектов?) и заимствований впоследствии сузился ($o > u$).

Долгий общетюркский \bar{u} обнаруживается как будто в чувашском *t̃var* «соль» (туркм. *dūd*, як. *tūs*), но это слово требует специального изучения так же, как чув. *šurt* (ср. туркм. *jürt*), *xurt* (ср. туркм. *gürt*).

Наконец, рассмотрим чувашское *kun* «день» (сюда же *kul-* «смеяться»?²⁰⁰), подтверждаемое болгарским *кoан* (**küvān* ?)²⁰¹.

А.Г. Биишев предлагает для *kun* более раннее *kuvan* (может быть *k̃van*), однако, эта форма остается пока чисто теоретической.

Нельзя ли думать, что к XIII в. древнечувашская система вокализма, в которой еще существовали количественные различия гласных (но уже начали нейтрализоваться), включила в себя систему другого тюркского языка, в котором уже не было первичных долгот. Эта вторая система органически вошла в первую и они стали развиваться в одном направлении, в результате чего сложилась система «поволжского» типа (XIII–XIV вв.). Смешение чувашских говоров и контакты с родственными языками (в течение последующего времени) привели к образованию частных подсистем, например, подсистемы татарских заимствований, в целом противоречащих структуре основной системы.

Что можно сказать в настоящее время о сущности так называемых первичных долгот?

Пожалуй, остается справедливым заключение N. Porre²⁰², по которому наиболее разумно лишь констатировать существование «первичных» долгих гласных в общетюркском, не пытаясь выяснить их происхождение²⁰³. Однако при этом полезно учесть и такие языковые факты.

Некоторые тюркские слова с так называемым «первичным» долгим являются заимствованными из языков другой группы. При этом «первичный» долгий может

²⁰⁰ Ср. Биишев А.Г. (1).

²⁰¹ О. Прицак восстанавливает для тюркского *kün* долгий гласный.

²⁰² Porre N. (7), с.407–408.

²⁰³ Но сравните точки зрения В. Гренбека, В. Радлова, А.Г. Бишева.

восходить к какому-нибудь звуковому комплексу (в том числе долготу гласному) языка-оригинала или языка-посредника.

До сих пор таких слов-заимствований выявлено довольно мало (например, *dōn* «халат», возможно, < сак. *thauna*, *bīz* «бязь» < греч. *býddos*).

Но не исключена возможность, что со временем число их значительно возрастет.

Нельзя не считаться и с существованием заместительных долгот (например, хак. *tēr* «шкура», туркм. *deri*, як. *tirī*, или туркм. *dōr* «гнедой», тур. *doru*), которые в данном конкретном случае могут выступать как «первичные».

Долгие гласные возникают и при стяжении сочетаний *гласный+j*²⁰⁴. Такого рода сочетания мы усматриваем в следующих примерах:

туркм. *ḡīr-* «сдирать» < **sijir-*, ср. тур., азер., кир. *sijir-*;

туркм. *īḡ-* «запах» < **ijis*, ср. балк., ног., кум. ккал.

ijis, тур. *is*;

туркм. *qīn* «трудный, тяжелый» < **kijin* ср. ног., алт. *qijin*;

туркм. *ḡīpa-* «гладить» < **sijpa-*, ср. ног., кир. *sijpa-* и т.д.

Любопытно и другое явление, по-разному трактуемое исследователями²⁰⁵: есть случаи, когда туркменская односложная основа с первичным долгим гласным имеет в качестве соответствия в одном или нескольких языках двусложную основу.

Например:

туркм. *ār-* «уставать, утомляться», як. *īr-*, *ir-* кир., алт. *ari-*; монг. *ari-*, ср. монг. *hari-* «erschöpft sein»²⁰⁶;

туркм. *ōr-* «плести» ~ тув. *ōrü-*;

туркм. *ḡōr-* «сосать» ~ алт. *soru-*;

туркм. *dāt-* «отведать» ~ баш. *tati-*, маньч. *tači-* < **tati-* «lernen»;

туркм. *ūr-* «маять» ~ тур. *ürü-*;

туркм. *ōr-* «подниматься» ~ кир. *ör-*, *örü-*;

туркм. *ḡāj-* «считать» ~ ног. *saji-*; эвен. *sā-* «erfahren»;

туркм. *ḡīr-* «шить в строчку» ~ хак., ног., тув. *siri-*;

туркм. *tīr-* «собирать» ~ ног. диал. *teri-*;

²⁰⁴ Однако сводить все «первичные долготы» к таким сочетаниям нам кажется пока слишком гипотетичным.

²⁰⁵ См. Бишиев А.Г. (1), с. 87.

²⁰⁶ Монгольские и маньчжурские примеры взяты у N.Poppe (6).

туркм. *dāš-* «переливаться через край» ~ ног. *tasi-*, кир. *taši-*;
 туркм. *jōn-* «тесать» ~ уйг. *jonu-*;
 туркм. *gāj-* «плавать в воздухе» ~ кир. *qajī-*;
 туркм. *dāl-* «остолбенеть» ~ кир. *tal-*, *tali-*;
 туркм. *gūl-* «связывать четыре ноги животного» ~ тув. *xüli-*;
 монг. *küli-* «binden»;
 як. *kīs-* «краснеть» ~ узб. *qizi-*, уйг., хот. *qizi-*;
 туркм. *būy* «пар» ~ тур. *bu'u*;
 туркм. *jāj* «лук» ~ з. с. г. *jayī*, баш. *jājä*;
 туркм. *jāy* «масло, жир» ~ *jayī* (Al-Qawanin)²⁰⁷;
 як. *siäl* (ср. туркм. *jäl*) «грива» ~ тур. *jele*;
 туркм. *gād* «гусь» ~ сюг. *qaza*;
 туркм. *mōj* «фаланга», ккал. *mij*, кир. *bōj* ~ кир. *bōjü*,
 каз. *bōjə*, баш. *bōjō*;
 туркм. *gīn* «ножны» ~ тат. *qānā*;
 туркм. *šūr* «серый» ~ тат. *sörö*, баш. *hörö*;
 туркм. *tīy* (< перс.?) «острие» ~ азерб. *tijä*;
 туркм. *dīd* «колени» ~ алт. *tize*;

Для восстановления общетюркских первичных долгот имеет значение и следующее обстоятельство.

Известно, что туркменским односложным словам с первичным долгим соответствуют, как правило, в тувинском языке слова с обычным гласным, в турецком и азербайджанском, в карагасском языках со слабым (исторически) смычным в ауслауте. И, наоборот, если туркменское односложное слово не содержит первичного долгого, его тувинское соответствие имеет «фарингализованный» гласный (исторически: сильный смычный или сибилант в ауслауте), а азербайджанское, турецкое и гагаузское – сильный смычный в ауслауте.

Опираясь на эти данные, можно предполагать, что такие туркменские слова, как *et-* «делать», *ut-* «выигрывать», первоначально имели в общетюркском долгий гласный.

С другой стороны, становится сомнительной восстанавливаемая некоторыми исследователями²⁰⁸ долгота в общетюркском:

²⁰⁷ KCsAr, I, Erg. Bd, с. 311.

²⁰⁸ См., например, А.Г. Бишев (1), с. 34–36.

oq «стрела» (тув. *o''q*, тур. *ok* (*oku*));
aq- «течь» (тув. *a''q*, тур. *ak-* (*akar*));
ot «трава» (тув. *o''t*, тур. *ot* (*otu*));
qač «бежать» (тув. *qa''š-*, азерб. *gač-* (*gačag*));
düš- «спускаться» (тув. *dü''š-*, туркм. *düş-*).

Гласные непервых слогов

Вокализм непервых слогов представляет подсистему, характер которой исторически, в силу закона гармонии гласных, предопределен системой гласных первого слога.

В непервых слогах могут выступать гласные *a*, *e*, *ä*, *ə*, *u*, *ü*, *i*²⁰⁹.

Примечательно, что такой процесс, как **ë > i* в первом слоге не распространился на подсистему гласных непервых слогов.

По-видимому, до того, как **ë > i*, широкий гласный непервого слога был представлен только в двух вариантах: *a // ä* (ср. татарский и башкирский языки, где имеем такое же противопоставление); впоследствии, когда *ä > a* в первом слоге, фонетическое различие этих вариантов возросло: *a // e*.

Отсутствие *ï* в непервых слогах свидетельствует, вероятно (как уже отмечал В.И. Котлеев)²¹⁰, о его сравнительно позднем появлении в системе чувашского вокализма.

Общeturкский *ï*, как известно, дал в чувашском *ä*, а новый *ï* развился на месте *a*, *u*, *ä*.

Расширение гласных в непервых слогах

а) в закрытом слоге:

туркм. *ayïd*, тат. *awəz* «рот» ~ чув. *šəvar*;

тат., баш. *arəš* «рожь» ~ чув. *iras*;

тат., баш. *küpər* «мост» ~ чув. *kəber*;

тат. баш. *bawər* «печень» ~ чув. *pəver*;

тат. *jäbən-*, баш. *jəbən-*, ног. *jibin-* «мокнуть» ~ чув. *jəben-*;

²⁰⁹ Три последних являются репрезентацией морфем: *i* аффикс принадлежности 3 л; *u*, *ü* — имя действия — (*u < *əw*; *ü < *əw*).

²¹⁰ Система гласных фонем, с. 19–20.

туркм. *bišir-*, тат. *pəšer-*, як. *buhar-* «варить» ~ чув. *pəžer*²¹¹;
тув. *ölür-* «убивать» ~ чув. *vəler-*;
СС *batir-* «скрывать» ~ чув. *pidar-*;
тув. *olur-*, як. *olor-* «сидеть» ~ чув. *lar-* < **ɬlar-* < **ular-* < **olar-*;
як. *umun-* «забывать» (ср. тур. *unut-*, ног. *umit-* и т.д.) ~
чув. *man-*;

б) в открытом слоге:

баш. *küpsə* «разбухать» ~ чув. *küpče-*;
тат. *törcə-*, баш. *töpsö* «разбирать» ~ чув. *təpče-*
«расспрашивать, допрашивать»;
тат. *ürçə*, кир. *örçü-* «плодиться» ~ чув. *ərje-*;
тат. *qunäç*, ног. *qoniš* «голенище» ~ чув. *kuñja* < **kuñjā*;
тат. *uwəldəq*, баш. *əwəldärəq* «икра» ~ чув. *vəlǰā*, *vəlǰa*;
алт. конд. *taliq*, тат. *talqə*, кир. *talqu*, тув. *ɬalyŋy*
«кожемялка» ~ чув. *tilə*, *tila*, *tula*;
туркм. *gujruq*, тат. *qöjrəq* «хвост» ~ чув. *xüre*;
тат. *örəngə*, уйг. *ürəngi* «клен» ~ чув. *vərene*.
Обычно расширение гласного в непервом слоге
связывают с ударением²¹².

Сужение гласных в непервом слоге

кир. *botqo*, тат. *bötqa*, хак. *potxi* «каша» ~ чув. *pəðä*;
кир. *tušö*, тат., баш. *təšaw* «путы, оковы» ~ чув. *təlā*;
туркм. *çöke*, тат. *çögä*, баш. *sögä* «стерлядь» ~ чув. *səgə*;
туркм. *jigren-*, баш. *jərän-* «брезговать» ~ чув. *jərən-*;
Возможно, здесь представлена ассимиляция гласных по
подъему.

О чувашских именных основах с конечными *ä*, *ə*.

Исследователи уже давно обратили внимание на тот
факт, что многие тюркские односложные слова имеют в
чувашском соответствии с «добавочным» ауслautным
гласным *ä* или *ə*²¹³.

Например:

туркм., уйг., кир. *oq* «стрела» ~ чув. *uǰä* «лук, стрела»;

²¹¹ Быть может, здесь просто представлен аффикс принудительного
залога с широким гласным: ср. *kəlar-* «выносить», а также аффиксы
-tar, *-ter*.

²¹² *N. Poppe* (3) § 12.

²¹³ См. *Ашмарин Н.И.* (2), с. 76–77; *Poppe* (7), с. 423–24; Сб. «Вопросы
чувашского языка, литературы и искусства», Чебоксары, 1960, с. 6–9.

туркм., тур., азерб. *it*, уйг. *išt* «собака» ~ чув. *jidā* «то же» и т.д.

Эти данные чувашского языка нередко привлекались при обсуждении проблемы о первоначальном строении алтайского корня. Одни полагали, что двухсложные чувашские слова типа *jidā* первичны по отношению к тюркским и чувашский язык можно сблизить в этом плане с монгольским языком, где также наличествуют «распространенные» по сравнению с тюркскими корни²¹⁴.

Другие не считали возможным вынести окончательное суждение о том, представляют ли случаи *jidā*, *uγā* исконное явление²¹⁵. Наконец, имелись попытки объяснить «добавочные» гласные финно-угорским влиянием²¹⁶.

В данном разделе не рассматривается сложный вопрос о структуре алтайского корня и даже один из его аспектов: соотношение распространенных и нераспространенных корней в монгольских и тюркских языках²¹⁷, а лишь предлагается первичная обработка соответствующих чувашских материалов.

В чувашском языке представлено много двухсложных слов с исходом на редуцированный гласный. Генетически они неоднородны. Значительную группу представляют имена отглагольного происхождения. Например:

vilā «покойник» < *vil-* «умирать» (ср. др. тюрк. *ölüg*, тув. *öliγ*, тур. *ölü*);

kažā «переправа» < *kaš-* «переходить» (др.тюрк. *kāčüg*, тув. *kežiy*);

²¹⁴ *N. Poppe* (7), с. 423–24; (3) § 12.

²¹⁵ *М. Рясянен* (5), М. 1955, с. 49.

²¹⁶ *Н.И. Ашмарин* (2), с. 77, прим. 2.

²¹⁷ Для справок сообщается частная библиография вопроса: *Мелиоранский П.М.* Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. IX–XIV; *Владимирцев Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, с. 323–325; *Котвиц В.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962, с. 33–46; *Ramstedt G.J.* Einführung, I, 1957, § 78 и § 86; *Murayama S.* Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen. «Oriens», 1958, 11, с. 224–230; *Зайончковский А.* К вопросу о структуре корня в тюркских языках. ВЯ, 1961, № 2, с. 28–35; *Deny J.* L'ancien monosyllabisme des racines turques. BSLP, № 124 (1946), с. XIV–XV; UAJb. 34, Н. 1–2, 1962, с. 156–157; *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 436–447 и т.д.

sudā «торговля» < *sut-* «продавать» (др. тюрк. *satiγ*, тув. *sadiγ*, тур. *sati* «продажа»);

xidā «твердый» < *xit-* «твердеть» (др. тюрк. *kati*, тув. *qadiγ*, тур. *kati*) и т.д.

Во вторую группу входят имена, тюркские соответствия которых имеют, по-видимому, более архаичную структуру.

Например:

alā «рука» ~ др. тюрк. *ālig*, *ilig*, лоб. *ilik*, сюг. *eliγ*, туркм., тур., таг. *el* «то же»;

turā «гнедой» ~ др. тюрк. *toruq*, *toruγ*, тат., баш. *turā*, тув. *ḡoruγ*, тур. *doru*, туркм. *dōr* «то же»;

tiilā «мялка» ~ тув. *ḡalyγ*, як. *talqī*, тат. *talqā*, кир. *talqū*;

adā «сапог» ~ ног., каз. *etik*, туркм. *ādik*, кир., уйг. *ōtük*, тат., баш. *itāk*, алт. *ōdük*, др.тюрк. *ātük* «то же».

Третья группа чувашских слов данного типа имеет тюркские соответствия с ауслатным узким гласным, который и отражают чувашские редуцированные.

Например:

jāvā «густой» ~ туркм. *jīγī*, ног. *jīī*, каз. *žajə* «то же»²¹⁸

vagā «пруть» ~ тур. *öjü*, ккал., каз. *ükə* «то же»;

kimā «лодка» ~ туркм. *gāmi*, тур. *gemi*, кир. *keme*, др. тюрк. *kemi*, *kimi*;

xirā «сосна» ~ тув. *xadi*, хак.кач. *xara xazi* «то же».

Наконец, четвертая группа — это двухсложные слова, имеющие односложные тюркские соответствия.

udā «сено» ~ тур., туркм., каз., хак., як. *ot* «трава»;

uγā «лук, стрела» ~ тат., баш. *uq*, туркм., уйг., кир., балк. *oq* «стрела»;

jažā «стройный, молодой» ~ тат., баш. *jāš* «молодой, юный» (в чувашский < татарского);

jidā «собака» ~ туркм., тур., азер., кир. *it*, уйг. *išt*, каз., ног. *əjt*, алт. *ijt*, тат., баш. *ət*, тув., як. *it*;

jubā «разветвление» < тат. *jār* «развилка»;

jurā «песня» ~ туркм., тур., кир., тув. *ir*, тур., ног. *jir*, кум. *jir*, баш. *jār*, тур. *ḡir* «то же»;

judā «чужой» ~ кир. *ḡat*, тат., баш. *jat*, туркм. *jāt*; (из татарского?);

jünā «дешевый» ~ тат., баш. *jün* «то же»;

²¹⁸ Чувашское *jāvā* обычно сопоставляют с тув. *xojuγ*, баш. *qujā* и т.д. «густой».

jənə «берлога» ~ тур. *in*, туркм. *hīn*, тат. *ǝn*, баш. *ǝŋ*, як. *īn*, *īŋ* «нора, берлога»;
vižə «голодный» ~ туркм. *āč*, тат. *ač*, як. *ās*, азер. *aǰ*;
vəjə «месть» ~ тур. *öç*, тат. *üç*, туркм. *öç*, каз.ног. ккал. *öš*, хак., як. *ös* «то же»;
kilə «дом» ~ азер. *gil*, тур. *gil* «семья, дом»;
külə «озеро» ~ туркм. *köl*, як. *küöl*, тур. *göl*, тув. *xöl*, тат., баш. *kül* «то же»;
kəvə «напев, мелодия» ~ кум., уйг. *küj*, узб. *kuj*, тат., баш. *köj* «то же»;
kəgə «тучный, полный» ~ туркм., тур. *gür*, азер. *g'ür*, кир. *kür*, тув. *xür*, тат., баш. *kör* «то же»;
nəgə «твердый, крепкий» ~ тат., баш. *nəq*, кир. *niq*, кир. *iq* «то же»;
pjɔdə «вошь» ~ тат., баш. *bət*, як. *bi't* «то же»;
purə «мел» ~ тат., баш. *bur*, кум., кир., уйг. *bor* «то же»;
pužə «пустой» ~ тат., баш. *buš*, туркм. *boš* «то же»;
sazə «звук, голос» ~ тур. *ses*, азер. *säs*, туркм. *ǧeθ* «то же»;
sivə «здоровый» ~ туркм. *ǧay*, кир. *sō*, тат. *saw*, баш. *haw* «то же»;
sijə «охрана» ~ туркм. *ǧaq* «зоркий, бдительный», кир. *saqci*, уйг. *saxci* «сторож»;
sulə «плот» ~ туркм. *ǧāl*, тур., тув., тат. *sal* «то же»;
səɾə «краска» ~ каз., хак. *sir* «то же»; тат. *sər* «резьба»;
səɾə «серый» ~ туркм. *ǧür*, алт., кир. *sur*, тат. *soɾə*, баш. *höɾə* «то же» (вероятно, это слово следует включить в 3-ю группу — см. выше);
səɣə «жадный» ~ кир., узб. *suq*, каз. *söq* «то же»;
sanə «рукав» ~ туркм. *jeŋ*, тур. *jen*, кир. *jeŋ*, тув. *ceŋ* «то же»;
šubə «мусор» ~ туркм., тур., кир. *čöp*, хак. *söp*, баш. *šip*, тат. *čür* «то же»;
šəvə «шов» ~ тат. *ǰǰ*, баш. *jǰj*, ккал. *žij* «то же»;
tubə «пушка» ~ тат., баш. *tup*, тур., туркм., кир. *top* «то же»;
tubə «мяч» ~ тат., баш. *tup*, туркм., тур., кир. *top* «то же»;
tudə «вкус» ~ туркм. *dāt*, тур., тат., баш. *tat* «то же»;
türə «прямой, честный» ~ туркм. *düd*, тур., азер. *düz*, кир., уйг. *tüz*, тат. *iǝz* «то же»;
təɾə «вышивка, узор» ~ кир. *tür* «орнамент», каз. *tör* «узор»;
čigə «граница» ~ баш. *sik*, тат. *čik*, уйг. *čäk*, кир. *ček* «то же».

Нередко форма с добавочным редуцированным гласным встречается в диалектах (говорах):

диал. *anā*, лит. *an* «ширина» ~ тюрк. *īn, en, iān, iŋ*;

диал. *ujā*, лит. *uj* «поле» ~ тюрк. *ōj, uj* «долина, низина»;

диал. *jurā jur*, лит. *jivār* «тяжелый» ~ тюрк. *aŷir*;

диал. *jārā*, лит. *jār* «след» ~ тюрк. *īz, iz*;

диал. *vudā*, лит. *vut* «огонь» ~ тюрк. *ōt, uot, ot, ut*;

диал. *vālā*, лит. *vāl* «он, тот» ~ тюрк. *ol, ul, o, u*;

диал. *mijā*, лит. *māj* «шея» ~ тюрк. *bojun, mujān*;

диал. *pāvā*, лит. *pū* «рост» ~ тюрк. *boj, buj*;

диал. *sijā*, лит. *sāj* «угощение» ~ тюрк. *sāj, hāj*;

диал. *šālā*, лит. *šāl* «ключ, родник» ~ хак. *čul* «ручей»;

др. тюрк. *jul* «горный ручей»;

диал. *tujā*, лит. *tuj* «свадьба» ~ тюрк. *toj, tuj*;

диал. *tudā* «веснушка», лит. *tut* ~ тюрк. *tot*;

диал. *tātā*, лит. *tam* «кочка, бугор» ~ алт. *tōŋ*, уйг. *dōŋ*;

диал. *xižā*, лит. *xiš* «задняя часть» ~ тур., гаг. *kič* «задняя часть», азерб. *gič* «нога»;

диал. *xulā*, лит. *xul* «рука» ~ тюрк. *qol, qul*;

диал. *xurā*, лит. *xur* «гусь» ~ тюрк. *gād, qaz*;

диал. *xurā*, лит. *xur* «локоть» ~ тюрк. *qar, qarī*;

диал. *xāvā*, лит. *xāv* «пазуха» ~ тюрк. *qoj, qojun*;

диал. *šivā* «вода», лит. *šiv* ~ тюрк. *suŷ, suw, su*;

диал. *šurā*, лит. *šur* «болото» ~ тюрк. *sād, saz*.

В каждой из четырех групп есть слова, которые в литературном языке могут утрачивать ауслатный редуцированный гласный перед словами, начинающимися как на гласный, так и на согласный:

1. *vilā* ~ *vil* «покойник»;

sudā ~ *sut* «торговля»;

tibā ~ *tip* «сухое место»;

xidā ~ *xit* «твердый»;

čālā ~ *čāl* «ломоть»;

šičā ~ *šiš* «опухоль»;

2. *alā* ~ *al* «рука»;

turā ~ *tur* «гнедой»;

sarā ~ *sar* «желтый»;

adā ~ *at* «сапог»;

vadā ~ *vat* «старый»;

3. *vagā* ~ *vak* «прорубь»;

kilā ~ *kil* «ступа»,

kimə ~ *kim* «лодка»;
śudā ~ *śut* «свет»;
śənə ~ *śən* «новый»;
4. *jubā* ~ *jur* «разветвление»;
judā ~ *jut* «чужой»;
vižā ~ *viś* «голодный»;
kilə ~ *kil* «дом»;
sivā ~ *siv* «здоровый».

Бывает и так, что двусложная форма употребляется в литературном языке, а односложная в говорах и наоборот:

лит. *udā* «сено» ~ диал. *ut*;
лит. *uγā* «лук, стрела» ~ диал. *ok*, *ux*;
лит. *jidā* «собака» ~ диал. *jāt*, *jit*, *it*;
лит. *sulā* «плот» ~ диал. *sul*;
лит. *sāγā* «жадный» ~ диал. *sāk*, *sāx*; или
лит. *śar* «армия» ~ диал. ~ *śarā*;
лит. *tin* «свидетель» ~ диал. *tinā*;
лит. *sak* «лавка» ~ диал. *sagā*;
лит. *tir* «кожа» ~ диал. *tirə*;
лит. *xir* «сосна» ~ диал. *xirā*²¹⁹.

В чувашском языке много²²⁰ и односложных именных²²¹ корней, которые, как показывают предварительные наблюдения, не встречаются с «добавочным» редуцированным.

Вот некоторые примеры:

ar «мужчина»;
as «память»;
jat «имя»;
jur «снег»;
kāk «корень»;
kun «день»;
pil «мед»;
śul «дорога»;

²¹⁹ О поведении конечных редуцированных в связной речи см. Ашмарин Н.И. (2), с. 32; Матер. по чуваш. диал. (2), с. 135. Егоров В.Г. (2), с. 170.

²²⁰ Нам удалось собрать 104 таких слова, но их, безусловно, больше, причем 63 слова имеют в исходе *l', r, m, n, j, v*. Это, возможно, не случайно, так как вполне вероятно, что в случаях типа *jidā*, *vižā* *ā(ə)* появляется в связи со стремлением типизировать ауслат односложных слов: 1) *сонорный* или 2) *шумный (полузвонкий) + ā(ə)*.

²²¹ Глагольные корни здесь не рассматриваются.

tām «заморозки»;
xəl «зима» и т.д.²²²

Именные основы с «добавочным»²²³ гласным имеются и в других тюркских языках. Опуская случаи типа:

туркм. *qoq* «запах» ~ тур. *koku* «то же»;

тур. *küs* «мрачный, сердитый» ~ тур. *küsü* «ссора, обида»;

алт. *sīs* «острая боль в костях» ~ тур. *sizi* «то же»

и т.д., интерпретация которых была предложена Э.В. Севортьяном²²⁴, приведем здесь ряд слов с добавочным гласным²²⁵, происхождение которого в ряде случаев остается неясным²²⁶.

сюг. *qaza* «гусь, лебедь» ~ туркм. *gāḍ*, тур. *kaz*, кир. *qaz*;

сюг. *saqa* «осторожный» ~ туркм. *ṣaq*, ног. *saq*, чув. *six* ~ *sij̄ā*;

з.с.г. *tüše* «наковальня», тув. *döžü*, алт. *töžü* ~ баш. диал. *tüš*, ног., ккал. *tös*;

тур. *jele* «грива» ~ як. *siäl*;

тат. *qānā* «ножны» ~ баш. *qān*, туркм. *gīn*, тур. *kin*, як. *kīn*;

з.с.г. *jaṣi*, баш. *jäjä* «лук» ~ туркм. *jāj*, тур., ног. *jaj*;

кир. (*ṣaman*) *sari*, тув. *sari* «сарыч» ~ баш. *har* «сарыч»,

туркм. *ṣar* «скворец», уйг. *sa(r)* «коршун»;

алт. *tölü* «род, поколение, потомство» ~ тув. *ṭöl* «дитя, детеныш», хак. *töl*, уйг. *töl*, туркм. *döl*;

кир. *böj*, *böjü*, каз. *böjə*, баш. *böjǰ* «гарантул» ~ туркм. *mōj* «фаланга», ног. *bij*, ккал. *mij* «то же»;

тат. *börə*, баш. *börǰ* «почка», тув. *bürü* «лист» ~ кир., кум., ног., алт. *bür*, хак., туркм. *pür*;

тув. *uru* «нарост, опухоль», каз. *ōra*, баш. *ōrǰ* ~ тур., алт., кир. *ur*;

тур. *čivi* «гвоздь» ~ туркм. *čüj*, ног. *šüj*, баш. *sǰj*, тат. *čǰj* «клин»;

²²² Было бы интересно определить количественное соотношение односложных и двусложных именных корней и сравнить частоту их употребления в речи.

²²³ Пока мы не настаиваем на тождестве чувашских и тюркских фактов.

²²⁴ Севортьян, с. 436–447.

²²⁵ Ср. Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание, с. 182–183.

²²⁶ Вполне возможно, что «добавочные» гласные в приводимых примерах генетически разнородны.

тур. *kijī* «название всего острого, горького на вкус», уйг. *qiča* «горчица» ~ Ettuhfet²²⁷, *qič* «горчица»; з.с.г. *cələ* ~ *cəl* «рябчик» ~ тур. *čil*, каз. *šəl*²²⁸, но хак. *sax* «ступка» кир. *oqu*, туркм. *ḡoqi*, алт. *soqi* (ср. хак. диал. *sāx*, *soyax*); сюг. *šip* «двухлетний жеребенок» ~ тур., азерб. *šipa* «осленок»; сюг. *ter* «кожа» ~ тат., баш. *tirə*, туркм. *deri*, кир. *teri*²²⁹.

Не анализируя пока эти данные, можно заметить, что появление «добавочных» и исчезновение «этимологических» гласных в чувашском языке, вероятно, как-то связано с действием следующих факторов²³⁰:

а) большой удельный вес в лексике двусложных основ с открытым конечным слогом;

б) тенденция к открытым конечным слогам в низовых говорах²³¹;

в) неустойчивость гласных *ə̃*, *ə* (особенно в безударном положении);

г) «выравнивание» слов по «сильным»²³² моделям;

д) структура и фонетика словосочетания (позиция слова в словосочетании, темп речи, анлаут последующего слова, а следовательно внешнее сандхи).

Так как группа чувашских слов с «добавочным» гласным по признакам *j* (*jažə̃*), *č* (*čigə̃*) и *s* (перед *i*, *ĩ*, *ə*, *ə̃*) (*sə̃rə̃*) должна быть отнесена к кыпчакским (?) заимствованиям, этот тип двусложной основы с конечным открытым слогом едва ли нужно считать первичным. Правда, в подобных словах «добавочный» *ə̃*, *ə* мог появиться как результат «выравнивания».

²²⁷ Ettuhfet-üz-Zekijje fil-Lügat-it-Türkijje. Istanbul, 1945.

²²⁸ Нарашение конечного гласного отмечено также Э.Р. Тенишевым (Саларский язык. М, 1963, с. 16-17) в саларском языке в собственных именах, географических названиях, прилагательных и словах типа *taši* «внешний», *ili* «передний». Он связывает это явление с тенденцией к открытым слогам, которая наблюдается и в одном из монгольских языков - дунсянском (см. Б.Х. Тодаева. Дунсянский язык. М., 1961, с. 18). Чувашские и саларские «добавочные» гласные возникли, вероятно, независимо друг от друга, но параллелизм явлений в родственных языках сам по себе примечателен.

²²⁹ См. также Э.В. Севортян, с. 446-447.

²³⁰ См. выше с. 104, сноска 220.

²³¹ См. В.Г. Егоров (2), с. 190-191.

²³² «Сильной» называем количественно преобладающую структурную модель.

**Чувашский 0 (нуль) ~ общетюркский гласный в ауслауте
двусложных и многосложных глагольных основ**

тур. *kaši-*, кир. *qaši-* «чесать» ~ чув. *xiš-*;

тур. *čida-*, тув. *šida-*, хак. *sida-*, баш. *səda-* «терпеть» ~ чув. *čət-*;

тат., баш. *jarləqa-*, ног. *jarliqa-* «миловать» ~ чув. *širlax-*;

тур., азер. *čürü-*, кир., уйг. *čiri-* «гнить» ~ чув. *šar-*;

тур. *kuru-*, кир. *quru-*, тат. *qörə-* «сохнуть» ~ чув. *xər-*.

В других тюркских языках также представлено немало глагольных основ, различающихся наличием или отсутствием гласного в ауслауте. Интерпретацией этого явления занимались многие исследователи²³³. Мы ограничимся здесь неполной сводкой фактического материала²³⁴:

(C)VVC	(C)VC	(C)VVC
<i>dāt-</i> (туркм.)	<i>tat-</i> (кир.)	<i>tatə-</i> (баш.) пробовать
<i>tāl-</i> (як.)	<i>tal-</i> (кир.)	<i>tali-</i> (кир.) остолбенеть, онеметь
<i>ör-</i> (туркм.)	<i>ör-</i> (кир.)	<i>öri-</i> (кир.) подниматься, двигаться вверх
<i>kīs-</i> (як.)	<i>giḏ-</i> (туркм.)	<i>qizi-</i> (кир.) накаливаться, краснеть
<i>šir-</i> (туркм.)	<i>siḥ-</i> (алт.)	<i>siḥ-</i> (ног.) строчить
<i>ḷoš-</i> (туркм.)		<i>ḷošu-</i> (кир.) выходить из берегов, литься струей
<i>ār-</i> (туркм.)	<i>ir-</i> (як.)	<i>ari-</i> (ног.) уставать, худеть
<i>šaj-</i> (туркм.)	<i>saj-</i> (тур.)	<i>saji-</i> (ног.) считать
<i>šör-</i> (туркм.)	<i>sor-</i> (кир.)	<i>sori-</i> (ног.) сосать
<i>gōḍya-</i> (туркм.)	<i>qoz-</i> (ног.)	<i>qozu-</i> (кир.) трогать, дразнить, возбуждаться

²³³ Ср. *Ramstedt G.* (4). *Мелиоранский П.М.* Араб-филолог; *Севортян Э.В.*, с. 436 и сл. (там же ссылки на другую литературу); *Котвич В.*, с. 33–46.

²³⁴ Для краткости во 2 и 3 параграфе приводятся примеры из одного языка.

<i>gāj-</i> (туркм.)	<i>kaj-</i> (тур.)	<i>qajī-</i> (кир.) плавать по воздуху
<i>dāš-</i> (туркм.)	<i>taš-</i> (тур.)	<i>taši-</i> (кир.) переливаться через край
<i>čüre-</i> (туркм.)	<i>šer-</i> (чув.)	<i>čürī-</i> (азер.) гнить
<i>jāna-</i> (туркм.)	<i>jan-</i> (кир.)	<i>janī-</i> (кир.) подходить сбоку
<i>gūra-</i> (туркм.)	<i>qur-</i> (ног.)	<i>quru-</i> (кир.) сохнуть
	<i>taj-</i> (сюг.)	<i>tajī-</i> (хак.) поклоняться
	<i>baj-</i> (як.)	<i>bajī-</i> (ног.) богатеть
	<i>kok-</i> (тур.)	<i>qoqi-</i> (кир.) пахнуть
	<i>sar-</i> (тур.)	<i>šara-</i> (туркм.) закутывать
	<i>čoq-</i> (туркм.)	<i>šoqi-</i> (ног.) клевать
	<i>uj-</i> (тур.)	<i>uji-</i> (ног.) быть впору
	<i>tij-</i> (кир.)	<i>tijī-</i> (кир.) окрепнуть
	<i>ter-</i> (кир.)	<i>teri-</i> (ног. диал.) собирать
	<i>d'iš-</i> (алт.)	<i>jši-</i> (кир.) тереть
	<i>čit-</i> (туркм.)	<i>čitī-</i> (кир.) нахмуривать
	<i>šol-</i> (туркм.)	<i>solu-</i> (кир.) вянуть
	<i>zor-</i> (туркм.)	<i>zori-</i> (ног.) предсказывать
	<i>qat-</i> (кир.)	<i>gata-</i> (туркм.) затвердеть
	<i>gaj-</i> (туркм.)	<i>qajī-</i> (кир.) огуляться о верблюде
	<i>qur-</i> (ног.)	<i>gura-</i> (туркм.) строить
	<i>ir-</i> (як.)	<i>eri-</i> (тур.) таять
	<i>kez-</i> (кир.)	<i>kezi-</i> (тув.) бродить
	<i>qaz-</i> (кир.)	<i>qazi-</i> (ног.) копать

Интересен глагол *bür-* (ног.) «делать складки», туркм. *büz-*, кир. *büjür-* «делать складки»²³⁵ (ср. туркм. *zor*, азер. *joz-*, кир. *zoru-* «предугадывать»).

²³⁵ Ср. кир. *bür-* «зашивать на скорую руку».

«Редуцированные» гласные в чувашском языке и их происхождение

Как известно, в чувашском языке различают гласные полного образования (долгие): *a, /o/, u, i, e, /ö/, ü, i* и неполного образования (краткие)²³⁶: */ǝ/, /ǝ̄/, ə, ə*.

Последние нередко называют редуцированными²³⁷

Исторически краткие гласные восходят к гласным полного образования *u, ü, i, i*, реже *a, e, o, ö*. Разделение гласных на долгие и краткие (в указанном смысле) свойственно и другим тюркским языкам Поволжья — татарскому и башкирскому. Краткие гласные типа *ǝ, ə* встречаются sporadически (в особых позициях) во многих тюркских языках. Гласный *ə* зарегистрирован, например, в хакасском языке, где он является фонемой.

Прежде чем анализировать процесс образования кратких гласных²³⁸ рассмотрим соответствующие чувашско-татарско-башкирские параллели:

Чувашский лит. *ə* ~ тат. *ǝ̄*, баш. *ǝ̄*

- vər-* «дуть» ~ тат., баш. *ǝr-*;
vər- «лаять» ~ тат., баш. *ǝr-*;
vären- «учиться» ~ тат., баш. *ǝjrän-*;
vərene «клен» ~ тат. *ǝrängə*;
vərlək «жердь» ~ тат. *ǝrlək*, баш. *ǝrlök*;
vət- «палить» ~ тат., баш. *ǝt-*;
əzengə «стремя» ~ тат. *ǝzängə*;
algə «образец» ~ тат. *ǝlgə*, баш. *ǝlgö*;
algər «плеяды» ~ баш. *ǝlkär*;
alkken «красивый» ~ баш. *ǝlkän* «большой, знаменитый»;
əxə- «помчать, понести» ~ тат., баш. *ǝrk-*;
əžen- «уставать» ~ тат., баш. *ǝžän-*;
algər- «успевать, созреть» ~ тат. *ǝlgər-*, баш. *ǝlgör-*;
jəven «узда» ~ тат. *jögän*, баш. *jügän*;
jənə «берлога» ~ тат. *ǝn*, баш. *ǝn*;

²³⁶ См., например, *Байчура У.Ш.*, с. 62–68; *Скворцов М.И.* Редуцированные (краткие) гласные чувашского языка в свете экспериментальных данных (рукопись, Архив Чув. НИЯЛИЭ, отд. IV, ед. хр. 274, № 434). Иначе у *Е.Н. Степановой* с. 87–88 и 90.

²³⁷ См., например, *Егоров В.Г.* (2), с. 152–154.

²³⁸ Речь пойдет о кратких гласных первого слога.

käve «моль» ~ тат., баш. *köjä*;
kävende «коромысло» ~ тат., баш. *köjäntä*;
käl «зола» ~ тат., баш. *köl*;
kälde «сноп» ~ тат., баш. *költä*;
kamal «серебро» ~ тат. *kötmäš*, баш. *kötmöš*;
käbe «рубаха» ~ баш. *köpö* «стеганка»;
käpše «стебель» ~ тат. *köpšä*, баш. *köpšä*;
käpček «ступица» ~ тат. *köpçäk*, баш. *köpšäk*;
kär «осень» ~ тат. *köz*, баш. *köđ*;
kärege «почетное место за столом» ~ баш. *körägä*;
kären «темнорыжий» ~ тат., баш. *körän*;
käreš- «бороться» ~ тат., баш. *köräš-*;
kärä «ниточки» ~ тат. *körä*;
kärä «тучный, сильный» ~ тат., баш. *kör*;
kärt «сугроб» ~ тат., баш. *kört*;
käskä «зеркало» ~ баш. *köđgö*;
käsmen «весло» ~ баш. *köđmän*;
kät- «пасти, ждять» ~ тат., баш. *köt-*;
kädäk «короткий» ~ тат. *kötäk*, баш. *kötök*;
päve «пруд, запруда» ~ тат. *böjä*;
päve- «прудить» ~ тат. *böjä*;
päk- «гнуть» ~ тат., баш. *bök-*;
pär- «сужать» ~ тат., баш. *bör-*;
päräh- «брызгать» ~ тат., баш. *börk-*;
päрге- «укутывать» ~ тат. *börkä-*;
pärgät «беркут» ~ тат. *börkät*, баш. *börköt*;
pärläpen «костяника» ~ тат. *börlägan*, баш. *börđögän*;
pädäm «целый, весь» ~ тат. *bötän*, баш. *bötön*;
pädär- «крутить, вить» ~ тат. *bötär-*;
pätäk «мята» ~ тат. *bötäk*, баш. *bötök*;
säge «верша» ~ тат. *sökä*;
säläh «пиявка» ~ тат. *söläk*;
sälgä «полотенце» ~ тат. *sölgä*;
sär- «цедить» ~ тат. *söz-*, баш. *höđ-*;
sär- «мазать» ~ тат. *sört-*, баш. *hört-*;
särege «брედень» ~ тат. *söräkä*;
säräm «угар, чад» ~ тат. *söräm*, баш. *höřöm*;
sät «молоко» ~ тат. *söt-*, баш. *höť*;
sävä «шов» ~ тат. *jöj*, баш. *jöj*;
sägä «стерлядь» ~ тат. *čögä*, баш. *sögä*;
sär «сто» ~ тат. *jöz*, баш. *jöđ*;

šara «кольцо» ~ тат. *jöz*;
tave «верблюды» ~ тат., баш. *döjä*;
tak «перо, волос» ~ тат., баш. *tök*;
tal «место, время» ~ тат. *töš*;
täläk «сон» ~ тат., баш. *töš*;
täp «дно» ~ тат., баш. *töp*;
täpče- «расспрашивать, допрашивать» ~ тат. *töprčä*,
 баш. *töpsö*;
tär- «собирать в кучу» ~ тат., баш. *tör-*;
tären «лемех» ~ тат., баш. *törän*;
tärlä «разный» ~ тат. *törlä*, баш. *törlö*;
tärt «толкать» ~ тат., баш. *tört-*;
täs «цвет, масть» ~ баш. *töŷ*, тат. *tös*;
tädäm «дым» ~ тат. *tötän*, баш. *tötön*;
täžä «зерно, ядро» ~ тат. *töš*.

Чувашский лит. *ә* ~ татарский и башкирский *ә*

äläk «раньше, прежде» ~ тат., баш. *äläk*;
äs «дело, работа» ~ тат., баш. *äs*;
äs- «пить» ~ тат. *äč-*, баш. *äs*;
jägät «молодой человек» ~ тат. *jägät*;
jäben- «мокнуть» ~ тат. *jäbän-*, баш. *jäbän-*;
jär «след» ~ тат. *az*, баш. *äd*;
käle «задвигка» ~ тат., баш. *kälä*;
kär «входить» ~ тат., баш. *kär-*;
käžen- «ржать» ~ тат., баш. *käšnä-*;
kädäk «закуток» ~ тат., баш. *kätäk*;
päl- «знать» ~ тат., баш. *bäl-*;
pälev «оселок» ~ тат., баш. *bäläw*;
pär «один» ~ тат., баш. *bär*;
päzer- «варить» ~ тат. *päšer-*, баш. *bäšer-*;
pät- «кончатся» ~ тат. *bät-*, баш. *böt-*;
sälege «слюна» ~ тат. *sälägäj*;
säldä «сало (на реке)» ~ тат. *sältä*, баш. *hältä*;
šär- «гнить» ~ тат. *čär-*, баш. *sär-*;
täre- «упираться» ~ тат., баш. *tärä-*;
čät- «щепать лучину» ~ тат., баш. *tät-*;
čäŷe «язык» ~ тат., баш. *tät*;
čäbä «птенец» ~ тат. *čäbi*;
čär «колени» ~ тат. *töz*, баш. *täd*;
čärä «живой» ~ тат., баш. *tärä*.

Чувашский *ə* татарский и башкирский *i*

ət- «сосать» ~ тат., баш. *im-*;
əndə «уже» ~ тат., баш. *ində*;
jəgər «двойной» ~ тат. *igəz*, баш. *igəd*;
təlmər- «питать надежду» ~ баш. *tilmər-*.

Чувашский *ə* ~ татарский *i* и башкирский *ə*

jəkken «палочник» ~ тат. *ĵikän*, баш. *jəkän*;
jälen «суконная поддевка» ~ тат. *ĵilän*, баш. *jälän*;
jərən- «брезговать» ~ тат. *ĵirän-*, баш. *jərän-*, як. *sirgän-*;
kärü «зять, жених» ~ тат. *kijäw*, баш. *kəjäv*;
šətmər- «бить, разрушать» ~ тат. *ĵimər-*, баш. *jətmər-*;
šən- «побеждать» ~ тат. *ĵiŋ-*, баш. *jəŋ-*;
šər «земля» ~ тат. *ĵir*, баш. *jər*, як. *sir*;
ср. также:
šəmäl «легкий» ~ тат. *ĵiŋäl*, баш. *jəŋäl*;
šüren «рыжий» ~ тат. *ĵirän*, баш. *jərän*;
ĵisna «муж старшей сестры» ~ тат. *ĵiznä*, баш. *jədnä*;
šən «НОВЫЙ» ~ тур. *jeni*.

Чувашский *ə* ~ татарский и башкирский *ü*

vəjə «ярость, месть» ~ тат. *üč*, баш. *üs*;
ərĵe- «плодиться» ~ тат. *ürčə-*, баш. *ürsə-*;
käber «мост» ~ тат., баш. *küpər*;
kəpčək «подушка» ~ тат. *küpčək*, баш. *küpsək*;
šəmel «копна из снопов» ~ тат. *čümälä*, баш. *sümälä*;
šəpre «дрожжи» ~ тат. *čüprä*, баш. *süprä*.

Чувашский *ə* татарский и башкирский *ä*

äšne «поляна» ~ тат. *äšna*;
jənə «ножны» ~ тат. *qänä*, баш. *qän*;
kəske «короткий» ~ тат. *qäsqä*, баш. *qäŋqä*;
šälen «змея» ~ тат., баш. *jälan*;
xəl «зима» ~ тат., баш. *qäs*;
xələx «конский волос» ~ тат., баш. *qäl*;
xər «дочь, девушка» ~ тат. *qəz*, баш. *qəd*;
xərəx «сорок» ~ тат. *qärəq*, баш. *qärq*;
xərүen- «жалеть» ~ тат. *qəzγan-*, баш. *qədγan-*;
xäs- «жаты» ~ тат. *qäs-*, баш. *qəd-*;
xəzər «яловый» ~ тат. *qäsär*, баш. *qədär*;
xäs «меч» ~ тат. *qäläč*, баш. *qäläs*;

čalbər «повод» ~ тат. *čälbär*, баш. *sälbär*;
čäm «дыхание» ~ тат., баш. *tän*;
čärne «ноготь» ~ тат., баш. *tärnaq*.

Чувашский ә ~ татарский и башкирский ö

väs «конец» ~ тат. *öç*, баш. *ös*;
väs- «летать» ~ тат. *öç-*, баш. *ös-*;
pələt «небо, облако» ~ тат. *bölät*, баш. *bölöt*;
pəsmex «угол» ~ тат. *pöçmaq*;
sälə «овес» ~ тат. *sölä*;
šəmärt «черемуха» ~ тат. *šömärt*;
xədärt- «подстрекать» ~ тат. *qötärt-*.

Чувашский э ~ татарский и башкирский ö

vər- «ударять» ~ тат., баш. *ör-*;
vərax «долгий» ~ тат. *özaq*, баш. *ödaq*;
vərē «вор» ~ баш. *öyrö*;
vəräm «длинный» ~ тат. *özän*, баш. *ödön*;
vərlāx «семья» ~ тат. *örlāq*, баш. *örlöq*;
vərs- «воевать» ~ тат. *öräs-*, баш. *örös-*;
äs- «черпать» ~ тат. *sös-*;
əza «челнок» ~ тат. *sösa*, *susa*, баш. *höða*;
əzat- «проводить» ~ тат. *özat-*, баш. *ödat-*;
ət- «выигрывать» ~ тат., баш. *öt-*;
jəva «гнездо» ~ тат., баш. *öja*;
jəla «обычай» ~ тат., баш. *jöla*;
jəmran «суслик» ~ тат., баш. *jömran*;
jəmzak «мягкий» ~ тат., баш. *jömsaq*;
jəbar «выхухоль» ~ баш. *jöfar*;
kəm «накипь» ~ баш. *qömaq*;
kəral «оружие» ~ тат., баш. *qöral*;
kərman «лещ» ~ тат., баш. *qörban*, *qörman*;
kərjangə «чесотка» ~ тат. *qörčañgə*, баш. *qörsangə*;
kədär- «бесноваться» ~ тат. *qötär-*, баш. *qötör-*;
nərə «жук» ~ баш. *nör* «черви у пчел»;
pəlan «олень» ~ тат., баш. *bölan*;
pəlām «луг» ~ тат. *bölän*, баш. *bölön*;
pəldär «сени, чулан» ~ тат. *böldär*, баш. *böldör*;
pəlyan- «мутиться» ~ тат., баш. *bölyan-*;
pəlyat- «мутить» ~ тат. *bölyat-*;
pər «лед» ~ тат. *böz*, баш. *böd*;

pār- «поворачивать» ~ тат., баш. *bör-*;
pārās «перец» ~ тат. *böräc*, баш. *börös*;
pāri «полба» ~ тат., баш. *böräj*;
pārza «горох» ~ тат. *börçaq*, баш. *börsaq*;
pās «пар» ~ баш. *böş*;
pās «портить» ~ тат. *böz-*, баш. *böd-*;
pājār «рябчик» ~ тат. *böjār*;
pāš- «тосковать» ~ тат. *pöšän-*, баш. *böš-*;
sārā «серый» ~ тат. *sörä*, баш. *höřö*;
säl- «спасать» ~ тат., баш. *jöl-*;
säldär «звезда» ~ тат. *jöldäz*, баш. *jöndöd*;
sämarda «яйцо» ~ тат. *jömtärtqa*, баш. *jömörtqa*;
sämya «клубок» ~ тат., баш. *jömyaq*;
sāra «замок» ~ тат. *jözaq*, баш. *jödaq*;
sāt- «глотать» ~ тат., баш. *jöt-*;
täläm «клок, прядь» ~ тат. *töläm*, баш. *töläm*;
täläh «сирота» ~ тат., баш. *töl* «вдовый»;
tāman «буран» ~ тат., баш. *töman*;
tāmana «сова, глупец» ~ тат., баш. *tömana* «бестолковый,
глупец»;
tār- «стоять» ~ тат., баш. *tör-*;
tārna «журавль» ~ тат., баш. *törna*;
tädäs «сплошь» ~ тат. *tötaš*, баш. *tötös*;
xäla «саврасый» ~ тат., баш. *qöla*;
xälaš «обхват, размах, сажень» ~ тат. *qölaç*, баш. *qölas*;
xälyä «ухо» ~ тат., баш. *qölaq*;
xämälä «хмель» ~ тат. *qölmäq*, баш. *qömaläq*;
xäräm «сажа» ~ тат. *qöräm*, баш. *qördöm*;
xäs- «испытывать приступ рвоты» ~ тат. *qös-*, баш. *köş-*;
xät «уют, счастье» ~ тат., баш. *qöt*;
xäda «сват» ~ тат. *qöda*, баш. *qöda*;
xädar- «избавлять, спасать» ~ тат., баш. *qötqar-*;
xädäl- «спасаться» ~ тат. *qötäl-*, баш. *qötöl-*;
čälyä- «закутывать» ~ тат. *čölyä-*.

Чувашский *ä* ~ татарский *ö* ~ башкирский *ä*

ändäl- «рваться, стремиться» ~ тат. *ömtäl-*, баш. *äntäl-*;
pärü «теленок» ~ тат. *bözaw*, баш. *bädaw*;
päzi «лось» ~ тат. *pöši*, баш. *mäsä*;
päyav «железные пути» ~ тат. *böyav*, баш. *bäyav*;
šäma «красивый» ~ тат. *šöma*, баш. *šäma*;

НО:

pərgə «труба» ~ тат. *bərgə*, баш. *börgö*.

Чувашский *ə* ~ татарский *ö* ~ башкирский *u*

pədə «каша» ~ тат. *bötqa*, баш. *butqa* (ср. *śəl-* «дергать» ~ тат., баш. *jölq-*, тур. *jol-*, уйг. *jul-*).

Чувашский *ə* ~ татарский, башкирский *u*²³⁹

vəl «он» ~ тат., баш. *ul*;

vəran- «просыпаться» ~ тат., баш. *ujan*;

vərman «лес» ~ тат., баш. *urman*;

vəda «середина» ~ тат., баш. *urta*;

vəddər «тридцать» ~ тат. *utəz*, баш. *utəδ*;

ən- «удаваться» ~ тат., баш. *uŋ-*;

mərdək «хрупкий» ~ тат., баш. *murt*;

nəxta «недоуздок» ~ тат., баш. *nuqta*;

səvər- «веять» ~ тат. *suwər-*;

səγəm «старая лошадь» ~ тат. *suγəm*, баш. *huγəm*;

śərttan «щука» ~ тат. *čurtan*, баш. *surtan*;

śərya «иноходец» ~ тат., баш. *jurya*;

təvan «родня, родственник» ~ тат., баш. *tuvan*;

təvar- «распрягать» ~ тат. *tuwar-*, баш. *tuvar-*;

təla «грубое сукно» ~ тат., баш. *tula*;

təm «заморозки, лед» ~ тат., баш. *tuŋ*;

təpra «земля, почва» ~ тат. *tufraq*, баш. *tuqraq*;

təpsa «петля дверная» ~ тат. *tupsa*, баш. *tupha*;

təri «жаворонок» ~ тат., баш. *tuŋaj*;

təxta- «ждать» ~ тат., баш. *tuqta-*;

təxxər «девять» ~ тат. *tuγəz*, баш. *tuγəδ*;

xəmər «бурый, карий» ~ тат. *qəŋərt*, баш. *quŋər*;

xəna «гость» ~ тат., баш. *qunaq*;

xəp- «отставать, отрываться» ~ тат., баш. *qip-*;

čəlax «калека» ~ тат. *čulaq*;

čəm- «нырять» ~ тат. *čum-*, баш. *sum-*.

Чувашский *ə* (*əv*) ~ татарский *u* (*w*) ~ башкирский *ə*

əv- «тереть» ~ тат. *u-*, баш. *əw-*;

jəvaš «кроткий, тихий» ~ тат. *juas*, баш. *jəwas*;

jəban- «успокоиться» ~ тат. *juan-*, баш. *jəwan-*;

²³⁹ Во многих словах этого типа имеем *a* во втором слог.

pəv- «душить» ~ тат. *bu-*, баш. *bəw-*;
səvər «сурок» ~ тат. *suār*, баш. *həwər*;
səzar «куница» ~ тат. *susar*, баш. *həwhar*;
səban «фурункул» ~ тат. *čuan*;
xəva «ива, куст» ~ тат. *quaq*, баш. *qəwaq*;
səvar- «поить, орошать» ~ тат. *suγar-*, баш. *huγar-*.

Чувашский *ə* ~ татарский *ä* ~ башкирский *ä*

əräm «заговор, волшебство» ~ тат., баш. *äräm*;
əru «племя, потомство» ~ тат. *äru*, баш. *ärəw*;
jəlttam «резвый» ~ тат. *jäldam*;
jəran «межа» ~ тат. *žan*, баш. *ədan*;
kəlgan «ковыль» ~ тат., баш. *qəlyan*;
kəməs «кумыс» ~ тат. *qəməz*, баш. *qəməd*;
kəzək «интерес» ~ тат. *qəzəq*;
kədək «щекотка» ~ тат., баш. *kətək*;
məjəx «усы» ~ тат., баш. *məjəq*;
nəgə «твердый» ~ тат., баш. *nəq*;
pəčkə «пила» ~ тат. *pəčqə*;
səj «угощение» ~ тат. *səj*, баш. *həj*;
səldav «повод» ~ тат. *səltaw*, баш. *həltaw*;
sən «внешний вид, облик» ~ тат. *sən*;
sənə- «наблюдать» ~ тат. *sənə*;
səra «пиво» ~ тат. *səra*, баш. *həra*;
səre «краска» ~ тат. *sər* «резьба»;
sərt «холм» ~ тат. *sərt*, баш. *hərt*;
səsla- «ныть» ~ тат. *səzla*;
səreħ «вырез для ворота» ~ тат., баш. *jəreħq*;
təvər «тесный, узкий» ~ тат. *təyəd*, баш. *təyəd*;
təgərlək «переулок» ~ тат. *təqəreħq*;
tələ «путы, оковы» ~ тат., баш. *təšaw*;
tən «ум, дыхание» ~ тат., баш. *tən*;
tən- «успокаиваться» ~ тат., баш. *tən-*;
tərəs «бурак, туес» ~ тат. *tərəs*, баш. *tərəz*;
tərəš- «стараться» ~ тат., баш. *tərəš-*;
xəj- «сметь, осмеливаться» ~ тат., баш. *qəj-*;
xəjax «осока» ~ тат., баш. *qəjaq*;
xərbu «околыш» ~ тат. *qərpu*, баш. *qərpəw*;
čən «истина, правда» ~ тат., *čən*;
čərəš «ель» ~ тат. *čərəšə*, баш. *šərəšə*;
səla «судак» ~ баш. *həla*;

šārt «щетина» ~ тат., баш. *šārt*;
šāt- «прорасти» ~ тат., баш. *šāt-*.

Чувашский ә ~ татарский, башкирский ә

kāš «соболь» ~ тат., баш. *kāš*;
xārbāk «ресница» ~ тат. *kārfāk*, баш. *kārpāk*;
šālla «мл. брат» ~ баш. *hāḡla* «мл. сестра»;
šānār «жила» ~ тат. *sāḡar*, баш. *hāḡar*;
šārga «гнида» ~ тат. *sārkä*, баш. *hārkä*.

Чувашский ә ~ татарский, башкирский ö

kāndār «полдень» ~ тат. *köndaz*, баш. *köndöđ*;
kāžäl «ворох, куча» ~ тат. *köšäl*, баш. *köšöl*;
pāgā «пробка» ~ тат. *bökä*, баш. *bökö*;
pārza «блоха» ~ тат. *börça*, баш. *börsä*;
pātnäk «мята» ~ тат. *böthäk*;
sānā «копье» ~ тат. *söḡgä*, баш. *höḡgö*;
šāk «тяжесть, груз» ~ тат., баш. *jök*;
šāgān- «становиться на колени» ~ баш. *jögön-*;
šām «шерсть» ~ тат. *jöḡ*, баш. *jöḡ*;
šāmā «кость» ~ тат. *söjäk*, баш. *höjäk*;
šārjāk «сверчок» ~ тат. *šörčäk*.

Чувашский ә ~ татарский, башкирский ü

vāgār «бык» ~ тат. *ügaz*, баш. *ügäd*;
kāgār «грудь» ~ тат., баш. *kükräk*; (ср. туркм. *göwüḡ*, тур. *göjüs*);
kāmāl «настроение» ~ тат., баш. *küḡäl*;
kāmräk «уголь» ~ тат., баш. *kümär*;
kābāk «пена» ~ тат., баш. *kübäk*;
kārka «индюк» ~ тат., баш. *kürkä*;
mākla «безрогий» ~ тат. *mükläk*, баш. диал. *mükläk*;
sāga «липа» ~ тат., баш. *jükä*;
täk- «лить, сыпать» ~ тат., баш. *tük-*.

Чувашский ә ~ татарский, башкирский а

ājār «жеребец» ~ тат. *ajār*;
ān «сознание» ~ тат. *aḡ*;
jālāx- «надоедать» ~ тат. *jalāq*;
jālān- «просить» ~ тат., баш. *jalān-*;
jānāš «ошибка» ~ тат. *jalāš*, баш. *janäläš*;
pāx- «смотреть» ~ тат., баш. *baq-*;

pəḡār «медь» ~ тат. *baqār*;
śāvar «рот» ~ тат. *awāz*;
śābada «лапоть» ~ тат. *čabata*, баш. *sabata*;
tāvāl «буря» ~ тат., баш. *dawāl*;
xājma «сливки» ~ тат. *qajmak*;
xājra- «точить» ~ тат., баш. *qajra-*;
xāma «бобр, соболь» ~ тат., баш. *qama*;
hāmāl «стебель, стерня» ~ тат., баш. *qamāl*;
hāmāš «камыш» ~ тат., баш. *qamāš*;
xānāx «привыкать» ~ баш. *qanāq-*;
xāžan «когда» ~ тат. *qajčan*, баш. *qasan*;
xādav «гвоздь» ~ тат. *qadaq-*, баш. *qadaw*.

В словах *jādes* «дужка» и *tābač* «цеп» *ə* и *ē* появляются на месте татарского *ä* < *a*.

Из вышеприведенных примеров следует, что чувашские *ə* и *ē* соответствуют, как правило, татарским и башкирским *ö, ē, ȫ, ə*, восходящим к общетюркским *u, i, ü, i*.

Возникновение ряда *ö, ē, ȫ, ə* в чувашском языке могло быть стимулировано наличием в системе чувашского вокализма гласных неполного образования: *ə, ē* (первоначально позиционных вариантов полных гласных). Появление ряда *ö, ē, ȫ, ə* в свою очередь привело к сужению соответствующих широких *o > u, ö > ü, e > i* и открыло дорогу для *a^o > o > u, ä > a²⁴⁰*.

Итак, перестройку системы тюркского вокализма в чувашскую систему поволжского типа можно гипотетически представить следующим образом:

I этап: изменение акцентуации (передвижение ударения на второй слог (?)) или комбинаторных условий привело к появлению гласных неполного образования *ə, ē*;

II этап: произошло смещение всех узких гласных в полуширокие гласные неполного образования: *u > ö, ü > ȫ, i > ē, i > ə*;

²⁴⁰ Этот процесс, по мнению большинства исследователей, начался с широких гласных, т.е. *a > o > u, o > u, e > i, ö > ü, u > o > ə, ü > ö > ə, i > ē, i > ə*, наконец, *ä > a*. Вэтом случае следует признать, что либо перестройка системы широких и узких проходила одновременно, т.е. *o > u → u > ö > ē* (в противном случае *u < o* тоже *ö*), либо *o > o > u^o*, т.е. *u < o* и *u > o* имели какое-то время качественные или количественные различия. В низовом диалекте во всяком случае *a^o > o > u* позже *u > o > ə*.

III этап: это смещение в свою очередь вызвало сужение широких (полушироких) гласных $o > u$, $ö > ü$, $e > i$, $a^o > o$;

IV этап: переход $a^o > o$ открыл путь для расширения $ä > a$.

V этап: частичное распространение процесса $u > ä$ на $u < a$, $u < o$ (по говорам).

Все вышеизложенное позволяет высказать предположение, что чувашские гласные неполного образования неоднородны по своему происхождению. В-первых, они первоначально как позиционные варианты существовали до перестройки системы чувашского вокализма в систему поволжского типа.

О возможности такого допущения говорят:

1) некоторые «древнечувашские» заимствования в венгерском языке, например, *tinó*, «бычок» ~ чув. *tīna*, *disznó* «свинья» ~ чув. *sīsna*, мар. *sösna*, мар. гор. *sasna*, *gyertya* «свеча» ~ чув. *šurda*, в которых *i*, *e* отражают какой-то гласный неполного образования;

2) некоторые отклонения чувашских слов от татарских и башкирских соответствий: появление $ä$, $ĩ$ на месте общетюркского *a*.

Правда, случаи этого рода не всегда легко ограничить от явлений поздней редукции.

Например, чувашское *tīmar* «жила» < *tšmar* < *tamar*, или же *tīmar* < *tšmar* < *tumar* < *tamar*.

Во-вторых, гласные неполного образования возникали как результат расширения узких гласных *u*, $ĩ$, $ü$, i .

И, наконец, они sporadически появлялись на месте узких гласных вторичного образования, т.е. $u < a > ä$, $u < o > ä$, $i < e > ä$ (после $š$, j).

Выше было отмечено, что в значительном числе примеров чувашский $ä$ соответствует татарскому и башкирскому *u*. Эти случаи, видимо, неоднородны:

а) татарский и башкирский *u* соответствует $ä$ с протетическим v (т.е. $u > v\ä$);

б) в чувашских говорах до сих пор чередуются $ä$ и *u* (ср. *urat* ~ $\ärat$ «улица», тат. *urat*, *kujmak* ~ $k\äjmak$ «блин», тат. *qöjmaq* «блин»);

в) в двусложных словах типа *t̂ɫla* «грубое сукно», *t̂ɫpra* «земля» и т.д. можно предположить $u > \hat{a}$ или даже $a > \hat{a}$ в связи с наличием ударного *a* во втором слоге.

Нужно отметить, что процесс делабиализации гласных неполного (отчасти полного) образования в низовом диалекте зашел значительно дальше, чем в верховых говорах, где исследователи отмечают более значительную степень их лабиализации \hat{a}^o и a^o (\hat{o} и \check{o}).

Низовые \hat{a} и $a < u, \ddot{u}$, видимо, относительно чаще оказывались в безударной позиции по сравнению с верховыми \hat{o}, \check{o} , что обусловило их краткость и большую неопределенность артикуляции (потерю лабиализации).

Чтобы объяснить двоякое замещение общетюркских гласных в чувашском языке, а следовательно, и вскрыть причину появления гласных неполного образования, Г.И. Рамстедт обращается к теории ступеней²⁴¹. Он различает сильную или долгую ступень, на которой выступают гласные полного образования, и слабую или краткую, на которой выступают краткие гласные (\hat{a}, a). В качестве иллюстрации своей теории Г.И. Рамстедт приводит схему²⁴², по которой:

$$\begin{aligned} \hat{a} &> a^o > o > u \\ \check{a} &> \hat{a} \\ \hat{o} &> u \\ \check{o} &> \hat{a} \\ \hat{u} &> u \\ \check{u} &> \hat{a} \\ \hat{y} &> \check{i} \\ \check{y} &> \hat{a} \\ \hat{\check{o}} &> \check{u} \\ \check{\check{o}} &> a \\ \hat{u} &> \check{u} \\ \check{u} &> a \\ \hat{i} &> i \\ \check{i} &> a \\ \hat{e} &> i \\ \check{e} &> a \end{aligned}$$

²⁴¹ *Ramstedt* (5), с. 11.

²⁴² Там же, с.11–13.

$$\begin{array}{l} \ddot{a} > i\ddot{a} > a \\ \check{a} > i\check{a} > i^{243} \end{array}$$

Г.И. Рамстедт полагал, что различие в акцентных и количественных условиях²⁴⁴ привело к образованию гласных полного и неполного образования. Согласно его схеме, узкие гласные *u, ĩ, ü, i* (сильная ступень) сохранились, а широкие претерпели изменение (сузились), т. е. $a^o > u, o > u, \ddot{o} > \ddot{u}, e > i$ (лишь $\check{a} > a$).

Однако при сопоставлении данных чувашского языка с татарскими и башкирскими примерами мы видели, что система вокализма в этих языках изменялась в одинаковом направлении: ряд широких гласных дал узкие, ряд узких гласных – полуширокие.

При анализе теории Г.И. Рамстедта приходится еще учитывать следующие обстоятельства. Для односложных прачувашских корней допустимо предположить разницу в количестве гласного, например, $\acute{a}a\check{c}$ - «голодать», $a\check{c}$ - «открывать». Но в современном чувашском языке мы имеем соответственно $v\check{i}\check{s}$ - (< $v\check{i}u\check{s}$ -) и $u\check{s}$ -, т.е. по сути одинаковое отражение долгого (= подударному) и краткого (= безударному) гласного.

Если обратиться к примерам, которые Г.И. Рамстедт приводит в подтверждение своей схемы, то можно заметить, что он, во-первых, не проводит различия между поведением гласного в односложном слове и в первом слоге двусложного (многосложного) слова. Во-вторых, слова, отобранные Г.И. Рамстедтом, не всегда показательны. Так, \check{i} (долгий \ddot{u}), по его теории, должен отражаться в чувашском как \check{i} . В действительности он, как правило, отражается в виде \check{a} .

То же самое можно сказать о любом ударном (долгом) узком гласном.

²⁴³ Известно, что в татарском и башкирском языках общетюркский \check{a} первого слога $> e > i$. Для хронологизации этого процесса и чувашского $a < \check{a}$ интересны следующие слова: СС *keziv* «зараза», тат. *kizəw*, баш. *kiḡəw* «повальная болезнь» ~ чув. *kazu* «поветрие»; караим. *berne, bern'a*, тат., баш. *birnä* «подарок от невесты жениху и его родным» ~ чув. *parne*; тат., баш. *birän* «прожорливый» ~ чув. *pīran* < $*p\check{a}ran$ < $*paran$.

²⁴⁴ *Ramstedt* (5), с. 11.

Возможно, что на каком-то этапе развития чувашского вокализма существовала система гласных, близкая к восстанавливаемой Г.И. Рамstedтом, т.е.

a^o (\bar{a})	o (u)	\bar{i} (\bar{a})	i (\bar{a}) ²⁴⁵	
\bar{a} (\bar{a})	e (\bar{a})	\bar{o} (\bar{i})	u (\bar{a})	\bar{i} (\bar{a})

Однако впоследствии она перестроилась (параллельно с татарско-башкирской):

a^o	o	\bar{i}	i	
↙	↓	↓	↓	
o	u	\bar{a}	\bar{a}	
↘				
	\bar{a}	\bar{e}	\bar{o}	u
	↓	↓	↓	↓
	a	\bar{i}	\bar{i}	$\bar{o} \rightarrow \bar{a}$
				$\bar{i} \rightarrow \bar{a}$
				\bar{a}

и стала иметь такой вид:

a	\bar{i}	\bar{i}	\bar{o}	\bar{a}	\bar{i}
			a	u	\bar{a} (\bar{i})
			i	\bar{i}	\bar{a}

Теорию Г.И. Рамstedта принял N. Porre²⁴⁶, внося в нее некоторые уточняющие моменты. N. Porre также различает гласные со слабым (краткие) и сильным ударением (долгие) и считает, что количественно различные гласные дали в чувашском качественно различные рефлексы.

По мнению N. Porre (в отличие от Г.И. Рамstedта), ударный \bar{i} представлен в чувашском языке как a . Он отметил также, что ударный \bar{o} имеет в чувашском языке двойное отражение \bar{i} и \bar{a} .

Само по себе положение о том, что долгие (сильноударные) и краткие (слабоударные) общетюркские гласные могли дать различные рефлексы в чувашском языке, является вполне допустимым. Но, как справедливо отмечали некоторые исследователи²⁴⁷, в системе современного чувашского вокализма очень трудно выделить прямые рефлексы общетюркских гласных. Приходится считаться с многослойностью современной системы. Эта многослойность является, по-видимому, результатом языкового и диалектального смешения в разные периоды существования чувашского языка

²⁴⁵ В скобках приводятся позиционные варианты гласных (слабая ступень по Рамstedту).

²⁴⁶ Porre (3), с. 68.

²⁴⁷ Щербак А.М. (3), с. 34.

(например, значительное количество так называемых тюркских заимствований чувашского языка, ранние контакты с финно-угорскими языками).

В.Г. Егоров²⁴⁸ в целом присоединился к теории Г.И. Рамстедта.

Он подчеркивает, что процесс редукции и делабиализации *u*, *ũ*, *o*, *ö* в *ə*, *ә* начался раньше завершения процесса *a* > *o* > *u*²⁴⁹. По его словам, «процесс делабиализации охватил исключительно исконные *u* и *o* (и то не все) и нисколько не задел звука *u*, получившегося в результате перерожденного древнего слегка лабиализованного *a*»²⁵⁰. В.Г. Егоров считает, что эти два процесса (*a*^o > *u* и *u* > *ə*, *o* > *ә*) «происходили независимо один от другого и в разные исторические эпохи развития чувашского языка»²⁵¹.

Два последние тезиса В.Г. Егорова вызывают у нас возражения.

Чувашский *u* < *a* в ряде говоров может редуцироваться и утратить лабиализацию:

śumār ~ *śəmār* «дождь» < **jaɣmur*

xup ~ *xəp* «лубок» < **qap*

xura ~ *xəra* «черный» < **qara*

xut ~ *xət* «раз» < **qat* и т.д.

Процессы, несомненно, связаны, хотя по времени они могли и не полностью совпадать.

a^o > *o* > *u* стало возможным только после того, как *u* > *ö* > *ə*, но *u* > *ə* продолжается и после *a*^o > *u*, о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры.

Для понимания природы кратких гласных чувашского языка и обнаружения истоков их появления несомненный интерес представляют данные чувашских говоров.

Чувашский литературный *u* ~ говоры *ə*

jumax «сказка» ~ *jəmax*;

uram «улица» ~ *əram*;

śum «сорняк» ~ *śəm*;

xum «волна» ~ *xəm*;

²⁴⁸ Егоров В.Г. (2), с. 160, 162.

²⁴⁹ Там же. С.185.

²⁵⁰ Там же. С.185.

²⁵¹ Там же. С.185.

juškān «ил» ~ *jāškān*;
диал. *kujmak* «блин» ~ *kājmak*;
kun- «разгибаться» ~ *kān-*;
śum «бок» ~ *śām*;
śumār «дождь» ~ *śāmār*

(чувацкий *u* соответствует в этих примерах общетюркским *a* и *o*: *śum* < **jān*, *uram* < **oram*).

Чувацкий литературный *ə* ~ говоры *u*

əza «челнок» ~ *uza*;
əzə «теплый» ~ *uzə*;
jələn- «просить» ~ *julən-*;
pəlyan- «мутиться» ~ *pulyan-*;
pəγār «медь» ~ *puγār*;
xəlyə «ухо» ~ *xulyə*, *xolyə*;
xəməš «камыш» ~ *xuməš*, *xoməš*;
xəmlə «хмель» ~ *xumlə*;
xəbar- «подниматься» ~ *xubar-*;
čəγə «курица» ~ *čuyə*

(чувацкий *ə* соответствует в этих примерах общетюркским *a* и *o*, *u*):

jələn - < **jalīn-*;
xəlyə < **qulyaq*).

Чувацкий литературный *ə* ~ говоры *ï*

*əjər*²⁵² «жеребец» ~ *ijər*;
pəjav «веревка» ~ *pïjav*;
xəj «сам» ~ *xïj*;
xəjār «песок» ~ *xïjār*;
xəljək «ость хлебная» ~ *xïljək*;
xətlən- «пытаться» ~ *xïtlən-*;
xəvəx «отруби» ~ *xïvəx*.

Чувацкий литературный *ï* ~ говоры *ə*

ïсна «зять» ~ *jəсна*, *jисна*;
ïдə «собака» ~ *jədə*, *jидə*;
ïγār- «звать» ~ *jəγār-*;
ïš «коллектив» ~ *jəš*;

²⁵² *ə* > *ï* в соседстве с *j* вполне объясним, но другие случаи остаются пока неясными.

sĭp- «хлебать» ~ *sĕp*-;
sĭr- «окружать» ~ *sĕr*-;
tĭna «телка» ~ *tĕna*.

Чувашский литературный *ə* ~ говоры *e, i*

enze «затылок» ~ *enze, inze*;
jər- «скалить зубы» ~ *jer*-;
pədŭ «амулет» ~ *pedŭ*;
xərŭi «копчик» ~ *xerŭi, xirŭi*;
xərŭ «трудно» ~ *xerŭ*.

Чувашский литературный *ə* ~ говоры *i* и наоборот

əne «корова» ~ *ine*;
jərən- «гнушаться» ~ *iren*-;
kinemej «бабушка» ~ *kəlemej*;
sim «медовый напиток» ~ *səm, sən*.

Чувашский литературный *a* ~ говоры *ə* и наоборот

а) в первом слоге:

jarəm «полоса» ~ *jərəm*;
jaštaga «стройный» ~ *jəštaga*;
kanəs «покой, отдых» ~ *kənəs*, но
kara «вспылчивый» ~ *kəra*;

б) во втором слоге:

konʃa «голенище» ~ *konʃə*;
xəmba «пузырь» ~ *xəmbə*;
xaval «сила, мощь» ~ *xavəl*.

Чувашский литературный *ə* ~ говоры *ŭ* и наоборот

jədet- «донимать» ~ *jŭdet*-;
kəgərt «сера» ~ *kŭgərt*;
kəpčək «подушка» ~ *kŭpčək*;
kəsmen «весло» ~ *kŭsmen*;
pəрге- «обернуть» ~ *pŭрге*-;
tək «перо» ~ *tŭk*;
təgər «стекло, зеркало» ~ *tŭgər*;
tələk «сон» ~ *tŭlək*, но
kŭrt- «вводить» ~ *kərt*-;
kŭrneк «краса» ~ *kərneк*;
pŭk- «подрубать» ~ *pək*-;
pŭzər «грыжа» ~ *pəzer*;

tülen «тюлень» ~ *tälen*;

üzär- «пьяный» ~ *assär-*;

šülgame «нагрудное украшение» ~ *šälgame*.

Перейдем к некоторым выводам.

Такие примеры, как *jumax* ~ *jāmax*, *juškān* ~ *jāškān*, *kujmak* ~ *kājmak*, *jālān-* ~ *julān-* (по признакам *j* и *k* < *q*, (относящиеся к заимствованиям) показывают, что *u* > *ä* процесс сравнительно новый. В нем принял участие не только старый *u* > *ö* > *ä*, но частично и более новый, развившийся из *o* и *o^o* (> *o* > *u*).

Соответствие *ä* ~ *i* интерпретировать нелегко. В случаях типа *xäj* «сам» ~ *xij* могло развиться из *ä* под влиянием последующего *j* (язык при *i* занимает более высокое положение, чем при *ä*)²⁵³.

В слове *tāna* «телка» мы ранее предполагали **tana* > *tāna* > *tīna*, где *ä* > *i* не имеет видимых фонетических причин (системное изменение?). Быть может, *sāp-* ~ *sip-*, *sār-* и *sir-* и т.д. это своего рода гиперраспространение типичного соответствия литературного языка и каждого конкретного говора.

Слова *jarām*, *jaštaga*, *kanās* < *kan-* «отдыхать» < общет. *qan-* позволяют заключить, что появление *ä* на месте гласного полного образования процесс еще живой. *ä* может появиться в предударном слоге многосложного слова с *a*-огласовкой и в ударном слоге слова, содержащего в последующих слогах *ä* (своего рода регрессивная ассимиляция).

Возможно, с явлением того же рода мы имели дело в таких словах, как

чув. *xādav* «гвоздь» ~ баш. *qadaw*;

чув. *xāžan* «когда» ~ тат. *qajčan*, баш. *qasan*;

чув. *xāta* «бобр» ~ тат., баш. *qata*;

или чув. *xāmāš* «камыш» ~ тат., баш. *qamāš* (но ср. диал. *xumāš*);

чув. *xānāx-* «привыкать» ~ баш. *qanāq-*;

чув. *tāvāl* «буря» ~ тат., баш. *dawāl*;

Таким же путем, вероятно, возникли:

чув. *miskara* «забава, шутка» < **māskara* < **mascara* (ср. тур. *maskara*) < араб.;

²⁵³ В.Г. Егоров, В.И. Котлеев.

xībar «известие» < **xābar* < *(ср. тур. *haber*) < араб.;
xīsna «казна» < **xāsna* < **qazna* (ср. тур. *hazine*) < араб.;
šivar «рот» < **šāvar* < **jaγiž*;
xīrām «желудок» < **xārām* < **qarīn* и т.д.

Гласные *ā*, *a* в безударном положении, особенно перед сонорными и спирантами подвергаются количественной редукции:

а) чув. *sāl* «прием, способ» ~ туркм. *uḡul*, тат., баш. *āsāl*;
чув. *sādā-* «прибавлять» ~ тат. *östä-*, баш. *öḡtä* (о случаях *ā*, *a* > *o* перед *l*, *m*, *n* см. разделы «Плавные» и «Носовые»);

б) в говорах:

nse «затылок» < *anse*;

škej «деверь» < *āskej*;

klaba «пуп» < *kāvaba*;

kśan «когда» < *kāžan*;

p̣ʰši «лось» < *pāži*;

p̣ʰro «бурав» < *pāra*;

p̣ʰru «теленки» < *pāru*;

p̣ʰvara «сырок» < *tāvara*;

p̣ʰčik «маленький» < *pājək*;

p̣ʰlev «оселок» < *pālev*.

Преобразование исконных гласных заднего ряда в гласные переднего ряда²⁵⁴

1. Общeturкский *ī* (ā) ~ чув. *a*

туркм. *giš*, тат., баш. *qāš*, тув. *qīʰš*, хак. *xīs* «зима» ~ чув. *xāl*;

туркм. *giḡ*, як. *kīs*, тат. *qāz*, тув. *qīs*, «девушка» ~ чув. *xār*;

туркм. *giḡ-*, баш. *qāḡ-*, тув. *qīʰš-* «жать» ~ чув. *xās-*;

баш., тат. *tān*, кир. *tīn*, тув. *ʰīn* «дыхание» ~ чув. *čāt*;

Обычно общeturкский *ī* (ā) дает в чувашском *a* между двумя спирантами или спирантом и сонантом (аффрикатой и сонантом):

чув. *xīr* «нива, степь» ~ тат., баш. *qār*²⁵⁵;

чув. *xārɣen-* «жалеть» ~ тат. *qāzɣan-*, баш. *qāḡɣan-*;

²⁵⁴ См. также с. 67–68 данной работы.

²⁵⁵ Для краткости приводятся соответствия из одного-двух тюркских языков, главным образом поволжских.

чув. *xəryi-* «сыч, кобчик» ~ туркм., азерб. *giryi*;
 чув. *xərax* «сорок» ~ общетюрк. *qiriq, qırq*;
 чув. *xəlyen* «кипрей» ~ тат., баш. *qəlyan*;
 чув. *xələx* «конский волос» ~ тат., баш. *qəl*;
 чув. *śalen* «змея» ~ тат., баш. *jəlan*;
 чув. *xəzər* «яловый» ~ тат. *qəśər*, туркм. *giθir*;
 чув. *śəmərt* «черемуха» ~ алт. *d'imirt*, тат. *śəmārt*²⁵⁶;
 чув. *čəlbər* «повод» ~ тат. *čəlbər*, баш. *səlbər*;
 чув. *čərne* «ноготь» ~ тат., баш. *tirnaq*.

Несколько особняком стоят три чувашских слова: *kəske* «короткий», *kəsre* «кобыла» и *ənen-* «верить». При анализе этих примеров следует учесть, что в чувашских говорах также отмечено соответствие *ə* ~ *ә* в случаях сходного типа:

kātkā // *kātkə* «муравей»;
kāmārjak // *kāmərjek* «хрящ»;
kārəš // *kərəš* «ерш»;
kātra // *kətre* «кудрявый»;
kānttam // *kāndem* «неуклюжий»;
ən- // *әn-* «удаваться» и т.д.

Чувашское *kəsre* «кобыла» (тур. *kisrak*, туркм. *giθiraq*, кир., каз. *qisiraq*, хак. *xizirax*), судя по ауслату, относительно давно бытует в языке. Правда, ауслатный *k* противоречит этому предположению (мы ожидали бы **xəsre*, ср. чув. *xəzər* «яловый»).

2. Общетюркский *u* (ö) ~ чувашский *ә* (ö)

туркм. *bulut*, хак. *bulut*, тат. *bölät*, сюг. *pilit* «облако, туча» ~ чув. *pələt* «небо, облако, туча»;

туркм. *θüle*, уйг., кум. *sulu*, тат. *sölə*, алт. *sula* «овес» ~ чув. *sələ*;

Во втором примере соответствие *u* (ö) ~ *ә* (ö) является межтюркским (ср. туркм. *θüle*).

В слове *śüye* «тонкий» опереднение *u* вызвано воздействием *ś* (и, возможно, *j* < **jujqa*, туркм. *jūqa*, уйг. *žirqa*, тув. *čiyə* и т.д.).

3. Общетюркский *a* ~ чувашский *ä*

тат., кир. *čarčaq*, баш. *sapsaq*, ккал. *šapšaq* «долбленая кадка» ~ чув. *šäpše*;

²⁵⁶ Сюда же, по-видимому, относятся чув. *śemže*, общетюрк. *jumšaq*, т.е. **śəmza* > *śəmže* > *śemže*.

тур. *saçak*, тат. *çaçaq*, ккал. *šašağ* (туркм. *šeček*) «бахрома» ~ чув. *šüze*.

В данных примерах $a > u > ü$ под влиянием $ś$.

Многие исследователи полагали, что чередования гласных переднего и заднего ряда принадлежат к числу комбинаторных. Так, Г.И. Рамстедт относил передвижение общетюркских гласных заднего ряда в переднерядные чувашские гласные за счет влияния согласных $ś$, $č$, l' ²⁵⁷. Как справедливо заметил М. Рясänen, пока трудно установить, какой ряд гласных является исконным²⁵⁸. Кроме того, во многих из приведенных выше примеров $š$, $č$, l' отсутствуют (*xər*, *xərəx*, *xəs-* и т.д.) и поэтому не могли послужить причиной опереднения гласного²⁵⁹.

Пока что можно лишь уловить тенденцию к опереднению чувашских гласных $ə$, $õ$ в следующих положениях:

спирант + гласный + спирант,

спирант + гласный + сонант,

аффриката + гласный + сонант

(например, сочетания) *xəs*, *śəl*, *xər*, *xəl*, *čəm*, *čər* и т.д.²⁶⁰

Однако наряду с последними наличествуют и звуковые комплексы: *xəs*, *śəl*, *xər*, *xəl*, *čəm*, *čər*.

В таких случаях, как:

1) *xəs-* «жать» (тат. *qäs-*);

xəs- «испытывать приступы рвоты» (тат. *qös-*);

2) **śəl-* «ползать, двигаться» (кир. *ǰil-*);

śəl- «дергать» (кир. *ǰul-*);

śəl- «спасать» (тат. *ǰöl-*);

3) *čəm* «дыхание»;

čəm «жбан»;

xər- «накаливаться»;

xər- «засыхать» (кир. *qur-*, *quru-*), допустимо думать о том, что чередование переднего и заднего гласного используется для семантической дифференциации слов.

²⁵⁷ Ramstedt (5), с. 14.

²⁵⁸ Räsänen (5), с. 53.

²⁵⁹ На основании большинства форм мы восстанавливаем для этих слов праформу с гласным заднего ряда.

²⁶⁰ Можно отметить, что гласный $ə$ имеет наибольшую длительность среди кратких гласных татарского языка (*Байчура*, с. 61 и 68). То же относится и к чувашскому $ə$ (*М.И. Скворцов*).

По мнению А.Г. Биешева²⁶¹, опереднение гласных в словах типа *xər* «девушка» вызвано воздействием *j* (*xər* < **xir* < **xijr* < **qijz*). Но сочетание *ij* (долгий гласный) пока не удается восстановить в таких словах, как *xəs-* «жать», *xəl* «зима», *xələx* «конский волос» и т.д.²⁶²

Чередование гласных переднего и заднего ряда является межтюркским (а также междиалектным и внутридиалектным).

Например:

тур. *bit* «вошь» ~ тув. *bī''t*;

туркм. *biš-* «вариться» ~ як. *bus-*;

азер. *çim* «дерн» ~ ног. *šim*;

баш. *jön-* «шерсть» ~ уйг. *žun*;

кир. *bič-* «кроить» ~ кум. *bič-*;

туркм. *ögüđ* «бык» ~ як. *oyus*;

алт. *ij-* «посылать» ~ хак. *is-*²⁶³ и т.д.

В сарыг-югурском языке оно представлено особенно широко²⁶⁴:

«завершать» *pit-*, *put-*, *püt-*;

«знать» *pil-*, *pil-*;

«левый» *söl*, *sol*, *sul*;

«молоко» *sot*, *söt*, *sut*, *süt*;

«лицо» *suz-*, *süz*;

«подниматься» *on-*, *ün-* и т.д.

Отмеченные данные по-разному трактуются специалистами. Одни, как указывалось выше, считают, что здесь дело идет о комбинаторных чередованиях. Другие пытаются видеть в вариантных словах пережиточное явление²⁶⁵, относя варианты к доагглютинативной (протоалтайской) стадии развития тюркских (алтайских) языков.

²⁶¹ Биешев (1), с. 94–95.

²⁶² Сама по себе эволюция типа *qijz* > *xijr* > *xir* > *xər* вполне возможна (ср. чув. *pür-* «предопределять» (общетюрк. *bujur-* *bujər-* > *b'ür'-* > *pür*)) и историю современных палатализованных *r'*, *l'*, *n'*, *t'*. Однако она, как уже говорилось, не объясняет многих случаев *ī* (*i*) > *a*. Примечательно, что в современных сочетаниях *xər*, *xəs ə* восходит (за исключением ряда двусложных слов) к губным гласным, в то время как старые *xir*, *xis* дают *xər*, *xəs*.

²⁶³ См. об этом *Räsänen* (5), с. 52–58; Исследования, с. 115.

²⁶⁴ Малов С.Е. (4).

²⁶⁵ Черкасский М.А.

Последняя точка зрения вполне допустима. Однако, нам кажется, что чувашско-общетюркские «чередования» должны рассматриваться самостоятельно, так как за немногим исключением (*šam* «шерсть», *vəgər* «бык», *sələ* «овес», *pjädə* «вошь», *jädə* «собака» и т.д.) они охватывают довольно однотипные в структурно-фонетическом отношении слова, имеющие только передние (соответственно задние) варианты в других тюркских языках.

Например: *kul-* «смеяться» ~ общетюркское *kül-*;
xər «девушка» ~ общетюркское *kiz* и т.д.

Превращение исконных гласных переднего ряда в гласные заднего ряда

1. Общетюркский *i* ~ чув. *ä, ĩ*

а) туркм. *šipek*, тур. *sinek*, тув., хак. *sək* «муха» ~ чув. *šäna*;

туркм. *šijir*, кум., узб. *sinir*, тур. *sinir*, караим. *šijir*, тат. *sənar*, тув. *sir* «жила» ~ чув. *šänär*;

туркм. *širke*, кир. *sirke*, тув. *siryə* «гнида» ~ чув. *šärga*;

тур., азерб. *sil-* «вытирать» ~ чув. *šäl-* «мести, вытирать»;

узб. *sinil*, кир. *sinđi*, каз. *sənlə*, баш. *hənlə* «мл. сестра» ~ чув. *šälla, šälnə*, «мл. брат» < *šəjäl;

сюг. *siz-* «мочиться» (*sez-, siz-*), хот. *sij-* ~ чув. *šär-*;

б) тур., кум. *šiš-*, баш. *šəš-*, туркм. *čīs-* «пухнуть» ~ чув. *šiš-*.

2. Общетюркский *ö* ~ чув. *u*

туркм. *öŋ*, тур., азерб. *ön* «перед» ~ чув. *um* «грудь, перед»;

тур., гаг. *göt*, каз., кир., уйг., мк *köt* «зад» ~ чув. *kut*;

туркм., тур. *gör-*, кир., тув., як. *kör-*, тат., баш. *kür-* «видеть» ~ чув. *kur-*;

туркм., тур. *göç-*, кир. *köç-*, тув. *köš-*, тат. *küç-*, баш. *küs-*, «перекочевать» ~ чув. *kuš-*;

як. *kön-* «выпрямится» ~ чув. *kun-, kən-*;

кир. *kön-*, тат., баш. *kün-* «соглашаться» ~ чув. *kun-*.

3. Общетюркский *ü* ~ чув. *u*

туркм., тур. *gün*, кир., уйг., як. *kün*, тув. *xün*, тат., баш. *kön* «день» ~ чув. *kun-*;

туркм., тур. *gül-*, кир., уйг., як. *kül-*, тат., баш. *köl-* «смеяться» ~ чув. *kul-*.

4. Общетюркский *ö* ~ чув. *ə*

туркм. *göwüŝ*, тур. *göjüs*, хак. *kögäs*, «грудь» ~ чув. *kägär*;

туркм., тур., азерб. *kök* «корень» ~ чув. *käk*;

уйг., кир. *köñül*, каз. *köñäl*, тат., баш. *küñäl* «настроение, желание» ~ чув. *kämäl*;

тур., туркм., кир. *kötmür*, як. *kötmör*, тув. *xötmür*, тат. *kümär* «уголь» ~ чув. *kämräk*;

тур., туркм. *köpük*, кир. *köbük*, тат., баш. *kübäk* «пена» ~ чув. *kəbək*;

кум. *jöge*, ног. *jöke*, азерб. *jökä*, тат., баш. *jükä*, каз. *žöke* «липа» ~ чув. *šəga*;

туркм., тур. *dök-*, кир., уйг., азерб. *tök-*, тув. *tök-*, як. *tox-*, тат., баш. *tük-* «лить, сыпать» ~ чув. *tək-*.

5. Общетюркский *ü* ~ чув. *ə*

туркм., тур. *jük-*, кир. *jük-*, тув. *čü"k-*, тат. *jök* «тяжесть, груз» ~ чув. *šək*;

тур. *süngü*, як. *ünü*, тат. *šöngä* «копье» ~ чув. *sənə*;

каз. *žögän*, кум. *jügün-*, баш. *jögön-*, кир. *jügün-* «становиться на колени» ~ чув. *šəgän-*;

тур. *jünül*, туркм., уйг. *jeñil*, кир. *jeñil*, каз. *ženäl*, тат. *jijäl* «легкий» ~ чув. *šəmäl*;

тат. *böke*, баш. *bökö* «пробка» ~ чув. *pəgə*;

ног. *büldirge*, кир. *büldürgö*, баш. *böldörgä* «ремешок на рукоятке нагайки» ~ чув. *pəldərga*.

В предыдущем разделе уже говорилось, что некоторые исследователи усматривают здесь комбинаторные чередования. Так, Г.И. Рамстедт полагал, что *s*, *k* и *j* вызывали передвижение гласных переднего ряда в задний.

Вышеприведенные примеры в какой-то мере подтверждают это положение (за исключением *j*). Однако нам кажется, что необходимо еще учесть следующее.

В чувашском языке можно наблюдать тенденцию к смешению рядности у гласных (в говорах гласные переднего ряда часто чередуются с гласными заднего ряда, см. ниже).

Эта тенденция (возможно, отчасти пережиточная), вероятно, была поддержана (или вызвана перестройкой системы консонантизма):

1. Известно, что на смену противопоставлению *q* и *k* в чувашском пришло *x* и *k*, а впоследствии вместе с тюркскими заимствованиями в систему проник *k*, что не могло не

отразиться на вокализме (менее четкое противопоставление гласных по ряду)²⁶⁶.

2. *ś*, развившийся из *č*, *j*, *s*, стал противопоставляться *s* (в чувашском палатализуется очень слабо) по признаку палатальности, последний в определенных фонетических условиях дал *š*, с этим, возможно, связано опереднение гласных под влиянием *ś* и их более задняя артикуляция в соседстве с *š*.

В заключение приводятся данные чувашских говоров:

1. *ə* ~ *ә*

kəmərʃak ~ *kəmərʃek* «хрящ»;

tādāš ~ *tadaš* «сплюшь»;

tārna ~ *tārne* «журавль»;

xənpəx- ~ *xəpəx-* «привыкать»;

śəm ~ *śəm* «шерсть»;

śək ~ *śək* «груз, тяжесть»;

jəran ~ *jəren* «межа»;

śāt- ~ *śət-* «рвать, изнашивать»;

əśna- ~ *əśne* «поляна»;

pətnək ~ *pətnək* «мята».

2. *ä* ~ *ә* ~ *ä°* ~ *ә°*

śəgə ~ *śəgə* ~ *śə°gə°* «стерлядь»;

ən ~ *ün* ~ *ə°n* ~ *ə°n* «удаваться»;

sərə ~ *sərə°* ~ *sə°rə°* «трутень»;

kətkə ~ *kə°tkə°* ~ *kə°tkə°* «муравей»;

śamərt ~ *śəmə°rt* ~ *śə°mə°rt* «черемуха»;

jənə ~ *jə°nə°* «ножны».

3. *ü* ~ *u*

śüyü ~ *śuyü* «лепешка»;

²⁶⁶ В балкарских говорах отмечены такие формы, как *kor-* «видеть», *kunduz* «днем», *kut-* «пасти», *kuj* «мелодия» и т.д. (Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962). Появление последних объясняют тем, что гласные в них выступают в соседстве с задненебным *k*, а не средненебным, который всегда находится в окружении гласных переднего ряда. Н. Paasonen в своих *Zur tatarischen Dialektkunde ü* (задний вариант *ü*), согласные перед и после которого сохраняют свою палатальную окраску и лишь передний несколько гуттурализуется. Задний вариант *ü*, по словам Н.К. Дмитриева, характерен и для некоторых говоров башкирского языка, в результате лексических заимствований кыпчакского типа, проникло в чувашский вокализм и, столкнувшись с более передним *ü*, в определенных фонетических условиях могло выступать как вариант последнего, а затем совпасть с *u*.

šūžū ~ šužu «тонкая лепешка, которая кладется в мясной бульон»;

xüžə ~ xužə «шалаш»;

šujən ~ šujən «сом»;

kün- ~ kun- «соглашаться»;

jübə ~ jubə «ответвление»;

šür ~ šur «весна»;

püdene ~ pudene «перепел»;

šürse ~ šurša «кадка»;

pürne ~ purne «палец»;

šülžə ~ šulžə «лист».

4. i ~ ĭ

šiməs ~ šiməs «плод, еда»;

ije ~ ĭja «злой дух»;

tije- ~ tija- «грузить»;

šin ~ šin «человек»;

šir- ~ šir- «писать»;

ijt ~ ĭjt «спрашивать»;

isni ~ ĭsna «зять».

Сочетания гласных и согласных

1) Гласный + γ (g), v, b

аγ:

туркм. *ḡaγ-* «доить», кир., алт. *sā*²⁶⁷, тат. *saw-*, баш. *haw-* ~ чув. *su-*, *səv-*;

туркм. *jaγ-* «идти» (об осадках), кир. *ǰā-*, алт. *dā-*, тат., баш. *jaw-* ~ чув. *šu-*, *səw-*;

туркм. *ḡaγ-* «здоровый», кир. *sō*, алт. *su*, тат. *saw-*, баш. *haw-* ~ чув. *sivə*;

тув. *xaγ* «трут», тур. *kav*, туркм. *gow*, кир. *qū*, як. *kīa*, баш. *kəw* ~ чув. *əv*;

²⁶⁷ В киргизском и алтайском языках современное *a* отражается в виде *ā*, *ō* (*ū*):

saγ- «доить» ~ кир., алт. *sā-*;

jaγ- «идти» (об осадках), кир., алт. *ǰā-*, *dā-*;

но *saγ* «здоровый» ~ кир. *sō*, алт. *su*;

jaγ «масло», кир. юж. *ǰow*, алт. *dū*;

daγ «гора» ~ кир. *tō*, алт. *tu*.

В первых двух примерах кир., алт. *ā*, вероятно, < *aγa*, ср. монг. *saga-* «доить».

туркм. *jāγ* «масло», алт. *d'u*, хак. *čay* ~ чув. *śu* ~ *śāv*;
туркм. *dāγ* «гора», тур. *dā*, як. *tia*, кир. *tō*, тат., баш. *taw*,
тув. *ḡay* ~ чув. *tu* ~ *tāv*;

хак. *aylax*, тат., баш., ккал. *awlaq*, кир. *ōlaq* «уединенное место» ~ чув. *ulax*;

туркм. *jāγliq* «платок», кир. *ǰōluq*, тат., баш. *jawlāq* ~ чув. *śulāk*.

оу:

туркм. *doγ-* «родить, родиться», тур. *dō-*, кир. *tū-*, ккал. *tuw-*, баш. *tāw-* ~ чув. *tu-*, *tāw-* «делать»;

туркм. *boγ-* «душить», тув. *ḡoγ-*, кир. *bū-*, тат. *bu-*, баш. *bāw-* ~ чув. *pāv-*;

туркм. *kow-*, тур. *kov-* «гнать», кир. *qū-*, хак. *xoγ-* «следовать» ~ чув. *xu-xāw-*.

уу:

туркм. *juw-* «мыть», хак. *čuy-*, тув. *čuy*, кир. *ǰū-*, баш. *jāw-* ~ чув. *śu-*, *śāv-*;

туркм. *būγ-* «пар», кир. *bū-*, ног. *buw-*, баш. *bāw-* ~ чув. *pu*, *pāv-*.

uw:

туркм. *ɖuw-* «вода», тув. *suγ-*, хак. *suγ*, тур. *su-*, баш. *hāw-*, як. *ū* ~ чув. *śv-* ~ *śu*.

äg, eg:

туркм. *deg-*, азерб. *dāj-*, тув. *teγ'*, уйг. *täg-*, кир. *tij-*, баш. *tāj-* «касаться, трогать» ~ чув. *tiv-*;

туркм. *eg-*, азерб. *āj-*, тув. *eγ'*, кир. *ij-*, баш. *aj-* «гнуть» чув. *av-*.

öv:

туркм. *dōw-*, тур. *dōv-* «толочь», кум., ног. *tüj*, азерб. *dōj-*, тат., баш. *tōj-* ~ чув. *tü-*, *tāv*.

üg:

уйг. *tügme* «пуговица», туркм. *düwme*, азерб. *düjmä*, тат., баш. *tōjmä* ~ чув. *tüme*.

ага ~ ĩya:

туркм., тат. *ayač* «дерево», уйг. *jaγač*, кир. *ǰiyač*, лоб. *jĭyač* ~ чув. *jĭvāś*.

abu ~ avu ~ aγu:

тур. *avič* «горсть», кир. *ūč*, алт. *ūš*, узб. *hawuč* ~ чув. *ivāś*;
др. тюрк. *jaγuq* «близкий», кум. *juvuq*, балк. *žuvuq*, тув. *čōq*, кир. *ǰūq*, ккал. *žuvūq* ~ чув. *śivāx*.

ауї:

туркм., азерб. *ауїр* «тяжелый», хак., тув. *ār*, кир. *ōr*, тат. *awār* ~ чув. *jǐvār*;

др. тюрк. *tauıqu* «курица», туркм. *towuq*, хак. *taḡax*, *tāx*, кир. *tōq*, баш., тат. *tawāq* ~ чув. *čāx*.

-ау, -ауи, -ауї:

туркм. *buḡaw* «теленоч», тат. *bōzaw*, тув. *bizā*, кир. *muzō*, узб. *buzāq*, уйг. *mozaj* ~ чув. *pāru*;

тат., баш. *tāšaw* «путы», кир. *tušō* (но туркм. *dušaḡ*, тув. *qužaaq*, хак. *tuzax*) ~ чув. *tālā*.

оуи:

бар. *qoquš* «дупло», тат. *quḡš*, баш. *qāwāš*, ног. *quwāš* ~ чув. *xāvāl*;

туркм., азерб., уйг. *oḡul* «сын», хак., тув., шор. *ōl*, як. *uol*, алт. *ūl*, баш. *ul* ~ чув. *ivāl*.

оуи ~ иуѳ

туркм. *ḡowur-* «веять», тур. *savur-*, уйг. *sowu(r)-*, тат. *suwār-* ~ чув. *sāvār-*, *sur-*.

оуи ~ иуи:

туркм. *juḡur-* «месить», кир. *ǰūr-*, азерб. *joḡur-* ~ чув. *šār-ıḡı*;

туркм. *jǰıı* «густой», ног. *jǰıı*, каз. *žajə* ~ чув. *jāvā*;

туркм. *dıqıd* «тесный, узкий», ккал., кир. *tıyız*, баш. *tāḡāḡ* ~ чув. *tāvār*.

üḡö:

азерб. *jügān*, кир. *ǰügön*, уйг. *jügān*, тат. *jögān* «уздечка» ~ чув. *jāven*.

В говорах можно наблюдать такие фонетические варианты вышеприведенных чувашских слов:

xāvāl «дупло», *xuvāl*, *xul*;

tāvār «тесный», *tur*, *turā*;

sāvār- «веять», *sur-*;

jāvā «густой», *jīvā*, *ju*, *jü*;

ivās «горсть», *āvās*, *uś*;

ivāl «сын», *āvāl*, *uvāl*, *ul*;

šivāx «близкий», *šāvāx*, *śux*;

jīvās «дерево», *jāvās*, *juvās*, *juś*, *jüs*;

jīvār «тяжелый», *jāvār*, *juvār*, *jur*, *jurā*;

āv «труг», *iv*, *u*;

šāvar «рот», *śoar*, *śōar*, *śvar*.

Так как сочетания *ау*, *оу*, *иу* дают в чувашском одинаковые рефлексy в виде *и* ~ *äв*, можно предположить, что *ау*, *оу*, *иу* первоначально развились в *иц* > *и* (*ау* > *оц* > *иц*; *оу* > *оц* > *иц*)²⁶⁸.

Показательно, что этот *и* по говорам не чередуется с *о* или *ä*, а только с *äv*. *äv* могло первоначально развиться из *иц* в положении перед гласным при изменении слов типа *tu* «гора», *tu-* «делать». Впоследствии *v* во многих случаях (по говорам) стало восприниматься как принадлежащий к основе.

В середине двусложных слов типа *оуул* «сын» *у* > *v*, по-видимому, выпал. Так как стечение гласных не характерно для звуковой системы чувашского языка, оно было избегнуто с помощью вставочного *v* или монофтонгизации:

оуул > **ууул* > **иул* > **iväl* или **иул* > *ул* (ср. диалектные формы *äväl*, где проводится последовательная гармония гласных, и *uväl*). Но допустим и другой путь развития *оуул* > *uväl* > **äväl* > *iväl*.

II. Гласный + *j*

***aj*:**

тур., азерб. *jaj* «лето», тув., хак. *čaj*, баш. *jäj*, тат. *ĵäj*, кир. *ĵaj* ~ чув. *śu*, *śäv*;

туркм. *ġaj-* «считать, почитать», тур., азерб. *saj-* ~ чув. *su-*, *säv-*;

тат., кир. *čajqa-* «полоскать», баш. *sajqa-* ~ чув. *čüŋe-* (*u* > *ü* под влиянием *č* и *j*).

***-aj*:**

тат., баш. *böraj* «полба» < чув. *päri*, общетюрк. *boɣdaj* «пшеница»;

туркм., тур. *torğaj* «жаворонок», кир. *torğoj*, баш., тат. *turğaj* ~ чув. *täri*.

***oj*:**

тув. *xoj*, як. *xōj* «пазуха», МК *qoj* ~ чув. *xäv*, *xü*;
туркм. *ġoj-* «снимать, сдирать», тур., кир., тув. *soj-*, тат. *suj-*, баш. *huj-* ~ чув. *sü-*, *säv-*;

²⁶⁸ Ср. в киргизском:

ау > *ä*, юж. кир. *ow*;

оу > *ü*;

иу > *ü*.

тат., баш. *buj*, туркм. *boj* «рост» (ср. хак. *pos*, тув. *bot*) ~ чув. *pü*, *päv*;

тур., туркм. *boja-* «красить», кир. *bojo-*, тат., баш. *buja-* ~ чув. *päve-*;

туркм. *goj-* «класть» (ср. др. тюрк. *qod-*), тат., баш. *quj-* ~ чув. диал. *xu-*, лит. *xiv-*.

uj:

уйг., ккал. *qujaš* «солнце», узб. *qujaš*, тат., баш. *qöjäs* ~ чув. *xävel*;

тур. *kujruk* «хвост», туркм. *gujruq* (ср. хак. *xuzurux*, як. *kuduruk*, тув. *quduruq*), тат., баш. *köjräk* ~ чув. *xüre*.

öj:

туркм. *öj-* «любить», уйг. *söj-*, тур., азерб., узб. *sev-*, кум., кир. *süj-*, тат. *söj-*, баш. *höj-* ~ чув. *sav-* (чув. *sav-* восходит к древнечув. **säv-*).

üj:

туркм. *güje* «моль», уйг. *küjä*, тур. *güve*, кир. *kübö*, хак. *kü*, тат. *köjä* ~ чув. *käve*;

кум., уйг. *küj* «напев, мелодия», узб. *kuj*, тат., баш. *köj* ~ чув. *kävä*;

ног. *süjän-*, тат. *söjäl-* «прислоняться» ~ чув. *säven-*;

тат. *jöj* «шов, рубец», баш. *jöj*, ккал. *žüj* ~ чув. *šävä*.

-ij:

кир., ккал., каз., кум. *qürüj* «кобчик», туркм., азерб. *gürüi* ~ чув. *xärüi*, *xärüi*.

uju:

узб., кир., алт. *sujul-* «разжижаться», ккал. *sujil-* ~ чув. *šävel-*;

алт. *sujuq*, туркм. *öuwuq*, тат. *säjädq*, хак. *süx* «жидкий» ~ чув. *šävä*;

уйг., тур., туркм. кум. *bujur-* «приказывать», тат. *böjär-* ~ чув. *pür-* «предназначать, предопределять».

ij:

туркм. *qin*, тат., баш. *qäjän* «трудный», уйг. *qižin* ~ чув. *xän*.

Как видно из примеров, *j* в сочетаниях *aj*, *uj*, (*oj*), *äj* и т.д. вызвал опереднение гласного и исчез.

В тех случаях, когда в результате исчезновения *j* образовалось стечение гласных, появился вставочный *v*.

чув. *päve-* < **büe-* < *buja-*;

чув. *pü*, *päv* < **bü* < *buj* и т.д.

Известно, что тюркским *j*, *z*, *t* и т.д. в середине слова в чувашском обычно соответствует *r*.

Такие слова, как чувашское *pü* «рост» < *buj* (тув. *hot*, хак. *pos*), *xu* ~ *xiv*- «класть» < *quj*- (сюг. *qoz*- др. тюрк. *qod*-, чув. *xur*-) и т.д. показывают, что отпадение *j* в сочетаниях /*oj*/, *uj* и т.д. процесс относительно новый. Во всяком случае, он захватил лексику *j*-диалекта, который вместе с *r*-диалектом (древнечувашским) лег в основу современного литературного чувашского языка.

В чувашских говорах можно наблюдать два примечательных явления.

Иногда сочетания *äv*, *əv* появляются на месте закономерного *u* там, где сочетания с *y* или *j* не отмечено в каком-нибудь из тюркских языков. Например:

šävla- «лизать» < *šula*- < *jala*-;

tävle- «платить» < *tüle*- < *töle*-;

tävla- «искусать» < *tula*- < *tala*-.

Бывают случаи, когда появление *äv*, *əv* не обусловлено фонетическими причинами: *xəvre* // *xüre*.

В некоторых верховых говорах (гл. образом сундырских) на месте монофтонгов и сочетаний *äv*, *əv* появляются дифтонги (стечение гласных): *pəve* // *püä*, *pöä* «запруда»; *xəvel* // *xüel* (но *xel*), *xöel* (но *xöl*) «солнце»; *xävva* // *xua* «ива» и т.д.

Существовали ли дифтонги с *j(i)* в древнечувашском?²⁶⁹

Дифтонги существовали, если такие формы как *tävvar* «соль», *kävvar* «горячие угли», *kävvak* «синий» возводить к прототипам с дифтонгами (из первичных долгих), типа *uj*, *öj*, как это делал, например, Л. Лигети²⁷⁰.

Однако допустима и иная интерпретация этих форм:

**tüur* > *tävär* > *tävár* «соль»

**küök* > *käväk* > *kävák* «синий».

²⁶⁹ О дифтонгах типа *ia*, *iä* см. в разделе «Долгие гласные».

²⁷⁰ *Ligeti* (2).

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОНСОНАНТИЗМ

Общетюркский консонантизм [30]

Исследователи — сторонники алтайской гипотезы — при реконструкции общеалтайского консонантизма до сих пор исходили главным образом из данных монгольских и тунгусо-маньчжурских языков²⁷¹.

При этом общеалтайская система иногда почти отождествляется с системой согласных письменного монгольского языка²⁷².

В общеалтайском анлауте восстанавливались следующие фонемы:

q (*k*), *g* (*g*), *t*, *d*, *p*, *b*, *č*, *ǰ*, *j*, *n*, *s*, а также *m* (Г. Рамstedт), *n'* и *δ* (N. Poppe).

В анлауте и ауслауте возрастал ряд носовых (*n'*, *η*) и появились плавные (*l*, *l'*, *r*, *r'*).

Система общетюркского консонантизма, в свою очередь, считалась почти идентичной с состоянием, представленным в Орхонских памятниках²⁷³. Однако при этом делались две оговорки: язык орхонских надписей — это не праязык; наряду с ним существовали и другие тюркские диалекты.

Путь от общеалтайской системы к общетюркской представлялся следующим образом: анлаутные смычные (дентальные и гуттуральные), сильные (глухие) и звонкие (слабые) совпали и дали один ряд:

**q* (*k*), **t*; губной сильный смычный **p* исчез в предтюркском (чувашско-общетюркском), оставив следы в виде начального *h*; **ǰ*, **d* (согласно N. Poppe **δ*), **n*, **j* совпали уже в предтюркском и дали *j* (*ǰ*), **s* и **č* сохранились без изменения, **m* (Г. Рамstedт, N. Poppe) совпал с *b*.

В анлауте и ауслауте противопоставление сильных (глухих) и слабых (звонких) смычных сохранилось (при этом **d* > *δ*, **b* отчасти > *w*), **ǰ*, **j*, **n'* совпали в *j*, носовые **ŋ*, **n*, **m*, сибилант **s* и плавные **r*, **l* сохранились, **r'* и

²⁷¹ См., например, *Räsänen* (5), с. 24–28;

²⁷² *Poppe* (1), с. 118 и (6), с. 9 (алтайский консонантизм почти отождествляется с прамонгольским).

²⁷³ *Poppe* (1), с. 98.

l', сохранившиеся в протюркском (чувашско-общетюркском) дали в общетюркском *z*, *š*.

Таким образом, система общетюркского консонантизма может быть представлена так:

анлаут	инлаут и ауслaut
* <i>b</i>	* <i>p</i> , * <i>b</i>
* <i>t</i>	* <i>t</i> , * <i>d</i> (<i>δ</i>)
* <i>q</i> (<i>k</i>)	* <i>q</i> (<i>k</i>), * <i>γ</i> (<i>g</i>)
* <i>j</i>	* <i>j</i>
	* <i>w</i>
* <i>č</i>	* <i>č</i> , * <i>ǰ</i> (?) ²⁷⁴
* <i>s</i>	* <i>s</i>
	* <i>n</i>
	* <i>ŋ</i>
	* <i>m</i>
	* <i>l</i>
	* <i>r</i>
	* <i>ʀ</i> > <i>š</i>
	* <i>r'</i> > <i>z</i>

Как видно из вышесказанного, данная реконструкция консонантизма общетюркского языка опирается на две аксиомы (вторая из них является производной от первой):

1) тюркские языки так же как монгольские и тунгусо-маньчжурские восходят к одному языку — общеалтайскому²⁷⁵;

2) общеалтайский был *r* и *l* языком.

Когда сторонники этой точки зрения переходят от общетюркского (пратюркского) праязыка к истории конкретных тюркских языков, то перед ними встает целый ряд фонетических проблем.

²⁷⁴ По словам *М. Рясина* (Материалы, с. 158), существование в древнетюркском языке *ǰ* внутри и в конце слова является спорным.

²⁷⁵ В последнее время решение «алтайской проблемы», как нам кажется, перешло в новую стадию: все больше осознается необходимость расчленить, с одной стороны, заимствованное и исконное (генетически общее), параллелизмы в развитии (типологическое) и общие процессы (генетическое). После практических исследований в этой области алтайская общность языков, возможно, предстанет в новом свете.

Если в общетюркском анлауте были только глухие q, k, t , как объяснить противопоставление глухих и звонких анлаутных смычных в языках юго-западной группы²⁷⁶.

Если признать, что анлаутные $*d, *n, *j, *j'$ совпали в предтюркском и дали j , то какова связь между ними и современными $d', j', j, z', c', s', s, n$ и как конкретно произошло это совпадение /через какие стадии и в какой последовательности (географически и хронологически)/ $d > j, n > j, j' > j'$ ²⁷⁷?

Если общеалтайский $*p$ был утрачен, то почему при $*t*d = t *q*g = k$ в анлауте сохранился b и можно ли так называемый «протетический» h , спорадически встречающийся в анлауте некоторых тюркских языков, рассматривать как рефлекс этого общеалтайского $*p$? До сих пор остается открытым и вопрос о ламбдаизме и ротацизме.

Поэтому не случайно, что в последние годы были сделаны попытки пересмотреть принципы реконструкции общетюркской системы согласных.

Так, В.М. Иллич-Свитыч, опираясь на гипотезу З.Гомбоца²⁷⁸, поддержанную Н.Поппе²⁷⁹, реконструировал два дентальных смычных в общетюркском анлауте: $*d$ (слабый), $*t$ (сильный).

В.М. Иллич-Свитыч исходил при этом из состояния живых тюркских языков, где можно проследить противопоставление смычных дентальных (языки юго-западной и северо-восточной группы). Он же на основании данных тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков восстанавливает для общетюркского два гуттуральных: $*k'$ (сильный), в котором совпали общеалтайские $*k', *g$ и $*k$ (слабый)²⁸⁰.

Если при своих реконструкциях В.М. Иллич-Свитыч исходит из общеалтайского языка, то совсем иные основания для восстановления общетюркского консонантизма избраны А.М. Щербаком. Рассматривая дифференциальные признаки и, учитывая степень

²⁷⁶ Ср. *Иллич-Свитыч* (1), с. 338.

²⁷⁷ Ср., например, *Серебрянников* (6), с. 65 и сл. или *Palló M.* (1), с. 133.

²⁷⁸ *Gombocz* (2), с. 36–37.

²⁷⁹ *Poppé* (1), с. 99–100, 104.

²⁸⁰ *Иллич-Свитыч* (1), с. 339–340.

противопоставленности глухих и звонких, сильных и слабых и т.д. согласных фонем в современных тюркских языках, А.М. Щербак приходит к выводу, что общетюркский (пратюркский) консонантизм мог быть построен на противопоставлении двух рядов согласных: несонантов и сонантов, при этом глухие и звонкие согласные являлись аллофонами одной фонемы²⁸¹:

ʒ (δ)	s(z)	š(ž)	p(b)	t(d)	k(g)
j	r	l	m	n	ŋ
					γ.

Такие дифференциальные признаки, как звонкость-глухость, сила-слабость, придыхательность и отсутствие придыхательности, выделялись, по мнению А.М. Щербака, позднее как проявление тенденции к ослаблению анлаутных согласных²⁸².

Распределение звонких и глухих аллофонов несонантов в ауслaute односложных слов А.М. Щербак поставил в зависимость от предшествующего гласного: после кратких гласных сильный (глухой), после долгих гласных слабый (расположенный к озвончению)²⁸³.

Видя, что начальный ʒ имеет лишь одну репрезентацию в ауслaute (звонкий δ) и, что смычные и смычно-шелевые обычно остаются глухими в положении после долгих гласных, А.М. Щербак вынужден признать, что глухость и звонкость аллофонов связаны и с характером самих звуков.

Признавая, что в пратюркском анлауте выступали лишь сильные глухие, А.М. Щербак выражает точку зрения, близкую к общепринятой в алтаистике. Лишь вместо традиционных анлаутных *b, *j он восстанавливает соответственно *p и *ʒ. Реконструкция последних вызывает известные трудности, когда мы обращаемся к истории конкретных тюркских языков. Признание того факта, что «из смычных согласных раньше всех и почти повсеместно подвергся ослаблению (озвончению) начальный p» еще не объясняет причин и условий своеобразного развития этого

²⁸¹ Щербак (6), с. 19.

²⁸² Щербак (6), с. 20.

²⁸³ Такое распределение смычных согласных можно наблюдать в языках юго-западной группы (oD «огонь», ot «трава») и северо-восточной группы (oD «огонь», ot (o't) «трава»).

смычного по сравнению с другими согласными того же ряда. Озвончение **p* было тотальным (глухой в хакасском и чувашском явлении вторичного порядка, так же как сильный тувинский *p^h*), а озвончение других смычных (даже в языках юго-западной группы) является спорадическим.

Не доказанной фонетически остается репрезентация праторкского **ʒ* в виде *ś, s, č, ĵ, ž, d', j* в современных тюркских языках. Если глухой межзубный спирант **ʒ* имеет самый близкий рефлекс *ś* в чувашском языке, то как объяснить *ĵ* в языке болгарских эпитафий и *d'* в «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка? К тому же глухость анлаутного *ś* в чувашском, вероятно, является вторичной.

Общетюркские *z, š* и чувашские *r, l* в ауслaute А.М. Щербак рассматривает как рефлексы *s* и *š* после первоначальных долгих гласных²⁸⁴.

При этом возникает такой вопрос – почему процесс ослабления **s* и особенно **š* в чувашском языке зашел значительно дальше, чем в остальных тюркских языках, каковы были фонетические условия **š* > *l* и **s* > *z* > *r*.

Если чувашский ротацизм и ламбдаизм – вторичные явления, то какова их относительная хронология?

А.М. Щербак признает, что наличие *z* в ауслaute односложного слова не всегда можно подкрепить ссылкой на долготу предшествующего ему гласного в туркменском или якутском языках. Объяснение таким исключениям он находит в спорадической утрате долгих гласных. Последнее замечание А.М. Щербака справедливо. Однако односложных слов с ауслautным *z*, в которых пока не восстановлен первичный долгий, довольно много в том же туркменском языке:

- biδ* – «мы»,
- düδ* – «равнина»,
- eδ* – «рогоз малый»,
- ʒiδ* – «вы»,
- ʒöδ* – «слово»,
- čiδ* – «чертить»,
- čöδ* – «развязывать»,
- čod* – «нападать»,

²⁸⁴ Щербак (6), с. 24–26.

iđ – «обрывать»,
tođ – «изнашиваться»,
teđ – «бежать с испуга»,
ʒiđ – «сочиться»,
ʒiđ – «чувствовать»,
ʒođ – «вытягивать»,
piđ – «бросать»,
jüđ – «снимать шкуру»,
jüđ – «плавать»,
jađ – «стелить»,
eđ – «давить»,
geđ – «гулять»,
gađ – «рыть»,
büđ – «собирать в складки»,
peđ – «чувствовать неприязнь».

В чувашском языке *l* выступает на месте *š* в словах без долгого гласного: *xəl* «зима», *tul* «вне». И наоборот слова с первичным долгим имеют *ś* < *š*: *əs* «работа» (туркм. *ĩš*, як. *ĩs*), *šiš* – «пухнуть» (туркм. *čiš*). Правда, последний случай А.М.Щербак относит к заимствованиям, но *ś* < *š* мы находим в чувашских *piś* «голова», *xiš* – «чесать», *piś* – «вариться» и т.д.

Довольно сложную картину представляет и поведение ауслатных гуттуральных.

Итак, каждая из предпринятых ранее реконструкций общетюркского консонантизма не является окончательной, так как содержит ряд противоречивых моментов²⁸⁵.

Мы не ставили перед собой задачи предложить новый вариант реконструкции. Поэтому нам остается выбрать более приемлемую из существующих схем.

В качестве такой рабочей схемы мы принимаем следующую общетюркскую систему согласных²⁸⁶ –

анлаут:

**p*, **q*, **k*, **t*, **s*, **č*, **j* (*j̣*), **m^b*,

инлаут и ауслат:

**p(b)*, **q(g)*, **k(g)*, **t(d)*, **δ*, **γ*, **w?*, **j(j̣)*, **s*, **š?*, **č*, **m*, **ŋ*,
**n*, **l*, **r*, **ḷ*, **ṛ*.

²⁸⁵ На них отчасти будет указано ниже в соответствующих разделах работы.

²⁸⁶ Она почти совпадает с традиционной.

Смычные

Губные

По мнению многих алтаистов, алтайский анлаутный сильный **p* (предтюркский *p^h*) был утрачен²⁸⁷ (через ступень *p^h > h > o*). Следы его усматривают в анлаутном *h*, sporadически встречающемся в языках юго-западной и юго-восточной группы.

Здесь не рассматриваются соответствующие данные монгольских и тунгусо-маньчжурских языков²⁸⁸, так как вопрос о характере алтайской общности и происхождении тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурских параллелей остается для нас пока открытым.

Однако еще раз подчеркнем, что *h* наличествует перед гласным преимущественно в немногих словах юго-западной и юго-восточной групп тюркских языков (т.е. там, где *h* встречается и в заимствованных словах).

Прежде всего перечислим примеры, которые отмечены в нескольких тюркских языках:

лоб. *haj-*, туркм. алили, сюг. *har-*, уйг. *ha(r)-*, узб. *ha^ori-*, ккал. *harī-* «установить» ~ туркм. *ār-*, кир. *arī-*, чув. *ir*;

уйг., ккал., туркм. олам., алили *höl*, узб. *hol* «мокрый, влажный» ~ туркм. *ül*, кир. *öl*, чув. *vil* (*vil šiv* «роса»);

азерб., уйг. *hür-*, туркм. олам. *hür-*, узб. *hur-* «лягать» ~ туркм. *ür-*, кир. *ür-*, чув. *vər-*;

туркм. олам. алили *hañjir-*, уйг. *hañri-*, лоб. *hanja-* «кричать» ~ туркм. *añjir-* «кричать (о ишаке)», кир. *añjira-*;

уйг. *hangit* «казарка», лоб. *hanñijt*, *hangit* «род утки» ~ ср. хак. *āt* «турпан», кир. *añir* «красная утка», алт. *añir* «варнавка», тув. *añjir* «турпан»;

азерб. *hejva*, гаг. *hajva* «айва» ~ тур. *ajva*;

²⁸⁷ См., например, *Aalto*, с. 9-15; *Ramstedt* (1); *Poppe* (6), с. 10-11; *Räsänen* (3), с. 146-148; Критику этой теории см. у: *Clauson* (1); *Щербак* (4), с. 59-60.

²⁸⁸ См. *Цинциус*, с. 148-155; *Владимирицов*, §279, с. 411-412; *Poppe*(6), с. 10-12 и т.д.

туркм. *hünji* «бисер», ккал. *hinji* «жемчуг» ~ тур. *inji*, кир. *jinji*, *inju*²⁸⁹;

уйг. *höküz* «бык», узб. *hokiz* «вол» ~ туркм. *öküz*, кир. *ögüz*, чув. *vəgār*;

азерб., туркм. алили *hürk-*, уйг. *hü(r)k*, узб. *hurk-* «пугаться» ~ туркм., кир. *ürk-*;

уйг. *hürpejt-* «ерошить», узб. *hurraj-* «нахохлиться», «ерошиться» ~ кир. *ürpöj-* «нахохлиться», тур. *ürper-* «становиться дыбом»;

туркм. *hüwi* «филин», уйг. *hüka* ~ тур. *üjü*;

туркм. *hürpik* «удод», азерб. *hophop*, уйг. *höpür* ~ кир. *ürpür*²⁹⁰.

Гораздо чаще встречаются слова с анлаутным *h* в отдельных тюркских языках и диалектах²⁹¹.

сюг. *haja* «ладонь» ~ туркм. *āja*;

гаг. *hajyir* «жеребец» ~ уйг. *ajyir*;

уйг. *hal* «бледнорозовый» ~ туркм. *āl*;

гаг. *halma* «яблоко» ~ уйг. *alma*;

узб. *harwana* «верблюдица» ~ туркм., азерб. *arvana*;

уйг. *harva* «телега» ~ азерб. *araba*;

гаг. *harpa* «ячмень» ~ азерб. *arpa*, уйг. *a(r)pa*;

(ср. сюг. *harba* «какие-то хлебные зерна»);

азер. *hača* «рассоха, развилка» ~ уйг. *ača*;

гаг. *hašča* «деньги» ~ уйг. *aqča*;

кум. *hav* «охота» ~ туркм. *āw*, азерб. *ov*;

узб. *hāwuč* «пригоршня» ~ азерб. *ovuč*, уйг. *oč*;

уйг. *hāmāk* «хлеб» ~ тур. *ekmek*;

уйг. *härä* «оса, пчела», ккал. *härrä* ~ азерб. *arı*;

гаг. *hen* «самый» ~ уйг. *āñ*;

азерб. *him* «нарек» ~ туркм. *üm*, тур. *im*;

туркм. *hın* «нора, берлога» ~ ккал. *in*, хак. *ən*;

азерб. *his* «копоть, сажа» ~ туркм. *id* «копильный дым»;

кум. *hiz* «след» ~ азерб. *iz*, туркм. *ið*;

²⁸⁹ Это слово особенно показательно, так как является заимствованием из китайского (*Ligeti* (3)). Наиболее близкой к оригиналу является форма *jinji*.

²⁹⁰ Два последних слова, быть может, звукоподражательного происхождения. В этом случае они для нас малопоказательны.

²⁹¹ Диалектные данные не использовались. Однако, ср. азерб. диал. *hačar* «ключ», *hindi* «теперь», *höšür* «кашлять» (агдашские говоры).

гаг. *holluk* «корыто, жолоб» ~ тур. *oluk*, уйг. *olag*, чув. *valak*;

азерб. *hop-* «просачиваться» ~ ног., алт. *op-*, чув. *vip-*;

гаг. *hobur* «вампир» ~ тур. *obur* «обжора», чув. *vubār* «упырь»;

сюг. *hora-* «обертывать» ~ туркм. *ora-*, уйг. *oru-*;

сюг. *horej* «выбрита макушка на голове» ~ кир. *oroj*;

кум. *hökün-* «раскаиваться» ~ узб. *okin*;

уйг. *höküri-* «плакать, рычать» ~ ср. узб. *okra-*;

азерб. *hör-* «вязать» ~ туркм. *ör-*, уйг. *ör-*;

туркм. алили *hörküç*, тур. *hörgüç* «горб» ~ туркм. *örküç*, уйг. *örkäç*;

уйг. *huka* «мл. брат» ~ узб. *ükä*, лоб. *ökä*.

Таким образом, ни в одном из тюркских языков нельзя отметить значительного числа примеров с начальным *h*. Очень мало параллелей нам удалось найти в языках — представителях разных групп, т.е. азербайджанско-уйгурских и т.п. Поэтому без дополнительных разысканий едва можно рассматривать *h* как рефлекс исчезнувшего алтайского **p*.

Если даже алтайский **p^h* когда-то существовал, то в общетюркском анлауте имелся только один губной смычный.

Выше уже говорилось, что вопрос об анлаутных смычных в тюркских языках ставится двояким образом. Сторонники алтайской общности²⁹² восстанавливают для общетюркского анлаута либо традиционные **b* **t* **k* (**p* исчез **d* > *j*, **q(k)*, **g(g)* совпали), либо три ряда дентальных **t*, **d*, **δ* и два ряда гуттуральных²⁹³ **q'(k)*, **k(k)* (**g* в пратюркском > *q'(k)*). Встав на последнюю точку зрения, можно думать и о трехчленном ряде губных **p* > 0, **b*, **β* (или **m^β*)²⁹⁴. Этот последний в большинстве языков мог совпасть с **b*, а в ряде языков стал реализоваться как *m*.

Другая точка зрения сводится к признанию в общетюркском анлауте глухих смычных **p* **t* **k*²⁹⁵.

При этом допускается раннее и почти повсеместное ослабление (озвончение) анлаутного **p*.

²⁹² Ср. *Räsänen* (5), с. 27.

²⁹³ *Илич-Свитыч* (1, 2).

²⁹⁴ *Ramstedt* (2).

²⁹⁵ *Щербак* (6).

Действительно в большинстве современных и древних тюркских языков²⁹⁶ начальный *p* представлен либо в заимствованиях, либо спорадически в тюркских словах (как правило, перед последующим глухим согласным, особенно *s*, *š*, *č*, *t*). Здесь приводятся слова с анлаутным *p*, зарегистрированные в нескольких тюркских языках²⁹⁷.

туркм., уйг. *palta*, лоб. *palto* «топор» ~ кир. *balta*;

туркм. *palčiq*, азерб. *palčig*, уйг. *palčiq* «глина, грязь» ~ кир. *balči'k*;

уйг., лоб. *paqa* «лягушка» ~ кир. *baqa*;

тур., азерб. *pas* «ржавчина»;

уйг., лоб. *pat-* «погружаться, вязнуть» ~ кир. *bat-*;

туркм., тур. *peltek*, азерб. *pältäk* «щепелявый» ~ тат. *birtäk*, кум. *meltek* «зайка»;

уйг., лоб. *pič-*, тат. *pəč-*, каз., ног., ккал. *pəš-* «кроить» ~ кир. *bič-* «кроить», туркм. *bič-*;

тат. *pəčän*, узб. *pičän*, лоб. *pičan*, каз., ног., ккал. *pəšen* «сено» ~ баш. *bäsän*, кум. *bičen*;

тур., лоб., узб., уйг., тат. *pəš-* «вариться, зреть», каз. ног., ккал. *pəs-* ~ туркм. *biš-*, кир. *biš*;

уйг. *pišlaq*, узб. *pišlāq*, ног. *pəšlaq* «сыр, творог» ~ кир. *bištaq*;

уйг. *poqaq*, лоб. *poqoq* «зоб» ~ кир. *boyoq*, узб. *puqaq*;

туркм. *porša-*, азерб. *porsu-*, ккал. *porsi* «дурно пахнуть» ~ кир. *borsu-*;

тур. *porsuk*, азерб. *porsug*, кум. *porsuq*, ккал. *porsiq* «барсук» ~ ног. *borsiq*, тат. *bursəq*;

тат. *pəčmaq*, узб. *pičmäq*, уйг. *pušmaq* «угол» (ср. тур. *buřak*, азерб. *buçag*);

тат. *pəqaq*, ккал. *pušqaq*, лоб. *pičqaq* «обрезки кожи», «кожа, мех с лапок зверя» ~ кир. *buçqaq*;

²⁹⁶ В хакасском и чувашском в начале слова выступает только *p*, в тувинском *b* (слабый) и реже *p^h* (сильный), в алтайском *p* и *b*, в говорах татар Зап. Сибири чаще *p*.

²⁹⁷ Слова с начальным *p* отмечены во многих тюркских языках, например: тур. *parmak* «палец», *pek* «твердый», *pire* «блоха», *put* «идол» и т.д.; азерб. *pa'yir* «медь»; *poz-* «портить», туркм. *peteke* «зоб», *pür* «крона дерева»; ккал. *pal* «мед», *por* «мел», *puw* «пар»; уйг. *pakalčaq* «голень», *pit* «вошь», *poq* «кал»; *puru-* «нюхать», *pür-* «делать складки» и т.д.

тур., кум., ног. *pus* «пар, легкий туман» ~ баш. *böð*, уйг. *bus* «едкий дым»;

тур., азерб., кум. *pus-*, тат. *pös-*, ног. *pīs-* «притаиться, засесть в засаду» ~ туркм. *buð-*, баш. *böð-*;

тат. *pöšän-*, уйг. *pušun-* «беспокоиться» ~ баш. *böš-*;

уйг., лоб., ккал. *put*, ног. *püt* «нога» ~ туркм. *büt* «бедро», кир. *but* «нога»;

ккал. *puta* «кустарник», лоб. *puta* «растение» ~ кир., узб. *buta*;

туркм. *pūda-*, ккал. *puta-*, ног. *pīta-*, уйг. *puti-* «рубить, срезать ветви» ~ узб. *buta-*, азерб. *buda-*;

туркм. *pūdaq*, уйг., ккал. *putaq* «ветвь» ~ азерб. *budag*;

туркм. *pürk-*, уйг. *pürkü-* «брызгать» ~ тат. *börk-*;

уйг. *püt-*, ккал. *pät-*, лоб. *pütü-* «завершать» ~ туркм. *bit-*;

уйг. *püt-*, лоб. *piti-* «писать» ~ узб. уст. *bit-*;

туркм., лоб. *pičaq*, тат. *päčaq*, узб. *pičaq*, каз., ног., ккал. *päšaq* «нож» ~ азерб. *bičag*;

ккал. *pīqsī-*, ног. *pīsqī-*, тат. *päsqa-* «куриться, тлеть, дымить» ~ баш. *bäðqä-* и т.д.

Если принять первую точку зрения, т.е. что в общетюркском были представлены анлаутные смычные **b*, **t*, **q(k)*, звонкий *b* выглядит аномальным²⁹⁸. Его существование в ряду *t*, *k* могло быть поддержано лишь спорадическим озвончением $t > d$, $k > g$ (в условиях сандхи) и гипотетическим **m^β*, реализующимся в тюркских языках в виде *m* и *b*.

Если придерживаться второй гипотезы (в общетюркском анлауте были только сильные (глухие)), то придется объяснить, почему **p > b* совершилось очень рано и носило почти тотальный характер.

Во-первых, **p > b* спорадически могло осуществляться в силу того, что ряд смычных был ограничен лишь тремя членами и, таким образом, колебания *b // p*, *t // d*, *k // g* не нарушали систему. Первоначально **p > b* в определенных фонетических условиях (видимо, после сонантов);

Во-вторых, **p > b* могло быть стимулировано анлаутным **m^β*, который в ряде языков совпал с *b*, а в некоторых реализуется то как *m*, то как *b*.

²⁹⁸ Ср. мнение Ф.Е. Корша (3), с. 12–13.

Чередование *b // m* в анлауте особенно часто наблюдается в «чистых» *b*-языках (якутском, киргизском и т.д.).

Вот некоторые примеры²⁹⁹ на межязыковое и внутриязыковое (междиалектное) чередование *m ~ b*.

- тур. *bez* «железа» ~ туркм. *müδ*;
ног. *biz* «острие» ~ кир. *miz*;
ног. *buzaw* «телка» ~ кир. *muzō*, уйг. *mozaj*;
ног. *buz* «лед» ~ кир., каз., ккал. *muz*, як. *mūs*;
уйг. *burut* «концы усов» ~ ног., каз., ккал. *murt*;
тур., туркм. *bol* «обильный» ~ уйг., кир., ног., каз., ккал. *mol*;
туркм. *bajram* «праздник» ~ кир., ккал. *majram*;
тур. *bijiq* «усы» ~ ног. *mijiq*, баш. *mājāq*;
туркм. *batir* «герой» ~ хак. *matir*;
ног. *borsiq* «барсук» ~ тув. *morsuq*, хак. диал. *morsix*;
уйг. *bašaq* «колос» кир. *mašaq*, каз., ккал. *masaq*, тув. *mažaq*;
хак. *pīyi* «пастуший рожок» ~ хак. *mīryi*, тув. *murγu*;
тув. *bolʹa-* «договориться» ~ хак. *molʹa-*;
алт. *ḥökö* «сильный» ~ тув. *möyö*;
хак. *palyas*, алт. *ḥalqaš* «жидкая грязь» ~ тув. *malyaš*;
туркм. *burč* «перец» ~ хак. саг. *mīrs*;
кир. *bede*, уйг. *bedä* «клевер» < перс. (?) ~ тув. *mede* «дикая люцерна»;
алт. *ḥököj-* «гнуться» ~ тув. *möy'ej-* «наклоняться»;
як. *mil* ~ *bil* «таймень»;
як. *müle* ~ *büle* «десна»;
як. *muγul* ~ *buγul* «копна сена»;
як. *mutā-*, *mütā-*, *bütā-* «обрубить ветви»;
як. *mutuk* ~ *butuk* «ветвь»;
тув. *bözür* ~ *mözür* «рябой»;
кир. *bert* ~ *mert* «вывих»;
хак. *parčix* ~ каз. *marsix* «скворец»;
хак. *pasxa* ~ саг. *masxa* «молот»;
хак. *pözək* ~ саг. *müzək* «высокий»;
хак. *pəčək* ~ саг. *məčək* «грамота, письмо»;
хак. *pəčərö* ~ саг. *müčəre* «сырки из кислого молока».

²⁹⁹ Нами исключены слова, где можно предполагать во втором или последующем слогe носовой согласный.

Чувашский анлаутный *p* появился сравнительно поздно³⁰⁰. В известной степени об этом свидетельствуют так называемые «древнечувашские» заимствования венгерского языка, где еще отмечен *b*³⁰¹.

венг. *bélyg* «знак» (совр. болг. белег < древнебулг.) ~ чув. *palāk, palgā*;

венг. *borsó* «горох» ~ чув. *pārza*;

венг. *borjú* «теленоч» ~ чув. *pāru*;

венг. *bölcső* «колыбель» ~ чув. (?) (едва ли сюда относится чув. уст. *pelje* «пеленка»). *B* отражают также и чувашские заимствования удмуртского языка:

Например, удмурт. *бечей* «ст. брат, дядя» < чув. *pičce* «ст. брат»;

булаты «свояченица» < чув. *puldār* «свояченица»;

бусено «свояк» < чув. *pužana* «то же»;

бусы «поле» < чув. *pužā*;

бызара «суслик» < чув. *pāzara*;

Вокализм этих слов позволяет предположить, что они были заимствованы не ранее XIV в., когда чуваш. *ā > o > u*.

b сохранился также в болгарских надписях на могильных памятниках: بلوك «знак», بيالم «пятый».

Таким образом, общетюркский губной анлаутный смычный отразился в современном чувашском как *p*:

тур. *bez*, туркм. *mäs*, тат. *biz*, тув. *bes* «железа» ~ чув. *par*;

туркм., тур., як. *bil-*, тат. *bäl-*, тув. *bil-* «знать» ~ чув. *päl-*;

тур., азерб. *var-*, туркм., як. *bar-*, тув. *bar-* «идти» ~ чув. *pür-*;

тур. *bin*, азерб. *min*, туркм. *mün* «тысяча» ~ чув. *pin*;

тур., азерб. *buz*, туркм. *büđ*, як. *müs*, кир., уйг. *muz* «лед» ~ чув. *pār*;

тур. *baĵanak*, азерб. *baĵanag* «свояк» ~ чув. *pužana* (ср. туркм. *baĵa*, як. *bad'a*);

туркм. *buđaw*, азерб. *buzov*, кир. *muzō*, уйг. *mozaj* ~ чув. *pāru*;

p на месте общетюркского *p* сохраняется и в конце слога:

баш. *tupha*, тат. *tupsa*, каз., ккал. *topsa* «дверная петля» ~ чув. *tāpsa*;

³⁰⁰ Ср. Räsänen (5), с. 146; Poppe (7), с. 306–307.

³⁰¹ Примечательны данные рукописных русско-чувашских словарей, где начальный губной смычный передается то как *b*, то как *p*.

туркм. *topraq*, кир. *topuraq*, тат. *tufraq*, тув. *dowuraq* «земля, почва» ~ чув. *t̂pra*.

В ауслауте односложных слов общетюркский *p* представлен в чувашском как *p* (после долгого и краткого гласного):

як. *uop-*, каз., ног., алт. *op-* «поглощать, втягивать» ~ чув. *vip-* «портить»;

туркм. *düp*, тур. *dip*, азер. *dib*, тув. *düp* «дно» ~ чув. *tap*;

туркм., азер., кир., уйг., тат. *tap-*, тув. *t̂ip-* «находить» ~ чув. *tup-*;

туркм., азер. *gor-*, тур. *kor-*, тат., баш. *qip-* «отрываться, отставать» ~ чув. *xəp-*;

Пока остается неясным, существовал ли в общетюркском инлауте и ауслауте *b* (-*b*-, -*b*), или он представлял позиционный вариант *p* послепервичных долгот (см., например, распределение *p* и *b* в языках юго-западной группы и *f* и *b* в карагасском).

Некоторые исследователи полагают, что общетюркский **b* исчез в чувашском (*v* соединительный согласный (?))³⁰² или же дал *v*³⁰³. Однако в большинстве случаев трудно судить о первоначальном характере губного звука в таких чувашских (и общетюркских) словах³⁰⁴, как *iv̂ə́s* «горсть», *x̂əva* «ива», *šav̂ə́s* (мар. *saβ̂əs*) «сват», *šiv̂* «вода»³⁰⁵, **x̂ova* > мар. *uva* «темнокоричневый», диал. *x̂əvan-* «радоваться» и т.д.

Общетюркскому *p* в инлауте между гласными и между сонорным и гласным соответствует чувашский *ḫ*:

туркм. *čapaq*, азер. *čapag*, баш. *šabaq*, ккал. *šabaq* «лещ» ~ чув. *šubax*;

туркм., тур. *jap̂ış-*, тат. *jab̂āš-*, кир. *ḫap̂iḫ-* «прилипать» ~ чув. *šib̂āš*;

туркм., тур., азер. *köp̂ük*, кир. *köb̂ük*, тат. *küb̂ək* «пена» чув. *k̂əb̂ək*;

туркм. *depe* «вершина», кир. *töb̂ö*, тат., баш. *tüb̂ä*, з.с.г. *tüb̂ä* «потолок» ~ чув. *tübe* «небо», «вершина», «потолок»;

тур., туркм., тат., кир. *arpa* «ячмень» ~ чув. *urba*.

³⁰² См., например, *Benzing* (1), с. 713.

³⁰³ *Poppe* (3), §17.

³⁰⁴ См. *Räsänen* (5), с. 110–115.

³⁰⁵ См. *Korui* (1), с. 13–14, прим. 1.

В современном чувашском языке можно наблюдать морфологизированное чередование слабого *b* и сильного *p* (в орфографии *pp*).

tuḥḥ «пушка» (общетюрк. *top*)

turḥt «моя пушка»,

turi «твоя пушка»,

turi «его пушка».

Гораздо реже чередование *b* и *p* встречается в чувашских говорах:

ṣḥbḥr «веник» ~ *ṣḥpḥr*, *apa* «ст. сестра» ~ *aḥaj* и т.д.

Но такое распределение сильных и слабых губных смычных (как и смычных вообще) сложилось в чувашском, вероятно, сравнительно поздно.

На это указывают «древнечувашские» заимствования в венгерском языке.

венг. *seper-* ~ *söpör-* «мести» ~ тур. *süpür-*, туркм. *ḍüpür-*, баш. *həpər-*, чув. *ṣḥbḥr* «метла»;

венг. *iker* «близнецы» ~ туркм. *ekiḍ*, тур. *ikiz*, баш. *igəḍ* «двойня», чув. *jəgər*.

Примечательно отражение чувашских смычных в удмуртском языке.

С одной стороны, сильные отражаются закономерно как глухие:

удм. *бечей* «ст. брат» < чув. *piḥḥe*;

удм. *ака* «ст. сестра» < чув. *akka*;

а слабые как звонкие:

удм. *кабан* «скирд» < чув. *kaban*;

удм. *уробо* «телега» < чув. *uraba*;

удм. *кубо* «прялка» < чув. **kuba*, тат. *kaba*;

С другой стороны, вместо ожидаемых звонких находим в удмуртском глухие:

удм. *итым* «гумно» < чув. *idem*;

удм. *культо* «сноп» < чув. *kəlde*;

удм. *бултыр* «свояченица» < чув. *puldḥr*;

удм. *акаяшка* «удмуртский праздник в начале весеннего сева», ср. чув. *aga tuj*;

удм. *сякан* «рогожа» ~ чув. **śagan*, *śakkan* «рогоз»;

удм. *така* «баран» < чув. *taga*³⁰⁶.

³⁰⁶ Ср. также удм. *кузе* «хозяин» < чув. *xuza*, но *бусено* «свояк» < чув. *puzana*, удм. *бусы* < чув. *puzḥ* «поле»; но удм. *бызара* < чув. *pḥzara* «суслик».

Ю. Вихман полагал, что двойное замещение чувашских согласных в удмуртском языке отражает чередование сильных и слабых, которое прослеживается в современных говорах³⁰⁷. Последнее в свою очередь сводилось когда-то к чередованию глухих и звонких.

Чередование глухих и звонких (сильных и слабых) в инлауте могло быть позиционным, а впоследствии в связи с усилением анлаутных согласных оно могло обобщиться в определенном направлении (ослабление согласных после сонантов (гласных и сонорных)).

Гуттуральные

В алтайском анлауте обычно предполагают два гуттуральных $*k$ и $*g$, которые в предтюркском реализуются уже в четырех аллофонах q, k, g, g^{308} .

В общетюркском они, по мнению многих исследователей, совпали в $*q$ и $*k^{309}$.

Недавно В.М. Иллич-Свитыч попытался восстановить для общеалтайского три гуттуральных $*k^c, *k, *g^{310}$.

При этом, согласно его гипотезе, k^c и g в общетюркском совпали в сильном k^c , а k сохранился и представлен в виде g в языках юго-западной группы (тувинско-карагасский k).

Среди 13 примеров, которыми В.М. Иллич-Свитыч иллюстрирует соответствие тунг. $x^{311} \sim$ тюрк. $k \sim$ монг. k лишь шесть содержат данные тюркских языков. Рассмотрим их подробнее. Только огузское $k\ddot{u}l$ «зола» \sim тувин. $x\ddot{u}l$ позволяет предположить более раннее общетюрк. $*k^c\ddot{u}l$. Однако сомнительным представляется монг. $*k\ddot{o}l$ «огонь», вероятно, абстрагированное из глагола $*k\ddot{o}l\check{c}e-$ «согреть, греть», восходящего на самом деле к $k\ddot{o}l$ «нога».

³⁰⁷ См. *Wichmann*, с.7–11.

³⁰⁸ *Poppe* (1). С. 99.

³⁰⁹ Там же, с.100; *Räsänen* (5), с.24.

³¹⁰ *Иллич-Свитыч* (1), с.339–340.

³¹¹ О тунгусском x или h см., например, *Poppe* (5) с. 32–33, *Цинциус*, с.215–218.

Огонь же по-монгольски *gal*. На основании азерб. *gōra-*, туркм. *gōra-*, тур. *koru-* «защищать, охранять» и тув. *xoryada-* «укрываться» (ср. совр. монг. *xorgoda-* «то же», *xorgo* «укрытие, шкаф») едва ли можно восстановить общетюркское *k^cora-*³¹². В нанайском языке есть слово *xorго* «шкаф», которое, возможно, заимствовано из монгольского (монг. *xorgo* «укрытие, шкаф», ср. тюрк. *qoryan* «укрытие»).

Вполне допустимо, что и в нан. *xopa* – «спастись» и *xору-* «спасти» отражается монг. *kori-* (совр. монг. *xori-* «запрещать, заключать, зараживать»)³¹³.

Тувинское *xawaŋ* «опухоль» – монгольское заимствование; к туркменскому *gābar-* «разбухать, полнеть» можно добавить *gāba* «вздутый» т.е. *gāba* + *r-*. Соотношение тунгусо-маньчжурских форм: нан. *xaolo-*, ульч. *haulī*, орок. *xaulu-*, эвен. *awul-*, нег. *awul*, эвен. *awal-* «распухнуть, отечь», эвен. *awul-* «опухоль, нарыв» и монг. *kabadu-*, совр. монг. *xawda-* «отекает, опухать» остается для нас неясным.

Для турецкого *kōreše* «наст» мы не нашли параллелей в тюркских языках³¹⁴; монгольское *kōrūsün*, совр. монг. *xōrs(ōn)* «кожица, тонкий покров, почва», бур. *xürhā(n)* «пласт, слой (земли), почва» едва ли можно из-за гласного первого слога³¹⁵ сблизить с эвен. *ārāktä* «кора дерева», нан. *xārāktä* «кожа человека».

Среди монголо-тунгусо-маньчжурских параллелей В.М. Иллича-Свитича вызывают сомнение: тунг. **hamda*

³¹² Сам В.М. Иллич-Свитыч справедливо отмечал, что противопоставление сильного *k* и слабого *k* в словах с непременным вокализмом сохранено лишь в тувинско-карагасском.

³¹³ К монг. *x* ~ эв. *θ* ~ нан. *x* см. монг. *xorin* «20», эв. *orin* ~ бур., нан. *xorin* < монг.; монг. *xuru(n)* «палец» ~ эв. *urugun* «большой палец» (ср. монг. *k-* ~ эв. *θ* ~ нан. *k-* монг. *kōkūn* ~ эв. *ukun* ~ нан. *kūn* «сосок»). К сожалению, Иллич-Свитыч не ссылается на интереснейшую статью *L. Ligeti. Les anciens éléments mongol dans mandchou*, где автор рассматривает проблему о начальных *k* и *x* в маньчжурском (в том числе и монгольских заимствованиях). *Л. Лигети* справедливо указывает, что при анализе монгольских заимствований в маньчжурском необходимо принимать во внимание, что они могут быть хронологически неоднородны и восходить к различным диалектам.

³¹⁴ азерб. *kōrşä* «ледяная корка на замерзшем снеге».

³¹⁵ См., например, *Poppe* (6), с.107–109.

«лист» и монг. **qamda*, ибо монг. письм. *qabtaɣai* (а не *kamtagasun*) имеет значение «плоский, ровный» и тунг. **xüübä* «скребок» ~ монг. **kuba-* «скрести», ибо монг. письм. *qubaqai* «очищенный от мяса (о кости)» не отмечен в соответствующих словарях монгольского письменного языка³¹⁶; к тому же только в нанайском и ульчском имеются формы *xiä*, *xiä* «скребок для первичного соскабливания мездры», в эвенк. *ī*, эвен., нег., удегейск. *u*³¹⁷.

Слова с передним вокализмом (нан. *xürumi*, ульч. *hürmi*; нан. *hiä* ульч. *hiä*) без всяких оговорок сопоставляются В.М.Илlichem-Свитычем со словами с задним вокализмом (монг. *qoruga*, *qubaqai*).

Все вышесказанное, как нам кажется, позволяет несколько усомниться в доказательной силе фактического материала в статье В.М.Иллича-Свитыча, с помощью которого он пытается выявить один из членов троичного противопоставления гуттуральных в общеалтайском, а именно *q* (*k*^c).

Что касается двоичного противопоставления гуттуральных в тюркских языках: *q(k)* *g(g)* сильный (глухой) ~ слабый (звонкий), то на возможность такового указывал еще Х.Педерсен³¹⁸.

Опираясь на данные тувинского (противопоставление *q : x*, *k : x*) и чувашского (общетюрк. *q > x*, *q > j*), мы также пытались выявить два гуттуральных в общетюркском³¹⁹. Однако вопрос о степени фонематичности тувинских *k* и *x* (диалектальные варианты) и их происхождения требует еще уточнения³²⁰. В языках юго-западной группы встречается лишь противопоставление звонкого и глухого среднеязычного: *k* и *g* в анлауте, тогда как анлаутный заднеязычный представлен в азербайджанском и туркменском как *g*, в турецком и гагузском как *k*.

Соответствие *g* языков юго-западной группы тувинскому *k* и *k* огузских языков – тувинскому *x*

³¹⁶ *xubaxai* по-монгольски «увядший, высохший».

³¹⁷ Неясен источник монгольского (?) *koruga* «короткий».

³¹⁸ Pedersen с. 551. См. также Benzing, с. 711–712.

³¹⁹ «Об одном возможном объяснении...»

³²⁰ Ср. Грамматика тувинского языка, с. 79.

малопоказательно, ибо столь же распространено огуз. *g* ~ тув. *x* и огуз. *k* ~ тув. *k*.

Например:

огуз. *k* ~ тув. *x*:

туркм. *körük*, тур., азерб. *körük* «горн» ~ тув. *xörüк*;
туркм., тур., азерб. *kömür* «уголь» ~ тув. *xömür*;
туркм., тур. *kendir*, азерб. *kändir* «конопля» ~ тув. *xendir*;
туркм., азерб. *kerek*, азерб. *käräk* «отруби» ~ тув. *xewek*
туркм., тур., азерб. *kir* «грязь» ~ тув. *xir*;
туркм., азерб. *kürek*, азерб. *küräk* «лопата» ~ тув. *xürek*;
туркм., тур., азерб. *kül* «зола» ~ тув. *xül*.

огуз. *g* ~ тув. *x*:

туркм. *güreş-*, тур. *güreş-*, азерб. *g'üleş-* «бороться» ~ тув. *xüreş-*;

туркм. *gāmi*, тур. *gemi*, азерб. *g'āmi* «лодка, корабль» ~ тув. *xeme*;

туркм., тур. *gerek*, азерб. *g'äräk* «нужно» ~ тув. *xerek*;
туркм., тур. *ger-*, азерб. *g'är-* «растягивать» ~ тув. *xer-*;
туркм. *gön*, тур. *gön*, азерб. *g'on* «кожа» ~ тув. *xöm*³²¹;
туркм., тур. *göm-*, азерб. *g'öm-* «закапывать» ~ тув. *xöm-*;
туркм., тур. *gün*, азерб. *g'ün* «солнце» ~ тув. *xün*;
туркм. *gündö*, тур. *gündüz*, азерб. *g'ündüz* «днем» ~ тув.

xündüs;

туркм., тур. *gemir-*, азерб. *g'āmir-* «грызть» ~ тув. *xemir-*;

туркм., тур. *gür*, азерб. *g'ür* «обильный, сытый, благополучный» ~ тув. *xür*;

туркм. *köl*, тур. *göl*, азерб. *g'öl* «озеро» ~ тув. *xöl*³²².

огуз. *g* ~ тув. *k*:

туркм. *gej-*, тур. *gij-*, азерб. *g'ej-* «одеваться» ~ тув. *ket-*;
туркм., тур. *gör-*, азерб. *g'ör-* «смотреть» ~ тув. *kör-*;
туркм. *gür-*, тур. *gir-*, азерб. *g'ir-* «входить» ~ тув. *kir-*;
туркм., тур. *gel-*, азерб. *g'al-* «приходить» ~ тув. *kel-*;
туркм., тур. *göç-*, азерб. *köç-* «кочевать» ~ тув. *köş-*;
туркм. *gāgir-*, тур. *gejir-*, азерб. *g'ajir-* «отрывать» ~ тув. *kegir-*;
туркм. *güç*, тур. *güç*, азерб. *güj* «сила» ~ тув. *küš*;
туркм., тур. *gelin*, азерб. *g'alın* «сноха» ~ тув. *kelin*;
туркм. *gök*, тур. *gök*, азерб. *g'öj* «синий» ~ тув. *kök*;

³²¹ К тув. *xöm* ср.совр.монг. *xöm* «сыромятная кожа».

³²² Ср. туркм. *kölege*, тур. *gölde*, азерб. *kölgä* «тень» ~ тув. *xölege*;
туркм. *köjnek*, тур. *gömlek*, азерб. *köjnäk* «рубашка» ~ тув. *xöjlej*.

туркм. *geδ-*, тур. *gez-*, азерб. *g'ez-* «гулять, бродить» ~ тув. *kezi-*;
туркм. *gäwüſe-*, тур. *geviſ-*, азерб. *gövſä-* «жевать» ~ тув. *kegžen-*;
туркм. *gīje*, тур. *geje*, азерб. *g'ejā* «ночь» ~ тув. *kežē* «вечер»;
туркм., тур. *geč-*, азерб. *keč-* «переходить» ~ тув. *keš-*;
туркм. *güδ*, тур. *güz* «осень» ~ тув. *küs*;
туркм. *gijew*, тур. *güvej* «зять» ~ тув. *küde*.

огуз. k ~ тув. k:

туркм. *köδ*, тур. *küz*, азерб. *köz* «горящие угли» ~ тув. *kös*;
туркм., тур., азерб. *kök* «корни» ~ тув. *kö''k*;
туркм., тур. *kes-*, азерб. *käs-* «резать» ~ тув. *ke''s-*;
туркм., тур. *kiſi* «человек» ~ тув. *ki''zi*;
туркм., тур., азерб. *kiriſ* «тетива» ~ тув. *kiriſ*;
туркм., тур., азерб. *kirpik* «ресницы» ~ тув. *kirbik*;
туркм., тур. *kert-*, азерб. *kärt-* «делать зарубки» ~ тув. *ke''rt*;
туркм. *köpri*, тур. *köprü*, азерб. *körpü* «мост» ~ тув. *köwüriy*;
туркм., тур., азерб. *köpük* «пена» ~ тув. *köwük*.

На основании этих данных, пожалуй, преждевременно делать вывод о наличии в общетюркском анлауте двух среднеязычных гуттуральных *k^e* и *k(g)*³²³.

Обратимся к чувашскому материалу.

Общетюркский заднеязычный (глубокозаднеязычный) *q* представлен в чувашском анлауте как:

1. *x*:

туркм. *göd*, азерб. *giz*, як. *kis*, тув. *qis* «дочь, девушка» ~ чув. *xər*;
туркм. *gād*, як. *xās*, тат. *qāz*, тув. *qas* «гусь» ~ чув. *xur*;
туркм. *gonaq*, кир. *qonoq*, тат. *qunaq* «гость» ~ чув. *xəna*;
тур. *kula*, тат. *qōla*, хак. *xula* «саврасый, буланый» ~ чув. *xəla*.

2. *j*:

туркм. *gār*, як. *xār*, тат., баш. *qār*, тув. *xar* «снег» ~ чув. *jur*;
туркм. *gāl-*, як. *xal-*, кир. *qal-*, тат. *qāl-*, хак. *xal-*
«оставаться» ~ чув. *jul-*;

туркм. *gān*, як. *xān*, тат. *qān*, тув. *xan* «кровь» ~ чув. *jun*;
туркм. *gīn*, тат. *qānā*, тув. *xīn* «ножны, футляр» ~ чув. *jənə*;
туркм. *gojī*, баш. *qujā*, тув. *xoju* «густой» ~ чув. *jāvā*³²⁴;
туркм. *gānat*, кир., уйг. *qanat*, як. *kinat*, *kijat* «крыло» ~
чув. *śunat*.

3. *k* (в кыпчакских и поздних татарских заимствованиях³²⁵):

³²³ На то, что алтайские *k* и *g* уже совпали в общетюркском, указывали многие алтаисты. *Porpe* (1), с. 100; *Ligetī* (1), с. 39.

³²⁴ Чув. *jāvā* сопоставляются и с туркм. и т.д. *jūjū* «густой».

³²⁵ См. *Porpe* (4), с. 154 и сл.

тат. *qarčəq*, баш. *qarsəq* «старуха» ~ чув. *karjək*;
каз., ккал. *qasqir*, узб. *qaşqir*, кир. *qarişqir* «волк» ~ чув. *kaškər*;
тат. *qõtär-*, баш. *qõtör-* «бесноваться» ~ чув. *kədär-*;
тат., баш. *qujan*, кир. *qojon* «заяц» ~ чув. *kujan*;
тат., баш. *qutär* «короста, струп» ~ чув. *kudär*.

q > x, кроме чувашского, известен и в других тюркских языках и диалектах³²⁶.

Так, в якутском языке *q > x* перед *a*, *o* (перед *u*, *i* *q > k*), в хакасском языке *x* выступает на месте общетюркского *q*, в тувинском (как и в карагасском) наблюдается противопоставление *q* и *x*. *x* наряду с *q* отмечено в языке Codex Cumanicus³²⁷ и т.д.

О времени чувашского *q > x* можно судить лишь по данным болгарских эпиграфических памятников, где уже встречается *x*³²⁸.

Однако *x ~ k* находим и в относительно поздних (*a* в первом слоге сохраняется) кыпчакских заимствованиях чувашского языка:

xavdan «прошлогодняя трава, виднеющаяся из-под снега» (баш. *qawdan*, ног. *qawdan*);

xavža- «рассыхаться, слабеть» (тат., баш. *qawša-*);

харха «ворота» (тат., баш., кир. *qarqa*);

xaјə «ножницы» (тат. *qajčə*, баш. *qajsə*);

xažaga «рама, карниз, наличник» (баш. *qaşaya*);

xažan (диал.) «ленивый» (уйг., кир. *qaşan*) и т.д.

Соответствие *k ~ x* наблюдается и в чувашских говорах:

чув. лит. *xət* «счастье» ~ гов. *kət*;

чув. лит. *xəš* «который» ~ гов. *kəš*;

чув. лит. *xəžan* «когда» ~ гов. *kəžan*;

чув. лит. *xəmzar-* «протягивать» ~ гов. *kəmzar-*;

чув. лит. *kəšla-* «грызть» ~ гов. *kışla-*; *xışla-*;

чув. лит. *kərman* «плетенка» ~ гов. *kurman*, *xurman*, *xərman*;

чув. лит. *kurlangə* «гранка орехов» ~ гов. *xurlangə*;

чув. лит. *kəškaś* «лопатка для точения кос» ~ гов. *xəškaś*;

чув. лит. *karlav* «особая лопатка для рытья картофеля» ~

гов. *xarlav*;³²⁹

³²⁶ Räsänen (5), с. 131–132; Ligeti (5), с. 204 и сл. Якутский *x*, как отмечает ряд специалистов, взрывной согласный типа *kx*.

³²⁷ K. Grönbech. Komanisches Wörterbuch.

³²⁸ Poppe (7), с. 301.

чув. гов. *kalaj* ~ *xalaj* «жесть»;

чув. гов. *kāvan-* ~ *xāvan-* «радоваться»;

чув. гов. *kāšta* ~ *xāsta* «где»;

чув. гов. *kārman* ~ *xārban* «лещ».

Чувашские заимствования в марийском языке обычно теряют анлаутный *x*³³⁰. Однако эти заимствования едва ли могут служить надежным критерием для хронологизации *q > x*, так как по другим фонетическим признакам они очень разнородны. Например:

мар. *iš*³³¹ «жать» < чув. *xəs-* (т.е. в марийском *s > š*);

мар. *isər* «яловая» < чув. *xəzər* (т.е. в марийском *s=s*);

мар. *is* «бедро» < чув. *xəs* (в чувашском уже *č > ś* в мар. *ś > s*);

мар. *omāž* «камыш» < чув. *xomāš*, *xəmāš* (в чувашском *š*, ср. чув. *xəmāl* «жнивье»);

мар. *Ozan* «Казань» < чув. **Xozan* (в чувашском *z*, ср. чув. *xoran* «котел»);

мар. *ojgo* «горе, грусть» < чув. *xojḡd* «горе, печаль» (в чувашском *xojḡd* – кыпчакское заимствование, так как из общетюркского *qaḡyī* в чувашском ожидалось бы **xorḡd*, **xurḡd*).

В «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка сохраняется смычный *k*³³².

Переходим к соответствию общетюркского анлаутного *q* чувашскому *j* (редко *ś*). Его отметил еще Вильгельм Шотт в своей диссертации о чувашском языке³³³.

С тех пор, пожалуй, не было исследователя, занимавшегося прямо или косвенно исторической

³²⁹ *k // x* даже в слове первоначально с передним вокализмом: *kaban* ~ *xaban* «стог».

³³⁰ О других случаях замещения начального чувашского *x* в марийском см. *Räsänen* (2), с.21–23; *Л.П. Грузов*, с. 214–215.

³³¹ По мнению ряда специалистов, *s > š* в марийском языке завершился в XII–XIII вв. Это служит как бы косвенным подтверждением того, что в этот период в чувашском анлауте (быть может по диалектам (?)) уже был *x* (Ср. данные болгарских эпиграфических памятников) (*Л.П. Грузов*, с. 162).

³³² *Bárczi*, с. 57, но ср. *Ligeti* (5), с. 206, где он справедливо указывает, что на свидетельство чувашских заимствований венгерского языка нельзя ссылаться как на арбитра при решении вопроса о времени *k > x*.

³³³ *De lingua tschuwachorum*, § 8. Правда, еще в 1828 г. это же соответствие нашло отражение в таблице *Ю. Клапрота* в его статье *Comparaison de la langue des Tshuvaches avec les idiomes turks*.

фонетикой чувашского языка, который не пытался бы интерпретировать этот своеобразный факт. Одной из самых распространенных точек зрения является теория о вставочном *i* (*j*), начало которой, насколько нам известно, положил В.Гренбек³³⁴.

По В.Гренбеку³³⁵, этот *i* (*j*), первоначально бывший в инлауте двусложного слова, в связи с изменением акцентуации, оказался в начале слова и спирантизовался.

Так, чувашское *jun* «кровь» В. Гренбек возводит к **qian* < **xaiān* и т.д.³³⁶.

В какой-то мере за В. Гренбеком последовал Г. Рамстедт³³⁷. Г. Рамстедт полагал, что первоначальный **k* дал в чувашском *j* через промежуточную ступень *xj*³³⁸. *i*-теория в несколько модифицированной форме развивалась и Л. Лигети³³⁹. Л. Лигети высказал предположение, что анлаутные согласные изменились в чувашском под палатализующим воздействием *i* дифтонгов, развившихся из долгих гласных. Для чувашского *jun* «кровь» он восстанавливает праформу **xjān* < **xān*.

Мимо *i*-теории не прошли М.Рясянен³⁴⁰ и Э. Карахка³⁴¹, при том каждый из них вносит в нее свои уточняющие моменты.

Из советских исследователей *i*-теорию поддержали А.М.Щербак³⁴² и А.Г.Биишев³⁴³.

Последний представляет себе путь перехода *k* > *j* следующим образом: **qijn* «ножны» > **kin* > **k'in* > **jin* > *jənə* или же **qijyir-* «кричать» > **k'jyir-* > *k'yir-* > *jyər-* «звать»³⁴⁴.

³³⁴ V. Grönbech, с. 229–240.

³³⁵ V. Grönbech, с. 231, 234.

³³⁶ Свообразные изменения в чувашском анлауте (*t* > *č*, *s* > *š*, *k* > *j*). В. Гренбек связывал с отражением долгих гласных, которые трактовал как результат стяжения. Согласно Гренбеку односложные основы с долгим гласным были когда-то двусложными.

³³⁷ Ramstedt (5), с. 20–21.

³³⁸ См. еще Poppe (3), § 13.

³³⁹ Ligeti (2), с. 73–74.

³⁴⁰ Räsänen (2), с. 51–52 и (5), с. 132.

³⁴¹ Karahka, с. 9–10.

³⁴² Щербак (6), с. 33–34.

³⁴³ Биишев (1).

³⁴⁴ Биишев (1), с. 106–107.

Почти все из перечисленных выше исследователей связывали *i*-теорию с теорией о происхождении и сущности так называемых первичных долгот.

В данном случае для нас безразлично, как те или иные авторы трактовали эти первичные долготы, то есть считали они их исконными³⁴⁵ или по существу (но не хронологически)³⁴⁶ не разграничивали от вторичных.

Важно другое: по мнению большинства из них, именно «первичная» долгота гласного находит отражение в специфических анлаутных согласных чувашского языка.

Проверим это положение на языковом материале:³⁴⁷

туркм. *gāl*- «остаться», як. *xāl*- ~ чув. *jul*-;

туркм. *gān* «кровь», як. *xān* ~ чув. *jun*;

туркм. *gār* «снег», як. *xār* ~ чув. *jur*;

туркм. *gād* «гусь», як. *xās* ~ чув. *xur*;

туркм. *ḡād* «болото», венг. *sár* ~ чув. *ṣur*;

но туркм. *ḡān* «число», венг. *szám* ~ чув. *sum*;

туркм. *ḡāl* «плот», як. *āl*, венг. *szál* ~ чув. *sulā*;

туркм. *ḡān* «ножны», як. *kān* ~ чув. *jənə*;

туркм. *ḡāḍ* «девушка», як. *kās* ~ чув. *xər*;

як. *kās*- «краснеть» ~ чув. *xər*- «накаливаться».

Каким образом можно объяснить столь несходное поведение долгих **ā* и **ī* (*aj* и *ij* по А. Бишшеву) и **s* и **q*, в одном и том же языке? Быть может, в словах *xər*, *sum* и т.д. в период *k* > *j* и *s* > *ṣ* уже не было долгих гласных (сочетаний *aj*, *ij*)? Или слова *xər*, *xur* и *jənə*, *jur* относятся к разным языковым источникам так же, как *sár* и *szám*, *szál* венгерского языка? На эти вопросы *i*-теория ответа пока не дает.

Новый путь для решения проблемы о двояком отражении *q* в чувашском языке (*q* > *x* и *q* > *j*), как уже говорилось выше, наметил Х. Педерсен³⁴⁸. Он предполагал, что чувашские *j* < *q* и *x* < *q* являются рефлексами различных согласных: *q* > *j*, *g* > *x*. В известной степени

³⁴⁵ Например, Е.Д. Поливанов, Л. Лигети и др.

³⁴⁶ В. Гренбек, В. Радлов, А.Г. Бишшев и др.

³⁴⁷ Мы ограничиваемся, как правило, односложными словами, чтобы исключить воздействие 2-го слога.

³⁴⁸ Pedersen, с. 551. Оригинальную точку зрения о соответствии *k*~*j* высказал Б.А. Серебрянников (2), с. 76–85.

Х. Педерсена поддержал И. Бенцинг³⁴⁹, который допускал существование q^1 и q^2 . Однако он воздержался от развития своей гипотезы.

Не пытаясь рассматривать в целом сложную проблему о первоначальных общетюркских смычных $q(k)$ и g в тюркских языках, мы обратили внимание на один факт, который на наш взгляд, свидетельствует в пользу гипотезы Х. Педерсена и Й. Бенцинга.

В целом ряде случаев, где мы имеем общетюркский q и чувашский j , тувинский пример показывает x (сильный), общетюркскому q , чувашскому x соответствует тувинский q (слабый).

Так, например:

туркм. *gār*, як. *xār*, тув. *xar* «снег» ~ чув. *jur*;

туркм. *gān*, як. *xān*, тув. *xan* «кровь» ~ чув. *jun*, но

туркм. *gāđ*, як. *xās*, тув. *qas* «кровь» ~ чув. *xur*;

туркм. *gən*, як. *kən*, тув. *xən* «ножны» ~ чув. *jənə*;

но туркм. *gǫđ*, як. *kis*, тув. *qis* «девушка» ~ чув. *xər*;

як. *kis-* «краснеть», тув. *qis-* ~ чув. *xər-* «накалиться»;

туркм. *goji*, тув. *xoju* «густой» ~ чув. *jǫvǫ*³⁵⁰.

Приходится признать, что указанные соответствия могут и нарушаться:

³⁴⁹ *Benzing* (1), с. 711–712.

³⁵⁰ *Ramstedt* (5), с. 20–21 — приводит список чувашских слов с j на месте общетюркского q . Некоторые его этимологии вызывают сомнение. Так, чув. *jəpse* «маточник» едва ли можно возводить к куманскому *kapsa* «ящик», алт. *kada* «соты» (вероятно, по Словарию алтайского и аладагского наречий тюркского языка *В. Вербицкого*, где на с. 111 отмечено *кабага* «сот» — Л.Л.), так как *kapsa*, по *К. Гренбеку*, заимствовано из латинского языка. Чув. *jəpxü* «мелкий дождь, изморось» скорее следует производить от глагола *jəp-* «мокнуть» (совр. чув. *jəben-*, *jəbet-*), баш. *jəbə-* «мокнуть», тат. диал. *jəpkäs* «мокрый», *jəpkäs qar* «мокрый снег», кир. *jibi-* «становиться влажным» и т.д.

К сожалению, для некоторых чувашских слов из списка Рамстедта нам не удалось найти соответствия в чувашском языке. Однако в дополнение к ранее приведенным данным укажем горномарийское *ip* «искра» < *чув. *xip*, тув. *xip-* «гореть», *xip ün-* «загореться» и чув. *ǫvǫ* «трут»; тур. *kav*, туркм. *gow*, тув. *xay*, як. *kia*; баш. *qǫw*, кум. *quw*, но хак. *xabo*, баш. *qǫwau* и т.д.

чув. *jul-* «оставаться» ~ тув. *qal*;

чув. *j̄j̄ār-* «звать» ~ тув. *q̄j̄j̄ir-* «кричать»³⁵¹ и т.д. Однако само по себе это совпадение в двояком отражении общетюркского *k* представляется нам примечательным.

Возникает вопрос, как можно представить себе переход от сильного придыхательного общетюркского *q* к чувашскому *j*.

Нам кажется, что этот сильный придыхательный через ступень *x* ~ *h* был утрачен. Впоследствии мог появиться протетический *j*³⁵². Этот *j* (как признают и многие сторонники *j̄*-теории) относительно нового происхождения. Он развился лишь после того, как общетюркский *j* дал в чувашском *ś*, в противном случае мы ожидали бы его превращение в *ś*³⁵³.

Сказанное выше не более чем предположение. Ведь нигде не засвидетельствованы такие стадии развития слов типа *jul-* как **xal-*, **hal-*, **al-*, *jal-*. Происхождение тувинских *k-* и *x-* пока тоже не выяснено.

Но все же мы попытаемся несколько подкрепить нашу гипотезу некоторыми данными тюркских языков.

Известно, что заднеязычный *k* утрачен (во всех позициях) в касимовском диалекте татарского языка. На его месте выступает гортанная смычка. При этом она в сочетании с последующим гласным звуком создает акустическое впечатление сильного начала гласного³⁵⁴. Например: *'âl-* «оставаться», *'âra* «черный» и т.д.

В чувашском языке встречаются соответствия *k-* ~ *j-* в слове *kârdâś // jârdâś* «ерш» (Ашм. Красночет.);

k- ~ *x-* ~ *0* (нуль) в слове *âsta ~ xâsta ~ kâsta* «куда, где».

³⁵¹ Правда, это сопоставление нам кажется сомнительным: ср. як. *j̄j̄ir-*, *j̄j̄ir-* «звать».

³⁵² Уже после написания этих строк мы прочли высказывание В. Банга относительно *k-* > *j-* в чувашском (УЖ, VII, 2, с. 154, прим. 2), аналогичное нашей точке зрения: *kan* > **xun* > **un* > *jun*, при этом *k* > *x* > *h* > *0* (нуль).

³⁵³ В нескольких чувашских словах протетический *j*, по мнению М. Рясина, участвовал в переходе *j* > *ś* (см. Материалы, с. 163).

³⁵⁴ Материалы, с. 147.

Любопытны и две чувашско-марийские параллели³⁵⁵:

чув. *xitre* «красивый, стройный» ~ мар. *jätära* «красивый, стройный, пригожий»;

чув. *xäbärde* «радоваться, веселиться» ~ мар. *jävärt-, ävart-* «радоваться», мар. гор. *äbärt-*³⁵⁶.

Примечательно и отмеченное в словаре Н.И. Ашмарина *анә* «ножны» (ср. лит. *jänä*).

Общeturкский анлаутный *k* представлен в чувашском как *k*³⁵⁷:

тур., туркм. *geč-*, кир. *keč-*, тув. *keš-*, баш. *kis-* «переходить» ~ чув. *kaś-*;

туркм. *gīr-*, як. *kīr-*, тур. *gir-*, тув. *kir-* «входить» ~ чув. *kär*;

туркм., тур. *gün*, кир., як. *kün*, тув. *xün* «день» ~ чув. *kun*;

туркм. *köl*, тур. *göl*, тув. *xöl*, тат. *kül* «озеро» ~ чув. *küla*.

³⁵⁵ Чувашские заимствования с анлаутным *x* в марийском можно классифицировать следующим образом:

1. чув. *x-* ~ мар. л. 0 (нуль) ~ мар. г. 0 (нуль):

например: *xämla* «хмель» ~ *umla* ~ *эмäла*;

xädar- «спасать» ~ *utar-* ~ *ätar-*;

2. чув. *x-* ~ мар. л. 0 (нуль):

чув. *xun'* «тесть» ~ *он'о*;

чув. *xural* «охрана, стража» ~ *orol*;

3. чув. *x-* ~ мар. л. 0 (нуль) ~ мар. г. *x-*:

чув. *xula* «город» ~ *ola* ~ *xäla*;

чув. *xäna* «гость» ~ *una* ~ *xäna*;

4. чув. *x-* ~ мар. г. 0 (нуль) ~ *x-*:

чув. *xuna*, *xunav* «росток, побег» ~ *xäna* ~ *äna*;

чув. *xura*, *xurav* «ответ, возражение» ~ *xóro* ~ *óro*;

5. чув. *x-* ~ мар. л. *k-* ~ мар. г. 0 (нуль):

чув. *xäma* «бобр» ~ *äma* ~ *komá*;

чув. *xal* «сила» ~ *al* ~ *käl*;

6. чув. *x-* ~ мар. *j* или *v*:

чув. *xitre* «красивый» ~ *jätära*;

чув. *xäbärde* «радоваться» ~ *jävärdaś*, *ävertäś*;

чув. *xuržä* «сталь» ~ *vurs* ~ *uržs*;

Ср. чув. *xädär* ~ *ädär* ~ *vädär* «выдра», *xätär* ~ *ätär* «пасмурный», *xäväś* ~ *äväś* «клещевина» и т.д. Примечательно мар. *uda* ~ *xuda* «плохой, худой» < русск.?

³⁵⁶ Быть может, к случаям такого рода принадлежит и мар. *vurs* «сталь», горн. мар. *uržs*? < чув. *xuržs* «сталь» (См. *Räsänen* (2), с. 23).

³⁵⁷ *k* в чувашском языке имеет несколько произносительных вариантов: *k* (с гласными заднего ряда), *k* и *k'* (с гласными переднего ряда). По словам профессора В.Г. Егорова, *k* в верховом наречии звучит несколько мягче, чем в низовом (2), с. 205.

Ауслатные общетюркские *q*, *k* отражаются в чувашском как:

1) *x*, *k* (в односложных глагольных и именных основах):

алт., тув. *uq* «род, племя» ~ чув. *jāx*;

туркм. *ḡaq*, ног. *saq*, хак. *sax* «трезвый, бдительный» ~ чув. *sīx* «охрана»;

кир., ног. *boq*, уйг. *poq*, тур. *bok* «кал, мусор, навоз» ~ чув. *pāx*;

тат. *ĉaq*, тув. *šaq*, як. *sax* (но тур., туркм. *ĉaq*, узб. *ĉāy*) «время» ~ чув. *ĉux* («кыпчакское» заимствование, так как *ĉ* сохраняется)³⁵⁸.

балк., ног., уйг., кир. *tük*, тат. *tök* «перо» ~ чув. *tāk*;

туркм., тур. *jük*, тув. *ĉü"k*, тат. *jök* «груз» ~ чув. *sāk*;

туркм. *gök*, як. *küöx* (ср. венг. *kék*), тат. *kük* «синий, голубой» ~ чув. *kāvak*;

туркм. тур., азер. *kök* «корень» ~ чув. *kāk*;

тур. *sek-*, хак. *siker-* «прыгать» ~ чув. *sik-*;

тат., баш. *bök-*, кир., тур. *bük-* «гнуть» ~ чув. *pāk-*;

туркм., кир., уйг., кум. *baq-* «смотреть» ~ чув. *pāx-*;

туркм., тат., баш., кир., тув. *aq-* «течь» ~ чув. *jux*³⁵⁹.

2. 0 (нуль) (в двусложных именных основах):

туркм., кир. *ajaq*, хак. *azax*, як. *atax* «нога» ~ чув. *ura*;

туркм. *topraq*, тат. *tufraq*, хак. *tobrax*, тув. *dowuraq* «земля, почва» ~ чув. *tāpra*;

тур. *tanik*, уйг. *tonuq*, караим. *tanix*, *tanik* «свидетель» ~ чув. *tīn* // *tīnā*;

туркм. *jüdük*, тур. *jüzük*, кир. *ĵüzük* «кольцо» ~ чув. *šarə*;

туркм. *ḡiḡek*, тур. *sinek*, тув. *sēk* «муха» ~ чув. *šāna*.

Возникает вопрос, действительно ли в чувашском языке ауслатный согласный был утрачен. А если это так, каким образом ($k > x > h > \emptyset^{360}$ или $k > g > \gamma > \emptyset^{361}$) и когда совершился этот процесс.

³⁵⁸ Примечательно чувашское слово *śuk* «нет», туркм., як. *suox*, тур. *joĸ*, тув. *ĉok* и т.д., ауслатный *k*, которого не дает *x*.

³⁵⁹ К сожалению, почти все основы этого типа не имеют фонетических примет, которые бы позволили относительно определить их возраст (*ĉux* сравнительно позднее заимствование). У глаголов конечный *x*, вероятно, значимая морфема, что могло способствовать его устойчивости.

³⁶⁰ *Combocz* (1), с. 170; *Németh Gy.* MNy, XVII, 22.

³⁶¹ *Bárczi*, с. 75

Как уже было сказано с «нулевым» ауслутом выступают двусложные основы. С лексико-грамматической точки зрения их можно классифицировать следующим образом:

а) имена-названия частей тела человека и животных:

suḡa «жабры» (ног. *saḡaq*, *saḡḡaq*, тат. *saḡaq*);

tuda «губы» (туркм. *dōdaq*, азерб. *dodag*, тур., гаг. *dudak*);

ura «нога, ноги» (туркм. *ajaq*, як. *atax*, хак. *azax*);

pürne «палец» (общетюрк. *barmaq* (?));

xəlḡa «ухо, уши» (туркм. *gulaq*, як. *kulḡāḡ*);

černe «ноготь, коготь» (туркм. *dirmaq*, кир. *tirmaq*, тув. *dirbaq*);

(Несколько особняком стоит чувашское *xiüre* «хвост»

(тат. *qöjräq*, хак. *xuzurux*.)

ana «подбородок» (туркм. *epek*);

püre «почка» (туркм. *böwrek*);

*čere*³⁶² «сердце» (туркм. *jürek*).

Во всех этих основах можно выделить словообразовательный формант *-aq* (*-ek*), который в современном чувашском языке равен нулю (вернее: гласный + нуль).

б) отглагольные имена:

šüze «бахрома» (тур. *saçak* < *saç-* «разбрасывать, рассеивать»);

tuja «палка» (тур. *dajak* < *daja-* «подпирать»);

tura «гребень» (тур. *tarak* < *tara-* «чесать»);

xəna «гость» (туркм. *gonaq* < *gon-* «останавливаться на ночлег»);

xəjra «точило» (кир. *qajraq* < *qajra-* «точить»);

šəḡa «клубок» (тур. *jumak* < **juma-*, ср. кир. *jumala-* «катить, скатывать»);

šemze «мягкий» (тур. *jumšak* < *jumša-* «смягчить»);

tin, tina «свидетель» (тур. *tanik* < *tani* «узнавать»);

urə «резвый» (тур. *ajik*, ср. *ajil-* «резветь»);

šəvə «жидкий» (алт. *sujuq* < *suju-* «становиться жидким»);

ala «сито» (тур. *elek* < *ele-* «сеять»);

sajra «редкий» (туркм. *šejrek*) < **sejre-* «разрезаться»; ср. азерб. *sejrel-* «становиться редким», совр. монг. *sijx* «редеть», *sijrex* «разрезаться».

³⁶² *č* в чувашском аулауте можно объяснить либо контаминацией со словом *čərgə* «живой», либо признать, что *čərgə* заимствование из какого-то кыпчакского языка (например, из диалекта типа касимовского, где *č-* // *j-* *čəri* «сердце»).

В этой группе основ также выделяется элемент *-ak*, *-ek* (омоморфный *-ak*, *-ek* первой группы) и элемент *-ik* (*-uk*), который в современном чувашском равен нулю (вернее: гласный + нуль).

в) имена, пока не поддающиеся или с трудом поддающиеся морфологическому членению:

kəsre «кобыла» (тур. *kīsrak* < **kīsīr*+*ak*);

pārza «горох» (тур. *burčak* < **bur* + *ča* + *k*);

šūpše «долбленая кадка» (кир. *čarčaq*);

tāpra «земля, почва» (тур. *toprak*, но кир. тьянш. *topur*);

xīstma «шленка, пригар» (тат. *qasmaq*);

xāmla «хмель» (кир. *qulmaq*);

xājma «сливки, сметана» (туркм. *gajmaq*);

xāva «ива, куст» (ног. *quwaq*);

šāra «замок» (тат. *jōzaq*);

pulā «рыба» (туркм. *balīq*);

xubā «лубок, кора» (кир. *qabīq*);

šāna «муха» (тур. *sinek*);

əne «корова» (туркм. *inek*);

šārə «кольцо» (туркм. *jüdük*);

adā «сапог» (туркм. *ādik*).

Некоторые исследователи (М. Рясänen³⁶³, З. Гомбоц³⁶⁴) полагали, что в основах этого типа ауслautный *-q* (а также *-k*) был утрачен. При этом они опирались на так называемые «древнечувашские» заимствования венгерского языка, имеющие в ауслaute долгий гласный:

венг. *komló* «хмель» ~ чув. *xāmla*;

венг. *borsó* «горох» ~ чув. *pārza*;

венг. *ünő* «телка» ~ чув. *əne*;

венг. *gyűrű* «кольцо» ~ чув. *šārə* и т.д.

Однако среди тюркских заимствований в венгерском языке есть слова с конечным долгим гласным, которые по другим фонетическим признакам не могут быть причислены к «древнечувашским», например, *csepű* «пакля».

³⁶³ Räsänen (2), с. 25–26;

³⁶⁴ Gombocz (1), с. 170 и сл.

Таким образом, сам по себе ауслат тюркизма в венгерском языке не является надежным критерием для вывода о его древнечувашском происхождении³⁶⁵.

О конечных гуттуральных в тюркских языках писал W. Bang³⁶⁶, установивший, что *q* (*k*) сохраняется во всех языках, тогда как *γ* (*g*) удерживается лишь в языках северо-восточной группы и дает *q* (*k*) в языках уйгуро-узбекской группы. Однако эта закономерность, как справедливо подчеркнул Л. Лигети³⁶⁷, далеко не абсолютна. Так, например, чувашское слово *śar* «войско» представлено в венгерском как *sereg* (*šereg*), хак. *sərag*, тув. *serig*, уйг. *čerik*, тур. *čeri*, но кир. *čeri* < **čeriγ* и *čerik* (<уйг.?.); чувашское *əne* «корова» представлено в венгерском как *ünő*, но тур. *inek* (как и в остальных тюркских языках), а не *ineγ* (однако, монг. *ünijen* < *ünigēn*).

Мы видели, что тюркские параллели к чувашским двусложным словам имеют в ауслате гласный + *q* (*k*); (*γ*); (*g*) не отмечено ни в одном из тюркских языков³⁶⁸.

Если предположить, что процесс $q > \gamma$ ($k > g$) или $q > x > h > \emptyset$ ($k > x' > h > \emptyset$) все-таки имел место в тюркских языках чувашского типа (что как будто подтверждают данные венгерского языка), то этот процесс, видимо, был связан с ослаблением конца слова (ударение дольше чем в других языках удерживалось на первом слоге). Например, *ádaq* > **ádaγ* > *árā* > *urá* (редукции конечного гласного препятствовало исчезновение *γ*, ср. долгие гласные в венгерском).

Ауслатный общетюркский *-q* (*-k*) может выступать в чувашском и как *-x* (*-k*) в двусложных именных и глагольных основах):

тат., баш., ног. *jārāq* «вырез для ворота» ~ чув. *śārāx*;

туркм. *išk*, тур. *eşik*, тат. *išək*, хак. *əzək* «дверь, ворота, порог» ~ чув. *alāk*;

³⁶⁵ Но долгий ауслатный гласный таких тюркизмов позволяет предположить, что слово при заимствовании могло оканчиваться на звуковой комплекс: гласный + *γ* или дифтонг (гласный + полугласный).

³⁶⁶ Bang (3), XIV, с. 206–212.

³⁶⁷ Ligeti (5), с. 212–214.

³⁶⁸ Однако в муганской группе говоров азербайдж. языка: *balīy* «рыба», *gonay* «гость» и т.д.

кир., ккал., баш. *qanāq* -, тур. *kanik* - «привыкать» ~ чув. *xānāx*-;

баш., тат. *bōrk*-, ног. *bürk*-, туркм. *pürk*- «брызгать» ~ чув. *pərax*-.

Такое двойное замещение общетюркского *-q* (*-k*) требует объяснения.

Процессы *-k > 0* и *-k > -x* могли быть разделены хронологически и территориально. *-k > -x* имел место и в сравнительно новых кыпчакских заимствованиях: *jumax* «сказка» (*j-*), *mājāx* «усы» (ср. якутское *bītik*, т.е. общетюркская форма **bīdīq*, в чувашском ожидалось бы **pārā*), *vujaax* «очаг» (*j* не дало *ž*).

k > x в общетюркском аффиксе *-liq* (*-lik*):

xurānlāx «березняк»;

vadālāx «старость»;

kutlāx «шляя».

В чувашском языке представлены также аффиксы:

<i>-čāk</i> (<i>-čak</i>)	<i>pərgenjāk</i>	«покрывало»
	<i>jarānjāk</i>	«качели»
	<i>vādanjāk</i>	«стыдливый»
<i>-āk</i> (<i>-ak</i>)	<i>xužāk</i>	«обломок»
	<i>kadāk</i>	«осколок»
	<i>tadāk</i>	«отрезок»
	<i>šādāk</i>	«дыра»
I <i>-ak</i> (<i>-ek</i>)	<i>čarak</i> «подпорка»	II <i>-ak</i> (<i>-ek</i>)
	<i>čāmlak</i> «жвачка»;	<i>šivak</i> «водянистый»
	<i>tāmlak</i> «капля»;	<i>pilak</i> «сладкий»
	<i>tūžek</i> «перина»	
<i>-čax</i> , <i>-šax</i>	<i>xəružax</i>	«боязливый»
	<i>šārjāx</i>	«придиричивый»
<i>-max</i> , <i>-mak</i>	<i>tajmak</i>	«наклонный»
(<i>-mek</i>)	<i>usmak</i>	«обвислый»

Но ср. аффиксы *-x*, *-k* в словах:

<i>pilāk</i>	«поясница» (тат. <i>bil</i>)
<i>ujāx</i>	«месяц» (тат. <i>aj</i>)
<i>tālāx</i>	«сирота» (тат. <i>tōl</i> «вдовый»)
<i>xəlāx</i>	«конский волос» (тат. <i>qāl</i>)
<i>kāmṛāk</i>	«уголь» (тат. <i>kūmar</i>)
<i>kirāk</i>	«грязь» (тат. <i>kār</i>)

Соответствие *x* // *k* в ауслауге наблюдается и в чувашских говорах:

<i>pəx</i>	~	<i>pək</i>	«кал»
<i>pəx</i> -	~	<i>pək-</i>	«смотреть»
<i>səx</i> -	~	<i>sək-</i>	«жалить»
<i>səx</i>	~	<i>sək</i>	«жадный»
<i>təx</i> -	~	<i>tək-</i>	«выливать»
<i>puzáx</i>	~	<i>pozak</i>	«колос»
<i>pərax</i>	~	<i>pərak</i>	«пыль, прах»
<i>surəx</i>	~	<i>surək</i>	«овца»
<i>śənəx</i>	~	<i>śənək</i>	«мука»
<i>śubax</i>	~	<i>śubak</i>	«лещ»
<i>śivəx</i>	~	<i>śux</i> ~ <i>śuk</i>	«близкий»
<i>tələx</i>	~	<i>tələk</i>	«вдовый»
<i>uləx</i>	~	<i>oləx</i> ~ <i>olək</i>	«луг»
<i>xərbəx</i>	~	<i>xərbək</i>	«тонкий, мягкий снег»
<i>xələx</i>	~	<i>xələk</i>	«конский волос»
<i>xərəx</i>	~	<i>xərək</i>	«сорок»
<i>xənəx</i> -	~	<i>xənək-</i>	«привыкать»
<i>sərəx</i> -	~	<i>sərək-</i>	«просачиваться»
<i>tarəx</i> -	~	<i>tarək-</i>	«досадовать».

Но к проблеме о двойном замещении возможен и иной подход. Есть исследователи, которые считают чувашские двусложные основы с исходом на гласный первичными по отношению к общетюркским с ауслаутным *q* (*k*) (В. Котвич³⁶⁹, Э.В. Севортян³⁷⁰). По мнению последнего, «Чувашские именные основы с конечными гласными относятся к более отдаленной эпохе с ее недостаточной

³⁶⁹ Котвич, с. 44.

³⁷⁰ Севортян, с. 364–365.

дифференциацией глагола и имени как в корнях, так и в производных основах»³⁷¹.

Таким образом, остается лишь $*-q (-k) > -x (-k)$.

Однако в связи с этой точкой зрения необходимо отметить:

а) $-k \sim \emptyset$ наблюдается только в двусложных именных основах (как бы значимость форманта k переносится на предшествующий гласный, в односложных основах это невозможно).

б) долгота ауслautного гласного в тюркских заимствованиях венгерского языка указывает на комплекс звуков в ауслaute³⁷²;

в) если $-q (-k)$ в *toprak*, *ajak* и т. д. появились позднее, то в тюркских языках существовал тип двусложной основы с открытым конечным слогом $*topra$, $*a\delta a$ ³⁷³ и т. д.

г) в словах типа *šüze* «бахрома» < *saçak* < *saç-*; *xəna* «гость» < *konak* < *kon-* придется считать значимым формант $-a (-e)$, а слова типа *tura* «гребень», *tuja* «палка» рассматривать либо как синкретичные основы (*tura* «гребень» *tura-* «чесать»), либо как производные от синкретичных основ *tur* «имя», *tur-* «глагол», т. е. *tur* (имя) + *a*, *tur* (глагол) + *a*.

На стр. 168 уже говорилось, что среди чувашских двусложных основ с «нулевым» ауслautом некоторые пока не поддаются морфологическому членению. Поэтому вопрос о значимости форманта $-a (-e)$ остается для нас открытым³⁷⁴.

Соответствие $\emptyset \sim -q (-k)$ наблюдается в группе слов с семантикой.

«Название частей тела»:

³⁷¹ Там же, с. 365.

³⁷² Правда, долгий гласный встречается в ауслaute и в таких тюркизмах, которые в современных тюркских языках имеют конечный гласный: *tinō* «бычок» (тур. *dana*, туркм. *tāna*, баш. *tana*), *teknō* «корыто» (тур. *tekne*, узб. *tegānā*).

³⁷³ Ср. чув. *vidā* «дрова» ~ тюрк. *odun*,

šilā «вымя» ~ тюрк. *jelin*,

vājā «игра» ~ тюрк. *oju*,

māj, *mājā* «шея» ~ тюрк. *boju*, т. е. чув. \emptyset (нуль) ~ тюрк. *n*.

³⁷⁴ Не ясен еще вопрос и о происхождении так называемых синкретичных основ.

О. Прицак усматривает такое же соотношение формантов³⁷⁵ $0 \sim x$ (икс) и в другой группе слов с той же семантикой, а именно,

śāvar «рот» (*aγīz*),

čar «колени» (*tiz*),

kāgār «грудь» (*köküz*) и т.д.

Фактически он придерживается мнения В. Котвича и Э.В. Севортыяна, считая форманты $-q$ ($-k$), $č$ ³⁷⁶ (классные показатели) позднейшим явлением. Но в этом случае следовало бы указать, чем объяснялась (и восполнялась) такая неопределенность (неоформленность) чувашских именных основ.

Косвенной поддержкой гипотезы В. Котвича и т.д. как будто является тот факт, что в венгерском языке есть древнечувашские заимствования, в которых ауслатный $-q$ ($-k$) удержался³⁷⁷. Например, *sereg* «войско», *tyúk* (ср. монг. *takija(n)*) «курица», *kölyök* (ср. монг. *gölige*) «детеныш, щенок», *tízok* «дрофа» и т.д.

Если действительно тюркизмы типа $-k > 0$ и $-k = -k$ восходят к одному источнику³⁷⁸, то либо приходится признать, что В. Котвич прав, либо предполагать различные фонетические условия и разный исходный согласный для $-k > 0$, $-k = -k$ (ср. два рефлекса анлаутного k в чувашском языке) $q- > 0 > j-$ и $q- > x-$.

В середине слова (между гласными и между сонорным и гласным)³⁷⁹ общетюркские $-q$ и $-k-$ представлены в чувашском как полувзвонкие $-γ-$, $-g-$ (при этом $-q-$ спирализировался) или как $-xx-$, $-kk-$:

туркм. *jaqa*, баш. *jaγa*, кир. *jaqa*, як. *saya* «воротник» ~ чув. *śuγa*;

тур. *sakiz*, туркм. *šaqiδ*, кир. *sayiz*, тат. *sayāz*, хак. *sās*, азер. *saggiž* «смола» ~ чув. *suγār*;

туркм. *doquδ*, тур. *dokuz*, азер. *dogguz*, як. *toyus* «девять» ~ чув. *tāxxār*;

³⁷⁵ *Pritsak* (1), с. 349.

³⁷⁶ z в *aγīz* и т.д. по О. Прицаку результат фузии $r + č$.

³⁷⁷ Ср. *Bárczi*, с. 75.

³⁷⁸ Ту же картину в ауслате можно наблюдать и у более поздних тюркских заимствований венгерского языка.

³⁷⁹ Так как другие позиции в середине слова близки к анлауту *kaškār* и ауслату *ixtar-* q в них x , k , а k остается без изменения.

тур., кир., алт. *teke*, азер., уйг. *tākā* «баран» ~ чув. *taga*;
туркм. *ekiδ*, тур. *ikiz*, азер. *äkiz*, кир. *egiz*, хак. *äkäs*
«двойная» ~ чув. *jägər*;

туркм. *tekiδ*, уйг. *tekiz*, кир. *tegiž*, тат. *tigəz* «ровный» ~
чув. *tagər*;

Ср. монг. *eke* «мать» ~ чув. *akka* «старшая сестра, тетка».

Озвончение и спирализация интервокальных *-q-* (*-k-*)
в чувашском языке процесс относительно новый.

Так, например, *k* сохраняется в «древнечувашских»
заимствованиях венгерского языка:

венг. *eke* «плуг» ~ совр. чув. *aga*;

венг. *tükör* «зеркало» ~ совр. чув. *tagər*;

венг. *gyékén* «рогожа, циновка» ~ ст. чув. **jeken* (ср.
удм. *šakan*).

В чувашских заимствованиях удмуртского языка мы
также находим *k*:

удм. *акаяшка* «удмуртский праздник в начале весеннего
сева» ~ чув. *aga tuj*;

удм. *сякан* «рогожа» ~ чув. **šakan*;

удм. *ака* «старшая сестра» ~ чув. *akka*;

удм. *така* «баран» ~ чув. *taga*.

Последние два примера косвенно доказывают, что
современное чувашское *-kk-* ~ *-g-* (*-xx-* ~ *-γ-*) является
отражением чередования гуттуральных в интервокальном
положении.

В чувашских говорах встречаются такие формы:

šegəl ~ *šekkəl* «крюк»;

šägər ~ *šäkkär* «хлеб»

(ср. морд. *сюкоро* (?) < чув. *šägər*, мар. *сүкыр*);

kugəl ~ *kukkəl* «пирог» (ср. мар. *когыльо* «пирог»);

kägər ~ *käkkär* «грудь»;

sugər ~ *sukkär* «слепой».

Отметим еще соответствие *-g-*, *-γ-*, наблюдаемое в
чувашских говорах:

tagan ~ *tayan* «подкова»,

pägər ~ *päγər* «медь»,

täga ~ *täγa* «бляха, петля»,

tägät ~ *täγät* «род»,

čüge- ~ *čüγe-* «полоскать».

Дентальные

До недавнего времени большинство специалистов восстанавливало в праторкском (общетюркском) анлауте один дентальный: смычный глухой (сильный) $*t^{380}$, тогда как в проалтайском восстанавливались два смычных $*t$, $*d$. При этом предполагалось, что звонкий дентальный смычный $*d$ (δ) в общетюркском развился в j^{381} . Возникал вопрос, как в этом случае объяснить появление звонких смычных в Anlaut'e языков главным образом юго-западной группы. Обычно ссылались на позиционное озвончение (позиция после гласного)³⁸² или на иноязычное влияние. Однако такая точка зрения вызывала законные сомнения: чем объяснить, что в языках юго-западной группы большое количество слов с анлаутным дентальным звонким (соответственно глухим) совпадают. Позиционное озвончение (или иноязычное влияние) едва ли могли привести к подобному результату. К тому же противопоставление дентальных смычных в анлауте было обнаружено и в языках северо-восточной группы: тувинском и карагасском.

Эти и некоторые другие соображения позволили В.М. Илличу-Свитычу развить гипотезу о наличии в праторкском анлауте двух дентальных³⁸³ смычных $*t$ (сильный) и $*d$ (слабый)³⁸⁴.

³⁸⁰ См., например, *Räsänen* (5), с. 138; *Bazin* (6), с. 13; *Posch*, с. 166; *Poppe* с. 13, 22. Почти то же самое находим у *А.М. Щербака*.

³⁸¹ *N. Poppe, G. Ramstedt*.

³⁸² Эту точку зрения поддерживает *А.М. Щербак* (6), с. 18 и 31. Ср. *U. Posch*, ук. соч. с. 173.

³⁸³ *Иллич-Свитыч* (2), с. 44.

³⁸⁴ Сходную точку зрения в свое время высказал *N. Poppe*, видимо, опираясь на исследование *З. Гомбоца*. В статье *Altaisch und Urtürkisch* (с. 100) он указывал, что праторкские анлаутные смычные $*q$, $*k$ и $*t$ двойного происхождения. Так, например, анлаутный праторкский $*t$ входил, по словам *N. Poppe*, в такие ряды соответствий: праторк. $*t <$ алт. $*t$ (монг.), праторк. $*t <$ алт. $*d$ (монг.). *N. Poppe* принимал и третий дентальный в проалтайском анлауте: интердентальный спирант δ . Почти то же самое *N. Poppe* писал и в своей статье в ИРАН, XVIII, вып. 12–18, с. 806. Однако гипотеза *Гомбоца* – *N. Poppe* не получила широкого признания тюркологов.

При аргументации своей гипотезы В.М. Иллич-Свитыч опирается на многочисленные случаи совпадения анлаутного *ɟ* в тувинском (и карагасском) языке и *d* в языках юго-западной группы: туркменском, турецком, гагаузском, азербайджанском.

Он вынужден отметить и факты противоположного порядка в соответствиях огузских *t*, *d* и тувинских *t^h*, *ɟ* нередки колебания.

Если соответствие тувинского *ɟ* огузскому *d* (туркменскому, турецкому и азербайджанскому) мы можем подтвердить 35 примерами (у В.М. Иллича-Свитыча 28³⁸⁵), то случаев *d/t*, *ɟ/t^h* у нас насчитывается 59.

Они могут быть сгруппированы следующим образом:

а) огузский *t* ~ тувинский *t^h*:

туркм. *tana-*, тур., азер., гаг. *tani-* «знать» ~ тув. *t^hani-*;

туркм., тур., азер., гаг. *tut-* «держать» ~ тув. *t^hut-*;

туркм. *tabaq*, тур., гаг. *tabak*, азер. *tabag* «тарелка» ~ тув. *t^habaq*;

туркм. *toqli*, тур., гаг. *toklu*, азер. *toylu* «годовалая овца» ~ тув. *t^hoydu*.

б) огузский *t (d)* ~ тувинский *t^h*:

тур. *tep-*, азер. *tāp-*, туркм. *dep-* «лягать, пинать» ~ тув. *t^hep-*;

тур. *türe-*, азер. *törä-*, туркм. *döre-* «рождаться» ~ тув. *t^hörü-*;

туркм. *tūy*, тур. *tū* «знамя» ~ тув. *t^huq*³⁸⁶.

в) огузский *t* ~ тув. *ɟ*:

туркм. *towuq*, тур. *tavuk*, гаг. *tauk*, азер. *tojug* «курица» ~ тув. *ɟayā*;

туркм., тур. *teke*, азер. *tākā* «козел» ~ тув. *ɟey'e*;

туркм., тур. *titre-*, гаг. *titire-*, азер. *titrā-* «дрожать» ~ тув. *ɟidire-*;

туркм., тур., гаг. *tilki*, азер. *tülkü* «лиса» ~ тув. *ɟily'i*;

туркм. *topuq*, тур., гаг. *topuk*, азер. *topug* «коленная чашечка» ~ тув. *ɟowuq*;

туркм. *topraq*, тур., гаг. *toprak*, азер. *toprag* «земля, почва» ~ тув. *ɟowuraq*;

туркм., тур., гаг., азер. *toj* «пир» ~ тув. *ɟoj*;

³⁸⁵ Для 10 из них В.М. Иллич-Свитыч восстановил слабый дентальный в алтайском.

³⁸⁶ По словам В.М. Иллича-Свитыча, *tūy* заимствовано в тюркские языки из китайского.

туркм. *toqmaq*, тур., гаг. *tokmak*, азерб. *toxmaq*
«КОЛОТУШКА» ~ тув. *doqraq*;

туркм., тур., гаг. *tij*, азерб. *tik* «ВОЛОС» ~ тув. *duk*;

туркм. *tijkür-*, тур., гаг. *tükür-*, азерб. *tüpür-* «ПЛЕВАТЬ» ~
тув. *dükpür-*;

туркм. *towuş*, тур. *tavuş* «ЗВУК» ~ тув. *dāş*;

туркм. *teð-*, азерб. диал. *tāz-* ~ «БЕЖАТЬ» ~ тув. *des-*;

туркм. *toyta-*, азерб. *toxta-* «ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ» ~ тув. *doqta-*;

туркм. *tōrum*, тур. *torun* «ДВУХГОДОВОЛАТЫЙ ВЕРБЛЮД» ~ тув.
dorum;

туркм. *tojnaq*, тур. *dujnak* «КОПЫТО» ~ тув. *dujuj*;

тур. *tuma'i*, азерб. *tumov*, гаг. *tumā* // *dumā* «НАСМОРОК,
ГРИПП» ~ тув. *dumā*;

туркм. *tumsuq*, тур. *tomsuk* «НОС» ~ тув. *dumçuq*;

тур. *tüle-*, азерб. *tülä-* «ЛИНЯТЬ» ~ тув. *düile-*.

г) огузский t (//d) ~ тув. d:

туркм., тур. *taj*, азерб. диал. *daj* «ЖЕРЕБЕНОК» ~ тув. *daj*;

туркм. *der*, тур., гаг. *ter*, азерб. *tär* «ПОТ» ~ тув. *der*;

туркм., азерб. *dara-*, тур., гаг. *tara-* «ЧЕСАТЬ» ~ тув. *dira-*.

д) огузский d ~ тув. th:

туркм., тур., гаг., азерб. *dari* «ПРОСО» ~ тув. *thara* «ХЛЕБ,
ПРОСО»;

туркм., тур., азерб. *döl* «ДЕТЕНЬШ» ~ тув. *thöl*;

туркм. *düje*, тур., гаг. *deve*, азерб. *dävä* «ВЕРБЛЮД» ~ тув.
thewe;

туркм., тур., гаг., азерб. *dur-* «СТОЯТЬ» ~ тув. *thur-*;

туркм., тур., азерб. *doj-* «НАЕДАТЬСЯ» ~ тув. *thot-*;

туркм. *dön*, тур., азерб. *don* «ХАЛАТ» ~ тув. *thon*;

туркм. *dār*, тур., азерб. *dar* «УЗКИЙ» ~ тув. *thar*;

туркм. *dōš*, тур., азерб. *dōš* «ГРУДЬ» ~ тув. *thōš*;

туркм. *doqud*, тур., гаг. *dokuz*, азерб. *dogguz* «ДЕВЯТЬ» ~
тув. *thos*;

туркм. *taḡma*, тур. *damga*, азерб. *damğa* «ПЕЧАТЬ» ~ тув. *thamga*;

тур., азерб. *daž* «ПЛЕШЬ» ~ тув. *thas*;

тур., гаг. *derin*, азерб. *därin* «ГЛУБОКИЙ» ~ тув. *theren*;

туркм., тур., гаг. *dök-*, азерб. *tök-* «ВЫЛИВАТЬ» ~ тув. *thök-*;

туркм., азерб. *dart-*, тур. *tart-* «ТЯНУТЬ» ~ тув. *thirt-*.

е) огузский d (//t) ~ тув. d:

туркм. *daban* «ПОДОШВА, ПЯТКА», тур. *taban*, азерб. *daban* ~
тув. *dawan* «ЗАДНЯЯ НОГА»;

туркм. *dañ*, тур. *tan*, азерб. *dan* «ЗАРЯ» ~ тув. *dañ*;

туркм. *dāš*, тур. *taš*, азерб. *daš* «камень» ~ тув. *ḡaš*;
 туркм. *dāš-*, тур. *taš-*, азерб. *daš-* «прибывать (о воде)» ~
 тув. *ḡaži-*;
 туркм. *daša-*, тур. *taši-*, азерб. *daši-* «перетаскивать» ~ тув.
ḡaži-;
 туркм., азерб. *darʔa* «староста» ~ тув. *ḡarʔa* ;
 туркм. *daš*, тур., гаг. *dış* «внешняя сторона» ~ тув. *ḡašti*;
 туркм. *deŋ*, тур. *denk*, азерб. *tän* «равный» ~ тув. *ḡeŋ*;
 туркм. *tir-*, тур. *der-*, азерб. *där-* «собирать» ~ тув. *ḡeri-*
 «снаряжать (собирать) в путь»;
 туркм. *dor*, тур. *doru* «гнедой» ~ тув. *ḡoru*;
 туркм. *duḡaq*, тур. *tuzak*, азерб. *duzag* «петля, силлок» ~
 тув. *ḡuzak*;
 туркм., азерб. *durna*, тур. *turna* «журавль» ~ тув. *ḡurʔa*;
 туркм. *dūd*, азерб. *duz*, тур., гаг. *tuz* «соль» ~ тув. *ḡus*;
 туркм. *dūš-*, тур. *düş-* «встречаться» ~ тув. *ḡuš-*;
 туркм. *düw-*, азерб. *düj-* «завязывать узел» ~ тув. *ḡüj-*;
 туркм. *dün* «вечер», туркм. *tün* «ночь» ~ тув. *ḡün*;
 туркм. *dirnaq*, тур., гаг. *tirnak*, азерб. *dirnax* «ноготь» ~
 тув. *ḡirʔaq*³⁸⁷.

Для слов: *tana-*, *ter-*, *townuq*, *teke*, *topuq*, *topraq*, *teḡ-*, *tōrum*,
tojnaq, *töš*, *taz*, *taban*, *tas*, *turna*, *tuz*, *tün* и т.д. на основе
 монгольского и тунгусо-маньчжурского языков предполагается
 анлаутный **t*.

Как видно из примеров, приведенных выше, в огузских и
 тувинском языках большинство из этих слов имеет варианты
 с анлаутным *ḡ*: туркм. *dep-*, тув. *ḡeʔe*, тув. *ḡowuraq*, тув. *ḡes-*,
 тув. *ḡorum*, тур. *dujnak*, тув. *ḡujuŋ*, туркм. *dōš*, тур., азерб. *dōš*,
 тур., азерб. *daz*, туркм. *dāban*, азерб. *daban*, тув. *ḡawan*, туркм.
dāš, азерб. *daš*, туркм., азерб. *durna*, туркм. *dūd*, азерб. *duz*, тув.
ḡus, туркм. *dün*, тув. *ḡün*.

В.М. Иллич-Свитыч признает, что «первоначальные
 условия изменения **t* > *d* (в словах группы Б)³⁸⁸ затемнены в
 результате действия аналогии и междиалектных смешений»³⁸⁹.

³⁸⁷ Пратюркский *t* можно восстановить на основе монгольских
 и маньчжурских данных (см. у В.М. Иллича-Свитыча, с. 48–50).
 Соответствующие примеры подчеркнуты нами.

³⁸⁸ В группу Б он включает случаи *t // d ~ t // ḡ*.

³⁸⁹ Ук. соч., с. 43 (В.М. Иллич-Свитыч высказывает здесь и
 некоторые соображения о возможных причинах *t > d* в языках юго-
 западной и северо-восточной группы).

Гипотеза В.М. Иллича-Свитыча не может быть оставлена без внимания. Однако хотелось бы указать на следующие моменты.

Функциональная значимость противопоставления анлаутных дентальных в огузских языках невелика. Например, среди односложных слов туркменского языка типа «звонкий дентальный + гласные *a, e, i* лишь *dik-* «втыкать» противопоставляется *tik-* «шить»³⁹⁰.

В гагаузском языке Л.А. Покровская отмечает колебание начальных *t* и *d* в одних и тех же корнях³⁹¹.

То же явление наблюдается и в туркменских диалектах³⁹²:

туркм. лит. *dart-* «тянуть» ~ туркм. мар., сарык., сакар. *tart-*;

туркм. лит. *töwerek* «круг» ~ туркм. емуд. сев. *dövörek*;

туркм. лит. *doquđ* «девять» ~ туркм. сарык *toquz*;

туркм. лит. *düşek* «постель» ~ туркм. човд. *töşek*;

туркм. лит. *dört* «четыре» ~ туркм. сакар. *tört*;

туркм. лит. *tigir* «колесо» ~ туркм. сарык. *digir*;

туркм. лит. *tiken* «заноза» ~ туркм. сарык. *diken*;

туркм. лит. *dari* «просо» ~ туркм. сарык. *tari*;

туркм. лит. *toγđan* «90» ~ туркм. сарык. *dogson*;

туркм. лит. *dän-* «отказываться» ~ туркм. сарык. *tän-*.

Такое поведение дентальных в анлауте скорее свидетельствует о том, что противопоставление звонкий (слабый) // глухой (сильный) в огузских языках не было изначальным. Именно отсутствие такого противопоставления могло обусловить спорадические колебания типа *d ~ d̥ ~ t*, *t ~ t̥ ~ d* (они не нарушали системы).

Указанные ряды дентальных могли появиться в результате действия нескольких факторов:

- а) междиалектное смешение и заимствование;
- б) значительный приток иноязычных заимствований;

³⁹⁰ Вслучаях *dār* «узкий» ~ *tār* «струна» и некоторых других один из членов оппозиции представляет заимствование.

³⁹¹ Грамматика гагаузского языка, с. 64. То же явление отражено в «Орфографическом словаре гагаузского языка» (Кишинев, 1959): *tatl̥i // datl̥i*, *tembel // dembel*, *tokus- // dokus-*.

³⁹² Интересные данные о начальных согласных *t, d* приводит Н.К. Дмитриев в книге «Туркменские народные сказки Марыйского района» (с. 30–32). Им отмечены два звукоряда *d ~ d̥ ~ t*, *t ~ t̥ ~ d* при этом *d > t*, по его словам, встречается чаще, чем *t > d*.

в) позиционное озвончение (для ряда слов).

Система тувинских анлаутных дентальных (и смычных в целом) почти идентична с саларской и сарыг-югурской³⁹³.

В двух последних Э.Р. Тенишев усматривает отражение древней (праторкской (?)) системы, основанной на противопоставлении звонких и глухих смычных. По мнению Э.Р. Тенишева, только такая система могла явиться подпочвой для сложения современных систем саларских и сарыг-югурских анлаутных смычных³⁹⁴, где противопоставляются сильные (придыхательные) и слабые.

Таким образом, точка зрения Э.Р. Тенишева почти совпадает с гипотезой В.М. Иллича-Свитыча: оба исследователя говорят о наличии двух анлаутных смычных дентальных в общетюркском.

В.М. Иллич-Свитыч, к сожалению, очень непоследовательно использует данные саларского языка³⁹⁵. Быть может, в какой-то мере это объясняется тем, что в саларском языке встречаются отступления от соответствия: огузский (и саларский (?)) *d* ~ тувинско-карагасский *ḡ*.

Приведем примеры на случаи:

а) салар. *t* (*tʰ*) ~ тув. *ḡ*:

салар. *tʰiŋna*- «слышать» ~ тув. *ḡiŋna*-;

салар. *tʰiligi* и т. д. «лиса» ~ тув. *ḡiligi*;

салар. *tʰiš* «зуб» ~ тув. *ḡiš*;

салар. *tʰil, til* «язык» ~ тув. *ḡil*;

салар. *tʰoli, tol* «полный» ~ тув. *ḡolu* и т.д.

б) салар. *d* (*D*) ~ тув. *t* (*tʰ*):

салар. *ton, Don, don* «пальто» ~ тув. *tʰon*;

салар. *toqus, toqos, Doqus* «90» ~ тув. *tʰos*;

салар. *toj-, Doj-* «насыщаться» ~ тув. *tʰot-*;

салар. *tal, Dal* «дерево» ~ тув. *tʰal* «ива».

Исследователи, восстанавливающие два дентальных смычных в праторкском, обычно ссылаются на свидетельство «древнечувашских», заимствований венгерского языка:

³⁹³ Тенишев Э.Р. Саларский язык, с.11–12.

³⁹⁴ Там же. С.14–15.

³⁹⁵ На с. 39–40 почему-то опущены саларские примеры к словам: *dil* «язык» (салар. *tʰil, til*), *düş* «сон» (салар. *tiš*), *diz* «колени» (салар. *tiz*), *daγ* «гора» (салар. *taγ, Daγ*), *dolu* «полный» (салар. *tol, tʰoli*), *dinle-* «слушать» (салар. *tʰiŋna*).

венг. *dél* «юг, полдень» < др. чув. **dül*, ср. тув. *ǰü''š*, кир., уйг., акс., алт., кум. *tüš*, ног. *tüs*, баш. *töš*;

венг. *dara* «крупа» < др. чув. **dar̄j*, совр. чув. *tir̄ə* «хлеб, зерно», туркм., азер., тур. *darī* «просо», уйг. *teriǰ*, баш. *tari*, тув. *ʰarā* «хлеб, зерно, просо»;

венг. *dól-* // *dül-* «падать, валяться» < древнечув. **dül-*, ср. туркм., тур., азер. *düş-*, тув. *ǰüş-*.

Однако известны два «древнечувашских» заимствования с анлаутным *t*, хотя, по данным языков северо-восточной и юго-западной группы, в них следовало бы ожидать *d*:

венг. *térd* «колени» < древнечув. **t̄ir*, совр. чув. *ǰər*, ср. туркм. *d̄id*, тур., гаг., азер. *diz*, тув. *ǰiskek*;

венг. *tūr-* «мять, сминать» < древнечув. **t̄ir-*, совр. чув. *tər-*, ср. туркм. *d̄ür-*, тур. *dür-*, тув. *ǰür-*, салар. *tür-*.

Положение о том, что болгарский *d* сохранялся в период удмуртско-болгарских контактов, пока основано на единственном примере: (удм. *dolak* «все, все, целиком», огуз. *dölu*, тув. *dolu* «полный» совр. чув. *tul-* «наполняться»).

Это сравнение Ю. Вихман справедливо сопровождает вопросительным знаком³⁹⁶.

В современном чувашском языке анлаутный дентальный смычный (или смычные, если существование таковых считать доказанным) представлен так:

а) *t*:

туркм. *döl-*, тур., азер. *dol-*, тув. *dol-*, як. *tuol-* «наполняться» ~ чув. *tul-*;

туркм. *dört*, як. *düört*, тур. *dört*, тув. *dört*, азер. *dörd* «четыре» ~ чув. *təvat*;

тур., туркм. *tilki*, азер. *tilkü*, тув. *ǰilgi*, тат. *tölkə* «лиса» ~ чув. *tilə* и т.д.

б) *ǰ*:

1. туркм. *d̄id*, *d̄id̄*, тур., азер., гаг. *diz*, караим., уйг. *tiz*, тат. *taz* «колени» ~ чув. *ǰər*;

туркм., тур., азер., гаг. *dil*, кир., уйг. *til*, тат., хак. *təl*, як. *til*, тув. *ǰil* «язык» ~ чув. *ǰəlye*;

туркм., тур. *dil-*, тув. *ǰil-*, тат., баш. *təl-* «разделять на куски, полосы» ~ чув. *ǰəl-*;

туркм. *tik-*, *t̄iq-*, кир. *tik-*, *t̄iq-*, тур. *dik-* «колоть, втавлиять» ~ чув. *ǰik-*;

³⁹⁶ *Wichmann*, с. 8.

2. баш., кир., хак. *t̄in*, тат. *t̄ān*, як. *t̄īn*, тув. *t̄h̄in* «дыхание» ~ чув. *č̄am*;

туркм. *dirnaq*, тур. *t̄irnak*, тат., баш. *t̄ārnaq*, кир. *t̄irmaq*, хак. *t̄irbaḡ*, *t̄irpaḡ*, тув. *ḡirbaq* «ноготь, коготь» ~ чув. *č̄arne*;

тур., кир. *t̄irmala*- «царапать, скрести» ~ чув. *č̄ərmala*-.

3. туркм. *dāš*, як. *t̄ās*, тат., баш., кир. *taš*, тув. *ḡaš* «камень» ~ чув. *č̄ul*;

тур. *tavuk*, хак. *taḡaḡ*, *t̄āx*, баш., тат. *tawāḡ*, кир. *tōḡ*, туркм. *towuḡ*, уйг. *toḡu*, др. тюрк. *taḡuḡu* «курица» ~ чув. *č̄āx*, *č̄əḡā*.

В болгарских эпиграфических памятниках в анлауте, по-видимому, встречался только глухой *t*: *توات* «четыре», *طى* «девять».

Что касается *t > č̄*, то обычно предполагают изменение *t > č̄* перед *i*, через стадию *ti > t̄*³⁹⁷.

В пользу этого предположения свидетельствует, например, тот факт, что смягченный русский *t'* чувашки субституируют при заимствовании через *č̄*:

č̄isma «лента» русск. тесьма (< тюрк.(?)).

č̄oska «тезка»,

č̄us «тес»,

č̄usla «тесло»,

č̄usta «тесто»,

č̄ülen «тюлень»³⁹⁸.

Изменение *t > č̄* перед *i* наблюдается и в других тюркских языках, например, Г. Яррингом³⁹⁹ отмечена форма *č̄irik* «живой».

Подобный процесс можно наблюдать в ряде языков и диалектов⁴⁰⁰, в том числе монгольском. Монгольское *ti > č̄* N. Порре относит к прамонгольской эпохе⁴⁰¹.

Если учесть, что чувашское *t > č̄* осуществлялось позже XIV в.⁴⁰², приходится признать параллелизм

³⁹⁷ См., например, Порре (3), § 15 и (7), с. 305.

³⁹⁸ Любопытно фонетическое освоение слова драница *tərenje* // *č̄ereje*, т.е. появление эпентетического *ə* (*i*) с последующим *t > č̄*.

³⁹⁹ G. Jarring, с. 123

⁴⁰⁰ Например, в финно-угорских.

⁴⁰¹ Порре (6), с. 15, ср. Лигети Л. ВЯ, 5, 1955, с. 139.

⁴⁰² Среди «древнечувашских» заимствований венгерского языка находим еще *tyik* «курица» (совр. чув. *č̄āx*). Ср. также чув. *čas* «скоро, быстро» < (?) перс. *tiz* и *č̄üreje* «окно» < перс. *dāriče*, и русские заимствования: *č̄us* «тес».

фонетического развития в двух языках: чувашском и монгольском⁴⁰³.

Труднее объяснить $t > \check{c}$ в словах *čul* «камень» и *čăx* «курица».

Большинство исследователей восстанавливают в первом слове дифтонг, развившийся из первоначального долгого гласного, т.е. *čul* < **tial* < **tā*⁴⁰⁴.

Если принять эту точку зрения, то для слова *čăx* можно предположить более раннее **taɣuq* > **tāx* > **tiax* > *čux* > *čăx* (ср., однако, венг. *tyúk* < **tuuk* < **taɣuq*, **t̃ɣuq*).

Появление формы *čărmala-* «скрести, царапать», где $t > \check{c}$ перед *ă* (в лит. языке есть дублет *tărmala-*, ср. также *targe-* // *čarge-*, *čārga-* «свертывать, завертывать») становится более понятным, если принять во внимание, что в чувашских говорах наблюдается чередование $t \sim \check{c}$:

чув. лит. *tīrgas* «суслик» ~ гов. *čīrgas*;

чув. лит. *tās-* «вытягивать» ~ гов. *čās-*;

чув. лит. *tengə* «серебряная монета» ~ гов. *čengə*;

чув. лит. *tevəš* (русск.) «тяж» ~ гов. *čeraš*;

чув. гов. *tige* «крутой, обрывистый» ~ гов. *čige*.

Сначала, вероятно, чередовались $t \sim \check{c}$, а позднее спорадически и твердый t .

В середине слова в пратюркском дентальные смычные, возможно, распределялись следующим образом:

сильный (глухой) после краткого гласного и слабый (звонкий) после долгого гласного⁴⁰⁵.

То же самое положение и в общетюркском ауслaute.

В современном чувашском языке в инлауте представлены d , tt и \check{c} (\check{c}) (после i).

1. туркм. *ādik*, кир., уйг. *ötük*, тат. *itək*, тув. *idik* «сапог» ~ чув. *ađă*;

туркм., тур., азер. *utan-* «стыдиться» ~ чув. *văđan-*;

туркм. *otud*, тур. *otuz*, уйг. *ottuz*, алт. *odus*, хак. *otīs* «тридцать» ~ чув. *văđăr*;

2. туркм., кум. *čortan*, тат. *čurtan*, баш. *surtan* «щука» ~ чув. *śărttan*;

⁴⁰³ На это в свое время указывал G. Ramstedt (5), с. 24–25.

⁴⁰⁴ См., например, Ligeti (2), с. 73.

⁴⁰⁵ См. Räsänen (5), с. 139. Илич-Свумич восстанавливает в инлауте лишь один смычный: сильный t , рассматривая d как его аллофон, ук. соч., с. 56.

туркм., кир., уйг. *tütin*, тат. *tötän* «дым» ~ чув. лит. *tədam*, чув. гов. *təttəm*.

3. туркм., тур. *jedi*, кир. *jeti*, хак. *çitə*, азер. *jeddi*, тув. *çedi*, тат. *jide*, уйг. *jättä* ~ чув. *šiččə*, *šijə*;

туркм. *ötgün*, алт. *ötkün*, тат. *ütkan* «острый, пронзительный» ~ чув. *vičkən*;

t > *č* можно наблюдать и при образовании ряда чувашских грамматических форм:

а) *jat* «имя», *jaĵə* «его имя»;

б) *ildəm* «я взял», *ilĵə* «он взял»;

в) *xəgə* «его дочь», *xəgəŋje* «у его дочери»;

xərde «у дочери»,

xəgəŋjen «от его дочери».

г) *tir* «кожа», *tirzəm* «кожи», *tirzənje* (мест. п.), *tirzənjen* (исх. п.).

На стр. 154 уже говорилось, что, судя по чувашским заимствованиям удмуртского языка, распределение инлаутных смычных к моменту удмуртско-чувашских контактов было иным: в инлауте чередовались глухие и звонкие согласные.

В говорах современного чувашского языка это чередование отражается в следующем виде:

<i>tədam</i>	~	<i>təttəm</i>	«дым»
<i>urdāš</i>	~	<i>urttāš</i>	«можжевельник»
<i>xudār</i>	~	<i>xuttār</i>	«моток»
<i>kārdāš</i>	~	<i>kārttāš</i>	«ерш»
<i>kudār</i>	~	<i>kuttār</i>	«грязь, нечистота»
<i>pandā</i>	~	<i>panttā</i>	«дягиль»
<i>pardas</i>	~	<i>parttas</i>	«голавль»
<i>šārdan</i>	~	<i>šārttan</i>	«колбаса»
<i>śārdan</i>	~	<i>śārttan</i>	«щука»
<i>padār</i>	~	<i>pattār</i>	«храбрец»

Примечательно, что из вышеприведенных слов многие являются заимствованиями:

pandā ср. мар. гор. *pāndā* «палка»;

pardas ср. мар. *pardāš* «язь»;

pattār «храбрец» < (?) тат., т.к. *a* в первом слого сохранилось;

kudār «грязь» < (?) тат., т.к. *k* > не дало *x*.

Следовательно, чередование сильный ~ слабый данного типа появилось сравнительно недавно. Возможно, оно представляет обобщение когда-то существовавшего распределения инлаутных смычных, обусловленного фонетически (ср. юго-западные языки и карагасский).

Далее приводятся примеры на ауслautный дентальный смычный (где сильный и слабый совпали в слабом глухом):

туркм., сюг. *ōt*, азер. *od*, як. *uot*, тат. *ut* «огонь» ~ чув. *vut*
туркм. *ḡūt*, як. *ūt*, кир. *sūt*, баш. *hōt* «молоко» ~ чув. *sət*;
туркм., тур. *bit*, хак. *pət*, тув. *bi"t* «вошь» ~ чув. *pījdā*;
туркм. *it*, алт. *ijt*, уйг. *īst*, тув. *i"t* «собака» ~ чув. *jīdā*.

Х Х Х

Есть случаи, когда в чувашском литературном языке на месте общетюркского *t* появляется *k* и, наоборот, чувашскому лит. *k* соответствует общетюркский *t*:

тат., баш. *kip-* «сохнуть», кум., каз., тув. *kep-* ~ чув. *tip-*;
тур. *dile-* «желать, просить», кир. *tile-*, тат. *tälä-* ~ чув. *käle-*;

Это явление встречается и в чувашских говорах:

чув. лит. *tāla* «грубое сукно, онучи» ~ чув. гов. *kāla*⁴⁰⁶;

чув. лит. *təgərʃen* «трилистник» ~ чув. гов. *kəgərʃen*;

чув. лит. *təbek* «хохол, гребень» ~ чув. гов. *kəbek*;

чув. лит. *tilyebe* «вожжи» ~ чув. гов. *kilgebe*;

чув. лит. *tirek* «тополь (осокорь)» ~ чув. гов. *kirek jivāś*;

чув. лит. *tūlek* «тихий» ~ чув. гов. *kūlek*;

чув. лит. *kigen* «чемерица» ~ чув. гов. *tigen*;

чув. лит. *kirek* «хоть» ~ чув. гов. *tirek*;

чув. лит. *kūze* «безбородый» ~ чув. гов. *tūze* (ср. еще тат., баш. *bik* «очень», чув. *pid'ə*).

Интересно, что в одном из русско-чувашских словариков XVIII в.⁴⁰⁷ зарегистрировано слово *кинес* «море» наряду с *тиннис*. По признаку *r/z* оно принадлежит к «кыпчакским» заимствованиям (ср. венгерское *tenger* «море» < «древнечувашского»?).

⁴⁰⁶ Примеры взяты из словаря *Н.И. Ашмарина*.

⁴⁰⁷ В книге *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков ... СПб, 1791.

k вместо общетюркского *t* отмечено в мишарских говорах татарского языка (*kälänčä* «нищий», *kälä-«просить»*⁴⁰⁸, *kizäk* «навоз» < *tizäk*).

Чередование *t* и *k* (*d* и *g*) в сочетаниях *ti*, *di* характерно, по словам К.М. Мусаева, для галицкого диалекта караимского языка⁴⁰⁹. Спорадически оно встречается и в диалекте трокайских караимов⁴¹⁰.

Чередование *t* // *k* трудно объяснить исходя из данных тюркских языков.

Правда, в тюркских диалектах встречаются такие факты, как появление *s* на месте смягченного *k* и смягченного *t*⁴¹¹. Нельзя ли представить себе такую цепочку соответствий: *t* ~ *č* ~ *k'* и в качестве иллюстрации привести чувашское слово *čärär* «еж», общетюрк. *kirpi*, баш. *tärä*.

Однако более вероятным представляется проявление славянского влияния: в средневеликорусских говорах, в том числе и на территории Волго-Камья, зарегистрировано появление переднеязычных *t'*, *d'* на месте смягченных *k'*, *g'*⁴¹² (ср. чув. *tigen*, *tirek*, *tüze*)⁴¹³.

Спирант *δ*

Общетюркский инлаутный и ауслаутный *d* (*δ*)⁴¹⁴ представлен в чувашском как *r*.

⁴⁰⁸ Материалы по диалектологии, с. 132; Материалы по татарской диалектологии, с. 127.

⁴⁰⁹ К.М. Мусаев, с. 41, 84–85. Ср. также Дмитриев, с. 111–112, где есть ссылки на другие источники.

⁴¹⁰ Прицак усматривает здесь влияние украинского языка. «Philologiae Turcicae Fundamenta», т. 1, с. 329.

⁴¹¹ См., например: *Räsänen* (5)? с. 132 и *Jarring. Studien*, с. 123.

⁴¹² См., например: Кузнецов П.С. Русская диалектология, с. 87. Ученые записки Казанского университета, т. 115, кн. 9, 1955, с. 65.

⁴¹³ О *t* // *k* в мордовских диалектах см.: Paasonen H. Mordvinische Lautlehre с. 22–24. То же в нижневьичегодском говоре коми-зырянского языка (Лыткин В.И. Диалектолог. хр., с. 31).

⁴¹⁴ *Räsänen* (5), с. 141–142; *Ramstedt* (2), с. *Poppe* (6), с. 52–53; *Gombocz*, *Benzing* и др.

туркм., балк., кум., тат., баш., кир., уйг. *ajaq*, хак. *azax*,
як. *atax*, др. тюрк. *adaq* «нога» ~ чув. *ura*;

туркм. *gajij*, тат., баш. *qajän*, кир. *qajij*, хак. *hazij*, тув.
xadij, як. *xatij* «береза» ~ чув. *xurän*;

туркм. *ojan-*, сюг. *ozyan-*, хак. *usxun-*, тув. *odun-*
«просыпаться» ~ чув. *väran-*;

тур. *eji*, *iji*, каз., ног., ккал. *ajgə*, др. тюрк. *ädgü* «добрый,
хороший» ~ ? чув. *irä* (тат., баш. *izgə*, узб. *ezgi*, каз. *ezgə*, *əzgə*
«святой» из какого-то *z*-диалекта);

туркм., тур. *doj-*, тат., баш. *tuj-*, хак. *tos-*, тув. *t^hot-*, як.
tot- «наедаться» ~ чув. *täran-*;

кир., алт. *ijiq*, хак. *izix*, тув. *idiq*, як. *itik* «духи»,
«священный» ~ чув. *jarəx* «название злого духа»;

тур. *jajan*, уйг. *jajaq*, хак. *čazay*, тув. *čadaγ*, як. *satī*, др.
тюрк. *jadaγ* «пешком, пеший» ~ чув. *šuran*;

туркм., кум. *gijew*, кир. *kijö*, алт. *kijü*, тат. *kiäw*, хак.
kazö, тув. *küdē*, як. *kütüö*, др. тюрк. *küdägü* «зять» ~
чув. *käru*⁴¹⁵.

хак. *xara hazī*, тув. *xadī* «сосна» ~ чув. *xirä*;

тур. *xərə*, сюг. *kiziy*, тув. *qidiγ* «край, кромка» ~ чув. *xərə*
(иногда сопоставляют с кум. и т.д. *kirij*);

тур. *ajik*, азерб. *ajig*, тат., баш. *ajəq* «резвый», М. К. *адй*,
Ср. т. *адуγ* ~ чув. *urä*;

туркм. *ajil-*, тур., азерб. *ajil-* «приходить в сознание»
(хак. *ajil-* «очнуться, прийти в сознание») ~ чув. *uräl-*
«протрезвляться, поправляться»;

баш. *jäläk*, тат. *jiläk*, ног. *jilek*, *jelek*, хак. *čistek* (ср. алт.
d'estek, тув. *čestek*) «ягода, земляника» ~ чув. *širla* (< **jēdläk*,
ср. венг. *szőlő* < **šedley* «виноград»);

туркм. *goj-*, тат., баш. *quj-*, кир., уйг. *qoj-*, др. тюрк. *qod-*
«класть» ~ чув. *xur-*;

тур. *sij-*, сюг. *sez-*, *siz-* «мочиться» ~ чув. *šär*⁴¹⁶.

Звуковой комплекс *γd*, сохранивший *d* в остальных
тюркских языках, отразился в чувашском как *r*.

туркм. *buγdaj*, ног. *bijdaj*, баш. *böγdaj*, хак. *puγdaj*
«пшеница» ~ чув. *pəri* «полба» (> тат., баш. *böraj*);

⁴¹⁵ См. *Räsänen*. StOr, XVIII, 3, с. 8–9.

⁴¹⁶ Отметим еще чув. **xoran* «заяц» ~ хак. *xozan*, тув. *godan*, тат.
qujan, по-видимому, содержащееся в марийском *meran* < *mü* + **oran* <
**xoran*.

ног. *qawdan* «сухая перестоявшаяся трава», баш. *qawdan* ~ чув. *xura* (в *xit xura* «общее название сухих жестких трав» > тат. *qura* «стебель высохших растений», удм. *куро* «солома», мар. гор. *ара* «подстилка».

δ > *r* совершилось также в окончаниях местного и исходного падежей и аффиксе прошедшего времени (*d* удержался после *r*, *l*, *n*):

м. падеж *ulǎxra* «на лугу»

lažara «на лошади», но

tirde «на коже»

(соотв.: исх.падеж *ulǎxran*, *lažaran*, *tirden*)

kalarǎm «я сказал»

но *kildǎm* «я пришел»

d сохранился и в сочетаниях *n(m)d*, *ld* (в то время как *t* в сочетаниях *nt*, *rt*, *lt*, видимо, представлен как *tt* ~ *d* – см. выше стр. 184):

туркм. *bāldiǎ* «золотка» ~ чув. *puldār*;

туркм. *gündiǎ* «днем» ~ чув. *kāndār* «полдень»;

туркм. *jīldiǎ* «звезда» ~ чув. *sāldār*;

тур. *kunduz* «бобер» ~ чув. *xāndār*⁴¹⁷.

Известно, что общетюркский δ (*d*) дал различные рефлексy в современных тюркских языках⁴¹⁸: *j*, *z*, *d*, *t*.

Например⁴¹⁹:

туркм. *ajaq*, хак. *ažax*, сюг. *azaq* «нога»;

туркм. *ajir-*, хак., сюг. *azir-*, тув. *adir-* «разделить»;

туркм. *gujī* Ср. Т. *quzuγ* «колодец» (тув. *quduq*, хак. *xutux* < монг.);

туркм. *ajī*, хак. диал. *azīy*, тув. *adiy* «медведь»;

туркм. *gajīy*, хак. *hazīy*, тув. *xadiy* «береза»;

тур. *jajan* «пешком», хак. *čazaγ*, сюг. *jazaγ*, тув. *čadaγ*;

туркм. *toj-*, хак. *tos-*, сюг. *toz-*, тув. *tot-* «наедаться»;

тат. *qijan*, хак. *hozan*, тув. *godan* «заяц»;

тур. *kojun* «вниз», сюг. *qozu* «низ, север», тув. *qudu*, як. *xotu* «север»;

⁴¹⁷ Пока трудно установить, во всех ли случаях мы имеем здесь дело с *d*; ср. *Gabain* (1), с. 56; *Räsänen* (5), с. 198, 201; Малов «Язык желтых уйгуров»: *йылтыс* «звезда», *кунтус* и *кундус* «днем».

⁴¹⁸ *Räsänen* (5), с. 141–142.

⁴¹⁹ Как образец *j*-языка мы избрали туркменский, в случае отсутствия соответствующего слова примеры приводятся из других *j*-языков.

туркм. *ej* «кислое молоко, употребляемое для обработки кожи», тув. *et* «выделка кожи» (но хак. *is* «имущество, добро, богатство», тув. *et* «вещь»);

хак. *čis*, тув. *čit*, як. *sit* «запах»;

кир. *tij-*, хак. *tīs-* «запрещать, останавливать»;

кир. *qajir-*, хак. *xazir-*, тув. *qadir-* «отвернуть, вывернуть»;

туркм. *gajin*, хак. *xazin*, сюг. *qazin* «тесть» (ср. тув. *kat*);

туркм. *ajyir*, хак. *asxir*, сюг. *azyir*, як. *atir* «жеребец»;

туркм. *ejer-*, сюг. *ezer-*, тув. *eder-* «следовать», хак. *izert-* «увлекать за собой»;

туркм. *jumruk*, хак. *nuzurux*, *munzurux*, сюг. *uzruq*, тув. *čuduruq*, як. *suturuk* «кулак»;

тур. *uju-*, хак., сюг. *uzu-*, тув. *udu-*, як. *utuj-* «спать, неметь»;

туркм. *gej-*, хак. *kis-*, сюг. *kez-*, тув., як. *kāt-* «надевать»;

туркм. *guj-*, хак. *xus-*, сюг. *qoz-*, *quz-*, тув., як. *kut-* «лить»;

туркм. *gujruq*, хак. *xuzurux*, сюг. *quzruq*, тув. *quduruq*, як. *kuturuk* «хвост»;

туркм. *gaj*, хак. *xas kün*, тув. *xat* «ветер, ненастье»;

алт. *ij-*, хак. *īs-*, сюг. *iz-*, тув. *it-*, як. *it-* «посылать»;

туркм. *bejik*, хак. *pözək*, сюг. *pezik* «высокий»;

кир. *ij-*, хак. *is-*, тув. *et-* «спустить молоко»;

хак. *pos*, сюг. *poz*, тув. *hot* «сам» (ср. туркм. *boj* «рост, стан»);

кир. *kijin*, хак. *kizən* «задний, после, затем»;

хак. *čas-*, сюг. *jaz-*, тув. *čat-* «расстилать» и т. д.

При этом вышеприведенное соответствие не отражает процесса⁴²⁰, т.е. *δ*, *t*, *z*, *j*, *r* не представляют какие-то хронологические последовательные стадии развития.

В чувашском языке, вероятно, интервокальный *d* через ступень спиранта *δ* дал *r*⁴²¹. Быть может, такое направление изменения было обусловлено следующими обстоятельствами: отсутствием *z* в системе согласных, тенденцией к спирантизации, которая появилась также в *k* (> *x*), *j* (> *ž*), *č* (> *š*).

⁴²⁰ Это уже отметил *Н.К. Дмитриев* в своей статье «Соответствие *p // δ // m // z // z // ŷ*», с. 326 и 328.

⁴²¹ Изменения *r* можно проследить в истории других языков, например, татского, где из *d* (*δ*) между гласными и в конце слова после гласного развился *r* см. *Миллер В.* Татские этюды, часть II, М., 1907, с. 19–20, § 89; *Соколова В.С.* Очерки по фонетике иранских языков, ч. I. М.–Л., 1953, с. 141, а также *Корш Ф.Е.* Следы диалектического ротацизма в среднеперсидском языке. ДВ, 2, III, М., 1903, с. 11–21.

Что касается датировки процесса $\delta > r$, то по этому поводу существуют различные точки зрения.

Исследователи, опирающиеся на данные русской летописи, где под 1230 годом упоминается болгарский титул *turun* (**tuδun*)⁴²², считают, что это изменение уже совершилось к XIII веку⁴²³.

И. Маркварт, используя сведения Абу-Хайяна и некоторые другие источники, полагает, что переход $\delta > r$ наступил самое раннее в XIV веке⁴²⁴.

Наконец, М. Палло на основе чувашских заимствований венгерского языка приходит к выводу, что изменение $\delta > r$ совершилось уже к концу IX века⁴²⁵.

В качестве одного из доказательств своей гипотезы она привлекает два венгерских слова *-ur* «повелитель, господин» и *tor* «поминки», возводя их к древнечувашским формам *ir̄ə* < **iδu* и **tor* < **toδ*.

Рассмотрим соответствующий тюркский языковой материал. Чувашский *ir̄ə* «добрый, хороший, здоровый, почтенный, святой» обычно сравнивают с др. тюрк. *edgü*, тат., баш. *izgə*, ккал. *ijgi* «добрый, хороший, святой»⁴²⁶ или др. тюрк. *arıy*, саг. *arıy* «чистый, святой, добрый»⁴²⁷.

С фонетической точки зрения др. тюрк. *edgü*, *eðgü* могло бы сохраниться в чувашском в виде **ir̄ə* (ср. *irat*, *irut* и *ir̄ə ut* «добрый конь», *ir̄əzər* «поганый, мерзкий, скверный», где *ir*, по словам Н.И. Ашмарина, неупотребительное слово). Однако вполне допустима и вокализация *ir̄ə*. Семантика *edgü* и *ir̄ə* также очень близка: например, тат. *izgə* «священный, святой», *izgələk* «доброта, благо». Нам кажется более вероятным сближение чувашского *ir̄ə* с тюркским *arıy*.

Фонетически аналогичные *i ~ a* могут быть подтверждены такими параллелями:

чув. *ir-* «уставать» ~ тюрк. *ar-*, *arı-*, *ir-*;

iryan «худой, тощий» ~ тюрк. *arıq*;

idə «нечет, излишек» ~ тюрк. *artıq*.

⁴²² Шахматов; Самойлович (2).

⁴²³ Porre (3) § 16. Для установления нижней хронологической границы (XI в.) изменения $\delta > r$ И. Бенцинг использовал словарь Махмуда Кашгарского. Достоверность сведений М.К. о языке булгаров оспаривал О. Прицак (4), с. 92–116).

⁴²⁴ Markwart, с. 79–81.

⁴²⁵ Pallo (2), с. 256.

⁴²⁶ См., например, В.Г. Егоров. Этимологический словарь.

⁴²⁷ Porre (7), с. 40.

Семантически такие значения чув. *irə*, как «добрый, святой, здоровый» можно проиллюстрировать следующими примерами:

тат. *aru*

1. чистый,
2. добрый, хороший,
3. здоровый;

arusəz «нечистый, поганный»

(ср. чув. *irzər*);

хак. (Сл. алт. и алад. нар. с. 28):

arıy mal «животное, посвященное в жертву» (ср. хак. *iziq* «животное, посвященное в жертву»);

arıy tın «чистая, светлая душа»; *arıy küs* «добрая сила»; *arıy at* «добрый конь» (ср. чув. *irə ut, irat, irut*).

Нельзя ли предположить в чув. *irə* контаминацию двух слов *irə* и **irə*, хак. *izix*, алт. *ijiq*, тув. *idiq* и т.д., то оно представляет ряд семантических и фонетических трудностей.

Во-первых, все вышеприведенные слова возводят к глагольной основе *id-* «посылать», с которой обычно сопоставляют чув. глагол *jar-* (ср. общетюрк. **iid-* «задерживать» ~ чув. *čar-*).

Во-вторых, семантически к хак. *izix* «предмет преклонения, почитания; духи рек, гор, долин; священный», як. *itik* «животное, посвященное в жертву», алт. *ijiq* «духи рек, гор, долин; священный» и т.д. ближе чув. *jarəx* «первоначально посвящение (предмет, посвященный духу), потом название духа, впоследствии — злого» (Аш. Сл., V, 141)⁴²⁸.

Венгерское *tor* «поминки, пиршество» причислялось к тюркским заимствованиям⁴²⁹ на основании встречающегося у Л. Вамбери⁴³⁰ сомнительного *tor* «пиршество».

М. Палло сопоставляет это слово с тюркским глаголом *tos-*, *tot-*, *toj-* «наедаться» и усматривает в нем древнечувашское имя **tor* < **toδ*.

В связи с этим необходимо отметить, что в живых тюркских языках в значении «пир» употребляется слово *toj* (в том числе в *z* и *d* языках): тур. *toj* «свадьба, пир», хак. *toj* «пир, свадьба», тув. *doj* «пир, праздник», сюг. *toj*

⁴²⁸ Как справедливо отметил *Й. Бенцинг* (2), сопоставление чув. *jarəx* ~ общетюрк. *idiq* фонетически не совсем оправдано.

⁴²⁹ *Palló* (2), с. 256.

⁴³⁰ Это слово попало также (со ссылкой на *Вамбери*) в словари *В.В. Радлова* и *Л. Будагова*.

«пиршество, угощение, праздник, свадьба», а в значении «сытый» *toq*: тур. *tok*, хак. *tox*. В якутском языке имеется слово *tot* «сытый, достаток, благосостояние» (ср. як. глагол *tot-* «насыщаться»), однако формы **toδ*, **toj* нами пока не обнаружены ни в одном из живых тюркских языков. Чувашский глагол *tʃran-* «наедаться, насыщаться» и як. *tot* «сытый, достаток» позволяют гипотетически восстановить слово **tor* «сытый», «сытость» (?) «пиршество». Однако оно пока нигде не засвидетельствовано.

М. Палло ссылается и на «древнечувашские» заимствования, якобы отражающие *z-* стадию: *búza* «пшеница», *túzok* «дрофа», *úz-* «гнать, преследовать, травить, быть страстным»⁴³¹. Однако при анализе слов *búza* и *túzok* следует учесть мнение Л. Лигети, согласно которому их надо включать в *d-*группу древнетюркских заимствований венгерского языка вместе с *idő* «время» и *szőlő* < **šedlāj* «виноград». Появление «незакономерного» *z* на месте *d* Л. Лигети объясняет фонетически: *d* сохранился в середине слова, в конце слога и после сонорных и перешел в *z* после *γ*. Особое развитие *d* в комплексе *γd* подтверждают и современные тюркские языки, в которых *d* в интервокальной позиции и в конце слова представлен как *z*, *j*, *r*, а после *γ* и сонорных сохраняется⁴³²: туркм. *buγdaj*, хак. *puγdaj*⁴³³ и т.д.

⁴³¹ Palló (2), с. 253 и сл.

⁴³² Ligeti (1), с. 32–34; ср. точку зрения Poppe, который полагает, что источником *d* и *z-*форм являлись разные тюркские диалекты.

⁴³³ Интересны тюркские названия дрофы:

тур. *toj*, *tojdari*, *toγdari*,

туркм. *toγdari*,

ног. *duwadaq*,

каз. *duwadaq*,

кум. *duγadaq*,

баш. *tuγadaq*,

тат. *dūdäk*,

узб. *tuvdäq*, *tuvaläq*,

кир. *tōdak*,

хак. *todax*,

тув. *#oγduq*,

совр.монг. *tōdoγ*.

Прототипом для венгерского *túzok*, вероятно, послужила форма, близкая к узб. *tuγdäk*, кир. *tōdaq*, нечто вроде **tuγdäq* (ср. русское *dudak* < тюрк.?).

Из-за отсутствия необходимых материалов трудно судить, восходят ли слова *üdik* «страстное желание», *üdür-* «преследовать» (МК), *ütäj-* «прогонять, угонять» (як.) к одному источнику.

При сравнении глаголов *üdür-* и *ider-*, где М. Палло допускает спорадическое чередование *ü ~ i*, хотелось бы привести тув. *eder-* «идти вслед, сопутствовать», *ederiš-* «подружиться», «случаться (о животных)», хак. *izert-* «увлекать за собой», туркм. *ejer-* «следовать», сюг. *ezer-*, тат. *ijär-* и т.д. Таким образом, придется говорить уже о спорадическом чередовании *ü ~ i ~ e*.

М. Палло сопоставляет далее венг. *űz-* и совр. чув. *ur-* «беситься». Однако это сопоставление не может быть принято, так как предполагаемый древнечувашийский **ud-* мог быть представлен в современном чувашском как **vār-* (см. «Вокализм» с. 74–75).

Фонетический облик глагола *ur-* «беситься» позволяет восстановить такие праформы: **ar-*, **az-*, **ad-*, **or-*, **oz-*, **od-* (см. «Вокализм» с. 57, 70–71). Обычно его сравнивают с баш. и т.д. *ad-* «озорничать, свихнуться, сбиваться с пути».

Все вышесказанное, как нам кажется, свидетельствует о том, что тюркские («древнечувашийские») *r* и *z*-займствования венгерского языка пока не представляют надежной основы для датировки процесса $\delta > r$. Мы слишком мало знаем о тюркских диалектах болгарского племенного союза: вполне вероятно, что там сосуществовали *r*, *z*, δ диалекты.

Во всяком случае, язык болгарских эпиграфических памятников был *r*-языком, а следовательно, верхней хронологической границей процесса $\delta > r$ остается XIII в.

В чувашском языке встречаются слова, которые по признаку *r* являются заимствованными из *j*-диалекта, так как в них вместо ожидаемого *r* выступает *j*:

др. тюрк. *idi* «хозяин, владелец», тур. *ije*, тат. *ijä*, уйг. *egä* и т.д.; чув. *ije*;

тув. *adür-*, хак. *azür-*, туркм., тур. *ajür-* «делить, отделять»; чув. *ujär*;

як. *atür*, хак. *asxür*, туркм. *ajyür*, уйг. *ajyir* «жеребец», чув. *äjär*;

др. тюрк. *qadyu*, ср. тюрк. *qadju*, туркм. *gajyī* «скорбь, печаль»; чув. *xujjā*;

як. *kuturuk*, тув. *quduruq*, хак. *xuzurux*, туркм. *gujruq*, тат. *qǝjrǝq* «хвост» ~ чув. *xüre*;

як. *kut-*, тув. *qut-*, хак. *xus-*, сюг. *qoz-*, *quz-*, туркм. *gij-* «лить»; чув. *xǐv-*.

Наконец, остановимся на этимологии слова *pǐzǝk* «большой, высокий».

З. Гомбоц вслед за В. Гренбеком возводил чув. *pǐzǝk* к **bǝgdik*, **bǝdik* «высокий»⁴³⁴. Г. Рамстедт отверг эту этимологию и считал *pǐzǝk* ~ *puzǝk* тюркским заимствованием (< *bojsak*). Нам кажется, более приемлемой третья этимология: *pǐzǝk*⁴³⁵ < тат. *bazǝq*, баш. *baǝǝq*, кум. *bazǐq* «крепкий, дюжий». Различие в семантике «большой, высокий» — «крепкий, дюжий» предварительно можно объяснить следующей аналогией:

тат., баш. *lajǝq* «достойный, приемлемый» ~ чув. *lajǝx* «хороший, прекрасный»;

тат., баш. *najan* «лукавый, хитрый» ~ чув. *najan* «ленивый»: *ǐ* // *u* < *a* так же, как в *pǐl* «мед», *pǐr-* «ходить» и т.д.

Спирант *ɣ*⁴³⁶

ɣ (*ɣ'*) в конце слова и слога в чувашском дает нуль⁴³⁷:

туркм. *ǝari*, тат. *sarǝ*, кир. *sari*, уйг. *seriq*, хак. *sariɣ*, тув. *sariɣ* «желтый» ~ чув. *ǝurǝ* «белый»;

туркм. *dǝr*, тат. *turǝ*, кир. *toru*, хак. *torɣ*, тув. *doruɣ*, «гнедой» ~ чув. *turǝ*;

тур. *asǐ*, тат. диал. *asu*, др. тюрк. *asɣ* «польза» ~ чув. *uzǝ*;

тур. *satǐ*, тат. *satu*, кир. *satū*, хак. *sadɣ*, тув. *sadɣ* «продажа, торговля» ~ чув. *sudǝ*;

тур. *ǝeri*, уйг. *ǝerik*, кир. *ǝerū*, тув. *ǝerig* «войско, армия» ~ чув. *ǝar*;

⁴³⁴ Та же этимология у В.Г. Егорова (Этим. слов., с. 173). В чувашском языке пока больше не обнаружено заимствований из *z*-диалекта.

⁴³⁵ В чувашских говорах встречаются варианты: *paɣǝk*, *puɣǝk*.

⁴³⁶ О *ɣ* в сочетаниях типа *aɣ*, *oɣ* и т.д. — см. раздел «Сочетания гласных и согласных».

⁴³⁷ Ср. *Poppe* (3), § 14; *Benzing* (3).

тур. *elli*, тат. *illə*, уйг. *ellik*, кир. *elü*, хак. *ilig* «пятьдесят» ~ чув. *allə*;

хак. *čigren*, ног. *jijren*, баш. *järän* «рыжий» ~ чув. *šüren*;
туркм. *jigrimi*, кир. *jǰirma*, хак. *čibirgi*, як. *sürbä* «двадцать» ~ чув. *širəm*.

В инлауте (между гласными) он дал *v*:

туркм. *oʷul*, кир. *ül*, тат. *ul*, як. *uol*, тув. *öl* «сын» ~ чув. *ivəl*;

азер. *jüjän*, уйг. *jügän*, тат. *jögän*, кир. *jügön* «узда» ~ чув. *jəven*.

Общетюркский *j*

Многие алтаисты полагают, что алтайские анлаутные **n*, **n'*, **d*, **ɟ* и **j* совпали в пратюркском (общетюркском) и стали передаваться через *j*⁴³⁸, который впоследствии дал различные рефлексy в тюркских языках⁴³⁹.

При этом в предтюркском⁴⁴⁰ еще сохранялись *d*, *ɟ*, *n*, *n'*.

Однако существуют и иные точки зрения. Так, G. Clauson, отрицающий генетическое родство алтайских языков, принимает для пратюркского анлаута звонкий зубной спирант *ʒ*⁴⁴¹. Л.М. Щербак предполагает в пратюркском анлаутный глухой межзубной спирант *ʒ*⁴⁴².

Таким образом, взгляды всех исследователей предопределены, с одной стороны, их отношением к характеру алтайской общности, а, с другой стороны, принимаемой ими системой консонантизма.

У сторонников генетического родства алтайских языков получается такая схема:

⁴³⁸ См., например, *Räsänen* (5), с. 25 и 160; *Popper* (6), с. 154, 33; *Ramstedt* (2), § 27.

⁴³⁹ См. критику этой точки зрения у *Б.А. Серебрянникова* (6).

⁴⁴⁰ *Popper* (6), с. 154.

⁴⁴¹ *Clauson* (2), с. 43–45.

⁴⁴² *Щербак* (6), с. 33.

алтайский d (δ), j , j , n , n'

пратюркский j

современные

тюркские j , j , d' , z , z , $č$, c , s , $š$

или $j > j > č$

$j > j > č > c > s$

$j > j > č > š$ или $j > d' \sim j > z > š$ и т.д.

У их оппонентов исходным в пратюркском остается тот же j^{443} или спирант типа δ , ϑ (в зависимости от того, признает ли данный исследователь наличие звонких смычных в пратюркском анлауте).

Вопрос о сущности алтайской общности остается для нас открытым и, так как мы рассматриваем чувашский язык, исходя из общетюркского состояния (см. об этом в разделе «Введение»), нам важно определить наиболее вероятный характер исходного спиранта в общетюркском j или δ (ϑ).

Выбор в какой-то мере подсказывается следующими обстоятельствами:

- а) системой анлаутных согласных в общетюркском;
- б) рефlekсами восстанавливаемого спиранта в современных и древних тюркских языках.

Если даже согласиться, что в общетюркском анлауте находились только сильные смычные (глухое начало), то j , как показывает история консонантизма различных языков (например, финно-угорских), вполне совместим с такой системой.

Спорадическое озвончение смычных в отдельных группах тюркских диалектов могло поддержать аффрикатизацию этого начального j , то есть $j > j$ или $j \sim j$ (в особых комбинаторных условиях).

Джеканы в тюркских языках было отмечено сравнительно рано⁴⁴⁴.

⁴⁴³ Богородицкий, с. 106; Серебренников (6), с. 67 и сл.; Серебренников (4), с. 30.

⁴⁴⁴ См., например, А. Бернштам. О древнейших следах джеканы в тюркских языках Средней Азии; Porre (1), с. 101. Ligeti (3).

Из ряда $j \sim d' \sim j^{445}$ можно вывести все современные анлаутные спиранты этого типа:

$\check{j} > \check{c} \dots > c > s,$

$d' > t' > \check{c}' > \acute{s},$

$j > \check{j} > \check{z}$ и т.д., и т.п.

В пользу начального j говорит и широкое распространение этого спиранта в анлауте современных и древних языков⁴⁴⁶.

Признавая известную симметричность в системе общетюркского консонантизма в том смысле, что ауслатные (инлаутные) согласные — аллофоны анлаутных, нельзя не заметить, что рефлексы анлаутного и инлаутного спиранта рассматриваемого типа (* δ) сильно расходятся:

* δ — (* δ -) $\check{j} \check{z} \check{c} s \acute{s}$ и т.д.

— * δ — $j z t r$ и т.д.

Иногда это расхождение объясняют неравномерностью развития начального и не начального (* δ -)⁴⁴⁷, в другом случае здесь все же усматривают рефлексы различных фонем⁴⁴⁸.

Если общетюркский консонантизм был построен на противопоставлении сильных и слабых смычных (следовательно, и аффрикат), то в общетюркском анлауте могла наличествовать слабая (звонкая?) аффриката \check{j} (d'). Эта аффриката в ряде языков (например, юго-западных) могла дать j и совпасть с $j < * $\delta$$ (если последний существовал в общетюркском анлауте), а в некоторых языках оглушилась (после того как сильный $\check{c} > s, \acute{s}$) и сохранилась до наших дней.

Чувашский анлаутный спирант \acute{s} , по мнению специалистов⁴⁴⁹, восходит к общетюркскому \check{j} ($< j$?).

Процесс $\check{j} > \acute{s}$ обычно представляют таким образом:

$\check{j} \sim d' > d'z' > z' > \acute{s}.$

Что касается хронологии $\check{j} > \acute{s}$, то показательными в этом отношении являются данные финно-угорских языков⁴⁵⁰.

⁴⁴⁵ Чередование $j \sim d' \sim j$ является живым во многих тюркских языках и диалектах.

⁴⁴⁶ См. *Räsänen* (5), с. 160.

⁴⁴⁷ *Щербак* (5), с. 153.

⁴⁴⁸ *Богородицкий*, с. 105.

⁴⁴⁹ *Ramstedt* (2), § 20, *Poppe* (3), *Räsänen* (5), с. 160; *Егоров* (2), с. 220.

Известный интерес представляют мордовско-чуваши́ские параллели. По мнению Х. Паасонена⁴⁵¹, старые чувашские заимствования могли попасть в мордовский язык до XIII в.⁴⁵²

К заимствованиям такого рода можно отнести:

эрзян. *сюконямс*, мокш. *сюконямс* «наклониться, поклониться» < чув. *śāgǝn* «становиться на колени» (кум. *jügün-*, кир. *jügün-*, каз. *žögen-*, баш. *jögǝn-*);

мокш. *сирек* «ясень», эрзян. *сирть* «ильм» < чув. *śirək* «ольха» (баш. *jərək*, з. с.г. *jörək*, но тат. *zirək* < чув?. ср. узб. *zirk* «барбарис»).

Х. Паасонен⁴⁵³ причисляет к чувашским заимствованиям и мокш. *сере* «медь» (в эрзянском — *ниже*). Это слово возводится к утраченному чувашскому **ser* (кум., ног. *jez* «медь», кир. *jez*, тув. *čes*, совр. чув. *jəs* «желтая медь» заимств. из кыпч. языков, ср. баш. *jəd*).

Вокализм этих трех заимствований несколько противоречив: *сере* и *сюконямс* относятся к периоду, до того как *e* > *i* и *u* > *ǝ*, в *сирек*, как будто *e* > *i* уже совершился (однако этимология этого слова в тюркском также остается неясной⁴⁵⁴).

Чувашские заимствования в удмуртском: *сюлык* «старинный женский головной убор» < чув. *śulǝk* «платок», общетюрк. *jaʎliq*;

сюловорыны «просить, умолять» (в чувашском не сохранилось), ног. *jalbar-* «умолять»;

⁴⁵⁰ В чувашских заимствованиях марийского языка на месте чувашского *ś* обычно выступает *z*. Однако примечательны и такие параллели:

чув. *śǝl*, др. тюрк. *jul*, хак. *čul* «ключ, ручей» ~ мар. *jul* «название реки Волги»;

чув. *śin* «человек» ~ мар. *jeŋ*;

чув. *śər* «ночь» ~ мар. *jüd*.

⁴⁵¹ *Paasonen*, с. 7.

⁴⁵² Д.В. Бубрих писал, что «интенсивное воздействие волжско-булгарской (чувашской) речи на мордовскую началось относительно рано» (с. 7). Он относит чувашско-мордовские контакты к первой половине I тысячелетия н.э. (Там же, с. 6).

⁴⁵³ Указ. соч., с. 5

⁴⁵⁴ Морд. *сирть*, *сирек* сопоставляют также с мар. *шорва* «ясень», удм. *сирпу* «вяз», где *пу* «дерево».

сякан «рогожа» (в чувашском не сохранилось, есть лишь поздние заимствования (*čagan*, *jəkkən*), ср. кир. *jekeŋ* «кута», ног. *jekeŋ* «осока» и т.д.;

сволык «грех» (?) < чув. *šiləx*, ср. др. тюрк. *janluq* «ошибка» (ср. алт. *d'aŋil-*).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает удм. *силь*, входящее в состав сложных слов *сильзор* «ливень» (где *зор* «ливень», коми *зер* «дождь») и *сильтол* «ураган, буря» (*тол* «ветер» угрофинского происхождения).

Это слово, по данным В.И. Лыткина⁴⁵⁵, имеется в древнепермском языке *šil* «буря», в вымском диалекте коми-зырянского языка *šij*, нижевычегодском диалекте коми-зырянского языка *šiv* «сильный ветер», присыктывкарском диалекте коми-зырянского языка: *кыз-сыв* «вовсю, бурно».

В.И. Лыткин вначале полагал, что слово *šil* ~ *šiv* иранского происхождения⁴⁵⁶. Позднее он стал сопоставлять его с чувашским *šil* «ветер»⁴⁵⁷.

Если принять эту этимологию, то получается, что в чувашском *j* > *š* и *e* > *i* осуществлялись еще в период пермской общности⁴⁵⁸ до VIII–IX вв. н.э. Однако известно, что в болгарских надгробных надписях XIII–XIV в. еще писали *ǰ* (быть может, это уже орфографическая условность?).

Остается еще несколько предположений:

1) коми-зыр. *šil*, удм. *šil* не чувашского происхождения.

2) *šil* попало в коми-зырянский сравнительно поздно (через какого-нибудь посредника).

3) Коми и удмуртский *š* являлись субститутом какого-то звука, отличного от современного чувашского *š* (ср. коми *сёркни* ~ чув. *šaršk*, коми *сюри* «цевка» ~ чув. *šarə*, коми *кись* «бердо» ~ чув. *xəš*, где этимология первого слова нам пока неизвестна, а во втором и третьем слове *š* выступает на месте древнечувашского *č*).

⁴⁵⁵ См. Лыткин (3), с. 196, (1), с. 120.

⁴⁵⁶ Лыткин (1), с. 120.

⁴⁵⁷ Лыткин (3), с. 196.

⁴⁵⁸ Ю. Вихман полагал, что удмуртское *šil* относится к более поздним чувашским заимствованиям, так как обычно в удмуртском старое чув. *e* отражается как *e*.

4) В эпоху заимствования и позднее существовало несколько диалектов (два?) чувашского типа, имеющих в анлауте различные спиранты (аффрикаты) типа $\check{y} \sim \check{z}$.

Последнее предположение как будто находит поддержку в так называемых «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка.

Известно, что современный чувашский \acute{s} имеет двойное соответствие в «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка (случай $\acute{s} \sim 0$ (нуль) мы опускаем) gy (d') и sz ($-s-$):

1. венг. *gyúr-* «месить» ~ совр. чув. *śār-*;
венг. *gyertya* «свеча» ~ совр. чув. *śurda*;
венг. *gyűrű* «кольцо» ~ совр. чув. *śarə*;
венг. *gyom* «сорная трава» ~ совр. чув. *śum*;
венг. *disznó* (< *gyísznó*) «свинья» ~ совр. чув. *śisna* (**śisna*);
венг. *gyékény* «рогожа, циновка» удм. *сякан* < чув. ;
венг. *gyümölcs* «плод, фрукт» ~ чув. *śiməś* «еда»;
венг. *gyermek* «ребенок» ~ чув. *śamrək*, *śarmək* «молодой».

Некоторые тюркские заимствования венгерского языка с начальным gy не имеют явных фонетических (или семантических) примет чувашского языка:

- венг. *gyalom* «рыболовная сеть» ~ чув. *śiləm*, кум., ног. *jilim*;
венг. *gyeplő* «повод, вожжи» (ср. тур. *iplik* «нитка»);
венг. *gyás* «траур» (ср. тур. *jas*);
венг. *gyapjú* «шерсть» ~ тур. *japak*, ног. *jabayī* и т. д.
венг. *gyarló* «несовершенный, дефектный» ~ ног. *jarlā*, чув. *jurlā* и т. д. «бедный»;
венг. *gyűszű* «наперсток» (ср. тур. *jüksük*);
венг. *gyepű* «межа, живая изгородь» (ср. чув. *śabā* «хворост», удм. *чебы* «плетень»).

2. Соответствие венг. sz (в древнечувашских заимствованиях) ~ чув. \acute{s} обычно иллюстрируют следующими примерами:

- венг. *szél* «ветер» ~ чув. *śil*;
венг. *szőlő* «виноград» (< *sződlő* < **śedlär* ~ чув. *śirla* «ягода»);
венг. *szűcs* «скорняк» ~ чув. *śəvəś* «портной».

В последнее время сюда же причисляют венг. *szárny* «крыло» ~ чув. *śurəm* «спина»;

венг. уст. *szár* «шафранно-желтый», и венг. уст. *szár* «лысый, голый» (последнее сопоставляют с чув. *šara* «голый») ⁴⁵⁹.

Рассмотрим несколько подробнее соответствующий фактический материал.

В венгерском *szűcs* «скорняк» можно выделить суффикс *cs* (ср. *ács* «плотник», *szatocs* «мелкий торговец»). Помимо чувашского это слово сохранилось в татарском (диал.) *ǰǰǰǰ*, а его основа в мишар. *jüläw* «шить».

Венгерскому устаревшему *szár* «шафранно-желтый», вероятно, тождественно чув. *šir*; *širə* «светло-коричневый, каштановый» (ср. туркм. *jaǰǰ* /в *garajajǰǰ*/, тур. *ja'iz* 1 – «смуглый, брюнет», 2 – «вороная лошадь» (у Л. Будагова: «каштановый»).

Венгерское уст. *szár* «лысый, голый» сопоставляют с чувашским *šara* «голый».

Чувашское *šara* может восходить к **čärä* или **järä*, так как *a* ~ *a* лишь в поздних заимствованиях, а первоначальный **a* > *u*.

В марийском языке находим *čarä* «голый, нагой» (ср. тат., баш. *šärä* «голый, облезлый» ⁴⁶⁰ < чув. *šara*, *šärä*) возможно, из тюркского (татарского?) *čärä*.

История интерпретации рассматриваемого двоякого соответствия подробно освещена у М. Palló ⁴⁶¹. Коротко говоря, исследователи либо усматривали здесь отражение диалектальных различий чувашского языка ⁴⁶² (*gy* и *sz* диалекты), либо отражение различных периодов его истории, либо скептически относились к достоверности *sz*-этимологий ⁴⁶³. Сама М. Palló исходит из возможности различной субституции звуков *ǰ* типа в различные периоды венгерско-тюркских контактов (*ǰ* через *ś* = *sz*- ранний предтюркский период, *ǰ* через *gy* (*d'*) более поздний период).

Диалекты современного чувашского языка не сохранили каких-либо следов чередования начального *ś* (*ś* ~ *j*, *ś* ~ *š* принадлежат к поздним явлениям). Однако само

⁴⁵⁹ См. у Palló (1), с. 128–133.

⁴⁶⁰ Ср. также Räsänen (2), с. 188–189.

⁴⁶¹ См. указ. соч., с. 128–134.

⁴⁶² См. у Ligeti (1), с. 29 и сл.

⁴⁶³ Например, Г. Рамstedт, который считал, что венг. *szél* иранского происхождения.

по себе это не исключает возможности, что в эпоху венгерско-чувашиких (булгарских) контактов и позже существовало несколько диалектов чувашского типа.

В значительной группе чувашских слов в анлауте выступает *j*⁴⁶⁴. Во-первых, мы имеем здесь дело с сравнительно поздними заимствованиями, в которых сохраняется *a* корневого слога:

jaγān «около, близко» ~ тат., баш. *jaqān*;

jalav «флаг, знамя, лента» ~ з. с. г. *jalaw*, ккал. *žalaw*;

jalan «всегда» ~ тат., баш. *jalan*;

janax «подбородок» ~ тат., баш. *jaŋaq*;

jabāx «плохой, запущенный» ~ тат. *jabāq* «худой, тощий»;

jaš «стройный, молодой» ~ тат., баш. *jāš* и т.д.

Сюда же принадлежат случаи, где чувашскому *u* первого слога соответствует *u* татарского и башкирского языков:

juldaš «товарищ» ~ тат., баш. *juldaš*;

jurt- «бежать рысью» ~ тат., баш. *jurt-*;

jurγa «рысак» ~ баш. *jurγa* «иноходец»;

juškān «ил, накипь» ~ баш. *jušqān*.

Смешение с кыпчакскими диалектами привело к появлению форм, участвовавших в процессе *a > o ~ u*:

jula «клевета» ~ ног., тат., баш. *jala*, кир. *ǰala*;

julanut «конный, верховой» ~ з. с. г. *jalan at*;

juhγav «лентяй» ~ ног., тат., баш. *jalkaw*;

juna- «грозить» ~ тат., баш. *jana-*;

jubaх «шерсть-линька» ~ тат. *jabaγa*, баш. *jabaγā*, кир.

ǰabaγi;

jura- «годиться» ~ ног., тат., баш. *jara-*;

jarlā «бедный» ~ тат., баш. *jarlā*, ног. кум. *jarli*, каз.,

балк., ккал. *žarli*, кир. *ǰardi*;

jurta «молочная приправа» ~ тат., баш. *jarma*, балк.

ǰarma «крупа» и т.д.⁴⁶⁵

В чувашских словах такого типа *u* первого слога иногда дает *ā*:

jālān- «просить» (гов. *julān-*);

jānāš «ошибка» (гов. *junāš*) и т.д.

⁴⁶⁴ О *j* протезе и *j < q* см. соответствующие разделы.

⁴⁶⁵ Подробнее см. *Porre* (4).

Общетюркский $-j^{-3}$ ($-j$)

Под $-j^{-3}$ ($-j$) мы подразумеваем в отличие от j^1 (j ~ \check{y} ~ \check{z} - и т.д.) и j^2 ($-j$ ~ $-d$ ~ $-z$ ~ $-r$ и т. д.) фонему, восходящую к $*-j$ - или $*-\tilde{j}$ - (\acute{n})⁴⁶⁶. Например:

як. *baj-*, тув. *ḥajī*, туркм. *baja-* «богатеть» ~ чув. *puj-*;

тур., кум. *güneş* «солнце», тат., баш. *qõjaş* ~ чув. *xävel*.

Часть слов с ауслатным (инлаутным) j попала в чувашский из других тюркских языков (*uj* «поле», *uj* «мысль»). Но их не всегда легко выделить из чувашской лексики, так как в большинстве случаев они не имеют надежных признаков «древнечувашского» типа. Поэтому мы ограничимся приведением иллюстративного материала:

тув. *oj* «низина, лощина», туркм. *õj* «долина», баш. *uj* ~ чув. *uj* «поле»;

тув. *doj* «свадьба, пир», туркм. *toj*, тат., баш. *tuj* ~ чув. *tuj* «свадьба»;

як. *ij* «месяц, луна», туркм. *aj*, кир., хак., тур., тув., баш., тат. *aj* ~ чув. *ujãx*;

тув. *xajir* «солончак», тур. *kajir* «песчаный нанос в устье реки», ног. *qajir* «песок» ~ чув. *xãjãr*;

тув., хак. *ajas* «ведро, ясная погода», туркм. *ajad* ~ чув. *ujar*;

хак. *aja-* «жалеть, щадить», туркм., тат., балк. *aja-* ~ чув. *uja-*;

як. *tajax* «палка», туркм., кир. *tajaq* ~ чув. *tuja*;

хак. *kik* «косуля, дикая коза», баш. *kãjãk* «зверь, дичь» ~ чув. *kajãk* «птица, зверь».

Общетюркский s

Общетюркский анлаутный s ⁴⁶⁷ отражается в чувашском литературном языке как s -, \check{s} - и 0 (нуль)⁴⁶⁸:

⁴⁶⁶ Принято считать, что в большинстве тюркских языков $-j$ - и $-j$ - < \acute{n} (последний может иметь и другие рефлексy) совпали.

⁴⁶⁷ Вопрос о начальных сибилантах в общетюркском требует дополнительного исследования. Возможно, в нем были представлены два сибиланта s и \acute{s} , которые в большинстве тюркских языков совпали.

⁴⁶⁸ См., например: *Räsänen* (5), с.150–153; *Poppe* (3), § 19; (7), § 11.

1. Общетюркский *s* ~ чувашский *s*:
тур. *sekiz*, кир. *segiz*, баш. *higäd*, як. *ayis* «восемь» ~ чув. *sakkär*;

тур., кир., тув. *süt*, баш. *höt*, туркм. *ǰüt*, як. *ūt* «молоко» ~ чув. *sät*;

2. Общетюркский *s* ~ чувашский *š*:

тур. *su*, тув. *suŋ*, баш. *həw*, туркм. *ǰuw*, як. *ü* «вода» ~ чув. *šiv*;

тур. *sinir*, кум., узб. *siñir*, баш. *həǰər*, туркм. *ǰinir*, як. *iñir* «жила» ~ чув. *šänär*.

3. Общетюркский *s* ~ чувашский *θ* (нуль)⁴⁶⁹.

хак. *sus-*, тат. *sös-*, тув. *us-*, баш. *höθ-*, туркм. *ǰuθ-* «черпать, цедить» ~ чув. *äs-*;

тат. *sösa*, баш. *höva* «челнок» ~ чув. *əza*.

В нескольких чувашских словах на месте общетюркского *s* появляется *š*, например:

тур. *saç*, туркм. *ǰaç*, як. *as*, кир. *čaç* «волосы» ~ чув. *šüsš* (< **sus* < *saç*, *u* > *ü* под влиянием *š*).

В середине и конце слова общетюркский *s* представлен в чувашском как *s*⁴⁷⁰.

тур. *ası*, др. тюрк. *asıŋ*, тат. диал. *asu* «польза» ~ чув. *uzə*;

тур. *kısrak*, туркм. *gıǰıraq*, кир. *qıšıraq* «кобыла» ~ чув. *kəsre*;

кир., балк. *qıs-*, азер. *gıs-*, баш. *qəθ-*, туркм. *gıθ-* «жать» ~ чув. *xəs-*;

кир., уйг., кум., ног. *tüs*, тат. *tös*, баш. *təθ*, туркм. *tūθ* «цвет, масть, облик» ~ чув. *təs*.

Из вышеприведенных соответствий наиболее примечательным представляется: общетюркский *s-* ~ чув. *š-*:

а) *šänä* «муха» ~ тур. *sinek*⁴⁷¹;

šär- «мочиться» ~ хот. *sij-*, сюг. *siz-*;

šällä «младший брат» ~ узб. *siñil* «младшая сестра»;

šärgä «гнида» ~ кир. *sirke*;

šänär «жила» ~ узб. *siñir*;

⁴⁶⁹ Ср. *Räsänen* (5), с. 151, а также тувинские *us-* «черпать» < *sus-*, *iis-* «бодать», но хак. *süs-*, *ista-* «ломить (о суставах)», но хак. *sīsta-*.

⁴⁷⁰ Этимология чув. *əžə*, диал. *əžə* «теплый» < тюрк. *isig* кажется сомнительной; что касается аффикса принадлежности 3 лица *-š*, *-əžə*, *-əžə*, *-šə*, то о его происхождении см. у *Benzing K.J.* *Tschuwaschische Forschungen*, I, ZDMG, 94 (19) 2, 251–267.

⁴⁷¹ В целях экономии места соответствия приводятся из какого-нибудь одного тюркского языка.

šabən, šəvən «бородавка» ~ тур. *sijil*;
šəngar- «сморгаться» ~ тат. *səngər-*, ног. *simgir-*;
šəl- «мести, вытирать» ~ тур. *sil-*;
 б) *šəjār-* «царапать» ~ тур. *šijir-*;
šənəš- «помещаться» ~ тат. *šəjəš-*, уйг. *siyiš-*;
šəbār «пузырь» ~ баш. *həbəδγə* «свирель»;
šərza «бусы» ~ тур. *sirca* «стекло»;
šəγār- «свистеть» ~ тув. *šiyir-*;
šəmə «кость» ~ сюг. *šimik*;
šəla «судак» ~ баш. *həla (šəla)*, ккал. *šila*.

Во всех этих примерах *š* выступает в сочетаниях *si-*, *sī-*⁴⁷².

В слове *šur* «болото» (тюрк. *sāz* «то же») и *šurə* «белый» (тюрк. *sārīy* «желтый»), как думают некоторые ученые *š* появляется перед первичным долгим (дифтонгом ?) *šur* < *šar* < **siar*, *šurə* < **šarə* < **sjarī*⁴⁷³.

В слове *šuyəš* «дума, мысль, забота» не исключено ассимилятивное влияние ауслатного *š*, так как *šuyəš*, по-видимому, < *sayiš* (или *sāyīs* ?).

Если в слове *šəvar-* «орошать» (тат., хак. *suvar*, туркм. *suwar-*) можно усмотреть *s* > *š* по аналогии к *šiv*, *šu* «вода», то как объяснить появление *š* в самом слове *šiv* (*šu*, *šəv*, *šii*, *šəv*, *šivə*) ~ тув. *suγ*, туркм. *suw*, хак. *suγ*, тур. *su* ?

Не является ли этот *š* здесь исконным?

Остается также не вполне ясным происхождение *š* в словах *šəvər* «остроконечный» ~ туркм. *šijr*, тув. *sūr*, ккал. *šijər* (но тур. *sivri*) и *šəvel-* «разжижаться» узб., кир., алт. *sujul-*, ккал. *sujil-*.

Быть может, здесь сыграло роль палатализирующее влияние *j* (тем более что в слове *šəvel-* наблюдается опереднение вокализма).

⁴⁷² Некоторые исследователи полагают, что чувашский *š* возник из **s* под влиянием последующего *i* (*i*). Ср. *s* перед *i* в монгольских языках и солонском. Возможно, что *s* > *š* через ступень *ś* (Poppe (3), § 19). Ср. также чередование *ś* (< *j* и *č*) // *š* в чувашских говорах: *šijə* ~ *šivəjə* «острый», *šun-* ~ *šun-* «тесать», *širan* ~ *širan* «крутой берег» *šəgə* ~ *šəge* «стерлядь» и субституцию *ś* через *š* в чувашских заимствованиях татарского языка: *šəmər* «черемуха», *šürlek* «полка», *šärä* «голый», *šürə* «цевка».

⁴⁷³ Венгерские *sár* «грязь, болото», *sárga* «желтый» и *szam* «число», *szál* «плот» наводят на мысль о существовании в общетюркском двух сибилантов.

Для хронологизации $s > \check{s}$ важны так называемые «древнечувашские» заимствования венгерского языка, среди которых встречаются слова как с начальным s , так и \check{s} .

венг. *szám*⁴⁷⁴ «число» ~ чув. *sum* (туркм. *ṣān*)⁴⁷⁵;

венг. *szék* «стул» ~ чув. *sak* «лавка, скамья»;

венг. *szür-* «цедить» ~ чув. *sər-*;

венг. *szatócs* «лавочник» ~ чув. *sudužē* «торговец», но венг. *sár* «грязь» ~ чув. *šur* «болото» (туркм. *ṣād*);

венг. *sárga* «желтый» ~ чув. *šurē* «белый» (туркм. *ṣārī*);

венг. *serke* «гнида» ~ чув. *šārga*;

венг. *seper-*, *söpör-* «мести» ~ чув. *šēbār* «метла».

Соответствие $s \sim \check{s}$ (во всех позициях) наблюдается в чувашских говорах.

Вот некоторые примеры, почерпнутые из словаря Н.И. Ашмарина:

чув. лит. *savāš-* «радоваться» ~ гов. *šavāš-*;

чув. лит. *šivlāš* «дыхание» ~ гов. *šivlāš* (Козловский район);

чув. лит. *sevrāk* «севрюга» ~ чув. диал. *ševrāk*, *ševrik* (Алик. район), *ševrāk*;

чув. лит. *senger* «голубой цвет» ~ гов. *šenger* (Янтиковский и Шумерлинский районы);

чув. лит. *serebe* «метелка у овса» ~ гов. *šerebe* (Урмарский район);

чув. лит. *purāš* «барсук» ~ диал. *pārāš*;

чув. лит. *pardas* «голавль» ~ чув. гов. *pardaš*.

В красночетайском говоре⁴⁷⁶ чувашского языка s появляется там, где в литературном языке наличествует \check{s} , например,

кр. ч. *su* «вода» ~ лит. *šiv*;

кр. ч. *sānā* «кость» ~ лит. *šātmā*;

кр. ч. *sāna* «муха» ~ лит. *šāna*;

кр. ч. *sorā* «белый» ~ лит. *šurā*;

кр. ч. *sogāš* «мысль» ~ лит. *šuyāš*;

кр. ч. *kažāk* «ложка» ~ лит. *kažāk*;

⁴⁷⁴ Венг. $sz = s$, венг. $s = \check{s}$.

⁴⁷⁵ Возникает вопрос: почему развитие s в $*sān$ и $*sār$ не было параллельным? Разные источники заимствования или разные исходные анлаутные звуки? Ср. *Bárczi G.*, с. 72.

⁴⁷⁶ Ср. $s > \check{s}$ в истории марийского языка, охватившее и чувашские заимствования, а также $s' \sim \check{s}$ в марийских говорах.

кр. ч. *laža* «лошадь» ~ лит. *laža*;
кр. ч. *časkā* «чашка» ~ лит. *čažāk*;
кр. ч. *kosak* «кошка» ~ лит. *kužak*;

В ряде деревень Похвистневского района Куйбышевской области диалектологом Л.П. Сергеевым⁴⁷⁷ записаны слова *laža* «лошадь»; *sorā* «белый» (лит. *laža*, *šurā*), но *šakkār* «восемь», *šāmax* «слово» (лит. *sakkār*, *sāmax*).

Как можно интерпретировать некоторые из этих данных? Если предположить, что в случае *su* «вода», *sānā* «кость» мы имеем дело с каким-то более архаичным состоянием⁴⁷⁸, или вторжением *s*-диалекта, то появление *s* на месте этимологического *š* (*kazāk* «ложка» < *kazāk* < **qašiq*) нужно считать выравнением по аналогии.

Формы *šakkār* «восемь», *šāmax* «слово» в таком случае явились бы своего рода гипердиалектизмами.

В случаях *šavāš-* «радоваться», *šivlāš* «дыхание» возможна ассимиляция (ср. *šāzan* и *sažin* < русск. сажень, *šāzur*, *sažor* < русск. зажора (распутица). Остаются еще такие пары, как *senger* // *šenger*, *serebe* // *šerebe*, *sevrāk* // *ševrāk* и *purāš* // *pārāš*⁴⁷⁹.

Случаи *s* ~ *š* в анлауте встречаются и в других тюркских языках.

Так, например, в киргизском языке находим:

šipir- «мести» (но кир. южн. *sipir-*) ~ туркм. *šipür*-⁴⁸⁰;

šor- «сосать» ~ туркм. *šör-*;

širi- «стегать» ~ тат. *sār-*;

šajla- (и *sajla-*) «выбирать» ~ тат. *sajla-*;

šijraq «голень» ~ тат. *sājraq*;

šilekej «слиюна» ~ тат. *sälägäj*;

šiba- «мазать, штукатурить» ~ туркм. *šüwa-* (монг. *šiva-*);

šiqā- «втискивать» ~ туркм. *šiq-* (монг. *šiqā-*);

⁴⁷⁷ Там же, с. 168–169. Ср. также: Материалы по чувашской диалектологии, вып. 1, Чебоксары, 1960, с. 52–53.

⁴⁷⁸ По словам *Матвеева Т.М.* (1), с. 52 *š* > *s* свойственно гл. образом языку женщин. Ср. возражение *Котлеева В.И.* Материалы по чув. диал., II, с. 25.

⁴⁷⁹ Ср. *s* > *š* в истории марийского языка, охватившее и чувашские заимствования, а также *s'* ~ *š* в марийских говорах.

⁴⁸⁰ Во всех последующих примерах в большинстве тюркских языков представлены *s*-формы.

šiltō «повод, предлог» ~ тат. *səltaw* (совр. монг. *šaltaγ*);
šilte- «махать, кивать» ~ баш. *həltä-* (< *siltä-*).

š на месте общетюркского *s* спорадически появляется в кызыльском диалекте хакасского языка⁴⁸¹ (*šōx* «холод»; ср. тур. *so'uk*), в западносибирских говорах (*šuyış* ~ *suγış* «война» /не ассимиляция ли?/) ⁴⁸², в алтайском языке (*šülüzin* «рысь» < монг. (?) ср. кир. *sülösün*, *šülük* «пиявка», ср. кир. *sülük*). Ср. также ног. *šüjel* «бородавка», но кум. *süjel*, тур. *sijil*, кир. *söl*.

Наряду с *šə* < *si*, *šə* < *sī* в чувашском анлауте встречается и звуковой комплекс *sə* < *si*, *sə* < *sī*:

səlege «слюна» ~ туркм. *šilekej*

səldə «щелок» ~ ног. *silti*

səlt- «махнуть» ~ баш. *həltä-*, а также:

səj «угощение»,

səldav «повод»,

sən «внешний вид»,

sərə «краска»,

sərt «холм»,

səsla- «ныть»,

sirlan «повилка»,

sīs- «испражняться» и т.д.

Вероятно, здесь представлены «кыпчакские» заимствования чувашского языка.

s сохраняется и перед вторичным *i* (< *e*):

siple- «чинить, лечить»,

sis- «чувствовать»,

sik- «прыгать»,

sip «польза».

Общетюркский *š*

Большинство исследователей полагает, что анлаутный *š* в общетюркском отсутствовал⁴⁸³.

⁴⁸¹ См. *Дмитриев Н.К., Исхаков Ф.Г.* Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954.

⁴⁸² Материалы (1), с. 164.

⁴⁸³ См., например, *Räsänen* (5), с. 155; *В.А. Богородицкий*, с. 109, прим. 4; *Porre* (6), с. 29.

Анлаутный чувашский *š* имеет двойкий источник:

1) *š* < *s* (перед *i*);

2) *š* = *š* в заимствованиях, отчасти неясного происхождения:

баш. *šađra*, тат. *šadra* «оспа», хак. *sadıra* ~ чув. *šatra*⁴⁸⁴;

баш., тат. *šağmaq* «чурка» ~ чув. *šakmak*;

3. с. г. *šabār* «холщовый кафтан» ~ чув. *šubār* «летний кафтан из белого полотна»;

баш. *šārt* «предплужник» ~ чув. *šārt* «резец»;

баш., тат. *šārt* «щетина» ~ чув. *šārt*;

баш., тат. *šāškə* «норка» ~ чув. *šaškə*;

баш. *šāv-*, тат. *šu-* «двигаться, ползти» ~ чув. *šu-*;

тат., баш. *šāt-* «прорасти» ~ чув. *šāt-*;

тат. *šörčək* «сверчок» ~ чув. *šārčək*;

баш., тат. *šij-* «вянуть» ~ чув. *šan-*;

баш., тат. *šambā* «налим» ~ чув. *šamba*;

š может оказаться в анлауте в результате редукции анлаутного гласного:

чув. *šan-* «верить» < *āšan-* (ср. тат., баш. *āšan-*, кир. *isen-*, ккал. *əsen-*);

чув. *šal* «внутренность» < *āšal* < *āš* «нутро» и т.д.

В инлауте и ауслауте общетюркскому *š* в чувашском соответствуют *š*, *l* и *ś*.

В первом случае дело явно идет о заимствованиях из тюркских языков:

туркм. *ešek*, тат. *išək* «осел» ~ чув. *ažak*;

туркм. *gašiq*, тат. *qašəq* «ложка» ~ чув. *kažək*;

тур. *eş-* «бежать иноходью» ~ чув. *aš-* «бежать рысью»;

тат., баш. *jäš* «молодой» ~ чув. *jaš* «стройный» и т.д.

Вопрос о соответствии *l* ~ *š* рассматривается в специальном разделе.

Соответствие: общетюркский *š* ~ чувашский *ś* можно проиллюстрировать следующими примерами:

туркм. *iš*, тур., азер., кир. *iš*, тат. *aš* «работа, дело» ~ чув. *aś*;

тур. *pış-*, кир. *bış-*, туркм., азер. *bış-*, тув. *bış-*, як. *bus-*,

тат. *pəš-* «вариться» ~ чув. *pis-*;

туркм., тур., тат., кир. *baš*, як. *bas*, тув. *ba"š* «голова» ~ чув. *puś*;

тур. *kaşı-*, туркм. *gaša-*, тат. *qašə-* «чесать» ~ чув. *xiš-*;

⁴⁸⁴ Räsänen (2), с. 33–34.

туркм. *čiš-*, тур., кум. *šiš-*, баш. *šəš-*, тув. *īʃ-* «пухнуть» ~ чув. *šiš-*;

ног. *jasin*, хак., саг. *čazin*, тат., баш. *jäšan* «молния» ~ (?) чув. *šizəm*;

тат., баш. *kəšnä-*, тур. *kişne-*, тув. *kište-* «ржать» ~ чув. *kəžen-*;

тур. *pişir-*, туркм. *bişir-*, тув. *bižir-*, тат. *pəşər-*, як. *buhar-* «варить» ~ чув. *pəžer-*;

кир. *bīšiq-*, тув. *hīžiq-*, тат. *pəšək-*, баш. *bəšək-* «становиться прочным» ~ чув. *pižəx-*;

тур., туркм. *jemiš*, тат. *jiməš*, баш. *jəməš* «еда, корм, плод» ~ чув. *šiməš* и т.д.

Это соответствие по-разному интерпретируется специалистами.

Так, А.М. Щербак считает возможным говорить о двойном отражении *s* в инлауте и аулауте, различая позиции после первичного краткого гласного, где *š* дает *ś*, и после долгого гласного, где *š* дает *l* (ламбдаизм)⁴⁸⁵.

В известной мере сходную точку зрения высказывает и Benzing⁴⁸⁶.

N. Poppe, являющийся сторонником чув. *l̥* > общетюрк. *š*, в случаях чув. *ś* ~ общетюрк. *š* усматривает результат развития сочетания согласных *l̥č* (т.е. предтюркский *l̥č* в чувашском дает *ś*, а в пратюркском *š*)⁴⁸⁷.

Почти то же самое суждение находим у Ramstedt⁴⁸⁸: общетюрк. *jemiš* «плод» < **jimül'č* (венг. *gyümölcs*), где *č* уменьшительный аффикс.

Слова, в которых общетюркскому *š* соответствует чувашский *ś*, как показано выше, сравнительно немногочисленны.

Из пяти зарегистрированных нами односложных основ (*šiš-* «пухнуть» / *šizə* «опухоль» /, *as* «дело», *piš-* «вариться», *piš* «голова», *xiš-* «чесаться») в двух в общетюркском наличествовал долгий гласный *šiš-* ~ туркм. *čiš-*, *as* ~ туркм. *iš*, як. *iš*.

Таким образом, закономерность, отмеченная А.М. Щербаком, как это справедливо признал и он сам⁴⁸⁹, не является абсолютной.

⁴⁸⁵ Щербак (6), с. 26.

⁴⁸⁶ Benzing (1), с. 711.

⁴⁸⁷ Poppe (7), с. 41–42.

⁴⁸⁸ Ramstedt (5), с. 33.

В случае *šimás* «еда, корм, плод» ~ тат. *ǰimáš*, туркм. *jemiš* аффикс уменьшительности *č* восстанавливался Г. Рамстедтом на основе венг. *gyümölcs* «плод, фрукт». Тот же аффикс, по-видимому, содержится и в венгерском *szemölcs* «бородавка» < тюрк. (?) (ср. ног. *šüjel*, кум. *süjel*). Однако в современном чувашском литературном языке аффикс уменьшительности *ś* как будто не встречается⁴⁹⁰.

Кроме того, теория Г. Рамстедта не объясняет слова *šizəm* «молния» (ног. *jasin*, хак., саг. *čazin*, тат., баш. *jäšan*), *kəžen-* «ржать» (тат., баш. *kəšnä-*, тур. *kişne-*, тув. *kište-*) и некоторые другие.

Остается предположение N. Porre о том, что чувашский *ś* восходит к омонимичным комплексам *lʲč* (показатель взаимного залога, уменьшительности, имени действия и т.д.)⁴⁹¹.

Иными словами, по мнению N. Porre, предтюрк. *lʲč* ~ чуваш. *ś* ~ тюрк. *š*, так же как предтюрк. *lʲč* ~ тюрк. *lʲč* ~ чуваш. *ś*. Фактически предтюркская форма у N. Porre нередко идентична с монгольской (чув. *xirəs* «против» < *qarilčan* ≠ монг. *qarilčan*; чув. *šiš-* «пухнуть» < **silče-* ≠ монг. *selgü-*;

чув. *xiš-* «чесать» ≠ монг. *qalči-* и т. д.

В известной мере соответствие чув. *ś* ~ древнечувашского *lʲč* ~ тюркского *š* подтверждают венгерские *gyümölcs* < **jémilč* ~ совр. чув. *šimás* «плод» и *kölcsön* ~ совр. чув. *kivžen* «в долг, займы».

Однако возможно, что в последнем случае мы имеем дело с монгольским заимствованием в древнечувашский, а отсюда в венгерский. Если это так, то мы вправе думать, что как в заимствованиях (*kivžen*), так и в исконных словах (*viś-* «мерить», *pižen* «осот») звуковой комплекс *lč* (*lʲč*, чув. *lʲ*, тюрк. *lʲ* и *lʲč*, чув. *lʲ*, тюрк. *š*) дал в современном чувашском *ś*.

Однако всюду, где в тюркских языках находим *š*, а чувашском *ś*, для общетюркского нельзя с полной уверенностью восстановить *lč*. (Он восстанавливается в заимствованиях из монгольского ?).

⁴⁸⁹ Шербак (6), с. 26.

⁴⁹⁰ Едва ли его можно отождествлять с чув. аффиксом *-śā* (*-śə*).

⁴⁹¹ Ср. Pritsak O. (1), с. 342–343.

Остается предположить, что чувашский *ś* мог также субституировать *š* первоначально чуждый чувашскому консонантизму (до перехода *s* > *š* (перед *i*)?).

О возможности этого допущения как будто свидетельствуют такие факты.

Глагольный показатель взаимного (совместного) действия выступает в чувашском языке в двух вариантах: *ś* и *š*:

kalas- «разговаривать»,

śuras- «сватать»,

vārās- «бороться», но

kāleš- «торговаться»,

pulās- «помогать»,

tubās- «спорить».

Встречается и параллельное употребление обоих аффиксов

kārās- // *kārāš-* «наниматься»,

javās- // *javāš-* «сдружиться».

Ср. также чув. *anās* «запад» (тат. *ināš* «речка»);

чув. *tivās* «отношение» (тат. *tijāš*).

В чувашских говорах отмечено чередование *ś* < *č* // *š*, *ś* < *j* // *š*, *ś* // *š*, например, чув. *kavrās* ~ *karāš* «яшень» (тат. *qōrāč*, кум. *gūjriüč* и т.д.);

чув. *śun-* ~ *šun-* «тесать» (общетюрк. *jon-*, *jun-*);

śādāl- // *šādāl-* «износиться»;

kuştan // *kuştan* «миroeд, кулак»;

kāpše // *kāpše* «полый стебель, ствол ружья».

Аффриката *č*

Общетюркскому *č* в чувашском соответствует *ś* (в анлауте, инлауте и ауслауте)⁴⁹²:

тур. *čeri*, кир. *čeri*, кир., уйг. *čerik*, як. *seri* «армия, войско» ~ чув. *śar*;

тат. *čar-*, баш. *sar-* (туркм. *čijre-*, тур., азерб. *čürü-* уйг., кир., кум. *čiri-*, ног. *širi-*) «гнить, преть» ~ чув. *śar-*;

туркм. *čaraq*, ккал. *šabaq*, баш. *sabaq*, тат. *čabaq* «лещ, плотва, судак» ~ чув. *śubax*;

⁴⁹² Benzing (1), с. 711; Poppe (3) § 20; Ramstedt (5), с. 6.

туркм. *hačan*, тур. *kačan*, кир., уйг. *qačan*, як. *xahan*, тув. *qažan* «когда» ~ чув. *xəžan*;

тув. *ača* «отец» ~ чув. *aža* «самец, отец»;

тур. *burčak*, кир. *burçaq*, тат. *börçaq*, баш. *börsaq* «горох» ~ чув. *pərza*;

туркм., тур. *göç-*, кир. *köç-*, тув. *köš-*, тат. *küç-*, баш. *küs-* «кочевать» ~ чув. *kuś-*;

туркм. *owuĭç*, тур. *avuç*, азерб. *ovuĭç*, балк. *uĭç*, узб. *hāwuĭç*, тат. *uĭç* «горсть» ~ чув. *ivəś*;

туркм. *gīč*, тур. *geç*, азерб. *ğej*, кир. *keč*, баш. *kis*, тат. *kič* «вечер» ~ чув. *kaś*.

Чувашский *ś* явился результатом спирализации аффрикаты, возможно, через ступень *ṣ́*, то есть: *tʃ̣ > ṣ́ > ś⁴⁹³* (сравните татарский спирант *ś* и башкирский *s* на месте общетюркского *č*).

Если вместе с некоторыми угро-финноведами⁴⁹⁴ считать слова *чумали* «суслон», *чуман*⁴⁹⁵ «лукошко из бересты», *чарла* «серп» чувашскими заимствованиями в коми-языке, то вырисовываются относительные хронологические границы *č > ś*.

Однако при таком допущении возникает ряд противоречивых моментов.

Во-первых, зона распространения перечисленных слов в тюркских языках ограничена:

коми *чумали* «суслон», удм. *чумале* «копна», тат. *čümälä*, баш. диал. *sümälä*, кир. *čömölö*, каз. *šömele*, уйг. *čömiüle*, чув. *šətel*;

коми *чумон* «берестяная коробка», мар. *чоман* «то же», тат. *ʃuman* «короб», чув. *čuman*;

коми *чарла* «серп», удм. *сюрло*, мар. *сорла*, венг. *sarló*, чув. *šurla*.

Во-вторых, в том же коми-языке отмечены чувашские заимствования, где *č*, по-видимому, уже дало *ś*.

коми *сюри* «цевка», удм. *серы* ~ чув. *śərə* (тат., баш. *šürä*), баш. диал. *sürä*, з. с. г. *cür* «шпилька»;

коми, удм. *кусь* «бердо», мар. *ис* ~ чув. *xəś*, тат. *qäläč*, баш. *qäläs*.

⁴⁹³ Ср. *Ramstedt* (5), с. 10.

⁴⁹⁴ См., например, *Wichmann*, с. 12; *В.И. Лыткин* (3), с. 171–212.

⁴⁹⁵ Ср. *Räsänen* (2), с. 9.

В удмуртском языке среди чувашских заимствований отмечены слова, где *č* > *ś*. Кроме упомянутых выше, это: *сыська* «цветок» < чув. *śeške*; *усьсэ* «послезавтра» < чув. *viže*, ср. *višmine* «послезавтра»

бусено «свойка» < чув. *pužana*;

уксе «деньги» < чув. *ukša* и т.д.

Наряду с ними встречаются и тюркизмы с начальным *č*, которые наличествуют и в чувашском языке:

удм. *чарлан* «чайка» ~ чув. *čarlan*;

удм. *чокмор* «дубина» ~ чув. *čukmar*;

удм. *чагыр* «голубой» ~ чув. *čagār*;

удм. *чебер* «красивый» ~ чув. *čeber*;

удм. *чер* «болезнь» ~ чув. *čir*;

удм. *чибор* «пестрый» ~ чув. *čābar*;

удм. *чигын* «упрямый» (о лошади) ~ чув. *čāyāt*;

удм. *чильтэр* «кружево» ~ чув. *čāndar*;

удм. *чипы* «цыпленок» ~ чув. *čābā*;

удм. *чырым* (о сне) ~ чув. *čarāt* и т.д.

По-видимому, они проникли в чувашский и удмуртский языки из какого-то общего источника (тюркского языка кыпчакского типа).

Судить о времени *č* > *ś* в чувашском языке по «древнечувашским» заимствованиям венгерского языка очень трудно, так как *ś* на месте общетюркского *č* встречается здесь в словах, не имеющих бесспорно чувашских фонетических примет:

sajt «сыр» ~ чув. *čāgāt*, караим. *čiyit*;

sereg «войско, армия» ~ чув. *śar*, тур. *čeri*, кир. *čerü*, хак. *sarəg*, тув. *šerig*;

sarló «серп», см. выше;

seprő «осадок, подонки» ~ чув. *śapre*, баш. *süprü*, тат. *čüprü*, кум. *čöprüe*, ккал. *šöbire*;

borsó «горох» ~ чув. *pārza*, тат. *borčaq*, ног. *buršaq*;

orsó «веретено» ~ хак. *ōrčix*, ног. *uršiq*, кум. *určiq*;

koporsó «гроб» ~ баш. *qabārsaq* «раковина», туркм. *gapırjaq* «ящик»;

késik- «опаздывать» ~ тур., кум. *gečik-*, ног. *kešik-*;

kis «маленький» ~ ног. *kiškej*, кум. *gičči*;

kos «баран» ~ тур. *koč*, туркм. *goč*;

körös «ясень» ~ чув. *kavršs*, баш. *qörös*, тат. *qöröč*, кум. *güjrič*.

Особняком стоит слово *szúcs*⁴⁹⁶, которое обычно возводят к чувашскому *śavás* «портной» < *jívčĭ*.

Если эта этимология верна, то можно думать о существовании в эпоху «древнечувашско»-венгерских контактов диалектального соответствия *č* ~ *ś* ~ *ś*.

В известной мере возможность такого явления подтверждают следующие факты:

а) чередование *ś* ~ *č* ~ *ś* в чувашских говорах:

kāśkār- ~ *kāčkār*- ~ *kāśkār*- «кричать»;

б) чередование *č* ~ *ś* в чувашских говорах (в том числе наличие аффиксов дублетов: *śā* (*śa*) ~ *čā* (*ča*), *kāč* ~ *kāś* (*kāč* ~ *kāś*) и т.д.:

č (*tś*) и *ś*:

čadan ~ *śadan* «плетень»;

čejek ~ *śezek* «цветок»;

čāmār ~ *śāmār* «кулак»;

čarlan ~ *śarlan* «чайка»;

čolgā ~ *śulu* «огниво»;

kalja ~ *kalza* «восходы»;

šalja ~ *šalza* «кол»;

šinje ~ *šinze* «тонкий»;

kapčak ~ *kapsak* «ступица колеса»;

xājax ~ *xāzax* «чехонь»;

vaja ~ *važa* «мережа (рыболовная снасть)»;

xālač ~ *xālaś* «обхват, сажень»;

kārlač ~ *kārlaś* «январь» и т.д.

в) межтюркское соответствие: *č* (огузские языки) ~ *š*, *ś*, *s*, *č*, *c* (кыпчакские языки) и т.д.

Общетюркский *č* сохраняется в так называемых кыпчакских заимствованиях чувашского языка⁴⁹⁷:

чув. *čān* «истина, правда» ~ туркм., кир. *čĭn*, тат. *čān*, хак. *šĭn*;

чув. *čavga* «галка» ~ ног. *šawke*, баш. *sāwkā*, тат. *čāwkā*, балк. *čawka* (слово распространено в финно-угорских и славянских языках).

чув. *čigā* «граница» ~ баш. *sik*, тат. *čik*, туркм. *čāk*, уйг. *čäk*, кир. *ček*;

чув. *čāgāt* «сыр» (крестьянский) ~ караим. *čĭyt* «сыр».

⁴⁹⁶ Этимология *szúcs* многократно привлекала внимание венгерских тюркологов.

⁴⁹⁷ Ср., например, *Poppe* (4), с. 151–167.

Интересно отметить, что в чувашском языке встречаются этимологически тождественные слова, представленные в двух фонетических вариантах: один вариант восходит к «древнечувашской» основе, а другой заимствован из какого-то языка (языков?) кыпчакского типа:

šubax «лещ» ~ *čabak* «плотва»;

šeške «цветок» ~ *čejek* «цветок» (ср. *šemže* и *jəmžak* «МЯГКИЙ»);

šipsān- и *jəpsān-* «прилепляться»;

pir «холст» и *pūs* «миткаль») ⁴⁹⁸ и т.д.

Носовые *m, n, ŋ*

m

По мнению многих исследователей, *m* не встречался в общетюркском анлауте ⁴⁹⁹.

В случаях типа:

туркм. *men* «я» ~ тур. *ben*;

ног. *müjiz* «рог» ~ тур. *bojnuz*;

ног. *meŋ* «родинка» ~ тур. *ben*;

туркм. *mön* «слабоумие» ~ тур. *bön*;

ног. *müŋ* «тысяча» ~ тур. *bin*;

кир. *mün* «сустав» ~ тур. *bo'un*;

кир. *murun* «нос» ~ тур. *burun*;

ног. *min-* «сесть на лошадь» ~ тур. *bin-*;

каз. *müqin* «бок» ~ туркм. *büqin*;

кир. *mön* «двенадцатиперстная кишка» ~ туркм. *böwen*;

⁴⁹⁸ Примечательно чувашское слово *vəʃə* «месть», тур. *öç*, туркм. *öç*, тат. *üç*. Исходя из данных других тюркских языков, мы ожидали бы в чувашском не *vəʃə*, а *važə* или *vižə* ~ *vižə*. Поэтому *vəʃə*, вероятно, образовалось под влиянием татарского диалектального заимствования (мишарского(?)) *üç*. Неясными фонетически продолжают оставаться этимологии чувашского *šš* «внутренность» (туркм., кир. *ič*, тат. *əç*, баш. *as*, як. *is* и т.д.) и *šān* (*šən*) «для, ради» (тат. *öçän*, туркм. *üçin*, тув. *üžün*, тур. *için* и т.д.). Быть может, во втором случае первоначально было *üžin* > *əžən* > *šən*. При словах с гласными заднего ряда *šān* > *šən*. Тот же процесс мог совершиться и в слове *as* < *ič*: *as* > *šs* > *šš* (в сочетании со словом с гласными заднего ряда).

⁴⁹⁹ *Räsänen* (5), с. 181; *Щербак* (6).

обычно полагают, что $m < b$ под влиянием последующего носового.

Но в тюркских языках существует междиалектное чередование анлаутных b (p) $\sim m$ в словах, не содержащих носового⁵⁰⁰. Вопрос о природе этого чередования пока остается открытым. Предположительно можно думать о существовании в общетюркском анлаутного губного носового типа $m: m^b$. Если же таковой отсутствовал, то m , будучи первоначально комбинаторным (обусловленным) вариантом b , мог впоследствии стать относительно свободным вариантом (его появление не нарушало системы анлаутных согласных, так как ряд анлаутных губных отсутствовал).

В современных тюркских языках анлаутный m встречается в заимствованиях, подражательных словах и т.п.

Чувашский анлаутный m имеется в словах, утративших начальный гласный: *mar, mer* «не» < **är-mär* (уйг. *ämäs* кир. *emes* и т.д.);

mal «перед, восток» < *um* «перед» + *al* «словообр. аффикс» > *ämal*;

man- «забывать», возможно, < **äman-* < **umun-*; ср. як. *umun-*, туркм., тур., азерб., сюг. *unut-*, ног. *umit-*, тат. *önät-*;

maj «сноровка, способ» < **ämaj* < **ıñaj, äñaj*; ср. кир., ккал. *ıñaj* «благоприятные обстоятельства, удобный момент, ловкость, сноровка», или тат. *ıñaj* «удобный, приспособленный», ккал. *oñaj*, хак. *oñdaj* «манера, способ».

Анлаутный m наличествует также в тюркских словах с последующим носовым (чув. *mime* «мозг», тур. *bejin*, уйг. *miñä, mäñä*), в заимствованиях (например, *meysel* «время» < араб., *mix* «мешок» < русск., *mulgaç* «заяц» < удмурт. т.д.), в подражательных словах (*magär-* «громко плакать» *mägar-* «реветь, мычать», *murdak* «хрупкий» и т.д.).

Некоторые чувашские слова с анлаутным m не имеют пока надежной этимологии: *mäjär* «орех» (ср. венг. *mogyoró* «лесной орех»), по Гомбоцу, < древнебулгарского;

män «большой, старший» и т.д. (< *man* в *Mañqışlaq*, по Бенцингу)⁵⁰¹.

⁵⁰⁰ См. раздел «Губные смычные».

⁵⁰¹ Иначе у Будагова: *miñ qışlaq* «тысяча зимних стоянок» (Сл., с. 259).

В середине и конце слова общетюркский *m* сохраняется⁵⁰²:

туркм. *ǰemið*, тур., уйг. *semiz*, як. *emis* «жирный, тучный» ~ чув. *samār*;

туркм., кир., уйг. *kümüš*, тат. *kõmәš* «серебро» ~ чув. *kәмәl*;

тур., туркм., кир. *kõmür*, тув. *xõmür*, тат. *kümär* «уголь» ~ чув. *kәmrәk*;

туркм., тур., кир., каз., алт., як. *em-*, азер. *äm-*, тат. *im-* «сосать» ~ чув. *әm-*;

балк., кум., ног. *oram*, тат., баш. *uram* «улица» ~ чув. *uram*;

туркм. *irim*, уйг. *irim*, тат., баш. *ärәm* «наговор, волшебство» ~ чув. *әрәm*;

Инлаутный *m* перед последующим дентальным дал *n*:

чув. *kundә* «лукошко, кузов», ср. баш. *qumta* «коробочка, шкатулка», з.с.г. *qumta*, *qunta* «то же» (мар. *komdo* «лукошко», удм. *kudj*, коми *kud* < чув.);

чув. *jandә* «готовый», ср. туркм. *indi* «теперь», тат. *indә*, алт. *em*, *emdi* (мар. *jamde* < чув.)⁵⁰³.

n

В общетюркском анлауте *n* отмечают лишь в вопросительном местоимении *ne* «что»⁵⁰⁴.

В чувашском анлауте *n* встречается лишь в заимствованиях, например: *nežәl* «род, племя» < араб., *niža* «беда» < русск., *nimәр* «кисель» < угро-фин. (ср. мар. *немыр* «мучная кашлица», удм. *немри* «пюре»).

В середине слова общетюркский *n* сохраняется:

туркм., тур., кир., алт., тув. *inek*, азер., уйг. *inäk*, як. *inäx* «корова» ~ чув. *әne*;

азер., тур., гаг. *dana*, кир., ног. *tana*, туркм. *tāna* «телка» ~ чув. *tina*;

⁵⁰² Интересна этимология слова *pürne* «палец» (чув. *n* ~ общетюрк. *m*) < общет. *barmak*, тат. диал. *barnaq* (чув. диал. *porn'a*, *porn'e*, *purn'e*, мар. *parna*). Вероятно, фонетическая контаминация со словом *čәтне* «ноготь», т.е. **barmak* > *porta* > *porna* > *purna* > *pürne* (под влиянием *čәтне*) > *pürne* (регрессивная гармония гласных). Иначе в ИРАН, 1924, с. 312.

⁵⁰³ См. далее *Räsänen* (5), с. 199.

⁵⁰⁴ Там же, с. 176.

туркм. *gonaq*, кирг. *qonoq*, тат., баш. *qunaq* «гость» ~ чув. *xəna*;

Ауслуточный общетюркский *n* имеет в чувашском двоякое замещение: *m* и *n*.

туркм. *dōn*, тур., азерб. *don*, тув. *thon*, кир., уйг. *ton*, тат., баш. *tun* «халат, шуба» ~ чув. *tum* «одежда, наряд»;

туркм. *garīn*, тат., баш. *qarān*, хак., як. *xarīn*, тув. *xirīn* «желудок. живот» ~ чув. *xirəm*;

туркм., тур. *gün*, кир., уйг., як. *kün*, тат., баш. *kōn* «день» ~ чув. *kun*;

тат. *çitän*, каз., ног. *šetén* «плетень» ~ чув. *śadan*;

В связи с этим двояким замещением можно отметить следующее: *n*, по-видимому, сохраняется:

а) в ауслaute глагольных основ (например, *ənen-*, *əžen-*, *vāran-*, *vādan-*, *vāren-*, *vidən-*, *jālən-*, *śun-*, где он исторически является аффиксальным элементом:

б) в основах, содержащих *m* (*vərman*, *juman*);

в) в инлауте перед дентальным (*andəx-*, *kandər*, *kəndər*, *xəndər*⁵⁰⁵, *xurəndaś*).

В чувашских говорах наблюдается чередование *n* и *m*:

лит. *xulən* «толстый» ~ диал. *xoləm*;

лит. *ildən* «золото» ~ диал. *ildəm*;

лит. *vazan* «лощина» ~ диал. *vazam*;

лит. *tuzan* «пыль» ~ диал. *tuzam*;

лит. *tarən* «глубокий» ~ диал. *tarəm*;

лит. *širan* «берег» ~ диал. *širam*;

лит. *suran* «рана» ~ диал. *suram*;

лит. *sulyən* «прохладный» ~ диал. *sulyəm*;

лит. *purzən* «шелк» ~ диал. *porzəm*;

лит. *palan* «калина» ~ диал. *palam*;

лит. *jayən* «близко» ~ диал. *jayəm*.

Как отмечают чувашские диалектологи, в одном и том же говоре возможно факультативное употребление слов с конечным *m*, *n*⁵⁰⁶.

В диалектальных записях нами обнаружены⁵⁰⁷ такие факты, как:

⁵⁰⁵ В слове *xəndər* М. Рясенен полагает *m* > *n* перед *d*.

⁵⁰⁶ См. Матер. по чуваш. диал. I, с. 148; II, с. 146.

⁵⁰⁷ Диалектальные записи, хранящиеся в архивах Чувашского НИИЯЛИЭ.

porzān, но *soḡām*, *xolām* (деревня Б. Сундырь и Ойкасы Ядринского района); *soḡām*, *xolām*, но *ilttān* (деревня Сосново Красночетайского района); *soḡān*, *suḡān*, *xulān*, *xolām* (козловский говор).

Все эти данные, а также случаи типа *jaḡān*, *jaḡām* и *palan*, *palam*, где *j* и *a* первого слога свидетельствуют о их позднем проникновении в чувашский язык, говорят о том, что чередование *m ~ n* является живым.

Чередование *m ~ n* в ауслауте существует в различных тюркских языках и диалектах. Например, в говоре нижегородских мишарей отмечено *ülām ~ ülān* «трава»⁵⁰⁸, в диалекте татар Западной Сибири зарегистрированы формы типа *салұым ~ салкын* «холодно» *sawīm ~ sawīn* «свадебные подарки», *ayīm ~ ayīn* «течение», *šahyam ~ šalqan* «репа», *jaḡyīm ~ jaḡyīn* «досчатое основание печи»⁵⁰⁹, в говоре айских башкир *экөрөм* «тихий», «тайный»⁵¹⁰ (ср. баш. лит. *акрын*, *йэшөрөн*), а в бурзянском говоре *qōjōm ~ qōjōn* «вихрь»⁵¹¹, в ногайском языке *salqīm ~ salqīn* «прохладно».

Слова с факультативным ауслаутным *n / m* довольно распространены в языке сарыг-югуров⁵¹²:

qulum ~ qulun «жеребенок»;

julyum ~ julyun «малый тростник»;

qalim ~ qalīn «плата за невесту»;

sayīm ~ sayīn «доение»;

turqum ~ turqun «название красной водки»;

Чередование ауслаутных *m ~ n* можно проиллюстрировать и как межъязыковое:

чув. *uksām*, *uksān* «род дикого чеснока», но хак. *uxxum*;

чув. *tugun* «обод», баш. *tuḡān*, но тат. *tuḡām*;

чув. *pālām* «луг», но тат. *bōlōn* и т.д.

Как показывают так называемые «древнечувашские» заимствования венгерского языка, чередование *m ~ n* существовало, по-видимому, и в диалектах, родственных древнечувашскому языку (ср., например, венг. *szám* «число»

⁵⁰⁸ Материалы (1), с. 132.

⁵⁰⁹ Г.Х. Ахатов, Д.Г. Тумашева.

⁵¹⁰ Баш. диал. сб., с. 19.

⁵¹¹ Баш. диалектология, с. 85.

⁵¹² Малов С.Е. (4).

< **sān*, чув. *sum*, венг. *gyom* «сорняк, бурьян» < **joŋ*, ср. алт. *d'ön* «дерн», чув. *śum*)⁵¹³.

ŋ

В общетюркском анлауте *ŋ* не встречался⁵¹⁴.

В инлауте и ауслауте общетюркский *ŋ*⁵¹⁵ имеет в чувашском двойное замещение: *n* и *m*.

туркм. *geŋeš*, кир. *keŋeš*, тат. *kiŋäš* «совет» ~ чув. *kanaš*;

тур. *süngü* «штык», тат. *söŋgä*, баш. *höŋgö*, як. *üŋü* «копье» ~ чув. *śnā*;

тат. *jiŋ-*, баш. *jəŋ-*, тур. *jen-*, туркм. *jeŋ-*, хак. *čiŋ-* «побеждать» ~ чув. *śan-*;

уйг. кир. *köŋül*, тур. *gönül*, баш. *künäl* «настроение, желание» ~ чув. *kāmāl*.

туркм. *goŋur*, кир. *qoŋur*, хак., тув. *xör*, баш. *quŋär* «бурый, коричневый» ~ чув. *xāmār*;

туркм. *doŋ*, тур., азер. *don*, тув. *doŋ*, кир., уйг. *toŋ*, тат., баш. *tuŋ* «заморозки, мороз» ~ чув. *tām*.

Обычно принято считать, что *n* > чув. *m* в словах с губным гласным⁵¹⁶.

Что касается перехода общетюркского *ŋ* > чувашский *n*, то он совершился сравнительно недавно. В чувашских заимствованиях⁵¹⁷ марийского языка сохраняется *ŋ*:

мар. *aŋ* «полотнище, ширина холста» ~ совр. чув. *an*;

мар. *seŋ-* «побеждать» ~ совр. чув. *śan-*;

мар. *kanaš* «совет» ~ совр. чув. *kanaš*;

мар. *śəŋa* «комар» ~ совр. чув. *śəna* «муха»;

мар. *oŋa* «доска», тес» ~ совр. чув. *xāta*;

мар. *oŋ* «грудь» ~ совр. чув. *um*;

⁵¹³ Это сопоставление казалось *М. Рясянену* сомнительным (5), с. 169. Примечательно, что в марийском языке имеется *sam*, *som* < чув. с конечным *m*, как и в венгерском, тогда как *ŋ* чувашских заимствований обычно сохраняется: *oŋ* «грудь» < чув. **oŋ*, совр. чув. *um* «перед».

⁵¹⁴ *Räsänen* (5), с. 168.

⁵¹⁵ Ср., например, *Benzing* (1), с. 713.

⁵¹⁶ См., например, *Räsänen* (5), с. 169; *Ramstedt* (5), с. 22; *Poppe* (7), с. 38; *Benzing* (1), с. 713.

⁵¹⁷ См. также *Wichmann*, с. 20–23.

(уже, видимо, после того, как чув. $n < \eta > m$ в марийский язык попало чув. *kuməl* «настроение» ~ совр. чув. *kətməɫ*⁵¹⁸).

η субституируется через n и в тюркских заимствованиях чувашского языка (*janax* «подбородок» ~ тат., баш. *jaŋaq, jənpəš* «ошибка» ~ баш. *jaŋəɫəš, sanrav* «глухой», тат. *saŋəraw* и т.д.

Любопытно в этом отношении чувашское заимствование в русском языке: *анга-соарен* «весенний праздник» (у Даля) < чув., на что указал М. Рясänen (Материалы, с. 189).

В чувашских говорах наблюдается чередование $m < \eta < n$:

чув. лит. *šəm* «шерсть» ~ диал. (Красн. Чет.) *šön*;

чув. лит. *təm* «заморозки» ~ диал. (Ядрин.) *tən*;

чув. лит. *šəmə* «кость» ~ диал. (Красн. Чет.) *šənə*

и $n < \eta \sim m$:

чув. лит. *jənpəš* «ошибка» ~ диал. (ишлейск.) *joməš*

чув. лит. *san* «сало (на реке)» ~ диал. (Ядрин.) *sam*.

В соседстве со смычным g, k в чувашском инлауте сохраняется звук η :

taŋga «сопля»,

teŋgel «скамейка»,

uŋgə «кольцо»,

šaŋgə «липа, с которой снята кора» и т.д.

Все слова этого типа, возможно, являются заимствованиями.

Плавные l, r

l

В начале слова в общетюркском l отсутствовал⁵¹⁹.

Анлаутный чувашский l появился в результате отпадения анлаутного гласного:

чув. *lav* «подвода, воз» ~ туркм., хак. саг. *ulay*, каз. ккал. *law*, тат. *ōlaw*, баш. *əlaw* (ср. чув. диал. *əlav, ōlav*);

чув. *laža* «лошадь, конь» ~ тат., баш. *alaša*, ног. *alasa*, туркм., азер. *alaša* (первон. чув. **ulaža, *əlaža*, ср. удм. *улошо* < чув.);

чув. *lek-*, «попадаться» ~ тат., баш. *əläk-* «цепляться, попадать»;

⁵¹⁸ См. также *Räsänen* (2), с. 42.

⁵¹⁹ См. *Räsänen* (5), с. 182; *Щербак А.М.* (6), с. 29; *Poppe* (6), с. 73.

чув. *lar-* «сидеть, садиться» ~ тув. *olur-*, як. *olor-*, ног. *oltir-*, баш. *ultār-* (чув. *lar-* < **ular-* < **olur-*);

чув. *laś* «лачуга, летняя кухня» ~ тат. *alačəq* «маленькая юрта, лачуга, шалаш», каз. *lašiq*, ккал. *əlašiq*, баш. *alasəq* «лачуга из лубка или бересты», азер. *alačig* «шатер»⁵²⁰.

Так как *l* (как и другие сонанты) был чужд для общетюркского анлаута, при заимствовании слов с начальным *l* прибегали к протезе (в качестве протетического чаще выступал узкий гласный). Этот протетический гласный обычно был неустойчив и в ряде случаев по аналогии с ним мог исчезать этимологический узкий гласный перед сонантом.

чув. *lās* «хвоя», тат. *əlās*, баш. *əlāθ* < финно-угор. (ср. коми, удм. *лыс*, мар. *лусь* «хвоя»);

чув. *laǰəm kajək* «сокол» ~ хак. *ilačın*, баш. *əlasən*, туркм. *lačın* и т.д.

Чувашский анлаутный *l* встречается и в заимствованиях из марийского языка: *lapra* «грязь», *labə* «ложбина, низина», *ləgə* «перхоть», *ləbə* «кузовок», *ləpke* «темя», *lutra* «низкорослый» и т.д.

В середине и конце слова общетюркский *l* сохранился:

тур. *elek*, баш. *iläk* «решето» ~ чув. *ala*;

туркм., тур. *jala-*, кир. *ǰala-*, хак. *čahya-* «лизать» ~ чув. *śula-*;

тур., туркм. *ellik*, уйг. *ellik*, хак. *iləg* «пятьдесят» ~ чув. *allə*;

туркм., як., тув. *ol*, тат. *ul* «он» ~ чув. *vəl*;

туркм., тур. *al-*, як. *il-* «брат» ~ чув. *il-*;

туркм., як. *bıl*, хак. *pil* азер. *bel* «поясница» чув. *pilək*;

О выпадении *l* в сочетаниях согласных см. с. 249–251. *l*, вероятно, исчез в словах *kın* «сноха, невестка», тат., баш., хак. *kılən*, туркм., кум. *gelin* (см. также чув. *kiləndeś* ~ *kindeś* «женский персонал в доме») и *xəm* «плод, зародыш у лошади» ~ баш. *qölön*, сюг. *qulum*, *qulun* «жеребенок».

Быть может, сюда же относится и чувашское *tux-* «выходить» < **tułəx-* < **taləx-* < **tal* «внешняя часть» (ср. др. тюрк. *tašiq-* «выходить наружу»).

Фонетическую аналогию хочется усматривать в чувашском лит. *uləx-* «подниматься» ~ чув. говоры: *ux-*, *ox-*.

В чувашских говорах наблюдаются соответствия:

⁵²⁰ *laś*, *laža*, *lav* в общетюркском возможно получили протетический гласный.

l ~ *r*;

l ~ *n*;

l ~ *v* (твердый *l*)⁵²¹;

l ~ *j* (мягкий *l*)⁵²² (иногда бывает трудно установить исходную форму).

чув. лит. *pür-* «предназначать» ~ диал. *pül-* (ср. *püləx* «божество, раздающее людям счастливые и несчастливые жребии»);

чув. лит. *təl pul-* «встречаться» ~ чув. диал. *tər pol-*;

чув. лит. *kinemej* «жена ст. брата отца» ~ диал. *kilemej*;

чув. лит. *kilen-* «наслаждаться» ~ диал. *kinen-*;

чув. лит. *munja* «баня» ~ диал. разг. *mulja*;

чув. лит. *kunja* «голенище» ~ диал. *kulja*;

чув. лит. *xaval* «настроение» ~ диал. *xavan*;

чув. лит. *alt-* «рыть, копать» (общет. **eš-ət-*) ~ диал. *avāt-*;

чув. лит. *ildān* «золото» ~ диал. *ivdān*;

чув. лит. *iḡan-* «проклинать» ~ диал. *iḡan-* (ср. чув. лит. *xivāx* ~ диал. *xilāx*, чув. лит. *kāvaba* «пуп» ~ диал. *kālabā* и т.д.);

чув. лит. *lere* «там» ~ диал. *jere*;

чув. лит. *leś-* «относить» ~ диал. *jeś-*;

чув. лит. *lüšken-* «промокнуть» ~ диал. *jüşken-* (ср. чув. лит. *jeple* «так» ~ диал. *leple*).

Любопытно русское заимствование «выюшка», субституированное чувашами как *juškā* и *lüškā*.

r

В общетюркском *r* в начале слова отсутствовал⁵²³. Чувашский анлаутный *r* встречается только в заимствованиях. Пока лишь дважды он обнаружен в собственно чувашских (тюркских?) словах (*rāmāš* «волшебник» ~ чув. лит. *āramāš*, *ram*, *rom* «улица» ~ чув. лит. *uram*, диал. *āram*), где отпал узкий начальный гласный.

В середине и конце общетюркский *r* сохранился:

туркм., тур., тув. *orin*, тат., баш. *urān* «место» ~ чув. *vürān*;

⁵²¹ Ср. *l* ~ *w* (гл. образом на северо-востоке европейской части СССР) в русских говорах и историю твердого *l* в говорах коми-языка.

⁵²² Ср. чув. диал. *ječče jus* «ласка», баш. *jätsä*, тат. *lätcä*, узб. *lätcä*; баш. гов. *läjsän* ~ *jäjsän* «первый весенний дождь»; *ješšik* ~ *leššik* «ящик» (марыйский говор туркм. языка) и т.д.

⁵²³ *Räsänen* (5), с. 183; *Щербак* (6), с. 29 и т.д.

тур. *derin*, як. *diriŋ*, тув. *theren*, тат. *tirän* «глубокий» ~ чув. *tarän*;

туркм. *gara*, тув., тат., баш. *qara* «черный» ~ чув. *xura*;

туркм. *är*, кир. *er*, азерб. *är* «мужчина, муж» ~ чув. *ar*;

туркм., як. *bär*, тур. *var*, тув. *bar* «есть, имеется» ~

чув. *pur*;

тур., тур. *jer*, як. *sir*, баш. *jär*, тат. *ĵir* «земля» ~ чув. *śar*.

В некоторых чувашских словах перед *ž* появляется неэтимологический *r*:

чув. лит. *xaržä* «бровь» (быть может, контаминация тат. *qaš* и утраченного чувашского **xuś*⁵²⁴);

чув. лит. *täžä* «зерно, ядро» ~ тат. *töš* ~ чув. диал. *täržä*;

чув. лит. *täržä* «обух» (ср. удм. *тыш* «обух»);

чув. лит. *xuška* «белое пятно на лбу у лошади» и диал. *xurška*;

чув. лит. *šäži* «мышь» ~ диал. *šärži*;

чув. лит. *šäržä* «запах» ~ диал. *šäš*;

чув. лит. *šažan*, *šaržan* < русск. «сажень» и т.д.⁵²⁵

чув. лит. *xažaga* «рама, карниз» ~ диал. *xaržaga*.

О выпадении *r* в сочетаниях согласных см. с. 250–252, *r* может опускаться в слове *karändäk* «окно» > *kandäk*⁵²⁶.

В чувашском литературном языке *r* выпадает также у десяти глаголов перед *t*, *m*, *n*, *č*:

<i>jər-</i>	плакать
<i>kər-</i>	входить
<i>kür-</i>	носить
<i>par-</i>	дать
<i>per-</i>	бросать
<i>šär-</i>	испускать мочу
<i>pür-</i>	идти
<i>tär-</i>	стоять
<i>xur-</i>	класть
<i>jar-</i>	посылать ⁵²⁷ .

⁵²⁴ Но ср. мар. гор *xal* «бровь» < чув.?

⁵²⁵ То же явление отмечено С.Ф. Миржановой в башкирских говорах *köřöl* «водяная крыса» (кубалакский говор), баш. лит. *köšöl* (Баш. диалектология, с. 158).

⁵²⁶ Ср. еще чув. уст. *uslam kajäk*, *uslan kajäk* «лев» ~ азерб., балк., гаг., тур. *aslan*, алт., ккал., кум., ног., тат. *arslan* и т.д.

⁵²⁷ Подробнее см.: Егоров (2), с. 215; Ашмарин (2), с. 53–54, 306.

Ротацизм

Общeturкскому *z* в середине и конце слова соответствует чувашский *r*:

а) в ауслауте односложных глагольных основ:

тур. *ež-* «мять, давить», тат. *iž-*, баш. *iđ-* «мять, давить, месить» ~ чув. *ir-*;

туркм. *ǰüđ-*, кир., уйг. *süz-*, тат. *söž-*, баш. *höđ-* «цедить» ~ чув. *śar-*;

туркм. *čüđ-*, тур. *čiz-*, баш. *həđ-* «проводить черту» ~ чув. *šir-*⁵²⁸;

туркм. *teđ-*, тув. *des*, хак. *tis-* «убегать» ~ чув. *tar-*;

туркм. *düđ-*, кир., уйг. *tüz-*, тув. *dis-*, як. *tis-* «нанизывать» ~ чув. *tir-* «вдвевать, нанизывать»;

туркм. *ađ-* «сбиваться с пути», тат. *až-*, баш. *ađ-* «озорничать, развращаться» ~ чув. *ur-* «беситься»;

туркм. *güđ-*, тур. *küz-*, баш. *kəđ-* «накаливаться», як. *kīs-* «краснеть» ~ чув. *xər-*.

б) в ауслауте односложных именных основ:

МК *öz* «горная долина», кир. *özön* «русло реки, река», ног. *özen* «долина» ~ чув. *var* «овраг, ложбина» (ср. *vazan* «лощина, ложбина»);

тур. *öz* «внутренность, сердцевина, сам», туркм. *öz*, кир. *öz* «сам» ~ чув. *var* «середина, центр, желудок, нутро»;

МК *tüz* «основание, корень», тув. *dös* «то же», алт. *tös* «основание; духи», хак. *tös* «духи», хак. *tös* «духи» ~ чув. *türə* «название злого духа» (ср. *türe*);

туркм. *iđ*, тур., азерб. *iz*, тат. *əz* «след» ~ чув. *jər*;

туркм. *ǰüđ*, тур. *güz*, кир. *küz*, тат. *köz* «осень» ~ чув. *kər*;

туркм. *müđ*, тур., кир. *bez*, уйг. *büz*, тат. *biz* «железа» ~ чув. *par*;

туркм. *büđ*, як. *mūs*, тур. *buz*, кир., уйг. *muz*, тат. *böz* «лед» ~ чув. *pər*;

туркм. *jüđ*, як. *sūs*, кир. *jüz*, тат. *jöz* «сто» ~ чув. *śar*;

туркм. *jāđ*, як. *sās*, тат. *jaz*, кир. *ǰaz*, тув. *čas* «весна, лето» ~ чув. *śur*;

туркм. *düđ*, тур., азерб. *düz*, кир., уйг. *tüz*, тат. *töz* «прямой» ~ чув. *türə*;

туркм. *güđ*, як. *kīs*, азерб. *güz*, баш. *qəđ*, тув. *kīs* «дочь, девушка» ~ чув. *xər*;

⁵²⁸ Чув. *šir-* «писать», вероятно, ~ монг. *ǰiru-* «рисовать».

туркм. *gāδ*, як. *xās*, баш. *qad*, азер. *gaz* «гусь» ~ чув. *xur*;
тур. *bez* «материал, полотно, холст», туркм. *bīδ*, ног. *böz*,
тув. *p^hös* ~ чув. *pir* «холст»;
тат., кир., уйг. *saz*, баш. *had*, хак. *sas* «болото» ~ чув. *šur*
(туркм. *šaδliq*);
туркм. *dīδ*, тур. *diz*, кум. *tiz*, тат. *təz*, хак. диал. *təs*
«колено» ~ чув. *čər*;
туркм. *dūδ*, як. *tūs*, тур., кир. *tuz*, тув. *qus*, тат. *töz*
«соль» ~ чув. *tāvar*⁵²⁹;
туркм. *kōδ*, азер. *köz*, тат. диал. *küz* «горячие угли» ~ чув.
kāvar;
азер., тур., кир. *biz*, туркм. *biδ*, баш. *bəδ*, алт., тув. *his*,
хак. *pəs* «мы» ~ чув. *ebər*; *ebir*;
азер., кир., тур. *siz*, туркм. *šid* «вы» ~ чув. *ežər*; *ezir*.
в) в аусллауте двусложных основ:
туркм. *boqad*, уйг. *boquz* «горло» ~ чув. *pir*;
туркм. *öküδ*, як. *oγus*, тур. *öküz* «бык» ~ чув. *vəgər*;
туркм. *šemiδ*, тур., уйг. *semiz*, баш. *himəδ* «толстый,
жирный» ~ чув. *samər*;
туркм. *ekiδ*, тур. *ikiz*, тат. *igəz* «двойня» ~ чув. *jəgər*;
туркм. *göwüs*, тур. *göjüs*, лоб. *köküz*, алт. *kögüs* «грудь» ~
(?) чув. *kəgər*;
туркм. *gündiδ*, тур. *gündüz*, кир. *kündüz*, тат. *köndəz*
«полдень» ~ чув. *kāndər*;
туркм. *baldīδ*, тур., кир. *baldiz*, баш. *baldəδ*, як. *balis*
«свояченица» ~ чув. *puldər* «шурин»;
туркм. *šaqiδ*, тур. *sakiz*, кир. *saγiz*, хак. *sās* «смола» ~ чув. *suγər*;
туркм. *ayīδ*, баш. *awəδ*, тур. *āz*, кир. *ōz*, як. *uos* «рот» ~
чув. *šāvar*;
туркм. *jildīδ*, баш. *jöndöδ*, кум. *julduz*, кир. *jildiz*
«звезда» ~ чув. *šāldər*;
туркм. *gunduδ*, кир., уйг. *qunduz*, тув. *qundus*, баш. *köndöδ*
«бобр» ~ чув. *xāndər*;
туркм. *dīqiδ*, кир. *tīγiz*, баш. *tāγəδ* «тесный, узкий» ~ чув.
tāvər;
туркм., баш. *ajad*, тур., кир., уйг. *ajaz*, тув., хак. *ajas*
«ведро, ясная погода» ~ чув. *ujar* (хак. *ajas-*, баш. *ajad-*, тат.
ajaz- «разведриться» ~ чув. *ujar-*);

⁵²⁹ Ср. *Benzing* (1), с. 706.

тур. *sekiz*, туркм. *ðekið*, уйг., азерб. *säkkiz*, кир. *segiz*, тат. *sigəz* «8» ~ чув. *sakkär*;

туркм. *doquð*, тур. *dokuz*, кир. *toyuз*, уйг. *tokkuz*, як. *toyus* «9» ~ чув. *täxxär*;

тур. *otuz*, тат. *utəz*, уйг. *ottuz* «30» ~ чув. *vädär*;

туркм. *jayið*, тур. *ja'iz*, МК *jayiz* «светло-коричневый, каштановый» ~ чув. *širä*;

азерб. *a'yiz*, баш. *äwäd*, кир. *üz* «молозиво» ~ чув. **irä* (*äne irri*) «первое молоко после отела».

г) в инлауте двусложных основ:

тат. *jözaq*, баш. *jödaq* «замок» ~ чув. *šära*;

туркм. *büdaw*, кир. *muзö*, тув. *bizä*, баш. *bädaw*, МК *buzayu* «теленок» ~ чув. *päru*;

туркм. *jüdüik*, тур. *jüzük*, кир. *jüzük*, баш. *jödök* «кольцо» ~ чув. *šärä*;

алт. *küzüg*, кир. *küzük* «нитченки» ~ чув. *kärä*;

тур. *uzun*, тат. *özän*, туркм. *uðin* «длинный» ~ чув. *väräm*;

туркм. *uðağ*, тат. *özäğ* «долгий» ~ чув. *värax*;

тат. *äzan*, баш. *äðan* «межа» ~ чув. *järan*⁵³⁰;

туркм. *gäðan*, баш. *qadan*, тат., кир. *qazan* «котел» ~ чув. *xuran*.

См. также:

кум., каз., ног. *qizyan-*, баш. *käðyan-* «жалеть» ~ чув. *xäryen-*;

Для целого ряда тюркских слов можно привести данные из монгольского языка, которые, по мнению алтаистов, иллюстрируют соответствие общетюркского *z* монгольскому *ʒ*⁵³¹:

тур. *gez-*, кир. *kez-*, тув. *kezi-* «гулять, бродить» ~ совр. монг. *xer-*; мон. *kerü-*⁵³²;

тур. *kaz-*, кир. *qaz-*, ног. *qazi-* «рыть, копать» ~ совр. монг. *xar-* «строгать, соскабливать»;

ног. *qoz-* «дразнить, раздражать», кир. *qozu-* «возбуждаться» ~ монг. *qurīča-*, совр. монг. *xur'ca-* «страстно желать»;

тур., кир. *sez-*, баш. *hið-* «чувствовать, понять» (кир. *sez* «чувство») ~ совр. монг. *ser-* «просыпаться, явно подозревать»;

⁵³⁰ Ср. *Gombocz* (2); *Poppe* (6).

⁵³¹ *Абаев* (1), с. 59 высказал предположение о возможной связи чувашского *järan* с осет. *aroen* «межа, граница».

⁵³² Примеры из монгольского взяты гл. об. у *N. Poppe*. Судя по словарю *Lessing*⁴, они нуждаются в уточнении.

туркм. *üδ-*, кир. *üz-*, баш. *öδ-* «рвать» ~ совр. монг. *ür-* «тереть, растирать»;

туркм. *boδ*, тур. *boz* «серый» ~ монг. *boro* < *bora* совр. монг. *bor*;

туркм. *āδ*, тур. *az* «мало» ~ монг. *arai*, бур. *aran* «едва»;

туркм. *gāδ*, тур. *kaz* «гусь» ~ маньч. *garu* < **kāragū* «лебедь»;

туркм. *ōδ*, тур. *öz* «внутренность, самость» ~ монг. *örö*, *öre*;

туркм. *ūd* «красивый», тур. *uz* «хороший, подходящий» ~ совр. монг. *ur* (*an*) «мастерство»;

туркм. *jüz* «лицо», як. *sūs* «лоб» ~ монг. *düri*, *dürsün* «внешний вид»;

туркм. *īδ*, тур. *iz* «след» ~ совр. монг. *ir* «лезвие, острие»;

туркм. *jāδ*, тур. *jaz* «весна» ~ монг. *niraj*, совр. монг. *n'araj*;

тур. *daz* «лысына», кир. *taz* «парша» ~ монг. *tar*, *tarakaj*;

туркм. *omiδ*, тур. *omuz* «плечо» ~ монг. *omoruγun*, бур. *omor'un* «грудина лошади»;

туркм. *atīδ* «небольшой земельный участок», уйг. *etiz* «поле, пашня» ~ монг. *atar* «целина»;

туркм. *ayīδ*, тур. *āz* «рот» ~ монг. *ayur* < **agur* < **agūr*, совр. монг. *ūr* «пар, гнев»;

ног. *kūjez* «щегольство», баш. *kōjäd* ~ монг. *küger* < **küwer* < **küber*, совр. монг. *xör*;

туркм. *jayīδ* тур. *ja'iz* «каштановый» ~ монг. *dajir* < **dagīr* «олень»;

туркм. *ekid*, тур. *ikiz* «близнецы» ~ монг. *ikire* < *ekiri*;

туркм. *bujnuδ*, кир. *müjüz* «рог» ~ (?) монг. *bügeresün* // *mügēresün* < предмонг. *müñeresün* «хрящ», бур. зап. *mōrhä(n)*;

туркм. *boγad*, тур. *bo'az* «горло» ср. монг. *bo'orla-* < **boγarla-* «перерезать горло»;

туркм. *üdeñji*, тур. *üzengi* «стремя» ~ совр. монг. *dörö(n)* < *dürüge* < **dürüñē*;

туркм. *gudi*, тур. *kuzu* «ягненок» ~ совр. монг. *xurγa(n)* < монг. *quriγan*, *kurayān* «ягненок»;

туркм. *uδa-*, тур. *uza-* «длиться» ~ совр. монг. *urt* «длинный, долгий» < **hurtu* < **purtu*;

тур. *buzat*, баш. *bāḍaw* «теленка» ~ монг. *birayū*, совр. монг. *b'aru(n)* «годовалый теленок»;

туркм. *adī*, баш. *aḍaw* «коренной зуб» ~ монг. *araγa* < **arigā*, совр. монг. *arā* (n)⁵³³;

ног. *kūzen*, баш. *kōḍän* «хорек» ~ монг. *kürene* «хорек», совр. монг. *xüren* «коричневый, бурый», *ömxiγ xürne* «хорек»;

В тюркских языках встречаются *r*- и *z*- «варианты» слов (основ)⁵³⁴. Например:

тур. *büz-* «суживать, стягивать», туркм. *büδ-* и *bür-*;

кир., ног. *az-* «худеть, истощаться», хак. *ar-*, тур., ног. *arī-*;

кир. *toz-* *tos-* (?) «преграждать путь, ждать» (но узб. *tos-*, кир. *toro-* «преграждать, задерживать», тув. *t^horul-* «задерживаться перед препятствием» < монг.

азер. *jöz-* «разъяснять, истолковывать», туркм. *zor-* «то же», ног. *jori-*, кир. *ʃoru-*;

тур. *boz* «цвета земли, серый», кир. *boz* «светлосерый, нетронутая земля», тур. *bor* «земля, негодная для обработки»;

кир. *qor* «горячая зола», баш. *quḍ* «горящие угли».

Сюда же, вероятно, можно отнести и такие случаи:

туркм. *kōḍ* «горящий уголь», *kōḍe-* и *kōre-* «загораться (об угле), ср. ст. тур. *kōr-* (А. Зайончковский, с. 87);

туркм. и т.д. *gōḍ* «глаз» и *gōr-* «видеть»;

тат. *qajrā* «кора», баш. *qajār*, чув. *xujār*, тат. *qajāzla-*, баш. *qajāḍla-* «сдирать кору», ног. *qajīzγaq* «перхоть», совр. монг. *xajirs* «чешуя»;

тат., баш. *karl̄γan*, ног. *karl̄γan* «смородина», чув. *xurl̄γan*, но алт. *kazīγan*, тув. *qazīγan* «вид черной смородины».

кир. *qīz-qīrkīn* (< *kīr* + *kīn*) «девушки», где *kīn* тот же аффикс (собирательности ?), что и в кир. *törkün-tözün* «вся родня жены», ног. *törkin* «отчий дом (женщины)», (?) тув. *dörgül* – *t^hörel* «родня»;

узб. *koks* < **köküz* и *kokrāk* < **kökür* «грудь»;

тур. *semiz* «жирный», *semir-* «жиреть», но туркм. *ḡemre-* < *ḡemire-*, тув. *semiri-*, уйг. *semrū-* «жиреть, тучнеть»;

тур. *kuduz* «бешенство, бешеный» и *kudur-* «беситься», но туркм. *gūdura*⁵³⁵.

⁵³³ Ср. мар. *ora* / *pūj* / «клык» (?) < чув. **araγ*.

⁵³⁴ Некоторые исследователи усматривают здесь следы ротацизма.

⁵³⁵ На основании туркм. *ḡemre-*, тув. *semüri-*, уйг. *semrū-* и туркм. *gūdura-* можно восстановить именные формы **semrū-* и **kūdur*. Форма *kutur* отмечена в Ettuhfet Dizin, с. 212.

Соответствие $z \sim r$ наблюдается в аффиксах понудительной формы глагола (кир. *qutqar-* ~ *qutqaz-* «избавлять», азерб. *doγur-* «порождать» и т.д.), в привативных аффиксах: *siz* (именной) и *sira-* (глагольный) < **siz-a*⁵³⁶ кир. *alsiz* «немошный» и *alsira-* «изнемогать» < *al* «сила, мощь».

Тюркские (древнечувашиские?) формы сохранились в венгерской лексике.

венг. *tenger* «море» (в совр. чувашском не отмечено⁵³⁷) ~ тур. *deniz*);

венг. *szűr-* «процеживать» ~ чув. *sər-*, тур. *süz-*;

венг. *iró* «пахтанье» ~ чув. *irə* < *əne irri* «молозиво», азерб. *ayız*;

венг. *ír-* «писать» ~ чув. *šir-*, монг. *řiru-*;

венг. *sár* «грязь, болото» ~ чув. *šur*, тур. *saz* «камыш»;

венг. *görény* «хорек» (в совр. чув. не отмечено) ~ кир. *küzön*, монг. *kürene*;

венг. *borjú* «теленок» ~ чув. *pāru*, тур. *buzacı*;

венг. *ökör* «бык» ~ чув. *vəgər*, осм. *öküz*;

венг. *iker* «близнец» ~ чув. *jəgər*, тур. *ikiç*, монг. *ikire*;

венг. *tar* «лысый» (в совр. чув. не отмечено) ~ тур. *daz*, монг. *tar*, *tarakaj*;

венг. *gyűrű* «кольцо» ~ чув. *šərə*, тур. *jüyük*;

венг. *túr* «терпеть» (в совр. чув. не отмечено⁵³⁸) ~ узб. хор. *döz-*, туркм. *död-*;

венг. *térd* «колени» ~ чув. *čər*, туркм. *dīd*.

При анализе соответствия общетюркского z чувашскому r возникает несколько проблем.

Во-первых, необходимо выяснить, каково отношение этого тюркского соответствия к монгольскому и тунгусо-маньчжурскому r , то есть можно ли генетически и хронологически рассматривать общетюркский z , чувашский r , монгольский r и тунгусо-маньчжурский r как звенья единой цепи или же следует выделить общетюркско-чувашское соответствие.

Ответ на этот вопрос, как нам кажется, зависит от решения алтайской проблемы и главным образом от того, насколько удастся вычленить обоюдосторонние

⁵³⁶ См., например, *Севортян*, с. 313.

⁵³⁷ Чув. *tinəs* < татарского.

⁵³⁸ Чув. *tüs-* < татарского.

займствования⁵³⁹ и доказать генетическое тождество оставшихся элементов. Этим в известной мере определяется подход ко второй проблеме: что первично в соответствии $r \sim z$: $r > z$ или $z > r$ или они, как предполагал Е.Д. Поливанов⁵⁴⁰, представляют варианты единой фонемы $*r̃$, $*r̄$.

Так как z и r в ряде случаев выступают как носители грамматических значений (морфемы), приходится говорить о третьей проблеме: определить место этих аффиксов в системе общетюркского (и монгольского) словообразования, их взаимные отношения и фонетические закономерности сочетания со словообразовательными основами.

Наконец, уже в связи с чувашским r на месте общетюркского z нужно определить, когда наступил $r < z$ для чувашского или же $r > z$ для общетюркского.

Многие из алтаистов⁵⁴¹ принимали как аксиому генетическое родство алтайских языков. Поэтому они полагали, что r , представленный в большинстве алтайских языков: в монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейском и чувашском, старше z , встречающегося лишь в тюркских языках. Этот r ⁵⁴² они восстанавливают для общеалтайского языка и таким образом определяют чувашский r как архаизм.

Исследователи, скептически расценивающие генетическое родство алтайских языков, обычно рассматривают лишь тюркско-чувашское соответствие и исходят из первичного z ⁵⁴³.

Так, И. Бенцинг считает, что такие примеры, как чув. *pír* «холст» ~ общетюрк. *bōz* < гр. *būdōg*, чув. *vāgār* «бык» ~ общетюрк. *ögüz*, кучан. *okso* «скот», свидетельствуют о первичности общетюркского z ⁵⁴⁴.

⁵³⁹ Ср. Щербак (2), с. 2–6.

⁵⁴⁰ Поливанов (1), с. 34, прим. 2, с. 36–37.

⁵⁴¹ G. Ramstedt, N. Poppe и др.

⁵⁴² Обычно алтаисты говорят о двух r в общеалтайском: r^1 , давшем общетюркский r и r^2 (r^1 согласно Г.И. Рамстеду, $r̃$ согласно N. Poppe), отразившемся в общетюркском как z .

⁵⁴³ А.М. Щербак, J. Benzling.

⁵⁴⁴ Однако данные примеры скорее говорят об отсутствии z в системе чувашского консонантизма в период заимствования этих слов.

Как вторичное явление рассматривает чувашский *r* и А.М. Щербак⁵⁴⁵, по мнению которого общетюркский *z* и чувашский *r* – аллофоны фонемы *s* после долгого гласного⁵⁴⁶.

Выше уже говорилось, что в настоящее время во многих односложных словах с ауслатным *z* этот долгий гласный не отмечается (утрачен?). Однако, допуская, что общетюркский *z* < *s* после первоначального долгого гласного⁵⁴⁷, остается еще объяснить *z* > *r* в чувашском языке⁵⁴⁸.

Морфологическую интерпретацию для соответствий *r* ~ *z* и *l* ~ *š* неоднократно предлагал W. Bang. Так, он допускал существование фактитива *kör-* и имени *köz* от глагольной основы **kö-*, усматривал различные аффиксальные элементы в глаголах *däl-* и *däs-* «продырявливать» (**dä-l*, **dä-š*⁵⁴⁹). Он же рассматривает *iz* «след» как *z*-имя от глагола **i-*⁵⁵⁰, а *söz* «слово» *z*-имя от глагола **sö-*. Фактитивные аффиксы *r* и *z*, по словам В. Банга⁵⁵¹, могли представлять два самостоятельных образования уже в праязыке.

В какой-то степени эта точка зрения близка к мнению N. Porre, высказанному в одной из его ранних работ⁵⁵², согласно которому в случаях общетюркского *r* ~ *z* мы имеем дело с чрезвычайно древним чередованием. Аффикс *z* в словах *köküz* «грудь», *ikiz* «двойня» и т.д. В. Банг считает показателем двойственного числа⁵⁵³ (в ряде случаев уменьшительным аффиксом). По некоторым замечаниям В. Банга в той же статье⁵⁵⁴ можно видеть, что он отказывается вынести окончательное суждение о приоритете *r* или *z* в формах типа *köküz* ~ *kökür*.

⁵⁴⁵ Щербак (6), с. 24.

⁵⁴⁶ См. об этом на с. 143 данной работы.

⁵⁴⁷ Требуется объяснения и *z* > *r* в интервокальном положении: *päru* «теленки», *šärä* «кольцо» и т.д.

⁵⁴⁸ Б.А. Серебрянников, сторонник первичного *z*, полагал, что *z* > *r* отражает присущую чувашскому консонантизму тенденцию к ослаблению смьчки (*q* > *x*, *č* > *š*, *z* > *r* и т.д. (ВЯ, 1960, №4, с.64)).

⁵⁴⁹ Altaisch und Urtürkisch, с. 115.

⁵⁵⁰ UJb, XII, с. 94.

⁵⁵¹ Altaisch und Urtürkisch, с. 115.

⁵⁵² К соответствию *z* и *r* в алтайских языках.

⁵⁵³ Bang (1), с. 307–309.

⁵⁵⁴ Там же, с. 295.

Однако, кажется, он более склонен исходить из первичного z (*kökräk* < **köküzäk* (ук. соч., с. 308), **omızaq*, **omızaq* > **omıraq* > **omraq* > *omrau* (ук. соч., с. 309).

Идеи В. Банга в последнее время были в известной мере подхвачены О. Прицаком⁵⁵⁵ и А. Бишшевым⁵⁵⁶.

О. Прицак пытается по-своему интерпретировать соответствие $z \sim r$ (а также $\check{s} \sim l$). Прежде всего он утверждает, что «ротацизм» (и «ламбдацизм») морфонологическая проблема z (и \check{s}) тюркских языков, по мнению О. Прицака, является результатом фузии согласного основы и суффиксального элемента.

Например, тюркское *qız* «девушка» < **qır* (ср. *qır* в *qırqın*, *qız-qırqın* «девушки») + суффиксальный элемент x ⁵⁵⁷, чувашское *xər* «девушка» < *qır* + суффиксальный элемент y ⁵⁵⁸ (=0);

тюркское *köz* «глаз» < **kör-* «видеть» + суффиксальный элемент x , чувашское *kuś* «глаз» < **kur-* «видеть» + суффиксальный элемент x ⁵⁵⁹;

тюркское *köküz* «грудь» < **kökür* + x (суффикс индивидуализации), чувашское *kəgər* < *kökür* + y (=0);

тюркское *boz-* «портить» = **bor-* + суффиксальный элемент x ⁵⁶⁰ (ср. монгольское *burči-*).

Таким образом, исходными для тюркского y О. Прицака всегда являются r -основы (ср. взгляды Г.И. Рамстедта, N. Порре и т. д.).

Тюркские z -основы представляются производными от r -основ: r -основа + x = z -основа.

x — это оморфные суффиксальные элементы, фонетическое значение которых \check{c} (< **ti*)⁵⁶¹. Суффикс z — это результат фузии r и \check{c} (< **ti*).

Отсюда следует неизбежный вывод: чувашские r -основы первичны по отношению к тюркским z -основам

⁵⁵⁵ *Pritsak* (1), с. 337–349.

⁵⁵⁶ *Бишшев* (2).

⁵⁵⁷ В данном случае под x скрыт суффикс индивидуализации, *qın* в *qırqın* — суффикс собирательности.

⁵⁵⁸ В данном случае под y скрыт суффиксальный элемент 0 (нуль), т.е. нулевая морфема.

⁵⁵⁹ В данном случае под x скрыт суффикс отглагольного имени.

⁵⁶⁰ В данном случае под x скрыт суффикс интенсивного вида.

⁵⁶¹ Ук. соч., с. 344 и 349.

(суффиксальный элемент *y* в них всегда равен *0*) и лишь *ś*-основы по структуре идентичны тюркским, так как содержат суффиксальный элемент *x*, т.е.

чув. *xər* = **qir* + *0* (нулевая морфема);

тюрк. *qïz* = **qir* + *č*;

чув. *kuś* = **kur* + *č*;

тюрк. *köz* = **kür* + *č*.

Однако нам известна пока всего одна чувашская *ś*-основа: *kuś* «глаз».

Недоумение вызывает и тот факт, что чувашские *r*-глагольные основы, как выходит по О. Прицаку, выступают всегда без суффиксального элемента:

чув. *sər-* «цедить» = **sər-* + *0* (нулевая морфема) = или *sər-*.

тюрк. *süz-* = **sür-* + *x* (суффиксальный элемент) и т.д.

Именные и глагольные основы типа: **r* + *x* (**rč* < **rti*), **qirč* < *qirtī* (девушка), **sürč-* < **sürti-* (цедить), насколько нам известно, не засвидетельствованы ни в одном тюркоязычном памятнике или диалекте и остаются гипотетическими. Исключение, пожалуй, составляет чувашское *kuś*, реконструкция которого **kurč* теоретически вполне возможна, так как сонорный + смычный (аффриката) в чувашском могут дать смычный (аффрикату)⁵⁶², а *č* > *ś*.

К сожалению, в начале своей статьи О. Прицак отказался от привлечения для иллюстрации своей гипотезы полного фактического материала⁵⁶³.

Проверка его гипотезы на значительном количестве примеров была бы, вероятно, показательной.

Едва ли все тюркские *z*-имена и глаголы удалось бы свести к формуле *r* + основа + суффиксальный элемент, так как многие из них пока морфологически неразложимы, а часть из них представляют заимствования.

Выше уже отмечалось, что О. Прицак подходит к ротацизму как к морфологической проблеме. т.е. у него не *z* < *r* (или наоборот *z* > *r*), а *z* = *r* + *x*. Однако отказ от одной фонетической проблемы не освобождает его от

⁵⁶² Сонорные *l*, *r* в сочетании со смычным и аффрикатой выпадают.

⁵⁶³ Ук. соч., с. 337.

решения других фонетических проблем: если в чувашском, как известно, $\acute{s} < r\check{c}$, где r выпал, а $\check{c} > \acute{s}$, то каким образом $z < r + \check{c}$ (ti) в общетюркском?

Как ведут себя сочетания $r\check{c}$ (rti), $l\check{c}$ (lti), $n\check{c}$ (nti), т.е. сонорный + аффриката, какова природа \check{c} (=общетюркскому или нет) и каков характер r (= общетюркскому или нет)? О. Прицак полагает, что z явилось результатом длительного развития комплекса $*rti$ через стадию \acute{z} ⁵⁶⁴, т.е. $*rti > \acute{z} \sim \delta > z$ ⁵⁶⁵. О характере r он не упоминает (видимо, это общеалтайский (?) r).

Нераскрытой остается и природа суффиксального (?) элемента ti (омоморфные суффиксы (?)).

В литературе уже отмечалось⁵⁶⁶, что звуковые комплексы rti , rti ⁵⁶⁷ дают в монгольском $r\check{c}i$. Например:

тур. *kert-* «делать зарубку», *kertik* «зарубка» ~ монг. *kerči-* «нарезать»;

тур. *arīt-* «чистить» ~ монг. *arči-* < *arti-*.

В общетюркском встречаются и звуковые комплексы nti , ndi , nti , ndi (кроме рассмотренного О. Прицаком *ikinti* ~ *ikindi*, в именных (причастных?) образованиях типа тув. *elendi* «износ», азерб. *axinti* «течение», тат. *kisəntə* «вырез», алт. *qazinti* «колодец» и т.д.⁵⁶⁸). Как понимает О. Прицак, соотношение вышеуказанных rti , nti и гипотетических $*rti$, $*lti$ и $*nti$ в хронологическом и генетическом плане, осталось для нас неясным. О. Прицак, по-видимому, прав в том смысле, что соответствие общетюркского z чувашскому (и монголо-тунгусо-маньчжурскому) r нельзя рассматривать лишь как простой фонетический «переход» от $*r > z$ или $*z > r$.

⁵⁶⁴ Стадию \acute{z} О. Прицак иллюстрирует примерами из *Махмуда Каушгарского*, где на месте ожидаемого $z < r + x$ отмечен \acute{z} (*aguž* «молозиво» ~ *ayuz*, *köwiž* «гнилая внутренность дерева»). Интересно, что \acute{z} на месте $z < \delta$ отмечен С.Е. Маловым в языке желтых уйгуров, например, *už* «бык» < $*u\delta$, *qužaq* «на север» < $*qu\delta i-jaq$, где он не мог быть результатом $r + ti$.

⁵⁶⁵ Прицак О., ук. соч., с. 347.

⁵⁶⁶ *Рорре* (6), с. 87.

⁵⁶⁷ По мнению В. Котвича, основа *kert-* является первичной, то есть в общетюркском здесь не было сочетания *rti-*, как в монгольском.

⁵⁶⁸ А.М. Щербак сближает *ikinti* с упомянутыми причастиями на *ndi, nti* (1), с. 121.

Возможно, тюркские *z*-основы (как, впрочем, и чувашские *r*-основы) неоднородны: в одних случаях *z* (или *r*)⁵⁶⁹ мог появиться как результат морфонологических процессов, в других он явился субститутотом фонемы, отсутствующей в системе данного языка⁵⁷⁰, в третьих — *z* > *r* чисто фонетическое явление⁵⁷¹.

А.Г. Биишев рассматривает *z* и *r* в словах *qïz* ~ *xər*, *köz* и *kör-* как суффиксальные элементы⁵⁷² и не считает, что *köz* «глаз», *kör-* «видеть», имеющие, по его мнению, разные суффиксы — именной и глагольный, иллюстрируют внутритюркский ротаизм. Его толкование *z*- и *r*-основ близко к В. Бангу. Но чисто морфонологическая интерпретация случаев типа *köz* и *kör-* (сама по себе вполне приемлемая)⁵⁷³ не снимает проблемы о соотношении тюркских и чувашских *z*- и *r*-основ (*qïz* и *xər*), если, конечно, признается тождество суффиксальных элементов *z* и *r*.

Кроме того, среди тюркских *z*-форм (с инлаутным или ауслаутным *z*) немало таких, которые пока не имеют надежной этимологии или не поддаются членению на морфемы (*öküz*, *dojuz*⁵⁷⁴ и т.д.).

⁵⁶⁹ Этим мы пока не хотим сказать о первичности *z*.

⁵⁷⁰ Ср. у Бишшева А. (2), с. 202: «монгольские языки, заимствуя тюркские слова, восприняли звук *z* как *p*».

⁵⁷¹ В монгольском, возможно, следует считаться с ранними заимствованиями из тюркских *r*-языков. К такого рода заимствованиям, по В. Котвичу, принадлежит тюркский привативный суффикс *ser* = *siz* в монгольском *xüüser* «бесплодная», *xüü* «сын, мальчик, дитя» (но *xüüser* «не имеющий сына», где *gij* тождествен тюркскому *xüügij*). Ср. заимствования *hes-* «бродить», *bös* «текстильный товар», *tängäs* «море», *boos* «стельная (о корове)» и т.д.

⁵⁷² Бишшев (1), с. 78.

⁵⁷³ Ср. *r*-имена и *s*-глаголы в монгольском:

hünür «запах»

hünüs «пахнуть»

bajar «радоваться»

bajas «радоваться»

sonur «чуткий»

sonus «слушать» (Санжеев, с. 117).

⁵⁷⁴ См. Ramstedt (3), с. 16.

Учитывая это, А.Г. Биишев полагает, что в аффиксе множественного числа $z \sim r$ и имяобразующем аффиксе $z \sim r$ исходным был * δ . Что касается монгольского r , то речь здесь может идти о заимствовании и субституции⁵⁷⁵. Чувашский язык, по словам А.Г. Биишева, заимствовал закон * $z > p$ из монгольского⁵⁷⁶. Последний тезис, как нам кажется, остается пока недоказанным, ибо ссылка на параллелизм таких процессов в монгольском и чувашском языках, как $t- > \check{c}$ - и $z > r$ (кроме того, $l < \check{s}$ и $s- > \check{s}$ -), еще ничего не говорит о заимствовании фонетических законов.

Вопрос о том, какие из r -форм в монгольском языке, имеющие z -соответствия в тюркском, являются заимствованиями, очень интересен и, видимо, нуждается в детальной разработке. Ценные соображения на этот счет можно найти у В. Котвича⁵⁷⁷, Б.Я. Владимирцова⁵⁷⁸ и Г. Дерфера⁵⁷⁹.

Так, например, Г. Дерфер убедительно доказывает тюркское происхождение монгольского *ikire* < тюрк. **ekiza* (совр. тюрк. *ekiz*); только на тюркской почве это слово может быть подвергнуто морфологическому анализу *eki* + z (∂).

Для решения проблемы взаимоотношения тюркских z -основ и монгольских r -основ небезынтересна лексико-грамматическая группировка фактического материала.

Тюркские z -основы можно распределить в следующие группы:

имена:

а) названия частей тела (с аффиксом двойственного числа?):

ног., МК *jamiz* «пах»,

туркм. *göd* «глаз, глаза»,

туркм. *did* «колени, колени»,

туркм. *ayid* «рот», як. *uos* «губы»,

туркм. *otid* «плечо, плечи»,

туркм. *göwüs* < (?) *göwüz* «грудь» или *kög* + *si*,

⁵⁷⁵ Биишев (2), с. 199–202.

⁵⁷⁶ Ук. соч., с. 203.

⁵⁷⁷ В. Котвич, с. 123–137.

⁵⁷⁸ Владимирцов (2).

⁵⁷⁹ Doerfer, с. 51–105.

туркм. *jüδ* «лицо», як. *sūs* «лоб»,
туркм. *boγad* «горло»,
туркм. *meγid* «лицо»,
туркм. *bujnuδ* «рог»
(ср. еще тур. *geniz* «носоглотка», тув. *čüs* «сустав», тур.
güz «хрящ»);

б) местоимения:

туркм. *biδ* «мы»,

туркм. *ʒiδ* «вы»;

в) числительные:

туркм. *ʒekid* «восемь»,

туркм. *doquδ* «девять»,

туркм. *otud* «тридцать»,

туркм. *ekid*⁵⁸⁰ «двойня»,

туркм. *jüδ* «сто»;

г) односложные имена с различной семантикой:

туркм. *gīδ* «осень»,

туркм. *jāδ* «весна»,

МК *tüz* «корень, основа»

туркм. *iδ* «след»,

туркм. *ōδ* «свой»,

туркм. *gāδ* «гусь»,

туркм. *āδ* «мало»,

туркм. *boδ* «серый»,

тур. *daz* «лысина»,

туркм. *iδ* «пыль»,

туркм. *ʒōδ* «слово»,

тур. *joz* «одиночный, простой»,

туркм. *kōδ* «горящий уголь»

(ср. баш. *quδ*, тур. *küz*),

туркм. *dūδ* «соль»,

туркм. *būδ* «лед»,

туркм. *dūδ* «прямой»,

тур. *saz* «тростник»,

баш. *tuδ* «береста»,

тур. *čöz* «жир, покрывающий кишки», ср. туркм. *čödi*,

кир. *ež* «рассеянный»,

кир. *siž* «сырость»,

туркм. *ūδ* «красивый»,

⁵⁸⁰ Быть может, это слово надо исключить из данной группы.

туркм. *gīḍ* «девушка»,
 туркм. *bīḍ* «шило»;
 д) двусложные имена с различной семантикой:
 ног. *qonīz* «жук»,
 туркм. *dīqīḍ* «плотный»,
 туркм. *ḡemiḍ* «жирный»,
 туркм. *guduḍ* «бешеный»,
 туркм. *tekiḍ* «ровный»,
 туркм. *jawuḍ* «свирепый»,
 туркм. *jaḡiḍ* «смуглый»,
 ног. *kūjez* «щеголь»,
 туркм. *aiḍ* «небольшой земельный участок»,
 ног. *kūjiz* «ковер» (ср. русск. *ковер* < чув. **kāgir*)⁵⁸¹,
 ног. *kijiz* «войлок»,
 туркм. *goruḍ* «варган»,
 азер. *aḡiz* «молозиво»,
 туркм. *deḡiḍ* «море»,
 туркм. *doḡuḍ* «свинья»,
 туркм. *gowuḍ* «неполный»,
 туркм. *gabīḍ* «задержка мочеиспускания»,
 туркм. *ajad* «мороз, ведро»,
 ног. *qimīz*⁵⁸² «кумыс»,
 туркм. *jalḡiḍ* «одинокий»,
 туркм. *gündiḍ* «днем»,
 туркм. *baldīḍ* «золотка»,
 ног. *juldīz* «звезда»;
 е) имена с интервокальным *z*:
 кир. *özön* «русло реки», баш. *üḍän* «долина»,
 кир. *küzük* «нитченки»,
 тур. *kozak* «шишка»,
 тур. *kizak* «сани»,
 тур. *jüzük* «кольцо»,
 туркм. *ḡḍek* «сифилис»,
 туркм. *ḡḍen* «песчаная акация»,
 ног. *kūzen* «хорек»,
 тур. *azik* «съестные припасы»,
 тур. *kazik* «кол»,
 кир. *qazan* «котел»,

⁵⁸¹ Рясянен.

⁵⁸² Иранское заимствование.

тур. *üzek* «дышло»,
 тур. *tuzak* «ловушка, силок»,
 тур. *buza'ı* «теленос»,
 туркм. *üdeňji* «стремля»,
 туркм. *gidi* «ягненос»,
 туркм. *adi* «коренной зуб» и т.д.
 ж) глагольные односложные *z*-основы⁵⁸³:
 тур. *az-* «сбиться с дороги»,
 кир. *az-* «худеть, истощаться»,
 туркм. *bed-* «почувствовать неприязнь»,
 тур. *boz-* «портить, разрушать»,
 туркм. *büd-* «суживать, собирать в складки»,
 тур. *daz-* «спешить», туркм. *tadik-*,
 туркм. *död-* «терпеть»,
 тур. *diiz-* «приводить в порядок»,
 туркм. *döz-* «нанизывать»,
 туркм. *ež-* «молоть, мять»,
 тур. *gez-* «гулять, бродить»,
 туркм. *jad-* «стелить»,
 туркм. *jad-* «писать»,
 тур. *jaz-* «чуть было не (сделать)»,
 туркм. *jäd-* «лишиться, заблудиться»,
 азер. *joz-* «разъяснять, толковать»,
 туркм. *jüd-* «снимать шкуру»,
 туркм. *jüd-* «плавать»,
 туркм. *od-* «обгонять»,
 тур. *kaz-* «рыть, копать»,
 ног. *qoz-* «дразнить», ср. туркм. *god'а-* «тронуть»,
 туркм. *güd-* «нагреваться»,
 тур. *sez-* «чувствовать, понять»,
 туркм. *sod-* «вытягивать, протягивать»,
 тур. *süz-* «цедить»,
 кир. *süz-* «бодать»,
 тур. *siz-* «сочиться, копать»,
 туркм. *ted-* «бежать с испуга»,
 туркм. *tod-* «изнашиваться»,
 туркм. *üd-* «рвать»,
 тур. *üz-* «ослаблять, угнетать»,
 туркм. *öd-* «нападать»,

⁵⁸³ Приводится лишь часть основ данного типа.

туркм. *çöδ-* «развязывать»,

туркм. *çid-* «чертить».

К некоторым из этих глагольных основ можно указать *r*-параллели из тюркских и монгольских языков⁵⁸⁴:

Значение глагола	/C/Vz- ⁵⁸⁵ основа	/C/VzV- основа	/C/Wz- основа	/C/Vr- основа	/C/VrV- основа	/C/WrV- основа	Монгольские соответствия
худеть	<i>az-</i> (кир.)			<i>ar-</i> (тув.) <i>ir-</i> (як.)	<i>arī-</i> (тур.)	<i>aar-</i> (туркм.) <i>īir-</i> (як.)	
чувствовать неприязнь	<i>beδ-</i> (туркм.) (балк.)	<i>bezi-</i>					
порпить	<i>boδ-</i> (туркм.)		<i>booz</i> (тур. диал.)				<i>burci-</i>
суживать, собирать складки	<i>büδ-</i> (туркм.)			<i>bür-</i> (туркм.) <i>bijür-</i> (кир.)			
спешить	<i>daz-</i> (тур.)	<i>dazj</i> (аз. диал.)	<i>taadik-</i> (туркм.)				
бродить, гулять	<i>geδ-</i> (туркм.)	<i>kezi-</i> (тув.) <i>geze-</i> (кум.)					<i>keri-</i>
разыснять, предпола- гать	<i>joz-</i> (азер.)			<i>jor-</i> (туркм.)	<i>jopi-</i> (кир.) <i>joru-</i> (ног.)		
рыть, скоблиль	<i>gaδ-</i> (туркм.)	<i>kazj-</i> (тур.)		<i>qir-</i> (ног.)	<i>harj-</i> (як.)		
дразнить, возбуж- даться	<i>qoz-</i> (ног.) (ккал.)	<i>qozu-</i> (кир.)	<i>goodya-</i> (турк.)				(?) <i>kurica-</i>
нагреваться, краснеть	<i>göδ-</i> (туркм.)	<i>qizj-</i> (кир.)	<i>küis-</i> (як.)				
чувствовать	<i>sez-</i> (тур.)						<i>seri-</i> <i>sere-</i>

⁵⁸⁴ Для краткости примеры даются со ссылкой на один из тюркских языков.

⁵⁸⁵ *C* – согласный, *V* – гласный.

выпягивать	ʒoδ- (туркм.)	(?) sor- (кир.)	sorī- (ног.)	ʒoor- (туркм.)	бур. <i>horo-</i> <i>sor-</i> <i>soni-</i>
сочиться, стекать	ʒīδ- (туркм.)			ʒīīrīq- (туркм.)	
бежать с испуга	teδ- (туркм.)				бур. <i>terged-</i> <i>tergel-</i>
изнаши- ваться	toδ- (туркм.)	tozī- (узб.)			
рвать	üδ- (туркм.)				стирать, <i>üre-</i> уничтожать

Из монгольских *r*-основ рассмотрим лишь *r*-имена — названия частей тела:

düri, dürsün «внешность» (тюрк. *jüz* «лицо»)
omoruγun «грудина лошади» (тюрк. *omuγ* «плечо»)
bügeresün «хрящ» (тюрк. *bujnuz* «рог») ⁵⁸⁶
**boγar* «горло» (тюрк. *boγaz* «горло»).

Показательно, что в монгольском языке указанные тюркские слова имеют еще семантические соответствия:

nür «лицо», *caraj* «лицо»,
mör (ön) «плечо»,
ever «рог»,
xoloj «горло».

Аффикс *r* не наделен в монгольском определенной морфологической значимостью; *dürsün, omoruγun, bügeresün, *boγar* неоднородны по своей морфологической структуре.

Остальные монгольские *r*-имена нам не удалось сгруппировать по какому-нибудь признаку (семантическому или морфологическому).

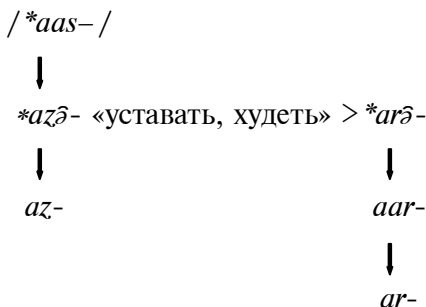
Соответствие чувашского *r* общетюркскому *z* хронологически, вероятно, следует отделить от соответствия чувашского *r* общетюркскому *d*, (так как в «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка уже выступает *r* (~ *z*), но встречается *d* ($\delta > z > r$)).

⁵⁸⁶ Соответствие туркм. *bujnuδ*, кир. *müjüz* < **büñüz* «рог» ~ монг. **müñeresün* сомнительно с точки зрения семантики и фонетики.

Для чувашского *r* (до выяснения вопроса об алтайском ротацизме) можно принять в качестве ближайшего источника спирант типа $r^{\dot{z}}$ (ср. чувашское *l* и общетюрк. \dot{z} , которые, возможно, восходят к \dot{r}).

Такое допущение является необходимым, так как современный чувашский *r*, как известно, имеет два общетюркских соответствия: *r* (*pär* ~ *bir* «один») и *z* (*pär* ~ *buз* «лед»). Следовательно, первоначально r^1 и r^2 должны были отличаться друг от друга.

Так называемый ротацизм (изменение, реконструируемое обычно в виде $z (< s) > \dot{z} > \dot{r} > r$) наблюдается в истории ряда языков (например, германских, романских). Для тюркских языков изменение $z > r$ могло быть первоначально позиционным.

Позднее *r* выступает в *r*-языках субститутом *z* до тех пор, пока в звуковой системе не появляется «новый» *z* из *s* в интервокальном положении.

После этого субститутом уже становится *s* (*z*):

чув. *jus-* «лишаться, ошибаться» ~ тат. *jaз-*, баш. *jaδ-*, кир. *jaз-*;

чув. *tus-* «разбрасывать, разрушать» ~ баш. *tuδ-*, тат. *tuz-*, кир. *toз-*, туркм. *toδ-*;

чув. *tüs-* «терпеть» ~ баш. *tüδ-*, тат. *tüz-*, туркм. *döδ-*;

чув. *sis-* «чувствовать» ~ тур., азерб., кир. *sez-*, тат. *siз-*;

чув. *pis-* «охладевать» ~ туркм. *beδ-*, тур. *bez-*, тат. *biз-*;

чув. *päs-* «портить» ~ туркм. *boδ-*, тур. *boз-*, азерб. *poз-*, тат. *böз-*;

чув. *as-* «беситься» ~ тат. *aз-*, баш. *aδ-*;

чув. *tinəs* «море» ~ туркм. *deñid*, тур. *deniz*, кир. *teñiz*, тат. *dingəz*;

чув. *tigəs* «ровный» ~ тат. *tigəz*, баш. *tigəd*;

чув. *tuzan* «пыль» ~ туркм. *tođan*, кир. *tozon*, тат. *tuzan*, баш. *tuđan*;

чув. *kazu* «поветрие, эпидемия» ~ тат. *kizəw*, баш. *kiđəw*, кир. *kezik* «продолжительная и неизлечимая болезнь».

К хронологии $z > r$ (или $r > z$) отметим следующее. Как известно, в VI в. уже представлены тюркские z -языки⁵⁸⁷. В то же время в венгерском языке наличествуют тюркизмы, заимствованные из r -языка (r -языков), которые обыкновенно датируют V–IX вв. Источником для этих заимствований большинство исследователей считают r -язык булгаро-чувашского типа⁵⁸⁸.

Ламбдаизм

Со времен В. Шотта⁵⁸⁹ известно, что общетюркскому \check{s} в чувашском может соответствовать l .

туркм. *bāš*, тур. *beš*, тат. *biš*, тув. *beš* «пять» ~ чув. *pilək*;

туркм. *jāš*, як. *sās*, тур. *jaš*, тат. *jāš* «возраст» ~ чув. *śul* «год»;

туркм. *dūš*, тур. *düš*, тув. *ḍüš*, тат. *töš* «место, время» ~ чув. *təl*;

туркм. *dūš*, тур. *düš*, тув. *ḍüš*, тат. *töš* «сон» ~ чув. *tələk*;

туркм. *dāš*, як. *tās*, тув. *ḍaš*, тат. *taš* «камень» ~ чув. *čul*;

туркм. *čiš*, тур. *šiš*, алт. *tiš* «вертел»⁵⁹⁰ ~ чув. *šəl* «зуб»;

туркм. *daš*, як. *tas* (тур. *diš*, тат. *tāš*) «пространство вне чего-либо» ~ чув. *tul*;

туркм. *giš*, як. *kiš*, тув. *qiš*, тат. *qāš* «зима» ~ чув. *xəl*;

туркм. *išik*, тур. *ešik*, тув. *ežik* «дверь, порог» ~ чув. *alək* «ворота»;

⁵⁸⁷ См., например, язык енисейских и орхонских памятников и язык древних уйгуров.

⁵⁸⁸ Недавно было выдвинуто мнение о том, что r нельзя считать надежным фонетическим критерием для такого рода заимствований, ибо r -состояние типично для предтюркской (и общеалтайской) эпохи.

⁵⁸⁹ Schott W. De lingua Tschuwaschorum, с. 14.

⁵⁹⁰ В алтайском языке *tiš* «зуб» и *tiš* «вертел» < *čiš*.

туркм. *ešit-*, як. *ihit-*, тат. *išät-* «слышать» ~ чув. *ilt-*;
туркм. *dušaq*, тув. *dužaq*, тат. *täšaw* «путы, оковы» ~
чув. *tälä*;

тур.. азер. *eš-* «рыть, копать» ~ чув. *al-t-*;

тув. *češ-*, баш., хак. *sis-*, тат. *čiš-*, ног. *ses-* «развязывать,
снимать одежду» ~ чув. *sal-t-* «разувать, развязывать»;

туркм., кир., уйг. *kümüš*, хак. *kümüš*, тат. *kötmäš*
«серебро» ~ чув. *kämäl*;

туркм., тур. *jetmiş* «70», тат. *jitmäš* ~ чув. *šitmäl*;

ног. *quwiš*, тат. *quwäš*, баш. *qäwäš* «дуплю, полый» ~ чув. *xäväl*;

уйг. *qujaš*, ккал. *qujas*, узб. *qujâš*, тат., баш. *qöjaš*
«солнце» ~ чув. *xäväl*;

туркм., тур. *altmış*, ног. *alpīs* «60» ~ чув. *utmäl*;

туркм. *jumuš*, хак. *nimīs*, тат. *jötmäš* «задание, поручение,
дело» ~ чув. *šämäl*;

При интерпретации данного соответствия обычно рассматривались следующие проблемы:

1. Направление развития: $l > š$ или $š > l$;

2. Причины развития и качество первичного звука.

Алтаисты, как правило, исходили из стадии *l*, допуская в общетюркском (точнее, предтюркском) существование двух *l*: *l*¹, оставшегося без изменения, и *l*², давшего в тюркских языках *š*⁵⁹¹. При этом характер исходного *l* определялся по-разному (*l*' у Рамстедта, спирантизованный глухой *l* у N. Poppe).

Напротив, В.В. Радлов⁵⁹², З. Гомбоц⁵⁹³, Э. Сетеле⁵⁹⁴, Х. Педерсен⁵⁹⁵, И. Бенцинг⁵⁹⁶, А.М. Щербак вслед за В. Шоттом поддерживали второй путь развития: $š > l$. При этом почти все они возводили *l* к первоначальному *z* (у А.М. Щербака *z* в позиции после долгого гласного)⁵⁹⁷.

⁵⁹¹ Ramstedt (5), с. 26 и сл.; Poppe N. (6), с. 76–78; Räsänen (5), с. 25–26.

⁵⁹² Радлов (1), § 288.

⁵⁹³ Zur Lautgeschichte, с. 21.

⁵⁹⁴ Zur finnisch-ugrischen Lautlehre, с. 273.

⁵⁹⁵ Türkische Lautgesetze, с. 547 и сл.

⁵⁹⁶ Benzing (1), с. 711.

⁵⁹⁷ Точка зрения А.М. Щербака очень близка к мнению Х. Педерсена, который полагал, что *š* в чувашском отразилось как *ś*, а *ž* как *l*. *l* появляется в чувашском и после краткого гласного: *xäl, tul*.

Обе гипотезы до настоящего времени остаются недоказанными⁵⁹⁸.

Разделение тюркских языков на *l*- и *š*-языки существовало уже в эпоху так называемых «древнечуваших» заимствований венгерского языка. Об этом свидетельствуют такие данные:

венг. *dől*- // *dül*- «падать» ~ туркм. *düş*- (в совр. чувашском не сохранилось);

венг. *dél* «юг, полдень» ~ ног. *tüs*, уйг. *čüš* «полдень» (в совр. чувашском не сохранилось);

венг. *bölcső* «колыбель, люлька» ~ тур. *beşik*, уйг., турф. *büşük*⁵⁹⁹;

венг. *kölchön* «заем, ссуда» ~ чув. *kivžen*;

венг. *gyümölcs* «плод, фрукт» ~ тур. *jemiş*; чув. *šiməš* (в двух последних примерах *š* > *s*).

Сочетания согласных

Как и другие тюркские языки, чувашский язык в анлауте обычно не допускает стечения согласных. Поэтому в словах иноязычного происхождения с чуждым для чувашского анлаутом наблюдаются протетические и эпентетические гласные:

⁵⁹⁸ О морфонологической интерпретации тюркских *š* и чувашских *l* форм *О. Прицаком* см. раздел «Ротацизм». Там же кратко изложены суждения *В. Банга*. Примеры так называемого «внутритюркского» ламбдаизма:

тур. *del*- «сверлить, продырявливать»,

deş- «раскалывать, продырявливать»,

алт. *tüš* «сон», сюг. *tel*, як. *tül* «то же»,

баш. *qaşāq* «столовая ложка», *qalaq* «чайная ложка»,

чув. *kətal* «серебро», *kətaş* «то же».

В первом и втором случае мы, вслед за *В. Бангом*, можем вычленить аффиксы *š* и *l*; баш. и т.д. *qalaq*, вероятно, < монг. *kalbaya* «ложка», чув. *kətaş* – тюркское заимствование.

Отметим еще туркм. *bāš* «язва, нарыв» алт. *halu* «рана, короста», алт. *hış*- «взбивать масло» ~ совр. монг. *bül*- и т.д.

⁵⁹⁹ Иногда сравнивают с чув. уст. *peļe* «пеленка», но чув. *pije*, *pijelax*, *pijelǰa*, *pijelǰa* «пеленка».

kənege «книга» < русск.;
sadel «стол» < русск.;
āstarāsta «староста» < русск. и т.д.⁶⁰⁰

Однако в чувашских говорах в результате редукции гласных *ā*, *ə* появляются слова с нетипичным анлаутом:

nze «затылок» (Шихазанский р-н);
šleme «работать» (Ядринский р-н);
škej «деверь» (Красночетайский р-н);
klaba «пуп» (Красночетайский р-н);
sta, šta «где» (Цивильский р-н) и др.

Инлаутные сочетания согласных, допустимые в чувашском языке, приведены Н.И. Ашмариным в его «Материалах»⁶⁰¹. Дополнительно можно указать такие сочетания (главным образом, на стыке основы и аффикса), как:

vč: jevĵə «сват»;
vr: kavrāš «ясень», *šavra* «круг»;
nr: anra «глупец», *sanraw* «глухой»;
nz: anze «затылок», *tunzāx* «скука»;
kk: ikkə «два»;
šl: ašlāk «подкладка»;
šm: pəšmex «угол»;
št: puštax «сорвиголова»;
tl: utlan- «садиться верхом»;
tn: pātnāk «мята»;
šp: xušpu «старинный женский головной убор».

Сочетания согласных, встречающиеся в чувашском аусллауте, также отмечены Н.И. Ашмариным⁶⁰².

Наиболее типичными представляются *lt* и *rt*:

alt- – «рыть»;
ilt- – «слышать»;
salt- – «разувать»;
səlt- – «махнуть»;
virt – «пал, пожар»;
jurt- – «бежать рысью»;
pürt – «изба»;
kərt – «сугроб»;

⁶⁰⁰ Этот процесс характерен главным образом для дореволюционных заимствований из русского.

⁶⁰¹ с. 44–46.

⁶⁰² Ашмарин (2), с. 46.

sārt – «ХОЛИМ»;
šamārt – «черемуха»;
šurt – «ДОМ»;
tārt- – «ТОЛКАТЬ»;
turt- – «ТЯНУТЬ»;
xārt – «секира»;
xurt – «червь» и т.д.

В середине слова может встречаться и сочетание трех согласных:

ltr: *šultra* «крупный»;
ntr: *sentre* «полати»;
rtm: *urtmax* «переметная сума»;
ptr: *aptra-* «мучаться»;
rĕk: *xurĕka* «ястреб» и т.д.⁶⁰³

Некоторые общетюркские сочетания согласных подверглись изменению в чувашском языке: один компонент сочетания был утрачен, или произошла перестановка компонентов (смежная метатеза).

Так упростились следующие сочетания согласных:

1. *lq (lk) > l:*

тат. *talqā*, кир. *talqū*, ног. *talqī*, тув. *ḡalyŋ* «мялка» ~ чув. *tīlā*;

тат. *tōlkā*, туркм. *tilki*, кир. *tīlkū*, тув. *ḡilgi*, хак. *tūlgü* «лиса» ~ чув. *tīlā*; ср. также тат. диал. *kaḡā* «кострика» (мокш. *калга*) ~ чув. *xuḡā*, *xuḡa*.

2. *rq (rk) > r:*

тат. *arqāḡā*, кир. *arqalu*, ног. *arqalī* «через» ~ чув. *urlā*;
азер. *arqav* «уток», кир. *arqaq* ~ чув. *ura* «моток ниток»;
азер. *örkän*, крым. тат. *örkän* «шерстяная веревка» ~ чув. *vāren*; возможно, тюрк. *qirq-* «бояться» ~ чув. *xāra* < **qārqa* < **qārāq*.

3. *γr, rγ > r:*

туркм. *oγrī*, тур. *ūru*, азер. *oγru*, баш. *ōγrō* «вор» ~ чув. *vārā*;
азер. *arγaġ*, тур. *arγaĉ* «уток (ткани)» ~ чув. *uražā*;
туркм., хак. *torγaj*, кир. *torγoj*, баш. *turγaj* «жаворонок» ~ чув. *tārī*⁶⁰⁴.

4. *γr > r:*

⁶⁰³ См. также: *Ашмарин* (2), с. 47.

⁶⁰⁴ См. также: *Räsänen* (2), с. 20–21, 46–47; *Ашмарин* (2), с. 52, 54, 92, 94.

туркм. *taŋri*, тур., азер. *tanri*, тат. *täŋrə* «небо, бог» ~ чув. *turə*.

5. *ŋl > l*:

др. тюрк. *janluq* «ошибка» ~ чув. *šiləx*.

6. *lŋ (ŋl) > n*:

туркм. *jalŋiš*, баш. *jaŋäläš*, тат. *jalŋäš*, азер. *janliš* «ошибка» ~ чув. *jänäš*.

7. *rt > t*:

тур. *jürt-*, кир. *ǰirt-*, уйг. *ǰit-* «рвать» ~ чув. *śat-*;

тур., туркм., азер. *ört-* «крыть, покрывать» ~ чув. *vit-*;

азер., туркм., кум. *orta*, тат. *urta* «середина» ~ чув. *vəda*;

туркм. *dört*, як. *tüört*, тур. *dört*, кир. *tört* «4» ~ чув. *təvat*, *təvadə*;

кир., туркм. *artıq*, тат. *artəq* «излишек, лишний» ~ чув. *idə* «нечет».

8. *lt > t*:

туркм., тур. *altmiš*, кир. *altimīs*, ног. *alpīš*, уйг. *a(l)tmis* «60» ~ чув. *utmə*⁶⁰⁵.

9. *lč > ś (ž)*:

тат. *bilčän*, баш. *bilsän* ~ чув. *pižen*;

туркм. *ölčer-* «помешивать дрова в печке» (ср. тур. *ölčer* «кочерга») ~ чув. *vəžer-*;

тур., азер. *ölč-* (туркм. *ölče-*, тат. *ülčä-*) «мерить, взвешивать» ~ чув. *viš-*;

туркм. *gilič*, кир. *qilič*, тат. *qälčäč*, тув. *xiliš* «меч, сабля» ~ чув. *xəś*.

10. *tk > t (d)*:

тат. *bötqa*, баш. *butqa*, кир. *botqo*, хак. *potxi* «каша» ~ чув. *pədə*.

11. *kt > t (d)*:

туркм. *jayti*, тат. *jaqtə*, ккал. *žaqti* «свет» ~ чув. *śudə*.

12. *sk > s (z)*:

туркм. *üŋgür-*, тур. *öksür-*, азер. *öskür-*, гаг. *üsür-* «кашлять» ~ чув. *üzər-*.

Судя по чувашским говорам, плавные *r*, *l* в сочетании со смычным, фрикативным и аффрикатой являются очень неустойчивыми:

⁶⁰⁵ Ср. чув. *xut-* «топить» < **xolt-* ~ мар. *oltaš* «топить», чув. *xudaś* «мешок, стручок» < **kaltača* ~ мар. *otəza* «стручок» < **oltəza*, мар. *kalta* «стручок», «кошелек» < тюрк.(?).

xut «пчела» ~ лит. *xurt*;
soḡām «прохладный» ~ лит. *subyān*;
tuḡār- «фыркать» ~ лит. *tulyār-*;
xuḡa «кострика» ~ диал. *xālyā*;
putran «борщевик» ~ лит. *puldāran*;
pījāk «грязь» ~ лит. *pīljāk*;
užus «боярышник» ~ лит. *ulžus* и т.д.

Уже в болгарских надгробных надписях сочетание *rt* утратило сонорный элемент: *توات* «четыре» ~ общетюрк. *dört*.

Показательно в этом отношении и чувашское заимствование в коми *кись* «бердо»⁶⁰⁶ (чув. *xás*, тат. *qāḷāč*, баш. *qāḷās*).

Перестановка согласных (смежная метатеза) наблюдается в таких сочетаниях, как *kš*, *ṭp*, *rm*, *ml*: чув. лит. *kurmaškān* «чтобы видеть» ~ диал. *kurmakšān*;

pāškān- «нагибаться» ~ диал. *pākšān-*;

чув. лит. *atpāri* «шило» (< *atā pura + i*) ~ диал. *aptāri*;

чув. лит. *śarmāk* «молодой» (ср. венг. *gyermek*) ~ диал. *śarmāk*;

чув. лит. *ulma* «яблоко» ~ диал. *omla*.

Оглушение начальных согласных и его причины

В анлауте изолированно произносимого чувашского слова встречаются, как известно, только глухие согласные: *p*, *t*, *x*, *k*, *s*, *ś*, *š*, *č* и сонанты. Является ли такое состояние изначальным, то есть сохраняет ли чувашский язык общетюркский анлаут?

Если придерживаться той точки зрения, что в общетюркском анлауте противопоставлялись сильные (глухие) и слабые (звонкие) смычные, то приходится говорить о чувашском анлауте как об инновации.

⁶⁰⁶ Это слово, по мнению специалистов, относится к группе болгарских заимствований, воспринятых в пермские языки в VII в. н.э. (см., например, Коми-пермяцкий язык, Кудымкар, 1962, с. 124–125).

В том случае, если в общетюркском анлауте наличествовали только сильные (глухие), чувашский анлаут также нельзя рассматривать как прямое отражение изначального состояния.

Во-первых, звонкие смычные и аффриката имеются в «древнечувашских»⁶⁰⁷ заимствованиях венгерского языка:

венг. *borjú* «теленок» ~ совр. чув. *p̄āru*;

венг. *borsó* «горох» ~ совр. чув. *p̄ārza*;

венг. *bélyeg* «знак» ~ совр. чув. *palāk, palgā*;

венг. *bors* «перец» ~ совр. чув. *p̄ārś*;

венг. *búza* «пшеница» ~ совр. чув. *p̄āri* «полба»;

венг. *bölcső* «колыбель» (в совр. чув. не сохранилось);

венг. *dél* «юг, полдень» (в совр. чув. не сохранилось);

венг. *dől-, dúl-* «падать» (в совр. чув. не сохранилось);

венг. *dara* «крупа» ~ совр. чув. *tīrē* «хлеб, зерно»;

венг. *görény*⁶⁰⁸ «хорек» (в совр. чув. не сохранилось), ср. алт., каз., хак., тув. *kūzen*, баш., тат. *kōžān* и т.д.; (в совр. чув. «хорек» - *p̄āzara* < *p̄āzar-* «пускать ветры»);

венг. *disznó* < **gyūsznó* «свинья» ~ совр. чув. *sīsna* < **šīsna*;

венг. *gyűrű* «кольцо» ~ совр. чув. *śārə*;

венг. *guertya* «свеча» ~ совр. чув. *śurda*;

венг. *gyúr-* «месть» ~ совр. чув. *śār-*;

венг. *gyom* «сорная трава» ~ совр. чув. *śum*.

Анлаутный *b* представлен и в чувашских заимствованиях удмуртского языка⁶⁰⁹:

удм. *бултыр* «свояченица» ~ совр. чув. *puldār*;

удм. *бусы* «поле, угодь» ~ совр. чув. *puzē*;

удм. *бызара* «суслик» ~ совр. чув. *p̄āzara*;

удм. *бусёно* «свояк» ~ совр. чув. *pužana*;

удм. *бечей* «старший брат, дядя» ~ совр. чув. *pičče*.

⁶⁰⁷ Интересна точка зрения *Н.И. Ашмарина* («Болгары и чуваш», с. 124–126), по которой венгерские и пермские звонкие представляют субституты чувашских *Media*. *Н.И. Ашмарин* полагает, что в древнечувашском, как и в современном, в анлауте выступали «не вполне глухие», которые могли восприниматься и воспроизводиться носителями других языков как звонкие.

⁶⁰⁸ Венг. *g*, по Гомбоцу, из *k*, т.е. вторичное озвончение.

⁶⁰⁹ Звонкие анлаутные согласные в пермских языках, по мнению ряда специалистов, факт самостоятельной истории этих языков.

Менее показательны данные болгарских надгробных надписей. Там усматривают звонкие *b* и *j*, но гуттуральный смычный *k* представлен уже в виде *x*.

Косвенным доказательством неизначальности чувашского глухого анлаута служит распределение согласных в ауслaute (и инлауте).

В современном чувашском литературном языке в односложных словах в ауслaute преобладают слабые согласные (типичным является окончание: слабый полувзвонкий согласный + гласные *ä*, *ə*) и сонанты.

В середине многосложного слова типичны слабые (полувзвонкие) шумные и сочетание сонорного с шумным.

Гораздо реже встречаются глухие шумные и сочетание глухих шумных согласных (последние главным образом на стыке корня и аффикса).

Такие чувашские заимствования в удмуртском языке, как *акаяшка* «удмуртский праздник в начале весеннего сева» (совр. чув. *aga tuj*), *сякан* «рогожа» (в совр. чув. не сохранилось, ср. *čagan* «палочник, рогоз», вероятно, более позднее заимствование из тюркского), *така* «баран» (совр. чув. *taga*), *итым* «гумно» (совр. чув. *idem*), но *ака* «старшая сестра» (совр. чув. *akka*), *бечей* «старший брат» (совр. чув. *ričče*) и другие показывают, что распределение сильных и слабых согласных в чувашском инлауте раньше было иным.

Возможно, что ослабление согласных в инлауте (соноризация их) явилось известной компенсацией оглушения (усиления) инлаутных согласных⁶¹⁰.

Распределение чувашских согласных в начале, середине и конце слова стало напоминать марийскую систему: глухой (сильный) анлаут, глухой ауслaut и слабый (полувзвонкий) инлаут.

Частным подтверждением наличия звонких (слабых) в чувашском анлауте служит поведение начальных согласных в условиях внешнего сандхи. Известно, что при определенных обстоятельствах (темп речи, смысловое членение фразы) начальный согласный слова озвончается после гласного и сонорного ауслaute (в данной позиции из шумных допустимы только слабые).

⁶¹⁰ Ср. Серебренников (5).

Однако не исключено, что такое поведение всех шумных согласных в условиях внешнего сандхи представляет распространение типичной модели: сонант + звонкий шумный (слабый) на случаи: сонант + любой шумный.

Интересно сопоставить чувашскую систему с тувинской, где в начале слова представлены сильные и слабые смычные (полузвонкие), в середине слова — слабые (звонкие) и в конце слова глухие (слабые) (исторически слабые и сильные здесь совпали, на первоначальный сильный, вероятно, указывает «полудолгота» предшествующего гласного).

тув. *et-* «исправлять» ~ туркм. *et-* «делать», *eder* «сделает»;

тув. *e"t* «мясо» ~ туркм. *et*.

Соноризация интервокальных согласных

В середине слова между гласными или сонорным и гласным шумные согласные озвончаются⁶¹¹:

ebir «мы», *kāmba* «гриб»;
vudā «дрова», *avdan* «петух»;
puju «собрание», *xijūā* «горе»;
laža «лошадь».

В «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка подобная соноризация не наблюдается:

ökör «бык», но совр. чув. *vāgār*;
iker «близнецы», но совр. чув. *jāgār*;
borsó «горох», но совр. чув. *pārza*;
bölcső «колыбель», гип. чув. *piže*, *piže*;
eke «плуг», совр. чув. *aga*;
seper- «мести», совр. чув. *šābār* «метла»;
tükör «зеркало», совр. чув. *tāgār* и т.д.

Она непоследовательна и в чувашских заимствованиях удмуртского языка:

удм. *бултыр* «свояченица» ~ совр. чув. *puldār*;
культо «сноп» ~ совр. чув. *kälde*;
улошо «мерин» ~ совр. чув. *laža*;

⁶¹¹ О степени озвончения см. у Байчура, II, с. 122–128, Егорова (2), с. 197.

бусено «свояк» ~ совр. чув. *pužana*;
стукоро «лепешка» ~ совр. чув. *śâgâr*;
бусы «поле» ~ совр. чув. *pužâ*;
така «баран» ~ совр. чув. *taga*;
итым «гумно» ~ совр. чув. *idem, jâdem* и т.д.,
но *кабан* «скирд»;
уробо «телега» ~ совр. чув. *uraba*;
бызара «суслик» ~ совр. чув. *pâzara*;
кузе «хозяин» ~ совр. чув. *xuža*.

Из приведенных примеров можно сделать, по крайней мере, два вывода: соноризация, вероятно, явилась своеобразным обобщением ранее существовавшего чередования сильных (глухих) и слабых (звонких) шумных согласных⁶¹² в положении между сонантами; как тотальное явление, она наступила сравнительно поздно, во всяком случае, после того, как чувашский *a* дал *o* ~ *u* в первом слого.

Соноризация интервокальных шумных согласных в известной степени, видимо, компенсировала их оглушение (усиление) в чувашском анлауте. Косвенно это подтверждает и тот факт, что в чувашском проявляется тенденция к сохранению слабого ауслauta (см. раздел «О “добавочных” *ə, ê* в чувашских именных основах»).

Соноризацию некоторых согласных можно наблюдать и в других тюркских языках, особенно в языках Сибири (например, хакасском), где распределение шумных согласных очень напоминает картину, наблюдаемую в чувашском языке. Соноризация свойственна и финно-угорским языкам.

Нам кажется, что соноризация в чувашском языке – результат трансформации чувашского консонантизма и связана с перестройкой анлаута (в анлауте исчезло противопоставление глухих и звонких согласных, вероятно, присущее древнечувашскому языку). Возможно, она была поддержана явлением внешнего сандхи:

1) гласный (ауслaut) → ← звонкий согласный + гласный (анлаут);

⁶¹² Следы этого чередования можно видеть в чередовании полувзвонких и геминат в современном чувашском языке.

2) гласный (ауслат) → ← глухой согласный + гласный (анлаут);

> гласный (ауслат) → ← полувзвонкий согласный + гласный (анлаут);

и, наконец, соноризация глухих в середине слова⁶¹³, т.е.

mana bar «дай мне»;

igə kun > *igə gun* «два дня»;

kaban «стог», *aga* «плуг» и т.д.

Явление сандхи

Явление внешнего сандхи в чувашском языке получило довольно полное освещение в специальной литературе⁶¹⁴.

Как известно, анлаутные и ауслатные согласные слова, попадая в словосочетании в положение между двумя гласными или сонорным и гласным, становятся полувзвонкими.

Например: *mana bar*⁶¹⁵ «дай мне»,
laža gül «запрягай лошадь»,
xud ildəm «я купил бумаги»,
śag aĵa «этот мальчик».

Как отметил профессор В.Г. Егоров⁶¹⁶, само по себе положение между сонантами не всегда вызывает озвончение анлаутного и ауслатного согласного.

Определяющим моментом здесь, по-видимому, является смысловое и интонационное членение предложения (словосочетания), которое в известной степени условно (зависит от говорящего). Поэтому одно и то же предложение может быть разными говорящими членимо на разное число связных единиц (разный темп речи, логический акцент и т.д.). Однако количество возможных вариантов членения каждого предложения объективно ограничено (исчислимо) фонетическими, морфологическими и синтаксическими закономерностями чувашского языка.

⁶¹³ См., например, *Егоров (2)*, с. 200–202.

⁶¹⁴ См., например, *Егоров (2)*, с. 200–202.

⁶¹⁵ Примеры взяты из указанного сочинения *В.Г. Егорова*.

⁶¹⁶ *В.Г. Егоров*, ук. соч., с. 201.

Внешнее сандхи характерно и для других тюркских языков. Но чувашский имеет специфические особенности. Так, в ауслaute (с предшествующим гласным или сонорным) перед последующим анлаутным гласным озвончаются все шумные согласные: смычные и фрикативные. Сходное явление можно наблюдать в говоре демских башкир⁶¹⁷, где конечные *q*, *k*, *p* озвончаются перед начальными гласными последующего слова (*bigiḍəp taşlama* «сильно не мни» < *bik iḍəp taşlama*; *barəbal* «иди возьми» < *barəp al*), у мишарей Горьковской области⁶¹⁸ (*barəbal* «иди возьми», *agit'* «белое мясо»).

Палатализация согласных

В чувашском языке все согласные, кроме *ç*, *ś*, *s* и *j*⁶¹⁹, представлены в двух вариантах: палатализованном и непалатализованном.

Как правило, палатализованные согласные выступают в словах с гласными переднего ряда, а непалатализованные с гласными заднего ряда. Таким образом, в пределах каждого чувашского слова⁶²⁰ наблюдается гармония гласных и согласных. Некоторые исследователи аттестуют ее как слоговой сингармонизм (мягкость является различительным признаком не фонем, а слогов)⁶²¹. Мягкие и твердые слоги противопоставляются и в других тюркских языках, в том числе в языках Поволжья: татарском и башкирском (например, баш. *qul* «рука» ~ *kül'* «озеро»).

Однако на слух чувашские палатализованные согласные производят впечатление более мягких, чем татарские и т.д. Быть может, это обусловлено появлением в системе

⁶¹⁷ Баш. диал. сб. с. 181.

⁶¹⁸ Материалы (1), с. 130.

⁶¹⁹ *s* по словам исследователей, почти не палатализуется, *ç* и *ś*, напротив, по своей природе являются мягкими, *j* – среднеязычный, т.е. палатальный звук.

⁶²⁰ О случаях ее нарушения см., например: *Егоров* (2), с. 175–177.

⁶²¹ *Якобсон Р.* К характеристике евразийского языкового союза, раздел 5.

чувашиского консонантизма самостоятельных палатализованных фонем, которые выступают и с гласными заднего ряда:

1) в чувашском языке есть палатализованные согласные *l'*, *n'*, *t'*, *r'*, развившиеся под влиянием соседних *j* и *i*:

чув. лит. *kul'an-* «печалиться» ~ гов. *kujlan-*;

чув. лит. *vil'a-* «играть» < *vāj(ā)* + *la-*;

чув. гов. *xīr'a* «точило» ~ лит. *xājra*;

чув. гов. *kar'an* «потом» ~ лит. *kajran*;

чув. гов. *pīdā* «вошь» ~ лит. *pīdā*;

чув. лит. *xun'* «тесть» ~ тюрк. *qajın*⁶²²;

чув. лит. *xal'ə*, *xal'* «теперь»;

чув. лит. *kajat'* «он идет» < *kajad'ə* и т.д.

2) На смену слоговому противопоставлению *s* — *s'*, где *s'*, возможно, дал *š*, пришло новое противопоставление *s* — *ś*, в котором согласный *ś* обладает независимым от гласного признаком палатализованности (*ś* и *s* могут выступать с гласным обоих рядов); независимыми от рядности гласных являются *č* и *j*.

Необходимо отметить, что противопоставление палатализованных и непалатализованных согласных в разном объеме встречается в языках, с которыми с давних пор контактируют тюркские народы Волго-Камья: финно-угорских и русском. Поэтому мы склонны усматривать здесь ареальное явление.

Палатализованные переднеязычные согласные легко аффрикатируются, особенно перед последующим *i*. Процесс *ti* > *č* и *di* > *ǰ* совершился (и совершается) и в чувашском языке⁶²³.

Протетические согласные

В тюркских языках, древних и современных, отмечены три разновидности протетического согласного: *j*, *h* и *v*. При

⁶²² *r'*, *l'*, *n'*, *t'* встречается в говоре мишарей (Материалы по диалектологии с. 117, 123–125, 127–129) *at'a* «он говорит», *kan'a* «кипи», *kar'ak* «точилка», где они развились из сочетаний *jt*, *jn*, *jr*.

⁶²³ См. с. 182–183 данной работы.

этом *j* и *h* имеют довольно широкое распространение, а *у* характерен главным образом для чувашского языка⁶²⁴.

Не этимологический *h* встречается sporadически в верховом диалекте чувашского языка (главным образом в сундырских говорах):

чув. лит. *ḡdḡr* ~ чув. диал. *vödör, ödör, xḡdḡr* «выдра»; ср. литов. *udra*, др. инд. *udrah*;

чув. лит. *ḡmzan-* ~ чув. диал. *xḡmzan-, xḡmzan-* «зариться, завидовать», ср. тур. *umsan-* «надеяться», тел. *umzan-* «жалеть, намереваться»;

чув. лит. *ḡrḡmžḡ* ~ чув. диал. *xḡrḡmžḡ* «волшебник, колдун», ср. общетюрк. *irīm* «заклинание, примета»;

чув. лит. *ḡvḡš* ~ чув. диал. *vḡš, vuš, xḡvḡš* «клещевина»;

чув. лит. *lav* ~ чув. диал. *ḡlav, ola, xḡla* «подвода»; ср. тюрк. *ulay*;

чув. лит. *ula* ~ чув. диал. *ola, xḡla* «пегий», ср. тюрк. *ala* «пегий, пестрый»;

чув. лит. *ḡmḡr* «пасмурный, хмурый» ~ чув. диал. *xḡmḡr*;

чув. лит. *ambar* ~ чув. диал. *xambar* «навес, амбар»⁶²⁵.

Протетический *j* отмечен:

1) в чувашских словах, соответствия которых в других тюркских языках не имеют протезы, или она появляется sporadически;

2) в диалектных вариантах чувашских слов.

В первом случае протетический *j* выступает перед *и* (< **a*), *і* (< **a*), *ḡ* (< **u*), *a* (< **ä*), *ə* (< **e*, **i*, **i*), *ḡ* (< **i*) и т.д. (количественная характеристика общетюркских гласных пока не учитывается).

чув. *jus* «горностай» ~ тур., кир., тат., хак., тув. *as*, баш. *aḡ*, як. *ās* «белый»;

чув. *jux-* «течь» ~ туркм., тат., баш., кир., тув. *aq-*;

чув. *jüžə* (< *južə*) «кислый, горький» ~ туркм. *ājī* тур. *ajī*, тат. *äçə*, ср. тув. *ažiy*, кир. *açı*, хак. *açıy*, як. *ahī*;

⁶²⁴ См. *Räsänen* (5), 167; *Gabain* (1), с. 52; *Дмитриев Н.К.* Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках; *его же*: Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова (Исследования; (2), с. 67–68; *Радлов* (1), § 236, 238, 244, 246; *Ramstedt*; *Щербак* (1) М.,–Л., 1981, с. 59 и т.д.

⁶²⁵ *Ашмарин* (1), с. 64; *его же*: Словарь чувашского языка; *его же*: (2), с. 372; *Чуркин*, с. 175.

чув. *juman* «дуб» < **jaman* (ср. мар. *tumo* «дуб») ~ кум., ног., каз., ккал., балк. *'emen*, кир. *emen*, алт. *ermen*, тат., баш. *imän*;

чув. *jiväs* «дерево», чув. диал. *jäväs* ~ туркм., тат. *ауаĉ*, уйг. *јауаĉ*, хак. *ауас*;

чув. *jivär* «тяжелый», чув. диал. *jävär* ~ туркм., азерб. *ауір*, хак., тув. *är*, кир. *ör*, тат. *awär*;

чув. *jäh* «род, племя, поколение» ~ алт., тув. *uq*;

чув. *jäva* «гнездо», чув. диал. *jija* ~ тур., азерб. *juva*, кум., кир., алт., хак., узб. *уја*, каз., ног., тат., баш. *öja*;

чув. *jal* «деревня» ~ туркм. *il* «страна, племя», койб. *el*, ккал. *'el*, азерб. *el*, балк. *'el* «село»;

чув. *jat* «имя», чув. диал. *jät*, вероятно, < *et*, так как туркм., як. *ät*, азерб. *ađ*, тат., баш., кир., тув. *at* «имя» должно было дать на чувашской почве что-нибудь вроде **jot* ~ *jut*. Возможно, в чув. *jat* контаминация *ēt* «тело, мясо»⁶²⁶ и *at* «имя»;

чув. *jägär* «двойной» ~ туркм. *ekiđ*, тур. *ikiz*, кир. *egiz*, каз. *'egäz*, тат. *igäz*;

чув. *jär* «след» ~ туркм. *iđ*, *iđ*, тур., азерб., кир., узб. *iz*, тат. *əz*, баш. *əđ*, гаг., кар. т. *jiz*, алт., тув. *is*, хак. *əs*;

чув. *järəx* «название злого духа» ~ (?) кир. *ijiq* «священный», алт. *ijiq* «духи рек, гор, долин», тув. *iđiq*, хак. *izix*, як. *itik*;

чув. *jədem* «гумно» ~ тат. *idän* «пол», баш. *idan*;

чув. *jəran* «межа» тат. *əzan*, баш. *ədan*;

чув. *jidə* «собака», чув. диал. *jədə*, *jidə*, *it* ~ туркм., тур., азерб., кир., узб., уйг. *it*, каз., ног. *ajt*, алт. *ijt*, тат., баш. *ət*, тув. *it*, як. *it*, уйг. *išt*;

чув. *jərana* «обойма, стремя» ~ туркм. *üdeñji*, тур. *özengi*, азерб. *üzəngi*, кир. *üzöngü*, тат. *özəngə*, баш. *ödəngə*, уйг. *üzəngi*, алт. *üzeñji*, хак. *əzeñe*, тув. *ezeñji*, як. *iheñe*.

Во втором случае протетический *j* выступает перед *i*, *ə*, *ü*, *ä*: чув. диал. *igel* «желудь» ~ чув. лит. *jägel*, тат. диал. *äkälä*, *äkälä*;

чув. диал. *ider-* «сосать перед доением» ~ чув. лит. *jäder-*;

чув. диал. *idem* «гумно» ~ чув. лит. *jədem*;

чув. лит. *inge* «невестка» ~ чув. диал. *jinge*;

чув. диал. *ilen* ~ чув. лит. *jälen* «старинная суконная поддевка женщин»;

⁶²⁶ Ср. *Poppe* (3), с. 67; (7), с. 413; *Räsänen* (2), с. 53; *Karahka*, с. 10.

чув. диал. *isni* «муж старшей сестры» ~ чув. лит. *jisna*;
 чув. диал. *aner* «седло» ~ чув. лит. *jāner*;
 чув. диал. *aškej* «деверь» ~ *jaškej*;
 чув. лит. *aś-* «пить» ~ чув. диал. *jaś-*;
 чув. лит. *ar ĵe-* «плодиться» ~ чув. диал. *jar ĵe-*;
 чув. лит. *ük-* «падать» ~ чув. диал. *jük-*;
 чув. лит. *üt* «мясо» ~ чув. диал. *jüt*;
 чув. лит. *üple* «шалаш» ~ чув. диал. *jükle, ükle*;
 чув. лит. *üĵə* «филин» ~ гов. *jüĵə*.
 Примечательны также заимствования из русского языка:
jadar < русск. этаж,
jadaš < русск. этаж,
Jāvan ~ русск. Иван (собственное имя).

Чувашский диалектолог А.С. Канюкова отмечает дифтонгоидный характер начальных *ə* и *e* в верховом диалекте чувашского языка⁶²⁷.

Например:

диал. *iälək* «в древности» ~ лит. *älək*;
 диал. *iätər* «век» (< араб.) ~ лит. *ätər*;
 диал. *iəne* «корова» ~ лит. *əne*;
 диал. *iēs* «ты» ~ лит. *eš*;
 диал. *iēr* «я» ~ лит. *er* и т.д.

В чувашском языке есть также несколько слов, имеющих в анлауте не этимологический *ś* < *j*:

чув. *səvar* «рот» ~ туркм. *aŷid*, тур. *āz*, азерб. *aŷiz*, ног., тат., каз. *awəz*, тув. *ās*, як. *uos*;

чув. *sinze* «тонкий» ~ туркм. *inče*, тур. *inče*, азерб. *inčä*, кум. *inče*, уйг. *inčkä*, тат. *nəčkä*, каз. *žəŋəške*, хак. *nəske*, балк. *inčge*;

чув. *sənəx* «мука» ~ (?) туркм. *ün*, тур., азерб., кум., кир. *un*, тат., баш. *ön*;

чув. *śunat* «крыло, плавник» ~ туркм. *gānat* «крыло», тур. *kanat*, узб. *qana^ot*, ккал. *qanat*, но

чув. *śirma* «овраг, речка» ~ тур. *irmak* «река», узб. *irma^oq* «приток реки, поток», возможно, < *ĵir-* > чув. *śir-* «размывать» (о воде), т.е. протетический *j* не всегда легко разграничить с этимологическим.

Протетический *v* выступает перед *a* (< **ö*, **ö*, **ü*),
u (< **o*), *i* (< **o*, *u*), *i* (< **ö*, *ü*), *ə* (< **o*, *u*), *ə* (< **ö*, *ü*, *u*), *i* (< **a*):

⁶²⁷ См. Матер. по чуваш. диал. (1), с. 88; Канюкова, с. 86–87.

чув. *vat* «желчь» ~ туркм., хак. *ōt*, тур., кир., каз., ног., уйг., алт. *öd*, азерб. *öd*, гаг. *jöt*, тат., баш., хак., саг. *üt*, як. *üös*;

чув. *var* «середина, центр» ~ туркм. *ōd*, тур., азерб., кир., ног., ккал., уйг. *öz*, тат. *üz*, баш. *üδ*, як. *üös*;

чув. *vazan* «лощина, ложбина» ~ тат. *üzän* «долина, русло», кир. *özön* «русло реки, река», каз. *özen*, алт. *özön* «проток», хак. *özen* «ложбина, лог», тув. *özen* «ложбина», баш. *üδän* «долина»;

чув. *vagδ* «прорубь» ~ тур. *öjü*, каз. *ükä*, ккал. *üki*, ср. баш. *mäkä*, тат. *bäkä*;

чув. *vales-* «раздавать» ~ туркм., тур., карк. *üleš-*, каз., ног., ккал. *üles-*, тат., баш. *öläš-*; уйг. *üläš-*;

чув. *vun*, *vunnä* «десять» ~ туркм. *ön*, тур. *on*, тат. *un*, як. *uon*;

чув. *vir-* «портить, приносить несчастье (о злых духах)» ~ каз., ног., алт. *or-* «поглощать, втягивать, засасывать», баш. *ur-*, як. *uor-*;

чув. *vit* «огонь» ~ туркм., сюг. *ōt*, як. *uot*, тур., кир., уйг., алт., хак., тув. *ot*, азерб. *od*, тат., баш. *ut*;

чув. *vičax* «очаг» ~ туркм. *ōjaq*, тур. *oĵak*, тат. *učaq*, як. *ohox*;

чув. *vir-* «жать» ~ туркм., кир., каз., ног., ккал., уйг. *or-* «жать, косить», тат., баш., сюг. *ur-*;

чув. *virän* «место» ~ туркм., тур., кир., уйг., тув., як. *orun*, каз., ног., ккал., алт., хак. *orin*, тат., баш. *urän*;

чув. *vil-* «умирать» ~ туркм., тур., азерб., уйг., алт., хак., тув., як. *öl-*, каз., ног., ккал. ^ü*öl-*, тат., баш. *ül-*;

чув. *vime*, *mime*, *nime* «помочь» ~ туркм., *üme*, тат., баш. *ōmä*, алт. *ōmō*, хак. *ōme*;

чув. *vir* «верх» ~ туркм. *ōr-*, тур., кир., уйг. *ör*, тат., баш. *ür*, каз., ног., ккал. ^ü*ör*;

чув. *virt* «пал, пожар» ~ туркм., кир., алт., хак., тув., як. *ört*, каз., ккал. ^ü*ört*, баш. *ürt*;

чув. *viš-* «мерить, взвешивать» ~ тур., азерб. *ölč-* «мерить, взвешивать», туркм. *ölče-*, тат. *ülčä-*, кир. *ölčö*;

чув. *vit-* «проникать, проходить» ~ туркм. азерб., кир. *öt-* тат., баш. *üt-*, койб., караг. *ōt-*;

чув. *vit-* «крыть, покрывать» ~ тур., азерб., туркм. *ört-* «покрывать, закрывать»;

чув. *vidän-* «просить» ~ туркм., тур. *ötün-*, каз. ^ü*ötän-* тат., баш. *ütän-*;

чув. *viś*, *vižə*, *viśə* «три» ~ туркм., тур., азерб., кир., уйг., алт. *üč*, каз., ног. *üš*, тув. *üš*, тат. *öč*, баш. *öš*, хак., як. *üs*, тур. диал. *üš*, караг. (Кат.) *üš*;

чув. *vičkan* «острый, пронзительный» ~ туркм. *ötgün*, алт. *ötkün*, тат. *ütkan*;

чув. *vəgər* «бык» ~ туркм. *öküđ*, тур. *öküz*, кир. *ögüz*, тат. *ügəz*, уйг. *höküz*, як. *oγus*;

чув. *vəl* «он» ~ туркм., кир., алт., хак., тув., як. *ol*, каз., ног., ккал. *uol*, тур., азерб. *o*, тат., баш. *ul*, узб., уйг. *u*;

чув. *vərman* «лес» ~ тур. *orman*, каз., ног., ккал. *uorman*, кир. *ormon*, тат., баш. *urman*, узб. *orma^on*;

чув. *vəlda* «удочка» ~ тур. *olta*;

чув. *vəda* «середина» ~ туркм., тур. *orta*, кир., як. *orto*, тат., баш. *urta*;

чув. *vəđər* «тридцать» ~ туркм. *otuđ*, тур. *otuz*, азерб. *otuz*, тат. *utəz*, уйг. *ottuz*, алт. *odus*, як. *otut*;

чув. *vəran-* «просыпаться» ~ туркм., азерб. *ojan-*, каз. ккал. *ojan-*, тур., гаг., ног., баш., тат. *ujan-*, уйг. *oγan-*, сюг. *oγan-*;

чув. *vərə* «семя» ~ туркм., узб., уйг. *uruγ*, кир., як. *urū*; каз. *ru*, тат. *əru*, ног. *iruw*, баш. *ərəw*, тув. *uruγ* «род, племя, семя»;

чув. *vədan-* «стыдиться» ~ туркм., тур., азерб., гаг., ккал. *utan-*;

чув. диал. *vər-* «ударять» ~ туркм., гаг., кир., ног., ккал., узб., уйг. *ur-*, тур., азерб. *vur-*, тат., баш. *ör-*, тур. диал. *vur-*;

чув. *vərs-* «воевать» ~ тур. *vuruš*, туркм. *uruš-*;

чув. *vərləx* «семья» ~ кар. к., балк. *urluq* «семья», тат. *örləq*, баш. *örləq*;

чув. *vərm* «длинный» ~ туркм. *uđin*, тур., азерб., гаг., кир., узб., уйг., алт., хак., тув. *uzun*, каз., тат. *özən*, баш. *öđön*, як. *uhun*;

чув. *vərtən* «тайный, скрытый» ~ тат. диал. *urtən*, *öřəntən*, *irtin*;

чув. *vərax* «долгий» ~ туркм. *uđaq* «далекий», тур. *uzak*, тат. *özaq*, баш. *öđaq*;

чув. *vərə* «вор» ~ туркм. *oγri*, тур., кир. *uru*, азерб. *oγru*, уйг. *oγri*, каз. *örri*, баш. *öγrö*;

чув. *vər-* «лаять» ~ туркм. *ür-*, азерб. *hür-*, кир., алт., хак., як. *ür-*, каз., ног., тат., баш. *ör-*, тур. *ürü-*;

чув. *vər-* «дуть» ~ алт., тув. *ür-*, тат., баш. *ör-*;

чув. *vəren-* «учиться» ~ туркм. *öwren-*, тур. *öjren-*, хак. *ügren-*, тат. *öjrän-*, як. *üören-*;

чув. *vərlək* «жердь» ~ тат. *örlək* «матица», баш. *örlök*;

чув. *vərene* «клен» ~ тат. *örəngə* «клен», уйг. *ürəngi*;

чув. *vət-* «палить» ~ туркм., азерб. *üt-*, каз. *öjt-*, тат., баш. *öt-*;

чув. *vəčə* «ярость, месть» ~ туркм. *öč* «месть», тур., кир., уйг., алт. *öč*, азерб. *öj*, каз., ног., ккал. *üös*, тат. *üč*, баш. *üs*, тув. *öš*, хак., як. *ös*;

чув. диал. *vəžer-* «помешивать дрова в печке» ~ туркм. *öläcer-* «класть поленья в огонь»;

чув. *vəs* «конец» < **väs* < **väč* ~ туркм. *üč*, тур. *üç*, тат. *öč*, азерб. *uğ*;

чув. *vəs-* «летать» < *väs-* < **väč-* ~ туркм., тур., азерб. *üç-*, тат. *öč-*, баш. *ös-*, хак. *us-*;

чув. *vižə*, чув. диал. *vužə* «голодный» ~ туркм. *āč*, азерб. *ağ*, тур., тат. *aç*, баш. *as*, як. *ās*.

Сопоставим некоторые формы литературного чувашского языка с диалектальными:

литер.

диалект.

а) *vəl* «он», *vu* ~ *vo* (ср.), *u-o* (нз), *ul* (вр);

vərlə «вор», *vörö* (вр), *vurə* (вр), *vürə* (вр);

vərman «лес», *vurman* (вр), *vürman* (нз);

б) *vun*, *vunnə* «десять», *vənnə* (нз), *vonnə* (вр);

vut «огонь», *vət* (нз), *vot* (вр);

vičax «очаг», *vəčax* (нз), *vočax* (вр), *vičax* (вр);

vuhər «злой дух», *vəbər* (нз-вр), *vobər* (вр);

в) *vür-* «жать», *vur-* (вр);

vürən «место», *vurən* (вр);

vüräs «русский», *vuräs* (вр);

vižə «голодный», *vužə* (вр).

Таким образом, перед протетическим *v*:

лит. *ə* ~ верх. *u* ~ *i* ~ (низ.) *i*;

лит. *u* ~ верх. *o* ~ низ. *ə* ~ (верх.) *i*;

лит. *i* ~ верх. *u*.

В чувашском языке представлены дублетные формы с протетическим *v* и без него:

udə «сено» ~ *vudə* ~ *vidə*;

(ср. низ. *əvət*, *əvdə*);

uğax «очаг» ~ *vuğax* ~ *viğax* ~ *vəğax*;

urlə šəl «коренной зуб» ~ *vərlə šəl*;

uslan «шершень» ~ *vuslan* ~ *vislan* (ср. *suslan* > *uslan*, *səvəslan*);

ul, u, o «он» ~ *vəl, vu, vo, vəlā*;
āđār «выдра» ~ *vōđör*;
āžalan- «беспокоиться» (Программа, с. 52) ~ *vāžalan-*
āzer- «отцеплять» ~ *vāzer-*;
ürläk «качели-доска или жердь, положенная на колоду» ~
vərläk «прясло, жердь»;
чув. диал. *üre śālen* «комета» ~ *vəre śālen* «дракон» ~ *vəri śālen* «летун».

Протетический *v* имеется в заимствованном из русского языка слове улей: *välle, vəl'a, vəl'la*.

Его содержат и некоторые топонимы, например:

Vərəm — название мордовского села Урюма,

Vəren — название русской деревни Урень,

Vərmar — название села Урмары.

К сожалению, никто из чувашских диалектологов специально не занимался регистрацией дублетов с губной протезой и без нее и не пытался определить границы распространения соответствующих форм.

А без этих данных трудно судить, представляла ли губная протеза диалектное явление.

В связи с рассмотрением чувашских протетических согласных возникают следующие проблемы:

1. Природа протетических согласных (Все ли формы с соответствующим протетическим согласным генетически однородны, всегда ли в виде протезы выступает неэтимологический согласный?);

2. Относительная хронология протезы *v* и *j* в чувашском языке⁶²⁸.

Г.И. Рамстедт полагал, что протетический *j* является реализацией в интервокальном положении придыхательного приступа, свойственного тюркским анлаутным гласным⁶²⁹. N. Порре принимал объяснение Г.И. Рамстедта относительно возникновения *j* перед **i, i*, но считал, что чувашское *ju* (<*ja*) развилось из праалтайского **ia*, которому в монгольском

⁶²⁸ О протетическом *h* в тюркских языках см. раздел «Губные согласные». Чувашские примеры, очень разнородные по составу, пожалуй, свидетельствуют о его вторичном характере.

⁶²⁹ *Ramstedt* (6), с. 73–74, *его же*: (5), с. 18–19.

соответствует *i* (чувашскому *и* < *a* в монгольском, по словам N. Poppe, соответствует *a*)⁶³⁰.

В. Гренбек⁶³¹, Л. Лигети⁶³², Е. Каракка⁶³³, Х. Педерсен⁶³⁴ связывали появление протетического *j* с долготой последующего гласного в тех случаях, где таковую можно было восстановить.

При этом Х. Педерсен в генетическом плане четко разграничивал собственно протетический *j* и *j*, развившийся из начального элемента дифтонга, возникшего из первичного долгого гласного.

В недавно появившейся монографии А.Г. Бишева «Первичные долгие гласные в тюркских языках» высказано мнение, что протеза *j* исключительно связана с долготой гласного (ук. соч., с. 107). Автор отрицает изначальность первичных долгот, сводя их к сочетаниям соответствующего гласного с так называемым вставочным *j* (ук. соч., с. 118). Протеза *j*, по словам А.Г. Бишева, «в чувашском и других языках образовалась вследствие перестановки звука *и*, находящегося в сочетании с предыдущим гласным, в начальную позицию» (ук. соч., с. 118).

На примере чувашского *jus* «горноста́й» проиллюстрируем точки зрения И. Гренбека, Л. Лигети (то же у Х. Педерсена и Е. Каракка) и А.Г. Бишева.

чув. *jus*, як. *ās* < **aias* (В. Гренбек).

чув. *jus* < **ias* < *ās* (Л. Лигети).

чув. *jus* < *jas* < **ǰjas* < **ajs* (А.Г. Бишев).

Попытки относительной хронологизации протезы *j* сводились к следующему. В истории чувашского протетического *j* М. Ряснен различал два периода:

1) до того как пратюркское *j* > *ś* (ранняя протеза *j* также давала *ś*);

2) после завершения этого процесса (протеза осталась без изменения).

⁶³⁰ Poppe N. (3), с. 71.

⁶³¹ Gränbech W., с. 233–234.

⁶³² Ligeti L., с. 73–74 (2).

⁶³³ Karahka E., с. 9–10.

⁶³⁴ Pedersen H., с. 555–556.

В. Гренбек писал о сильно-спирантном *j*, давшем впоследствии чувашское *ś*, и о вокализованном *j*, который превратился в чувашский протетический *j*.

Е. Карахка, принимавший, что протетический гласный в словах типа *jus* «горностай», *jal* «деревня» возник из долгого гласного через ступень дифтонга, утверждал, что первый компонент дифтонгов **ia*, **iä* сохранил вокалический характер до завершения перехода *j > ś*.

Бенцинг предполагал, что в некоторых случаях чувашская протеза *j* является древней, хотя и признавал отсутствие старых данных⁶³⁵. А.Г. Бишев относит возникновение первичных долгот к общетюркской эпохе⁶³⁶. Из его изложения, однако, неясно, связывает он появление чувашской протезы *j* только с «первичными» или и с вторичными долготами (сочетаниями: гласный +*j*).

Вопрос о существовании так называемых первичных долгот и их проявлении в чувашском вокализме, несмотря на усилия многих тюркологов, пока окончательно не решен⁶³⁷. Поэтому трудно судить, обязан ли чувашский протетический *j* своим возникновением в случаях типа *jus* долготе последующего гласного.

Опираясь на данные древних и современных тюркских языков (в том числе чувашских говоров, где спорадически появляются формы с протезой), можно сказать, что *j*-протеза явление довольно распространенное, относительно старое и не подчиняющееся строгой закономерности. Материалы языков других семей (индоевропейские, угрофинские) показывают, что это к тому же типологическое явление, подлежащее рассмотрению скорее в общей фонетике, а не в истории конкретного языка.

Обратимся к чувашским примерам, в которых можно предполагать, что протетический *j* возник в результате звукового развития общетюркского архетипа:

jus «горностай», *jux*-⁶³⁸ «течь», *jüžə* «кислый», *jal* «деревня», *jat* «имя».

⁶³⁵ Benzing (1), с. 707.

⁶³⁶ А.Г. Бишев, ук. соч., с. 66.

⁶³⁷ См. Щербак (3), с. 38–39.

⁶³⁸ В слове *jux*- «течь» < *ix*- < *aq*- возможна контаминация с марийским *jogaš* «литься, течь», фин. *joki* «река» и т.д.

Протеза *j* в принципе допустима и перед *a*, и перед *u*, и перед *e*:

см. туркм. лит. *aɣaç*, маныш. гов. *jaɣaç* «дерево», сюг. *julum* «смерть», *juruy* «родственник» (Малов), др. тюрк. *äm* ~ *jäm* «лекарство» (A.V.Gabain).

Появление протезы обычно не регулируется строгими правилами, поэтому в одном и том же языке при одинаковых фонетических условиях она может возникать и не возникать (ср. чувашские диалектные дублетные формы).

В наших примерах:

чув. *jus* ~ *jos* < **ās*;

чув. *jüzə* < **āji*;

чув. *jux-* ~ *jox-* < **aq* (?) *āq-*

только у Махмуда Кашгарского, туркменский пример А.Г. Бишева не подтверждается словарями, ср. также тув. *a''q-* «течь»).

чув. *jal* «деревня» < **ēl*;

чув. *jat* «имя» < **ēt* (тув. *e''t*) или < *at* (но почему тогда не **a* > *o* ~ *u*?).

Таким образом, в двух из пяти приведенных слов затруднительно восстановить долгий гласный «первичный» или вторичный (по А.Г. Бишеву, сочетание гласный + *j*).

Если даже предположить, что в чувашском *jal* «деревня» *j* появился как результат дифтонгизации пратюркского долгого гласного (т.е. он отражает долгий **ē*), то возникает вопрос, почему этот процесс не совершился в чувашских словах:

alāk «ворота, дверь» < **ēšik* (туркм. *īšik*, тур., азерб., кир. *ešik*, ног., каз. *išik*, тат. *išək*, тув. *ežik*;

an «ширина», «полотнище») < **ēn* (туркм. *īn*, тур., азерб., кир. *en*, каз., ног., ккал. *en*, як. *iän*);

an- «спускаться, заходить» < **ēn-* (туркм. *īn-*, тур. *in-*, азерб. *en-*).

Известно, что протетический согласный может и исчезать (тоже спорадически). Так, в верховых говорах того же чувашского языка встречаются формы *jüzə* «горький», *jüś* «дерево», *ät* «имя» и т.д.

Поэтому предварительно можно сказать, что:

1) протеза *j* появлялась в чувашском языке в разные периоды (до перехода *j* > *ś* и после его завершения), в том числе и в эпоху русских заимствований (начиная с XVI в.);

- 2) в ряде слов протеза *j*, вероятно, исчезла;
- 3) протеза *j* – явление нерегулярное;
- 4) она могла быть вызвана особой инкурсией начальных гласных (ср. дифтонгоидный характер начальных *o*, *ö*, *e* в кыпчакских языках⁶³⁹).

Протетический *v* уже давно привлекает внимание исследователей. История вопроса прекрасно изложена в интересной статье М. Палло «Zur Frage der tschuwaschischen *v*-Protese»⁶⁴⁰. Можно лишь добавить, что это звуковое явление еще в 1828 г. было отмечено одним из первых исследователей чувашского языка Ю. Клапротом⁶⁴¹.

До сих пор в связи с *v*-протезой выдвигались такие проблемы, как причина появления протетического *v* и обусловленные этим фонетические процессы, время появления *v*-протезы; иначе говоря, исследователи пытались определить, является ли *v*-протеза отражением пратюркского состояния или она возникла в самостоятельной истории чувашского языка.

Так как памятники чувашского языка принадлежат лишь к XVIII в., то при рассмотрении указанных выше проблем приходится использовать косвенные источники (булгарские надгробные надписи, заимствования в финно-угорских языках).

Основным приемом исследования остается сравнение чувашского материала с другими тюркскими языками и анализ диалектной лексики.

При хронологизации чувашской *v*-протезы обычно опираются на следующие данные.

V в. датируется гуннское слово *var* «название Днепра» ~ тюрк. *ōz* «река, поток», совр. чув. *var* «овраг»⁶⁴². В волжскобулгарских эпиграфических памятниках XIII–XIV вв. встречаются такие слова, как *وج* «три» (совр. чув. *viš*, *vižə*) *وان* «десять» (совр. чув. *vin*), *وטר* «тридцать» (совр. чув. *vəḍār*)⁶⁴³.

⁶³⁹ Ср.: *Дмитриев Н.К.* Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках, с. 286; *Баскаков* (1), с. 31–32; *Решетов*, с. 186–187 и 193–194.

⁶⁴⁰ *Pallo M.* (3), § 1.

⁶⁴¹ *Comparaison*, с. 239.

⁶⁴² *Pritsak* (3), с. 124–135.

⁶⁴³ См., например, *Юсуфов*, с. 71–72.

Протеза *v*, видимо, существовала и в языке дунайских болгар: *въчѣмь* ~ *вечѣмь* «третий»⁶⁴⁴. Некоторые исследователи выделяют «древнечувашские» заимствования с протезой *v* в лексике венгерского языка⁶⁴⁵.

Как известно, в венгерском языке встречаются и «древнечувашские» слова с анлаутным губным гласным без *v*-протезы, например, *ökör* «бык», *oroz* «красть» и т.д.

Так как вопрос о *r*-языке-источнике «древнечувашских» заимствований в венгерском пока нельзя считать окончательно выясненным⁶⁴⁶, приходится довольствоваться предположением, что *v*-протеза была признаком какого-то диалекта или нескольких диалектов⁶⁴⁷. Можно напомнить о чувашских диалектных дублетах, приведенных на с. 265 данной работы.

Ю. Вихман указывал на два чувашских слова в удмуртском языке — *араны* «жать» и *усьсэ* «послезавтра», которые, по его мнению, были заимствованы в то время, когда они имели еще в анлауте гласный без протезы. Ю. Вихман высказал предположение, что эти чувашские слова могли быть диалектными⁶⁴⁸. Удмуртское *усьсэ* «послезавтра» сопоставляется им с чувашским *viśśä* «три» (ср. совр. чув. *višmine* «послезавтра», а удм. *араны* — с чувашским *vir-* «жать»). Можно указать и на заимствования из русского с протезой *viräs* «русский» *välle* «улей».

Все эти сведения позволяют сделать вывод, что протетический *v* появился в диалектах, родственных современному чувашскому языку (гуннское слово *var* датируется V в.) сравнительно рано.

При обосновании причин появления протезы *v* возникают некоторые противоречия. Многие исследователи считали, что «протетический» *v* возник как результат особого развития анлаутного долгого губного гласного (Л. Лигети, Х. Педерсен, А. Биишев, Е. Карахка). При этом Х. Педерсен и А. Биишев разграничивали этот протетический *v* и более

⁶⁴⁴ *Pritsak UAJb*, 26, 3–4, с. 201–202.

⁶⁴⁵ *Barczy*, с. 76; *Munkacsi*, с. 250–253; *Pallo* (2), § 2.

⁶⁴⁶ *Neveth* (5), с. 128–132.

⁶⁴⁷ *Ашмарин* (2), § 19, с. 47; *Ковалевский*, с. 18.

⁶⁴⁸ *Wichmann*, с. 16–17.

новую протезу, появление которой уже не было связано с количеством последующего гласного.

Г.И. Рамстедт полагал, что *v*-протеза явилась следствием особой инкурсии начальных губных гласных и привела к делабиализации последних.

М. Палло не ставила перед собой задачи объяснить возникновение *v*-протезы. Однако она думает, что в случае *v*-протезы нельзя усматривать непосредственное влияние количества начального губного гласного. Опираясь на материалы дунайско-болгарского, волжскоболгарского языков и на заимствования с *v*-протезой в венгерском языке, М. Палло выдвинула гипотезу, что между пратюркскими аналогичными губными *o*, *ō*, *ö*, *õ* и современным звуковым состоянием чувашского языка существовала промежуточная ступень с *va-*, *vā-*, *vä-*, *vǎ-* (т.е. *v*-протеза вызвала делабиализацию последующего губного)⁶⁴⁹.

Попробуем проиллюстрировать все указанные точки зрения на примере анализа чувашского *var* «овраг, долина, середина».

Если вслед за Г.И. Рамстедтом и М. Палло⁶⁵⁰ предположить, что чувашское *var* < **vār* < **vör* < **ör*, то возникает вопрос, когда совершалось изменение пратюркского *ä* > *a*⁶⁵¹. Гуннское название Днепра *Var*, как указывалось выше, датируют V веком. В так называемых «древнечувашских» заимствованиях венгерского языка *ä* еще сохраняется:

eke «плуг» ~ чув. *aga*,

szék «стул» ~ чув. *sak*.

Обычно считают, что эти заимствования проникали в венгерский язык со второй половины I тысячелетия н.э., т.е. приблизительно с VI в.

⁶⁴⁹ *Pallo* (3).

⁶⁵⁰ Точка зрения Г.И. Рамстедта – М. Палло как будто подтверждается болгарскими *وان van* «десять» и *توات tvät* «четыре» в эпиграфических памятниках XIII–XIV вв.

⁶⁵¹ Нельзя ли думать, что *e* > *ä* в диалектах чувашского типа начался довольно рано (это подтверждается одинаковым отражением *e* и *ä* в виде *a* в современном чувашском языке, тогда как *e* (другого диалекта (?)) даёт *ï*). «А» в старославянском *kap*, как и в *var*, могло быть субститутом этого *ä*.

Л. Лигети, полагавший, что праторкские долгие губные дали дифтонги *oi*, *öi*, представлял себе фонетическое развитие чувашского *var* следующим образом: *var* < **ǵvar* < **övr* < **öjür* < **öir* < **ör*.

К сожалению, переход от ступени **öjür*, **övr* к **ǵvar* фонетически не объяснен (**övr* > **ǵvr* > **ǵvar*?). Л. Лигети отмечает, что изменение *-j* > *-v* – явление позднее. По его мнению, это венгерское *kék* < *kejk* < *köjk* «синий» и чув. *pəve-* ~ *buja-* «красить» < татар., так как др. тюрк. *boða-* дало бы в чувашском форме с *r*.

А.Г. Биишев (ук. соч., с. 99) утверждает, что к протезе *v* нельзя относить случаи типа *var*, которые, по его мнению, < **vār* < **ǵvār* < **övr* < **öjz*.

Чувашское *vin* «десять» равным образом не имеет протезы, так как *van* < **ǵvan* < **ovn* < **ojn*.

Если сопоставить формулы А.Г. Биешева с формулами Л. Лигети, то легко заметить, что исходная ступень у них одинакова **öjz* ~ **öjr* и **ojn*; несколько расходятся лишь переходные стадии развития.

У А.Г. Биешева развитие **övr* > **ǵvār* и **ovn* > **ǵvan* также фонетически не объяснено (вероятно, **övr* > **vār* т.е. делабиализация и метатеза(?)).

Заслуживает внимания замечание А.Г. Биешева о том, что можно говорить о старой (как указывалось выше, он не считает ее протезой в собственном смысле слова) и новой протезе *v*. То же самое соображение ранее высказал Х. Педерсен.

Последний полагал, что слова типа *ōz*, *ōn* через ступень дифтонгов *üö*, *uo* дали *var* и *vin*. Это развитие можно представить себе таким образом:⁶⁵²

**ōr* > **üör* > **ǵvār* > **vār* > *var*;

**ōn* > **uón* > **ǵvan* > **van* > *von* ~ *vin*,

т.е. делабиализация гласных, при которой узкие (безударные) губные *ü* и *u* дали *ǵv* и *ǵv*.

При допущении связи ранней протезы *v* с долготой губного гласного следует предполагать, что всякое *va* (*< *vā*) должно соответствовать **ō*, а всякое *vu* (< **va*) – *ō*.

Примеры на с. 262 в целом подтверждают это положение. Исключения составляют лишь: чув. *vagǵ*

⁶⁵² Ср. **kōk* > **küök* > **kǵvāk* > *kǵvak*.

«прорубь», *vad̄* «старый» и *vara* «потом», архетипы которых нуждаются в уточнении.

На с. 69-76 было показано, что общетюркские губные: в Anlaut'e / в Inlaut'e:

**ō* > *vu-* / *-u-*: *sul* «дорога»/, диал. *o, ə*;

**o* > *vi-* / *vīr-* «жать», *vīr̄n* «место», *-u-ot* «трава»/, диал. *u*;

**o* > *və-* / *-ə-*: *s̄əl-* «дергать»/, диал. *õ, u, i*;

**ō* > *va-* / *-əva-*: *k̄əvak* «синий»/;

**ō* > *vi-* / *-ü-*: *kül̄ə* «озеро»/;

**ö* > *vi-* / *-ü-*: *s̄üb̄ə* «мусор»/;

**ö* > *və-* / *-ə-*: *t̄əm* «кочка»/;

**ö* > *və-* / *v̄əḡər* «бык»/;

**ū* > *və-* / *-ə-*: *p̄ər* «лед»/;

**u* > *və-* / *-ə-*: *t̄ər* «стоять»/;

**ü* > *vi-* / *vis̄* «три»/;

**ū* > *və-* / *-ə-*: *k̄ər* «осень»/;

**ü* > *və-* / *-ə-*: *s̄ərə* «кольцо»/;

**ü* > *va-* / *vales̄-* «раздавать» /;

**a* > *vi-* / *viž̄ə*, диал. *vuž̄ə* «голодный»/.

Следовательно:

1. **ō* > *vu-* / *-u-* /;

2. **o*, **ū*, **u* > *və-* / *-ə-* /;

3. **o* > *vi-* (*və-*) / *-u-* /;

4. **ō* > *va-* / *əva-* /;

5. **ō*, **ö*, **ü* > *vi-* / *-ü-* /;

6. **ö*, **ū*, **ü* > *və-* / *-ə-* /.

Случаи 1 и 4 можно предварительно отнести к ранней «протезе», когда в чувашском еще существовало противопоставление долгих и кратких гласных.

Остается выяснить, почему начальные губные переднего и заднего ряда получили двоякое отражение в виде *vi-* и *və-*, *vi-* и *və-*.

Для этого сравним только что приведенные данные с рефлексам соответствующих губных (в первом слоге) в чувашском языке:

**o* > *u* (отчасти в поздних татарских заимствованиях *jumax, juldaš*)).

**o* > *ə*

**ō* > *u*

**u* > *ə*

**u* > *u* (редко)

* \bar{u} > \bar{a}
 * \bar{o} > \bar{u}
 * \bar{o} > \bar{a} (\bar{a})
 * \bar{o} > \bar{u}
 * \bar{u} > \bar{a} (\bar{a})
 * \bar{u} > \bar{a}

При сравнении оказывается, что общетюркские губные в первом слове после согласного отражаются в чувашском так же, как в абсолютном начале слова перед протезой.

Правда, в последнем случае начальный \bar{u} (а по говорам также u) делябиализуется.

Например:

туркм., тур., як. $\bar{o}l-$, тат., баш. $\bar{u}l-$ «умирать» ~ чув. $vil-$;

туркм. $\bar{o}r$, тур., уйг., кир. $\bar{o}r$, баш. $\bar{u}r$ «верх» ~ чув. vir ;

туркм., азер. $\bar{u}t-$, тат., баш. $\bar{o}t-$ «палить» ~ чув. $v\bar{a}t-$;

туркм. $\bar{u}r-$, кир., хак. $\bar{u}r-$, тат., баш. $\bar{o}r-$ «лаять» ~ чув. $v\bar{a}r-$.

Чувашское $v\bar{i}r-$ «жать» могло утвердиться в литературном языке из-за наличия омонима $v\bar{a}r-$ «ударить», но можно предположить и делябиализацию $v\bar{i}r-$ ~ $vur-$, то же в случае $v\bar{i}r\bar{a}n$ «место», диал. верх. $vur\bar{a}n$.

Чувашское $v\bar{i}z\bar{a}$ «голодный», наверное, < $vuz\bar{a}$ < $\bar{a}\check{c}$, т.е. протеза возникла перед u .

«Протетический» v (новая протеза) мог развиваться в чувашском языке перед широкими губными o , \bar{o} , которые подверглись сужению. В словах же с начальными узкими губными u , \bar{u} он, вероятно, явился следствием их делябиализации: $u > v\bar{a}$, $\bar{u} > v\bar{a}$.

Известную аналогию к первому процессу (быть может, его предпосылку) представляет дифтонгоидное произношение широких губных в некоторых тюркских языках: гагаузском, кумыкском, каракалпакском, джекающих говорах узбекского языка⁶⁵³ и т.д.

Второй процесс (появление $v\bar{a}$, $v\bar{i}$ на месте u) наблюдался, например, в истории славянских языков⁶⁵⁴.

⁶⁵³ Очень любопытны факты джушского говора узбекского языка (Ахмедов А. Автореферат. Ашхабад, 1962), где перед гласными u , \bar{u} , \bar{o} , o , в начале слова появляется губно-зубной: $v\bar{o}rdek$ «утка», $vata$ «отец», $vott\bar{i}s$ «тридцать», $vur\bar{i}$ «вор», vaj «месяц» и т.д.

⁶⁵⁴ См., например, Селищев, с. 196–197.

Согласный *v* развился в начале слова и в ряде финно-угорских языков: коми-зырянском⁶⁵⁵, марийском⁶⁵⁶.

Собственно протетическим, пожалуй, следует назвать лишь *v*, спорадически появляющийся в ряде чувашских слов (по говорам). Нечто подобное можно наблюдать, например, в русском языке: *вулица* < *улица*, *вострый* < *острый* и т.д.

⁶⁵⁵ Лыткин (2), с.113-115.

⁶⁵⁶ Грузов, с.230–231. Например: *vüdäš~üdüš* «сеять»;
vđžalaš ~ užalaš «продавать»;
vuvér ~ úver «ведьма» и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся предварительно наметить основные этапы изменения фонетической системы чувашского языка [31].

1. Общeturкское состояние, реконструируемое на основе всех тюркских языков, включая чувашский:

вокализм $a \bar{a} o \bar{o} \bar{i} \bar{i} u \bar{u}$
 $\ddot{a} \bar{e} \ddot{o} \bar{\ddot{o}} \bar{i} \bar{i} \ddot{u} \bar{u}$
(\bar{a}) (e)

консонантизм: $p-$, $k-$, $t-$, $s-$, s^{-2} , $\check{c}-$, j (\check{j}), m^{β} ;
 p (b), k (g), t (d), s , \check{s} (?), \check{c} , j (\check{j}), δ , γ , w (?), m , n , η , l , r , $\check{r}^{\check{s}}$, $r^{\check{s}}$.

2. Древнечувашский язык⁶⁵⁷ (VI–IX вв.): система вокализма, идентичная общeturкской, однако количественная редукция гласных в безударных слогах (*disznó* «свинья» < **d'āsna*, ср. совр. чув. *sisna* < **śāsna*, мар. *sösna*, мар. гор. *sasna*) и дифтонгизация первичных долгот (*kejk* «синий, голубой» < **kōk*); в системе консонантизма: соноризация и редукция ауслатных гуттуральных (*gyürü* «кольцо» < **jürük* ~ *jürüg*; *borsó* «горох» < **burčak* ~ *burčay*), различие s^1 и s^2 (\check{s} ?) (*szam* «число», *sar* «болото»), стадия $d' \sim \check{j}$, d (δ), r , l (*gyürü* «кольцо», *gékény* «рогожа», *gyertya* «свеча», *gyom* «сорная трава», *gyur-* «месить», *idő* «время» < **öd*, **ōd*; *gyürü* «кольцо», *borjú* «теленок» *görény* «хорек», *sar* «болото, грязь», *iker* «близнецы», *del* «юг, полдень», *gyümölcs* «плод, фрукт», *kölyök* «щенок, детеныш» и т.д.).

В древнечувашском можно предположить диалектные различия (наличие нескольких болгарских диалектов):

- а) $\check{j} \sim d' \sim z^{\check{z}}$: *gyürü*, но *szel* «ветер», *szücs* «скорняк»;
- б) $-n \sim -m$: *szám* «число», *kin* «мука»;
- в) $v \sim 0$ (нуль): *valyu* «кормушка», *orož-* «красть».

Быть может: $\ddot{a} \sim \check{e}$ (См. J. Németh (4).

3. «Старочувашский язык»⁶⁵⁸ (IX–XIII вв.):

⁶⁵⁷ Под «древнечувашским» языком мы понимаем языковое состояние, дошедшее до нас в различных памятниках болгарского языка X в. (гл. обр. заимствования венгерского языка и глоссы дунайских болгар).

⁶⁵⁸ Под «старочувашским» языком мы понимаем язык болгарских эпитафий XIII–XIV вв. Однако следует учесть, что в формировании современного чувашского языка уже в то время участвовало несколько компонентов, в том числе разговорные диалекты болгарского (и не болгарского?) типа.

Спирантизация смычных: $\delta > r, q > x$ (*turun* русская летопись 1230), *ajix* «месяц», *xir* «девушка»; сужение и делабиализация широких (долгих?) гласных (**tüvät* «четыре» < **tōt*, **van* «десять» < **ōn* **biel* «пять» < **bēl*).

4. Чувашский язык после XIII в.:

Основные изменения чувашского вокализма:

$u > \ddot{o}, \ddot{i} > \ddot{a}, \ddot{ü} > \ddot{ö}, \ddot{i} > \ddot{a}$;

$a^{\circ} > o, i^{\circ} > i, o > u, \ddot{o} > \ddot{ü}$;

$\ddot{a} > a$,

в которых приняли участие $\check{y} \sim z'$, (булгарские) и *j*-диалекты (ср. совр. чув. *sum* «бок» < **ĵān* < **ĵān* и *jut* «чужой» < *jat*).

Процесс делабиализации гласных был длительным (он охватил и *u* вторичного происхождения, т.е. $u < o < a^{\circ}$ и $u < o$).

Косвенно это подтверждается чувашскими словарями XVIII в., транскрипция которых вызывает, однако, законные сомнения⁶⁵⁹. Так, в рукописном русско-чувашском словаре, отражающем верховой (окающий диалект), отмечены:

тулх «вдова» ~ лит. *tālāx*, тюрк. *tul*;

вутур «тридцать» ~ лит. *vādār*, тюрк. *otuz*;

пута «гвоздь» ~ лит. *pāda*, хак. *pozir*;

тум «глина» ~ лит. *tām*, тюрк. *toj*;

хуна «гость» ~ лит. *xāna*, тюрк. *qonaq*;

хума «доска» ~ лит. *xāma*, тюрк. *qaṇa*;

сюра «замок» ~ лит. *sāra*, тюрк. *juzaq*;

сюлень «змея» ~ лит. *sālen*, тюрк. *ĵilan*;

кюль «зола» ~ лит. *kāl*, тюрк. *kül*, где *y, ū*, видимо, были использованы для передачи $\ddot{o}, \ddot{ö}$ (точнее, стадии $u > \ddot{o}, \ddot{ü} > \ddot{ö}$).

В современных чувашских говорах встречаются:

хора, хура, хāра «черный» < *qara*;

śom, śum, śām «около, рядом» < *ĵān*;

jomax, jumax, ĵāmax «сказка» < *jomaq*;

śom, śum, śām «сорная трава» < **joŋ* т.е. $a^{\circ} > o > u > \ddot{a}$, $o > u > \ddot{a}$.

По мнению Паасонена, мордовско-чувашские языковые контакты относились к дотатарскому периоду (до XIII в.).

Такие мордовско-чувашские соответствия, как:

эрз. *vačo*, мокш. *vača* «голодный» ~ чув. *vižā, vužā*;

⁶⁵⁹ См. Егоров (3), с. 136.

мокш. *ajra* «резкий, сильный» (о ветре) ~ (?) чув. *ujar* «ясный», — являются дополнительным критерием для хронологизации $a^o > o > u$ в чувашском языке⁶⁶⁰.

История происхождения гласных и согласных современного чувашского языка

Если теперь рассмотреть систему гласных⁶⁶¹ и согласных современного чувашского литературного языка, то окажется, что почти каждая фонема исторически восходит к нескольким источникам:

1. Вокализм

- $a <$ 1) *ä* (*alā* «рука»);
 ā (?) (*ar* «мужчина»);
 ē (*alāk* «дверь»);
2) *a* (в терминах родства):
 aža, atte «отец»;
3) *ä* (как субститут: *arja* «сундук» < тат. *ärjā*);
4) *a* (в поздних кыпчакских заимствованиях: *agāš* «лебедь»).
- $e <$ 1) *ä* (как субститут: *čejek* «цветок»);
2) *e* (спорадически: *šerzi* «воробей»).
- $i <$ 1) *a, ā* (*ir-* «уствовать»);
2) *u* (*tüt-* «держать»).
- $i <$ 1) *e* (*piläk* «пять»);
2) *e > i* (в кыпчакских заимствованиях: *sis-* «чувствовать»).
- $ā <$ 1) *u, ū* (*šäl* «ключ», *pār* «лед»);
2) *o* (*tām* «мороз»);
3) *i* (*sān* «внешний вид»);
4) *a* (*pāx-* «смотреть»);
 ājār «жеребец»;
5) *ü* (*kāndār* «полдень»).
- $a <$ 1) *ü, ū* (*kāl* «зола», *kār* «осень»);
2) *ö* (*tām* «кочка, бугор»);

⁶⁶⁰ Ср. также мокш. *калга*, эрз. *калго* «кострика» ~ чув. *хуҫа*, тат. диал. *каһә*, мокш. *асу* «польза» ~ чув. *uzә*, тат. диал. *асу*, если они, конечно, не заимствованы мордовским и чувашским из какого-то тюркского языка.

⁶⁶¹ Речь идет о гласных первого слога.

- 3) *i, ī* (*pəl-* «знать», *kər-* «входить»);
 4) *i, ī* (*xəl* «зима», *xər* «девушка»);
 5) *é > i* (*śar* «земля»).
- u <* 1) *a, ā* (*śun-* «гореть», *śum* «бок»);
 2) *o, ō* (*tup* «пушка», *tul-* «наполняться»);
 3) *u, ū* (*tuj-* «чувствовать», *śurt* «дом»);
 4) *ö* (*kur-* «видеть»);
 5) *ü* (*kul-* «смеяться»);
 6) *ay, oy, uy* (*tu* «гора», *tu-* «делать», *pu* «пар»).
- ü <* 1) *ö* (*śüp* «мусор»);
 2) *ü* (*türə* «прямой»);
 3) *e > i* (*śüren* «рыжий»);
 4) *a > u* (*śūs* «волосы»);
 5) *uj, oj* (*pü* «рост, тело»).

II. Консонантизм

- v <* 1) *ō, ō* (*vun* «десять», *vat* «желчь»);
 2) *o > vu > vī, u > vā* (*virān* «место», *vārāt* «длинный»);
 3) *v*-протеза (*vudā* «сено»);
 4) *āv-* (*vak* «мелкий»);
 5) (?) *w, b* (*śiv* «вода», *ivās* «горсть»);
 6) *g, γ* (*av-* «гнуть», *tāvār* «тесный»);
 7) *-j-, -ǰ-* (*xavəl* «солнце»).
- j <* 1) заимствование из *j*-диалектов (*jutaх* «сказка», *jažđ* «стройный»);
 2) *j < ie* (*jal* «деревня»);
 3) *j* протеза (*jidā* «собака»);
 4) *q²* (*jur* «снег»);
 5) *-j-, -j* (*ujāx* «луна», *uj* «мысль»);
- k <* 1) *k* (*kər* «осень», *kāvak* «синий»);
 2) *q* (в заимствованиях: *kāzāk* «интерес»);
 3) *k* (в заимствованиях: *kāreš-* «бороться»).
- l <* 1) *āl-* (*lar-* «сидеть»);
 2) *l-* (в заимствованиях: *lapra* «грязь», *lās* «хвоя»);
 3) *-l-, -l* (*alā* «рука», *kil-* «приходить»);
 4) *l̥ ~ ś* (*alāk* «дверь», *xəl* «зима»).
- m <* 1) *āt-* (*man-* «забывать»);
 2) *m-* (в заимствованиях: *meγel* «время», *mīx* «мешок»);
 3) *-m* (*xum* «волна»);
 4) *-n* (*sum* «число»);
 5) *-ŋ* (*śum* «сорняк»).

- n* < 1) *n*- (в заимствованиях: *nimər* «кисель», *niža* «беда», *nežal* «род, племя»);
 2) *-n* (*kun* «день»);
 3) *ŋ* (*əŋ* «сознание»).
- p* < 1) *b* (*pur* «есть, имеется»);
 2) *p* (*tup* «находить»).
- r* < 1) *-δ-*, *-δ* (*ura* «нога», *xur-* «класть»);
 2) *r*¹ (*pür-* «идти»);
 3) *r*² ~ *z* (*šarə* «кольцо», *xər* «девушка»).
- s* < *s* (*sik-* «прыгать», *üs-* «расти»).
- š* < 1) *j-* (*šul* «дорога»);
 2) *č* (*šəpre* «дрожжи», *vəš* «конец»);
 3) *š* ~ *lč* (*puš* «голова», *šiməš* «плоды»).
- t* < 1) *t* (*tšr-* «стоять», *üt* «тело»);
 2) *ki* (*tip-* «сохнуть»).
- x* < 1) *q*¹ (*xər* «девушка», *jux-* «течь»);
 2) *q* (в заимствованиях: *xarxa* «ворота»).
- č* < 1) *t'*, *ti* (*čul* «камень», *čər* «колени»);
 2) *č* (в кыпчакских заимствованиях: *čux* «время», *čəgət* «сыр»);
- š* < 1) *s*², *si* (*šur* «болото», *šəna* «муха»);
 2) *š* (в заимствованиях: *šalža* «тычина», *šik* «сомнение»);
 3) *əš-* (*šan-* «верить»).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Условные сокращения

Названия книг и статей

Абаев (1) – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, 1. М.; Л., 1958.

Абаев (2) – *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.

Ахатов – *Ахатов Г.Х.* Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.

Ашмарин (1) – *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваша // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т.18, вып. 1–3, 1902.

Ашмарин (2) – *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.

Байчура – *Байчура У.Ш.* Звуковой строй татарского языка. Ч. 1. Казань; 1959; Ч. 2. Казань, 1961.

Баскаков (1) – *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Т. II. М., 1952.

Баскаков (2) – *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. М., 1960.

Баш. диалектология. – Башкирская диалектология. Уфа, 1963.

Баш. диал. сб. – Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959.

Бернштам – *Бернштам А.* О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии // Памяти академика Н.Я. Марра: сб. ст. М.; Л., 1938. С.17–24.

Бишиев (1) – *Бишиев А.Г.* «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.

Бишиев (2) – *Бишиев А.Г.* Соответствие *-p* // *-з* в алтайских языках // Исследования по уйгурскому языку: сб. ст. Алма-Ата, 1965. С. 192–205.

Богородицкий – *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953.

Бубрих – *Бубрих Д.В.* Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточными славянами // Записки Мордовского НИИ. Вып. 7. Саранск, 1947.

Владимирицов (1) – *Владимирицов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Владимирцов (2) – Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Вып. 20. Ч. 2-3. 1911. С. 153–184.

ВЯ – Вопросы языкознания.

Грузов – Грузов Л.П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964.

Дмитриев (1) – Дмитриев Н.К. Материалы по османской диалектологии. Фонетика «карамалицкого» языка // Записки коллегии востоковедов. Вып. III. С. 417–458; Вып. IV. С. 107–158.

Дмитриев (2) – Дмитриев Н.К. Туркменские народные сказки Марыйского района. М.; Л., 1954.

Дмитриев (3) – Дмитриев Н.К., Исаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954.

Егоров (1) – Егоров В.Г. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930.

Егоров (2) – Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1. Чебоксары, 1954.

Егоров (3) – Егоров В.Г. Чувашские словари XVIII века // Записки Чувашского НИИ. Чебоксары, 1949. Вып. 2. С. 111–142.

Зайончковский – Зайончковский А.А. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI–XVI вв.) // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 80–90.

Золотницкий (1) – Золотницкий Н.И. Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Казань, 1871.

Золотницкий (2) – Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875.

Илич-Свитыч (1) – Илич-Свитыч В.М. Алтайские гуттуральные *k¹, *k, *g' // Этимология. М., 1965. С. 338–343.

Илич-Свитыч (2) – Илич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные t, d, δ // Вопросы языкознания. № 6. 1963. С. 37–56.

Исследования – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955.

Исаков – Исаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.

Канюкова – Канюкова А.С. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965.

Катанов – Катанов Н.Ф. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920.

Ковалевский – Ковалевский А.П. Чуваша и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.

Коми-пермяцкий – Коми-пермяцкий язык. Кудымкар, 1962.

Корнилов – Корнилов Г.Е. О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка // Вопросы языкознания. № 4. 1964. С. 98–108.

Корш (1) – Корш Ф.Е. По поводу второй статьи проф. П.М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слово о полку Игореве» // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Вып. XI. Ч. 1. 1906. С. 259–315.

Корш (2) – Корш Ф.Е. Следы диалектологического ротацизма в среднеперсидском языке // Древности восточные. Вып. 2. Ч. III. М., 1903.

Корш (3) – Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке «Слово о полку Игореве» // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Вып. VIII. Ч. 4. 1903. С. 1–58.

Котвич – Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.

Котлеев – Котлеев В.И. Система гласных фонем чувашского языка // Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ. 1963. Вып. 26. С. 3–24.

Лыткин (1) – Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. Ч. 1. М., 1955.

Лыткин (2) – Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957.

Лыткин (3) – Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Малов (1) – Малов С.Е. Булгарская и татарская эпиграфика // Эпиграфика Востока. Ч. II. М.; Л., 1948. С. 41–48.

Малов (2) – Малов С.Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. Вып. II. 1947. С. 38–45.

Малов (3) – Малов С.Е. Рецензия на: *Катанов Н.Ф.* Чувашские слова в болгарских памятниках // Известия Северо-Восточного археологического и исторического института. Казань, 1920. Вып. 2. С. 129–137.

Малов (4) – Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.

Матвеев (1) – Матвеев Т.М. Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары, 1960. С. 8–64.

Матвеев (2) – Матвеев Т.М. Некоторые особенности чувашских числительных // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960.

Материалы (1) – Материалы по диалектологии. Казань, 1962.

Материалы (2) – Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962.

Матер. по чуваш. диал. (1) – Материалы по чувашской диалектологии, в.І.Чебоксары, 1960.

Матер. по чуваш. диал. (2) – Материалы по чувашской диалектологии. Вып. II. Чебоксары, 1963.

Мусаев – Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. М., 1964.

Покровская – Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.

Поливанов (1) – Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедческих вузов. Л., 1928.

Поливанов (2) – Поливанов Е.Д. К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке // Доклады АН СССР. [Серия] В. 1927. № 7. С. 151-153.

Поливанов (3) – Поливанов Е.Д. К вопросу об общетурецкой долготе гласных // Бюллетень 1-го Среднеазиатского государственного университета. № 6. 1924. С. 157.

Поцелуевский – Поцелуевский А.П. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936.

Программа – *Ашмарин Н.И.* Программа для составления чувашского словаря. Казань, 1900.

Радлов (1) – Radloff W.W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. 1 Hft. Leipzig, 1882; 2 Hft. Leipzig, 1883.

Радлов (2) – Radloff W.W. Die jakutischer Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. SPb, 1908.

Решетов – Решетов В.В. Узбекский язык. Ч. 1. Ташкент, 1959.

Самойлович (1) – Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922.

Самойлович (2) – Самойлович А.Н. Турун-Тудун (Еще пример турко-болгарского ротацизма) // Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. Том. 5. Вып. 1. Пг., 1918. С. 398–400.

Санжеев – Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.

Севортян – Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

Селищев – Селищев А.М. Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.

Серебренников (1) – Серебренников Б.А. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и

татарским языками // Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ. Вып. 14. Чебоксары, 1956. С. 63–75.

Серебренников (2) – Серебренников Б.А. К истории звуков чувашского языка // Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ. Вып. 14. Чебоксары, 1956. С. 76–85.

Серебренников (3) – Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебренников (4) – Серебренников Б.А. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 19–31.

Серебренников (5) – Серебренников Б.А. О двух возможных причинах соноризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964.

Серебренников (6) – Серебренников Б.А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 62–65, 70–71.

Серебренников (7) – Серебренников Б.А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения Института языкознания. № 9. 1956. С. 33–56.

Серебренников (8) – Serebrennikov B.A. Über tschuwaschische Themen // Acta Orientalia Hungarica. Vol. 17. № 2. 1964. P. 129–138.

Серебренников (9) – Serebrennikov B.A. Zur Frage nach dem Ursprung der prothetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwaschischen // Acta Orientalia Hungarica. Vol. 19. 1966. P. 57–65.

Серебренников (10) – Serebrennikov B.A. Zur Geschichte der *a*-Laute im Tscheremissischen und Tschuwassischen // Ural-Altäische Jahrbücher. Band 29/3–4. S. 224–230.

Степанова – Степанова Е.Н. Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким // Ученые записки I Московского государственного пединститута иностранных языков. Вып. VIII. М., 1954. С. 83–144.

Тенишев – Тенишев Э.Р. Саларский язык. М., 1963.

Тумашева – Тумашева Д.Г. Кенбатыш Себер татарлары теле. Рязань, 1961.

Убрятова – Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960.

Федотов – Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. 1. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965.

Цинциус – Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

Черкасский – Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965.

Чуркин – Чуркин Т.Я. Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 152–176.

Шахматов – Шахматов А.А. Заметки о языке волжских болгар // Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. Вып. V. Ч. 1. 1918. С. 395–397.

Щербак (1) – Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.

Щербак (2) – Щербак А.М. О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой). М., 1960.

Щербак (3) – Щербак А.М. О тюркском вокализме // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 24–40.

Щербак (4) – Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 51–63.

Щербак (5) – Щербак А.М. Работы Дж. Клосона по алтаистике // Народы Азии и Африки. 1963. № 3. С. 150–153.

Щербак (6) – Щербак А.М. Тюркский консонантизм // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 16–35.

Юсунов – Юсунов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.

Aalto – Aalto Pentti. On the altaic initial *p-* // Central Asiatic Journal. 1955. Vol. 1. № 1. S. 9–16.

Altisch und Urtürkisch – Poppe N. Altisch und Urtürkisch // Ungarische Jahrbücher. 1926. S. 94–121.

Bang (1) – Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung. Turan, 1918. № 5. С. 289–310.

Bang (2) – Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. Heidelberg, 1918.

Bang (3) – Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut // Ural-Altische Jahrbücher. Band XIV. 1934. S. 193–214

Bárczi – Bárczi Géza. A magyar szókincs eredete. Budapest, 1958.

Bazin – Bazin L. Structures et tendances des langues turques // Philologiae Turcicae Fundamenta. S. 11–19.

Beke (1) – Beke B. Zu den tschuwaschischen Lehnwörter der tscheremissischen Sprache // *Mémoires de la Société finno-ougrienne.* Vol. 67. P. 42–50.

Beke (2) – Beke B. Zur Lautgeschichte der tschuwaschischen Lehnwörter im Tscheremissischen // *Finnisch-ugrische Forschungen.* Vol. 23. 1935. P. 66–84.

Benzing (1) – Benzing J. Das Tschuwaschische // *Philologiae Turcicae Fundamenta.* Wiesbaden, 1959. S. 702–714.

Benzind (2) – Benzing J. Die angeblichen bolgartürkischen Lehnwörter im Ungarischen // *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft.* Band. 98/1. 1944. S. 24–27.

Benzing (3) – Benzing J. L final dans les langues turque // *Jean Deny Armagani.* Ankara, 1958. P. 51–60

Budenz (1) – Budenz József. Csuvás közlések és tanulmányok // *Nyelvtudományi Közlemények.* Vol. I. 1862. P. 200–268, 353–433; Vol. II. 1863. P. 15–68.

Budenz (2) – Budenz József. Jelentés Vambéry. A magyartörök szoegyezéseiről // *Nyelvtudományi Közlemények.* Vol. X. 1871. P. 67–135.

Budenz (3) – Budenz J. Némely látszólagos képtelenségek a csuvas-török hangviszonyokban // *Nyelvtudományi Közlemények.* Vol. III. Budapest, 1864. P. 234–254.

Budenz (4) – Budenz J. Reguly csuvas példamondatai // *Nyelvtudományi Közlemények.* Vol. II. 1863. P. 189–280.

Clauson (1) – Clauson G. The Initial Labial Sound in the Turkish Languages // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* Vol. 24. № 2. 1962. P. 298–306.

Clauson (2) – Clauson G. The Turkish Y and Related Sounds // *Ural-Altische Bibliothek.* Vol. V. 1957. «*Studia Altaica*». P. 33–45.

Dizin – Besim Atalay. Divan-i lugat-it-türk dizini. Endeks. Ankara, 1943.

Doerfer – Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Band I. Wiesbaden, 1963.

Ettuhfet – Besim Atalay. Ettuhfet-üz-Zekiyye fil-Lûgat-it-Türkiyye. Istanbul, 1945.

Fundamenta – Philologiae Turcicae Fundamenta. Band I. Wiesbaden, 1959.

Gabain (1) – Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

Gabain (2) – Gabain A. von. Charakteristik der Türksprachen // *Handbuch der Orientalistik.* 1 Abt. 5 Band. 1 Absch. Leiden, 1963.

Gombocz (1) – Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // Mémoires de la Société finno-ougrienne. Vol. 30. 1912; Honfoglalás előtti bolgar-török jövevényszavaink. Budapest, 1960.

Gombocz (2) – Gombocz Z. Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen // Keleti Szemle. Vol. 13. № 1–2. 1912. P. 1–37; Az altaji nyelvek hangtörténetéhez // Nyelvtudományi Közlemények. Vol. 35, 1905. P. 241–282.

Grönbech K. – Grönbech K. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.

Grönbech V. – Grönbech V. Forstudier til tyrkisk lydhistorie // Selbstanzeige. Keleti Szemle. Vol. 4. 1903. P. 114–125, 229–240.

Jakobson – Якобсон P. К характеристике евразийского языкового союза // Selected Writings. Vol. I. Phonological Studies. P. 144–201.

Jarring – Jarring G. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund-Leipzig, 1933.

Karahka – Karahka E. Zur Frage nach ursprünglichen vokallängen im Tschuwassischen // Studia Orientalia (Fenn.). T. 14. 1950. P. 3–11.

Klaproth – Klaproth J. Comparaison de la langue des Tchouvaches avec les idioms turks // Journal asiatique. Sér. 2, 1. 1828. S. 237–246.

Ligeti (1) – Ligeti L. A propos éléments altaïques de la langue hongroise // Acta Linguistica Hungarica. Vol. 11, 1–2. 1961. P. 15–42.

Ligeti (2) – Ligeti L. A török hosszú magánhangzók // Magyar Nyelv. Vol. 34, 3–4. 1938. P. 65–76.

Ligeti (3) – Ligeti L. A török szokészlet története és török jövevényszavaink // Magyar Nyelv. Vol. 43, 1–5. 1946. P. 1–17.

Ligeti (4) – Ligeti L. Les anciens éléments mongol dans mandchou // Acta Orientalia Hungarica. Vol. 10, 3. 1960. P. 231–248.

Ligeti (5) – Ligeti L. Mongolos jövevényszavaink kérdése // Nyelvtudományi Közlemények. 1935. P. 190–271.

Markwart – Markwart J. Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten // Ungarische Jahrbücher. Vol. 9, 1. 1929. P. 68–103.

Menges (1) – Menges K. Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen // Archiv orientální. Vol. 11, 1. 1939. P. 7–34.

Menges (2) – Menges K. Über den Bau der türkischen Wurzel // Ural-Altäische Jahrbücher. Vol. 34, 1–2. 1962. P. 156–157.

Munkacsi – Munkacsi B. Ungar. vék // Keleti Szemle. Vol. 7. P. 250–253.

- Németh (1) – Németh J.* Die langen Vokale im Jakutischen // Keleti Szemle. Vol. 15. 1914–1915. S. 150–164.
- Németh (2) – Németh Gy.* Török jövevényszavaink középső rétege // Magyar Nyelv. Vol. 17. 1921. S. 22–26.
- Németh (3) – Németh J.* Über den Ursprung des Wortes šaman // Keleti Szemle. Vol. 14. 1913–1914. S. 240–249.
- Németh (4) – Németh J.* Zur Kenntnis des geschlossenen *e* im Türkischen // Körösi Csoma-Archívumból. Vol. 1. Erg.-Bnd, 1939. P. 515–532; A zárt *e* bolgár-török jövevényszavainkban // Magyar Nyelv. Vol. 38, 1. P. 1–11.
- Németh (5) – Немет Ю.* Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 126–136.
- Paasonen – Paasonen H.* Die türkischen Lehnwörter im mordwinischen // Journal de la Société finno-ougrienne. Vol. 15, 2. Helsinki, 1897.
- Palló (1) – Palló M.* Die Vertretung ung *sz(s)* < türk. *j* in den alten türkischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache // Ural-Altäische Jahrbücher. Vol. 33, 1–2. 1961. S. 128–134.
- Palló (2) – Palló M.* Hungaro-Tschuwaschica // Ural-Altäische Jahrbücher. Vol. 31. 1959. S. 239–258.
- Palló (3) – Palló M.* Zur Frage der tschuwaschischen *v*- Prothese // Acta Orientalia Hungarica. Vol. 12, 1–3. 1961. S. 33–44.
- Pedersen – Pedersen H.* Türkische Lautgesetze // Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Vol. 57, 3. 1903. S. 535–561.
- Poppe (1) – Poppe N.* Altaisch und Urtürkisch // Ungarische Jahrbücher. Vol. 6, 1–2. 1926. S. 94–121.
- Poppe (2) – Poppe N.* Die tschuwaschischen Lautgesetze // Asia Major. Vol. 1. 1924. S. 775–782.
- Poppe (3) – Poppe N.* Die Tschuwaschische Sprache in ihrem Verhältnis zu den Türksprachen // Körösi Csoma-Archívumból. Vol. 2, 1–2. 1926. P. 65–83.
- Poppe (4) – Poppe N.* Die türkischen Lehnwörter im Tschuwaschischen // Ungarische Jahrbücher. Vol. 7, 2. 1927. S. 151–167.
- Poppe (5) – Poppe N.* Türkisch-Tschuwaschische vergleichende Studien // Islamica. Vol. 1, 4. 1925. S. 409–427.
- Poppe (6) – Poppe N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Vol. 1. Wiesbaden, 1960.
- Poppe (7) – Понне Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам. Ч. 1–2. ИРАН, 1924. С. 289–314; Ч. 3. ИРАН, 1925. С. 23–42; Ч. 4. ИРАН, 1925. С. 405–426.

Posch – Posch U. Concerning the sonorisation of the Southwest Turkic languages // Central Asiatic journal. Vol. 4, 3. 1959. C. 166–173.

Pritsak (1) – Pritsak O. Der «Rhotazismus» und «Lambdazismus» // Ural-Altäische Jahrbücher. Vol. 35. 1964. S. 337–349.

Pritsak (2) – Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.

Pritsak (3) – Pritsak O. Ein hunnisches Wort // Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Bd. 104 (29), 1. 1954. S. 124–135.

Pritsak (4) – Pritsak O. Kāšgaris Angaben über die Sprache der Bolgaren // Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Bd. 109, 1. 1959. S. 92–116.

Ramstedt (1) – Ramstedt G.J. Ein anlautender stimmloser Labial der mongolisch-türkischen Ursprache // Journal de la Société finno-ougrienne. Vol. 32. 1916–1920. P. 1–10.

Ramstedt (2) – Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Vol. 1. Helsinki, 1957.

Ramstedt (3) – Ramstedt G.J. Koreanisch *kes* «ding, stück» // Journal de la Société finno-ougrienne. Vol. 48. 1936–1937. S. 1–19.

Ramstedt (4) – Ramstedt G.J. Über Stämme und Endungen in den altaischen Sprachen // Journal de la Société finno-ougrienne. Vol. 55. 1951. S. 98–105.

Ramstedt (5) – Ramstedt G.J. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // Journal de la Société finno-ougrienne. Vol. 38. 1922–1923. S. 1–34.

Ramstedt (6) – Ramstedt G.J. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte. Vol. III // Keleti Szemle. Vol. 16, 1–3. 1915–1916. S. 66–84.

Räsänen (1) – Räsänen M. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. Vol. 50. 1923.

Räsänen (2) – Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. Vol. 48. 1920.

Räsänen (3) – Räsänen M. Tü. anl. *h-* als Überbleibsel des alt. *p* // Ural-Altäische Jahrbücher. Vol. 33, 1–2. 1961. S. 146–148.

Räsänen (4) – Räsänen M. Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Ungarischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Vol. 24. 1937. S. 246–255.

Räsänen (5) – Рясänen М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1953.

Schott – Schott W. De lingua Tschuwaschorum. Berlin, 1842.

Setälä – Setälä E. Zur finnisch-ugrischen Lautlehre // Finnisch-ugrische Forschungen. Vol. 2, 3. 1902. S. 219–276.

- Sinor – Sinor D.* Yul // *Studia orientalia.* Vol. 28. 1964.
Thomsen – Thomsen K. The closed «e» in Turkish // *Acta Orientalia.* Vol. 22. Copenhagen, 1957. S. 150–153.
 UAJ, UAJb – Ural-Altäische Jahrbücher
 UJ, UJb – Ungarische Jahrbücher
Wichmann – Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // *Mémoires de la Société finno-ougrienne.* Vol. 21. 1904.

Названия языков и диалектов

азер., аз.	азербайджанский
алт.	алтайский
балк.	балкарский
баш.	башкирский
бур. монг.	бурят-монгольский
венг., венгер.	венгерский
гаг.	гагаузский
др. тюрк., др. т.	древнетюркский
др. уйг.	древнеуйгурский
з. с. г.	западносибирские говоры татарского языка
каз.	казахский
кар.	карачаевский
караим.	караимский
караим. г.	караимский галицкий
караим. к.	караимский крымский
караим. т.	караимский трокайский
кбал.	кабардино-балкарский
кир.	киргизский
кир. сев.	киргизский северный
ккал.	каракалпакский
коми-зыр.	коми-зырянский
конд.	кондомский
кум.	кумыкский
кыпч.	кыпчакский
лоб.	лобнорский
мар.	марийский
мар. горн., г.	марийский горный
мар. луг., л.	марийский луговой
миш.	мишарский диалект татарского

монг.	языка
совр.монг.	монгольский
моргауш.	современный монгольский
	моргаушский говор чувашского
	языка
морд.	мордовский
морд.эрзян.	мордовский эрзянский
морд.мокш.	мордовский мокшанский
нан.	нанайский
нег.	негидальский
ног.	ногайский
общет., общетюрк.	общетюркский
орок.	орокский
осет.	осетинский
перс.	персидский
салар.	саларский
ср.т.	среднетюркский
сюг.	сарыг-югурский
тат.	татарский
тат.бар.	татарский барабинский
тув.	тувинский
тур.	турецкий
туркм.	туркменский
туркм.алили	диалект алили туркменского языка
туркм.емуд.	емудский диалект туркменского языка
туркм.олам.	диалект олам туркменского языка
туркм.мар.	марьйский говор туркменского языка
туркм.сакар.	сакарский диалект туркменского языка
туркм.сарык.	сарыкский диалект туркменского языка
туркм.човд.	човдурский диалект туркменского
	языка
удм.	удмуртский
удэгейск.	удэгейский
узб.	узбекский
уйг.	уйгурский
уйг.акс.	уйгурский аксуйский
уйг.хам	уйгурский хамийский
уйг.хот.	уйгурский хотанский
ульч.	ульчский
хак.	хакасский
хак.кач.	качинский диалект хакасского языка

хак. саг.	сагайский диалект хаккасского языка
чув.	чувашский
чув. верх., вр.	чувашский верховой
чув. гов.	чувашские говоры
чув. диал.	чувашский диалектальный
чув. лит.	чувашский литературный
чув. низ., нз.	чувашский низовой
чув. ср.	чувашские переходные говоры
шор.	шорский
эвен.	эвенский
эвенк., эв.	эвенкийский
як.	якутский

Другие сокращения

(Буд.)	–	<i>Budenz</i> . Khivai tatárság // Nyelvtudományi Közlemények. Vol. IV. 1865.
(ЗК)	–	<i>Korkmaz Z.</i> Bati Anadolu ağızlarındaasli vocal uzunluklari hakkında // Türk dili arařtırmaları jıllığı, Belleten. Ankara, 1953.
(Кузн.)	–	<i>Кузнецов П.Е.</i> Продолжительность гласных в живом узбекском языке // В.В.Бартольдү Туркестанские друзья, ученики и почитатели: сб. ст. Ташкент, 1927. С. 430–434.
М.К., МК	–	Махмуд Кашгарский
СС	–	Кодекс Куманикус

Чувашско-тюркские лексические параллели⁶⁶²

- alt-* ⁶⁶³ «рыть, копать» ~ тур., азерб. *eş-*;
ana «подбородок» ~ туркм. *eņek*, тур. *enek*, кир., алт. *ēk*, баш. *әјäk*;
ardak «нега» ~ мишар. *ardak*, кир., алт. *ardaq* «баловень», баш. *arḡaq*la- «уважать», тат. диал. *ardakla-* «нежить, баловать»;
at- «делать» ~ туркм., тур., азерб., гаг., уйг., алт., тув. *et-*, тат., баш., хак. *it-* «делать», як. *īt-* «заряжать»;
adalāx «посажённый отец» ~ тат., баш. *atalāq* «обязанности отца», туркм. *atalıq*, азерб. *atalig* «отчим»;
aǰḡran- «испытывать раздражение, гнев» ~ алт. *ačurqan-* «сердиться, гневаться», хак. *ačiryan-* «досадовать, гневаться, негодовать», баш. *asḡranḡr tōḡn-* «взяться за что-либо с жаром»;
ažək «альчик, бабка» ~ тат. *ašəq*, тур. и т.д. *ašik* «лодыжка, бабка», монг. *alču*;
aškān- «шалить, баловаться, буйно расти» ~ тат. *ašqān-* «стремиться, рваться, горячиться», баш. *ašqān-*, ног. *asqin-* «осложниться (о ране)», ккал. *asqin-* «становиться высокомерным; быть запущенным (о ране)»;
əptā ~ *əktā* (диал.) «язь» ~ тат. *öptä*, баш. *öptö*, конд. *upta*;
älken «красивый, нарядный» ~ тат. диал. *ölkän* «красивый», баш. *ölkän* «большой, старый, знаменитый», каз. *ölkän*, кир. *ülkön*;
ən- «опалиться, пригорать, выгорать (на солнце)» ~ алт., тув., кир., кбал. *oŋ-* «линять, выпцетать, блекнуть», ккал., уйг. *öŋ-*, тат., баш. *uŋ-*;
igerǰə «блины, оладьи, ватрушки» ~ мишар. *igärčə*;
imgen- «надрываться, повреждаться» ~ туркм. *emgen-* «трудиться, переносить тяготы», баш. *imgän-* «калечиться, надрываться»;
irdän- «шалить, баловаться, зазнаваться» ~ хак. *irdän-*;
jandā «готовый» ~ туркм. *indī* «теперь», тат., баш. *indä* «уже, теперь», алт. *emdi*;
jältam «резвый, проворный, шустрый» ~ кир. *ildam*, туркм. *jindam*, тат. *jāldam*;
jālu (Аш.)⁶⁶⁴ «полынья» ~ баш. *jälw*, ног. *jiluw* «прорубь»;
jārā «бойкий, резвый, проворный» ~ тат., баш. *jör* «шутливый, находчивый» (у В.Г.Егорова иначе);

⁶⁶² Под термином «тюркские» здесь подразумеваются все языки, кроме чувашского, хотя последний, разумеется, тоже является тюркским.

⁶⁶³ Тюркские заимствования в чувашском, как правило, нами особо не выделяются.

⁶⁶⁴ (Аш.) — слова, взятые из «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина.

jejme «скатерть» ~ баш. *jäjmä* «покрывало, простыня», тат. *jäjmä*;

ječče jus (диал.) «ласка» ~ баш. *jätsä*, тат. *lätcä*, узб. *lätcä*;

*jækken*⁶⁶⁵ «палочник» ~ баш. *jäkän* «рогоз, кута», туркм. *jegen*, кир. *ĵeken*, тат. *ĵikän* «камыш с черной головкой»;

jelmeväs «чудовище» ~ ног. *jalmawiz* «баба-яга, ведьма, обжор», баш. *jalmawäd*;

jäpsän- (диал.) «одобрять» ~ СС *jöpsen-* «одобрять», як. *söpsö-* «одобрять», ср. баш. *jöplä-* «поддакивать»;

jäbäs «ловкий» ~ баш. *jätäd*, тат. *ĵitaz*;

jum «ворожба, гадание», ср. удм. *jum* «исцеление, излечение»; тув. *ġom* «заговор от болезни, зелье, снадобье», хак. *tom* «лекарство», кир. *em-dom* «совокупность симпатических знахарских средств» < монг. *dom* < тюрк. (ср. тур. диал. *jom* «предзнаменование», туркм. *em-jom*);

jurma «молочная приправа» ~ тат., баш. *jarma* «крупа», кир. *ĵarma* «крупное толокно, похлебка из дробленого жареного зерна»;

*jurġa*⁶⁶⁶ «рысак» ~ баш. *jurġa* «иноходец» (ср. чув. *särġa* «иноходец»);

jüdet- «приставать, надоедать» ~ баш. *jödät-*, тат. *jödät-*;

kabärtma «оладьи, лепешки» ~ тат., баш. *qabartma*;

karändäk «грудобрюшная преграда» ~ тат., баш. *qarändäq*;

karman «укрепление» (Аш.) ~ кар. *kermen* «крепость», СС *kermen*;

katmar «глыба, что-либо громадное» ~ тат. *qantar* «глыба, ком», но ног. *qatpar* «складка», кир. *qatmar* «ряд, пласт, слой»;

käväräl «ссыхаться, съежиться» ~ тат. *quwäräl-*, ног. *quwiril-*, кир. *qürul-*;

käjtä «плохо, трудно, скудно» ~ баш. *qöjtö* «плохо», мишар. *köjtä*, *käjtä*;

käldäk «повод, недостаток, изъян» ~ тат. мишар. *käläk* «повод, причина»;

käm «зола (от соломы), накипь (в самоваре)» ~ баш. *qömaq* «накипь у самовара, котлов», кир. *qum* «накипь (на стенках самовара)»;

kämäs «кумыс» ~ тат. *qätäz*, баш. *qätäd* и т.д.;

kära «буйный, сильный, форсистый» ~ тур. *kivrak* «умельный, ловкий, бойкий, живой», азерб. *givrak* (у В.Г. Егорова иначе).

kärman (диал.) «лещ» ~ баш. *qörman*, тат. *görban*;

kärbäk «первый снег» ~ хак. *xirbix* «мелкий снег», тат. *qärraq qar* «пороша», баш. *qärraq qar* «первый снег», ног. *qirraq qar*

⁶⁶⁵ Заимствование, собственно чувашское: сохранилось в удмуртском языке. **sagan*, *sakkan*.

⁶⁶⁶ Заимствование, собственно чувашское: *särġa*.

«мелкий снег», як. *kirpax* «жесткие мелкие крупинки чего-нибудь» (ср. чув. *kərbek jur* «крупитчатый снег»);
kārdāš «ерш» ~ тат. диал. *kārtāš*, тат. *ĵārtāš* (ср. мар. *kārāš*);
kāš «соболь» ~ тат., баш. *kāš*, алт., кум., узб., кир., уд. *kīš*, ног.,
 kis, як. *kīs*;
kāver- «класть закваску» ~ як. *köjün-* «бродить, киснуть» *kōjü*
 «заквашенный», *köjnör-*, *kōjör-* «заквашивать»;
kāvzər «некрасивый, неудачный, неудобный» ~ тат. *kōjsez*
 «неладный, неудобный»;
kərə «тучный, крепкий, сильный, бодрый» ~ кир. *kür* «полный сил», азер. *gür* «сильный, полный, густой», тув. *xür* «сытый, благополучный», тат., баш. *kör* «упитанный, откормленный»;
*kaskə*⁶⁶⁷ в *kuš kaski* «зеркало» ~ кир., уйг. *küzgü* баш. *köögö*,
 тур. *gözgü*;
kədək «закуток» ~ туркм. *ketek* «курятник», уйг. *ketäk* тат.,
 баш. *kätäk*; з.с.г. *kätäk*;
kəzəl «название животного» ~ баш. *köšöl* «водяная крыса»,
 н. конд. *küzül*, н. бийск. *küzil*;
kikkirik «гребень» ~ тат., баш. *kikrək*;
kulka (диал.) «круг, кустарник» ~ баш. *qulqā* «роща»;
kurās «липовая кора, заготовленная на мочало» ~ баш., тат.
qurās «лыко» (ср. мар. *kurs*, *kārās* «кузов»);
kudār «парша, грязь» ~ тат., баш. *qutār* «короста, струг» кир.
gotur, азер. *gotur*;
kuĵan «кочерыжка» ~ тур. *koĵan* «кочан, стебли кукурузы»;
kügen «терновник» ~ тат., баш. *kügän*, ног. *kögen*, кум. *gogan*,
 балк. *köken*;
kügerĵen (диал.) «кувшинка» ~ тат. диал. *kügärĵen küz* «незабудка»;
kündem «послушный» ~ тат., баш. *kündem* «уступчивый,
 послушный»;
küptärme «лепешка из кислого теста» ~ баш. *küptärmä* «пышка»,
 мишар. *küptärmä*, з.с.г. *küptärmä* «сдоба из пресного теста»;
kürĉe- «разбухать, раздуваться» ~ тат. *kürĉä-*, баш. *küpsä-*
 «прокиснуть и вздуться (о молоке)», з.с.г. *küpsä-* «прокисать»;
küren «осока» ~ баш. *kürän*, тат. диал. *kürän*, з.с.г. *kürän*;
küdär (диал.) «болотистое место» ~ тат. диал. *kütär* «болото,
 вид камыша», баш. *kütär* «трясина», з.с.г. *kütär* «разновидность
 болотной травы»;
marda «улей» ~ тат., баш. *umarta* (ср. мар. *omarta*, удм. *umorto*);

⁶⁶⁷ Заимствование (по признаку *z*), собственно чувашское: *təgər*.

mattur «сильный, здоровый, красивый (ср. *pattār* «храбрец, герой»)» ~ тат., баш. *matur* «красивый»;
mārdāk «хрупкий, ломкий» (*mardak, murdak*) ~ тат., баш. *murt* «дряблый, ломкий», кир. *mort*, алт. *bortiq* «хрупкий, некрепкий»;
narat (диал.) «сосна» ~ балк., тат., кум. *narat* (монг. *nars (an)* «сосна»);
nārē «жук» ~ баш. *nōr* «черви у пчел» (ср. мар. *nōr*);
paĵār «собственный» ~ ног. *baĵir*, кир. *baĵir* «привязанность, привычка к месту», кум. *baĵri*;
pardas «голавль» ~ тат. *bārtās* «язь», тат. диал. *bārtāč* (мар. *parḡaš*);
pālām (Аш.) «луг» ~ тат. *bōlān*, баш. *bōlōn*;
pālāt (Аш.) «губка» ~ баш. *bōlōt*;
pārāx, pārġē «труба» ~ тат. *bārgē* «горн, рожок, труба», баш. *bōrġō*, ср. хак. *pīrġi* «дудка, рожок»;
pātran- «становиться мутным, перемешиваться, путаться» ~ тат., баш. *buta-* «путать, перемешивать», ср. морд. эрз. *butrav* «мутный»;
pāḡav «железные пути» ~ тат. *bōḡaw* «оковы», баш. *bāḡaw*, кир. *boḡō*, азерб. *buḡow*, тур. *bukaī*;
pāvet (диал.) «хомутина» ~ тат. *bōĵāt*, ног. *mūjet*, з.с.г. *mōĵāt, pivāt, māvāt, mijāt*;
pāl- (Аш.) «разориться» ~ тат., баш. *bōl-*, ср. кир. *būlgün* «разруха, разорение»;
pārāš (Аш.) «орудие вроде пещни» ~ баш. *bōrōž* (ср. коми *пыридз* «лом, пещня», удм. *пыридз*);
pārgāt «беркут» ~ тат. *bōrkāt*, баш. *bōrkōt* и т.д.;
pādū «амулет» ~ тат. *bōti*, баш. *bātaw*;
pīrġe «гнойное воспаление, нарыв» ~ баш. *birsä* «шрам, рубец»;
pīrġe- «затягиваться (о ране), отвердеть» ~ тат. *birčä-* «заскорузнуть, загубеть», ср. кир. *berč* «отвердевшая опухоль»;
pīžāx- «становиться прочным, свертываться, преть» ~ кир. *bīšiq-* «закаляться, крепнуть», тув. *ġižiq-*, тат. *pāšāk-* «преть, сильно потеть», баш. *bāšāk-*;
purġē «лукошко», ср. баш. *mārkā* «коробка для курута; носилки с ящиком для носки глины», морд. *pargo* «короб, лукошко, сундук»;
pušmak pāru «двухгодовалый теленок» ~ баш. *bašmaq* «телка (годовалая)», тат. *bašmak tana* «телка двухгодовалая», каз., ккал. *baspaq*;
sanrav (диал.) «глухой» ~ баш. *haḡāraw*, тат. *saḡāraw*, ног. *saġiraw*;
saḡa «бита (бабка)» ~ баш. *haqa*, кир. *saqa*, ср. монг. *šagaj* «таранная кость»;
sāldākla «хромать» ~ баш. *hāltāqla-* «ковылять», кир. *sīlfiq* «припадание на одну ногу»;

säven- «прислоняться» ~ ног. *süjän-*, кир. *süjön-*, ср. тат. *söjäl-*, туркм. *ðöjel-*;
sägä «верша» ~ тат. *sökkä*;
sälgä «вышитое полотенце» ~ тат. *sölgä*, ног. диал. *sülgi*, кир. *sülgü* (ср. у В.Г. Егорова к слову *säl-*);
sujär čulä «бульжник» ~ тув. *sajär* «галька» (монг. *sajr* «галька»), хак., алт. *saj*;
суҫа «жабры» ~ ног. *saҫaq*, *saҫaq*, тат. *saҫaq*, лоб *saҫaq*;
sirlan «повилика, подмаренник цепкий» ~ баш. *här lan* «липучка»; тат. диал. *särlan*;
sam (диал.) «лекарство» ~ ср. сюг. *jem* «лекарство», общетюрк. *em*;
säksä «порука» ~ алт. *d'ükči* «поручитель, порука»;
sälä «борть, улей» ~ баш. *sölöq*, тат. диал. *čöläq*;
sära «густой, плотный», ср. тув. *širyaj* «густой, частый», кир. тыньшан. *čiryaj* «лесная чаша, заросли, кустарник» (мар. *šare* «частый, густой» (о лесе));
säräx «вырез для ворота» тат., баш. *järäq*, ног. *jiriq* «отверстие»;
sädä «жадный» ~ тат. *jät*, баш. *jät* «голод, голодный», уйг. разг. *jut* «прожорливый человек», кбал. *jut* «жадный»;
šilen- «сердиться, выходить из себя» ~ тат. диал. *jilkän-* «беситься»;
šüyü «блины, тонкие лепешки», ср. азер. *juxa* «тонко раскатанный хлеб»;
šira «русло реки» ~ каз. *žira* «балка, канава», кир. *jira* «промоина, ущелье», алт. *d'ira* «ров», ног. *jiranaq* «овраг»;
širä «светлокоричневый, каштановый» ~ туркм. *jayid* тур. *ja'iz* «смуглый, бронет», «вороная лошадь» (у Л. Будагова — «каштановый»);
talbar «деревянная миска», ср. туркм. *telper* «неглубокий (о всякой посуде)»;
talbän- «силиться, рваться, стремиться» ~ узб. *tälpin-* «тянуться, стремиться», уйг. *tälpin-* «бить крыльями (о птице), трепыхаться, порываться вперед», тат. *tilpän-* «вспархивать, махать крыльями», тат. баш. *talpän-*;
talppan «вошь, блоха, клещ» ~ тат., баш. *talpan* «клещ»;
tamak «устье реки» ~ тат., баш. *tamaq*;
taraj «шелк, шелковый платок, которым невеста одаривает свекра и свекровь», ср. балк. *darij* «шелк», осет. *dari* «вид шелковой ткани» из перс. *dārāi* «род шелковой материи, вырабатываемой в Иезде и Исфагане»;
tačka «сырой, непропеченный» ~ тат. диал. *tačqa*;
tāman «буран, вьюга, метель» ~ тат., баш. *toman*;
tāmana «сова, глупец» ~ тат., баш. *tomana* «бестолковый, тупица»;

tāba (диал.) «омут» ~ мишар., баш. диал. *tōba*, тат. диал. *tuba*;
tāpsa «петля, петельный крюк» ~ баш. *tupha* «порог, дверная петля»,
 тат. *tupsa* «шарнир, петля», каз., ккал. *topsa*, кир. сев. *topso* «шарнир»;
tārās «бурак, туес» ~ тат. *tārās*, баш. *tārāz* «короб из бересты»;
tāgā «рис» ~ баш. *dōgō*, тат. *dōgā* и т.д.;
tāmen «большое войско, бесчисленное множество» ~ тув. *tūmen*
 «десять тысяч, тьма, множество», кир. *tūmön* хак. *tūben*, тур. *tūmen*;
tābek «вершина, гребень (у птиц), султан (на шляпе)» ~ кир.
tüpök «пучок конского волоса, бунчук, кисточка»;
tāpčäk «наследник» ~ тат. *tōpčäk* «последыш, окурок, пенек»,
 баш. *tōpsök* «пенек, окурок»;
tujān (диал.) «ил» ~ тат. *dujān* «ил»;
tujra «молодой дуб» ~ тат. *tujra*, баш. *tujāra*;
tuda «губа» ~ туркм. *dōdaq*, тур., гаг. *dudak*, азер. *dodag*;
tül- «угадывать», ср. кир. *tölgö* «ворожба, гадание»;
türe «название злого духа» ~ МК *tüz* «корень, основание», тув.
dös «основание, корень», хак. *tös* «духи», алт. *tös* «основание»;
ujar- «разведриться, проясниться» ~ тув., хак. *ajas-*; баш. *ajad*;
 тат. *ajaz*;
uksām «род дикого чеснока» ~ тат. *uqsām* «лук болтун» хак.
usxum (ср. хак. *muqsum*);
upra- «беречь, хранить, защищать» ~ тув. *awira-* «спасти,
 избавить, помиловать», як. *abira-*, монг. *avra-* «спасать, избавлять»;
urada «переводина (балка), порог», ср. *irada* «крайний,
 внешний брус нар» ~ тур. *arda* «длинная палка, жердь, вежа», тат.
arata «поперечина»;
urāl- «протрезвляться, поправляться» ~ тур., туркм., азер. хак.
ajir- «приходить в сознание, протрезвляться»;
ügät «наставление» ~ тат. *ügät*, туркм. *öwüt*, тур. *öjüt*, кир. *ügüt*,
 ног. *ögät*, баш. *ögöt*;
xavdan «прошлогдняя трава, виднеющаяся из-под снега»,
 баш. *qawdan* «жнивье, стерня», як. *xaydan*, *xagdan* «блеклый,
 повялый (о траве)», ног. *qawdan* «сухая, перестоявшаяся трава, не
 скошенная вовремя», монг. *xayd* «прошлогдняя высохшая трава»;
xaj- «отделывать, шить широкими стежками», тат., баш. *qaj-*
 «оторачивать, строчить», ккал. *qajj-* «строчить, шить мелкой
 строчкой», кир. *qajj-*;
xāta «бобр, соболь» ~ тат., баш., каз., уйг., ккал. *qama* «выдра»;
xāmzar- «замахиваться» ~ тат., диал. *kōmsar-* «жадничать»;
xālyen «кипрей», ср. тат., баш. *kālyan* «ковыль»;

xəm «искра, пламя», ср. як. *kim* «искра», алт. *qim̄in*, хак. *xib̄in*, з.с.г. *qārqān*;
xəren «коршун, беркут» ~ кир. *qīran* «ловчая птица, бьющая без промаха, лучший сокол, кречет», ккал. *qīran*, ср. бур. *xirē* «ворон», эв. *kīran* «орел-крикун, ястреб»;
xəryū «прогорклый, кислый» ~ тат. *qārqu* «пересоленный», баш. *qārqu* «перекисший, резкий, острый»;
xulgan «щит» ~ тат., баш. *qalqan*, тур. *kalkan*, туркм. *galqan*, як. *xalyan* и т.д.;
xuḡ «свербигуз» ~ тат., баш. *qaqā*;
čakma «огниво, курило» ~ тат. и т.д. *čaqma*;
čabār «чабрец, богородская трава» ~ тат. *čabār*, диал. *čambār*;
čəḡa- «запутывать» ~ тат. *čəḡa-* «обвертывать, завертывать», балк. *čulya-*, ног. диал. *šulya-* «окружать»;
čəm «дыхание, жизнь» ~ баш., тат. *tən*, кир., хак. *fin*, тув. *tʰin*, як. *fin*;
čəndār «кружево, резьба, узоры» ~ тат. *čəltär* «сетка, кружево, тюль»;
čərəm ijḡ «короткий сон» ~ баш. *sərəm*, тат. *čərəm* «дремота», ног. *šir̄im*, кир. *čir̄im*;
čuman «короб, кузов» ~ тат. *čuman* (ср. коми *čuman*);
šamba «налим» ~ баш. *šambā*, тат. *žumba* (ср. мар. *šamba*);
šəma (диал.) «красивый» ~ баш. *šəma* «гладкий, лощеный», тат. *šōma*;
šənəš- «помещаться, скрываться» ~ тат. *šəjəš-* «вмещаться», тув., хак. *šin-* «поместиться», тур. *šiy-*, уйг. *šiy-*, *šiyiš-*;
šərt «резец плуга» ~ баш. *šərt* «предплужник»;
šira «искать», ср. тув. *sura-* «искать, расспрашивать», кир. *sura-* «спрашивать», баш. *hōra-*, тат. *sōra-*, туркм. *θōra-*, тур., азерб. *sor-*, хак. *sur-*;
irza «большой короб» ~ тат. *arjā*, баш. *ärjā* «ящик, короб» (чув. *arja*);
iža «крестцовая область», ср. туркм. ~ *ūja*, тур. *uja*, ног. *uša*, кир., алт., хак., уйг., сюг., лоб. *uša*, тат. *ōča*, баш. *ōsa*, як. *uha*.

Примечания редактора

1. Предлагаемая читателю монография была завершена в 1966 г. В то время для целого ряда тюркских языков отсутствовали четкие описания артикуляционных характеристик гласных и согласных звуков, по многим языкам не велись экспериментальные исследования. Все это не могло не отразиться на транскрипции, Л.С. Левитская вынуждена была опираться главным образом на традиции, сложившиеся в исторической тюркологии и монголистике.

После написания настоящей работы прошло немало времени, научные издания до сих пор не придерживаются единой унифицированной транскрипции, можно сказать, что ее не существует, хотя попытки создания такой транскрипции были. Научный редактор счел возможным сохранить транскрипцию автора с небольшими поправками. Для передачи чувашских согласных в позициях между гласными, между сонорным и гласным в монографии используются знаки для звонких шумных: *aga* «посев», *kunda* «здесь». Позднее, например в «Исторической морфологии чувашского языка» (1976), шумные согласные в указанной позиции ею обозначены иначе. Кроме того, в рукописи отсутствует расшифровка транскрипционных знаков. Во избежание недоразумений мы решили дать приблизительную расшифровку транскрипционных знаков.

Гласные звуки передаются следующими знаками:

- a* – заднего ряда, нижнего подъема, негубной;
- ā* – переднего ряда, нижнего подъема, негубной;
- o* – заднего ряда, среднего подъема, губной;
- ō* – переднего ряда, среднего подъема, губной;
- i* – заднего ряда, верхнего подъема, негубной;
- ī* – переднего ряда, верхнего подъема, негубной;
- u* – заднего ряда, верхнего подъема, негубной;
- ū* – переднего ряда, верхнего подъема, губной;
- ō* – татарский и башкирский *o*, чувашский *ā^o*;
- ō̄* – татарский и башкирский *ō*, чувашский *ē^o*;
- ā̄* – чувашский *ā*;
- ē̄* – чувашский *ē*.

Согласные звуки передаются следующими знаками:

- p* – губно-губной, смычный, глухой;
- b* – губно-губной, смычный, звонкий;
- c* – глухая аффриката, переднеязычная, свистящая;

č – глухая аффриката, переднеязычная, шипящая;
t – переднеязычный, смычный, глухой;
d – переднеязычный, смычный, звонкий;
k – заднеязычный, смычный, глухой;
g – заднеязычный, смычный, звонкий;
h – гортанный спирант;
j – среднеязычный сонант;
ʃ – звонкая аффриката, переднеязычная, свистящая;
q – увулярный, смычный, глухой;
l – плавный, боковой сонант;
m – губно-губной, носовой сонант;
n – переднеязычный, носовой сонант;
ŋ – увулярный, носовой сонант;
r – дрожащий, небо-альвеолярный сонант;
s – переднеязычный, однофокусный, фрикативный, глухой;
z – переднеязычный, однофокусный, фрикативный, звонкий;
ś – переднеязычный, фрикативный, глухой (чувашский);
ź – переднеязычный, фрикативный, звонкий (чувашский);
š – переднеязычный, двухфокусный, фрикативный, глухой;
ž – переднеязычный, двухфокусный, фрикативный, звонкий;
v – губно-зубной, фрикативный, звонкий;
w – губно-губной, круглощелевой, сонант;
ð – переднеязычный, фрикативный, звонкий;
θ – переднеязычный, интердентальный, звонкий;
x – заднеязычный, шумный;
ɣ – заднеязычный сонант.

В работе использованы следующие диакритические знаки:

ā – долгота;
ǫ – глухость;
i' – палатализация;
i^h – аспирация;
a'' – фарингализация.

2. **Вильгельм Шотт** (1807–1899) – крупный ориенталист и синолог, профессор Берлинского университета, член Берлинской академии наук. У В. Шотта в свое время учился будущий известный тюрколог В.В. Радлов.

Основным трудом В. Шотта по чувашскому языку является «*De lingua tschuwaschorum*», который был написан им после знакомства с «Начертанием правил чувашского языка» В.П. Вишневого (1836), и с чувашским переводом Четвероевангелия (1820). Н.И. Ашмарин по поводу указанной работы писал, что, несмотря

на недостаточность материалов, которыми пользовался Шотт, ему удалось установить довольно верно, в общих чертах, важнейшие случаи перехода тюркских звуков в чувашском (*Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. — Ч. 1–2. — Казань, 1898. — С. 25*).

3. **Йожеф Буденц** (1836–1892) — основатель современного финно-угорского языкознания. Родился и вырос в Германии, окончил Геттингенский университет. В 1858 г. переехал в Венгрию, чтобы заняться исследованием венгерского и других финно-угорских языков. В 1871 г. был избран действительным членом Венгерской АН. Начиная с 1868 г. до самой смерти он читал лекции по сравнительному курсу алтайских и финно-угорских языков. Используя собранные в течение 1845–1848 гг. языковые материалы верховых чувашей (диалектные записи Регули), в 1862–1863 гг. Й. Буденц опубликовал «Очерки по чувашскому языку» (на венгерском языке), представляющие курс научной грамматики чувашского языка. В этом труде он описал все части речи, подробно разработал категорию принадлежности, системы склонения, спряжения и времен глаголов.

Им опубликовано большое число научных работ.

См.: *Буденц Й. О некоторых «необычных» чувашско-тюркских звукосоответствиях // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку: сб. переводов / ЧНИИ. — Чебоксары, 1985. — С. 14–21.*

Более подробно о венгерских исследователях чувашского языка см.: *Дмитриева Ю., Адягаши К. Hungaro-Tschuwaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. — Чебоксары, 2001. — 240 с.*

4. **Николай Иванович Золотницкий** (1829–1880) — крупный деятель чувашского языкознания второй половины XIX в. Родился в с. Первое Чурашево (ныне Мариинско-Посадского района ЧР) в семье священника. Получил высшее филологическое образование в Казанском университете. В 1867 г. был назначен окружным инспектором чувашских школ Казанского учебного округа.

С современной точки зрения Н.И. Золотницкого можно назвать урало-алтаистом, так как во многих его трудах исследование чувашского языка ведется с привлечением материала тюркских, тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языков. Е.Д. Поливанов, заслуженно оценивая его труды, писал: «Старые, но талантливые работы миссионера Золотницкого, с одной стороны, материал компаративных штудий по турецким

языкам вообще, с другой стороны, создают, в общем, уже нечто целое, что мы имеем право называть компаративным исследованием чувашского языка» (*Поливанов Е.Д.* Историческое языкознание и языковая политика // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. – Ч. 2. – М., 1960. – С. 270).

5. **Николай Иванович Ашмарин** (1870–1933) – выдающийся тюрколог и основоположник современного чувашского языкознания. Родился в г. Ядрин в семье купца. Окончив Курмышское городское училище, поступил в Нижегородскую классическую гимназию, в 1894 г. стал студентом Московского Лазаревского института. По окончании института Н.И. Ашмарин поступил наставником в Казанскую инородческую учительскую семинарию, где преподавал географию до 1919 г. В 1917 г. начал работать в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте в должности профессора чувашского и татарского языков. В казанский период Ашмарин создал и опубликовал основополагающие труды по фонетике, грамматике, диалектологии и лексикографии чувашского языка: «Материалы для исследования чувашского языка» (1898), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (Ч. 1, 1903; Ч. 2, 1923), «Программу для составления чувашского словаря» (1900), которая послужила основой для 17-томного «Словаря чувашского языка» (*Thesaurus Linguae Tschuwaschorum*). Проблемам чувашского этно- и плоттогенеза посвящено исследование «Болгары и чувашаи» (1902).

В 1923 г. Н.И. Ашмарин на несколько лет уехал в Баку, где работал на восточном факультете Азербайджанского университета. В памяти азербайджанских лингвистов он остался как выдающийся тюрколог и основоположник азербайджанской диалектологии.

Из Баку Н.И. Ашмарин снова вернулся в Казань и поступил в Восточный педагогический институт в качестве профессора чувашского языка. В 1929 г. по представлению этого института и ходатайству общественных и научных организаций Чувашии был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Н.И. Ашмарин заложил основы описательной и сравнительно-исторической грамматики чувашского языка, исторической диалектологии, лексикографии, топонимики, антропонимики.

6. **Густав Йохан Рамstedт** (1873–1950) – финский лингвист, основоположник современной алтаистики. Кроме тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, в круг алтайских языков он включал также корейский язык и с некоторой оговоркой – японский.

Окончил Хельсинкский университет, с 1906 г. доцент этого университета, читал курсы морфологии тюрко-монгольского праязыка, исторической фонетики тюрко-монгольских языков. Научную деятельность начал как монголист, постепенно его интересы распространились на сравнительно-историческое изучение алтайских языков в целом. Важной для становления алтайской теории явилась статья «Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen» (К вопросу о месте чувашского языка), где рассматривались особенности чувашского языка (ротацизм и ламбдаизм) и его место среди других алтайских языков. По привлеченному материалу сравнительно-историческим словарем всех алтайских языков может считаться его «Kalmuckisches Wörterbuch» (Калмыцкий словарь, Lexica SFU, 1935).

Обобщающий труд Рамстедта по алтаистике «Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. 1. Lautlehre. 2. Formenlehre. 3. Register» (Введение в алтайское языкознание. 1. Учение о звуках. 2. Учение о формах. 3. Регистр) издан посмертно П. Аалто (MSFOu, 1952, 1957, 1966).

7. **Арво Марти Октавиан Рясянен** (1893–1976) – выдающийся финский лингвист, автор многих трудов по тюркологии, финно-угроведению, общему и сравнительному языкознанию, сторонник родства алтайских и уральских языков. Окончил Хельсинкский университет, лингвистическую подготовку получил у Х. Паасонена и Г.Й. Рамстедта, профессор Хельсинкского университета (1944–1961).

Основные труды А.М. Рясянена посвящены древнетюркским памятникам, проблеме булгаро-чувашской этноязыковой преемственности и чувашско-марийских и марийско-татарских заимствований, исследованиям сравнительно-исторической фонетики и морфологии тюркских языков, татарскому и турецкому фольклору, тюрко-славянским языковым взаимосвязям. В работе «Чувашские заимствования в марийском языке» (Die Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. CMSFOu, 1920) осуществил реконструкцию ряда булгаро-чувашских лексем. Рясянен является автором первого этимологического словаря тюркских языков – «Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen» (Опыт этимологического словаря тюркских языков. Lexica SFU. Helsinki, 1969).

8. **Золтан Гомбоц** (1877–1935) – исследователь венгерского языка, тюрколог. Окончил факультеты венгерской и французской филологии Будапештского университета, приват-доцент Будапештского университета по общей фонетике. В 1914–1924 гг. работал на кафедре урало-алтайского сравнительного

языкознания в Коложварском университете, читал лекции по венгерскому языкознанию в Будапештском университете, в 1933 г. стал президентом 1-го отдела Венгерской академии наук. Основные труды посвящены изучению проблем исторической лексикологии, из которых большей частью рассмотрены вопросы древнейших языковых отношений венгров с волжскими булгарами. Значительным трудом его является чувашско-венгерский словарь, содержащий около 800 слов, снабженный тюркскими и монгольскими соответствиями. Материалы этого словаря автор широко использовал в своем главном труде «Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache» (Булгарско-тюркские заимствования в венгерском языке. Helsingfors, 1912). Этот труд З. Гомбоца до настоящего времени остается настольной книгой тюркологов, монголистов и финно-угроведов.

См.: *Гомбоц З.* Булгарская проблема и венгерские предания о гуннах / пер. Ю. Дмитриевой // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку: сб. переводов / ЧНИИ. – Чебоксары, 1985. – С. 43–50; *его же.* Древние булгаро-тюркские заимствования венгерского языка / пер. Ю. Дмитриевой // Там же. – С. 22–42.

9. **Бернат Мункачи** (1860–1937) – венгерский этнограф и языковед, исследователь финно-угорских, тюркских и иранских языков. Окончил Будапештский университет. Один из основателей этнолингвистики. В 1892 г. избран вице-президентом Венгерского этнографического общества и в течение 20 лет был редактором журнала «Ethnographia», один из основателей журнала «Keleti szemle» (Восточное обозрение).

В 1885 г. во время экспедиции в Россию Б. Мункачи посетил г. Симбирск, ознакомился с образцами чувашского языка, в результате чего появился в печати труд «Заметки, касающиеся изучения чувашского языка» (Csuvas nyelvezeti jegyzetek // NyK. – Vol. 21. – 1887–1890. S. 1–44) – по сути полное описание фонетической системы чувашского языка.

См.: *Мункачи Б.* Заметки о слове *bu* / пер. Ю. Дмитриевой // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку: сб. переводов / ЧНИИ. – Чебоксары, 1985. – С. 51–56.

10. **Дюла Немет** (1890–1976) – тюрколог, исследователь ранней истории венгров, действительный член Венгерской АН. Окончил Будапештский университет, работал там же в течение 50 лет.

Автор 4-томной грамматики турецкого языка. Одно из основных направлений его исследований – тюркские племенные названия. Занимался расшифровкой рунических надписей на

сокровищах из Надь-Сент-Миклоша, установил, что они составлены на языке печенегов, определил приблизительную их датировку. Под его научным руководством сформировались тюркологи Л. Лигети, Л. Рашони, Т. Халаши-Кун, Я. Эжман, Д. Шинор, К. Цегледи, Ж. Какук, Д. Бодроглигети, А. Рона-Таш.

В ходе лингвистической экспедиции в 1913 г. побывал в городах Уфа и Белебей, чувашских селениях Слакбаш и Малая Белебейка. Написал ряд работ, связанных с чувашским языком: «Развитие тюрко-монгольского *a* в чувашском», (1913), «Сабиры и венгры» (1929), «Закрытый *e* в болгаро-тюркских заимствованиях венгерского языка» (1942), «О значении некоторых болгарских этнонимов» (1978) и др.

См.: *Немет Д.* Плотничное ремесло тюрко-булгар в свете древнетюркских заимствований венгерского языка / пер. М.Р. Федотова // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку: сб. переводов / ЧНИИ. – Чебоксары, 1985. – С. 68–72; *его же.* К вопросу о закрытом тюркском *e* / пер. М.Р. Федотова // Там же. – С. 57–67.

11. **Лайош Лигети** (1902–1987) – венгерский востоковед, член-корреспондент (1936), действительный член (1947), вице-президент (1949–1970) Венгерской АН. Окончил факультет классической филологии Будапештского университета, изучал тибетскую филологию, синологию и монголистику в Сорбонне. Вернувшись на родину, всецело посвятил себя исследованию ранней истории венгров.

В 1928–1940 гг. Л. Лигети выезжал в страны Азии, изучал язык монголов в Афганистане, фольклор афганских узбеков, исследовал переведенные с тибетского и хранящиеся в буддийских монастырях сборники монгольской канонической литературы (106 томов) и создал первое научное описание этого ценного источника культуры. Был организатором и руководителем сбора памятников монгольского языка и издания их в 14 томах, осуществил венгерское издание «Сокровенного сказания монголов».

В центре лингвистической деятельности Л. Лигети – исследование старотюркских заимствований венгерского языка. Выводы автора обогатили чувашское языкознание основополагающими положениями, которые способствовали периодизации истории чувашского языка и определению его места среди тюркских языков.

См.: *Лигети Л.* Долгие гласные в тюркских языках / пер. Ю. Дмитриевой // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку: сб. переводов / ЧНИИ. – Чебоксары, 1985. – С. 133–143;

его же. К вопросу об «алтайских» элементах венгерского языка / пер. А.В. Скворцовой // Там же. – С. 107–132.

12. **Маргит К. Палло** (1897–1984) – языковед, тюрколог. Интерес к проблемам тюркологии появился у нее в ходе занятий по урало-алтайским штудиям З. Гомбоца в Коложварском университете. Окончив филологический факультет, она стажировалась в Берлинском университете им. Гумбольдта у В. Банга по тюркологии. В центре ее исследований стояли ранние тюркские заимствования венгерского языка.

См.: *Маргит К. Палло. Hungaro-Tschuwaschica* / пер. М.И. Скворцова // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку: сб. переводов / ЧНИИ. – Чебоксары, 1985. – С. 73–97; *ее же. Реальная основа заимствованного слова sarkany «дракон»* / пер. М.Р. Федотова // Там же. – С. 98–106.

13. **Николай Николаевич Поппе** (1897–1991) – монголист и тюрколог, один из основоположников научной алтаистики, профессор, член-корреспондент АН СССР (1932–1946), Берлинской (1957), Финской (1977) и Британской академий (1978). В 1920-х гг. разрабатывал проблемы тюркских, монгольских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских языков и алтайской макросемьи. Сравнительно-историческому изучению звукового строя и морфологии чувашского языка, реконструкции тюрко-чувашских праформ посвящены брошюры «О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков» (Чебоксары, 1925) и «Чуваши и их соседи» (Чебоксары, 1927). На основе исследований пришел к выводу, что чувашский язык представляет собой промежуточное звено между монгольским и «тюрко-татарскими» языками и является алтайским языком, отделившимся в дотюркскую эпоху.

Создал фундаментальные труды по алтаистике «Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen» (1960), «Introduction to Altaic Linguistics» (1965), научные и учебно-справочные грамматики отдельных тюркских и монгольских языков, написал множество научных статей и рецензий.

Н.Н. Поппе доказывал, что чувашский язык по ряду признаков старше, чем тюркский праязык, и сохранил более древние черты.

14. **Омельян Прицак** (1919–2006) – историк, тюрколог, алтаист и славист. Окончил Львовский университет, поступил в аспирантуру АН УССР (1940). С 1943 г. жил в Германии, защитил диссертацию по истории становления государства Караханидов. Доцент по алтайской филологии и истории Центральной Азии в Геттингенском университете. В 1961 г. переехал в США, профессор тюркологии

и лингвистики Вашингтонского университета в Сиэтле, Гарвардском университете. В 1990 г. переехал в Киев, где организовал Институт востоковедения, в 1990–1998 гг. — его директор.

В 1952 г. вместе с венгерским уралоистом Ю. фон Фаркашем О. Прицак основал Урало-алтайское общество, издававшее «Урало-алтайские ежегодники» (*Ural-Altäische Jahrbücher*).

Является организатором и соредактором многих авторитетных научных изданий (*Ural-Altäische Bibliothek, Slavo-Orientalia, Central Asiatic Journal, Uralic and Altaic Studies* и др.).

Исследования О. Прицака сконцентрированы на двух областях: историческая алтайская лингвистика и сравнительная грамматика тюркских языков. Особый интерес испытывал к языку гуннов и их наследников — болгар и чувашей. Автор монографий и статей по гунно-булгарской, хазарской, чувашской филологии и истории, рецензий на издания чувашских лингвистов.

15. **Йоханнес Бенцинг** (1913–2001) — известный тюрколог, востоковед. В 1936 г. поступил в Берлинский университет, где занимался исламской филологией, тюркологией и монголистикой, особо интересовался чувашским языком. Работал переводчиком в Министерстве иностранных дел Германии, советником правительства Германии. Служил на разных должностях в Париже, Стамбуле. С 1963 г. — зав. кафедрой исламской филологии в Майнце, был избран действительным членом Майнцской академии наук и литературы, занимался исследованием тюркских, тунгусо-маньчжурских, иранского, монгольского, нивхского, кетского языков.

Занимался этимологией отдельных чувашских слов, рецензировал работы, связанные с болгаро-чувашской проблематикой, а также «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина. Опубликовал серию «Чувашские исследования» (1–4), в которых рассматриваются разные вопросы чувашской грамматики и фонетики. Кроме собственно тюркологических и чувашеведческих исследований, Бенцинг активно разрабатывал проблемы взаимодействия тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Для 1-го тома капитального издания в рамках международного проекта «*Philologicae Turcicae Fundamenta*» написал статьи: «Классификация тюркских языков», «Кумыкский язык», «Башкирский язык», «Язык гуннов, дунайских и волжских болгар», «Чувашский язык» (1959). Для 2-го тома им написан очерк о чувашской литературе (1964).

16. **Василий Васильевич Радлов (Фридрих Вильгельм)** (1837–1918) — языковед, этнограф, переводчик, академик Императорской

АН (1884) и РАН (1917), родоначальник новой эпохи в развитии отечественной и мировой тюркологии. За 60 лет научной деятельности охватил все сферы тюркологии: диалектологию, лексикографию и лексикологию, сравнительно-историческую фонетику и грамматику тюркских языков, тюркскую текстологию, издание памятников, тюркский фольклор, этнографию, историю и археологию.

Окончил Берлинский университет и переехал в Санкт-Петербург. В 1871–1884 гг. — инспектор мусульманских школ Казанского учебного округа, изучал чувашский, татарский, марийский языки. С 1884 г. работал в Санкт-Петербурге, занимая разные должности.

В 1891–1911 гг. собирал, изучал и публиковал памятники рунической письменности. После дешифровки В. Томсеном орхонско-енисейских рун Радлов первым дал чтение, перевод и толкование памятника в честь Кюль-Тегина (1894).

С 1888 г. публиковал «Опыт словаря тюркских наречий» в 24 выпусках, тюркско-русско-немецкий словарь объемом около 70 тыс. словарных единиц, «Опыт словаря...» собран в 4 томах в 1893–1911 гг.

В обобщающем труде «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk Sprachen...» (1882–1883) поставлена проблема специфики чувашского языка среди других тюркских на основе анализа его вокализма. Радлов считал, что чувашский язык, изначально нетюркский, подвергся тюркизации.

17. Василий Георгиевич Егоров (1880–1974) — крупный деятель просвещения и педагог, выдающийся тюрколог, ученый-лингвист, доктор филологических наук. Окончил Симбирскую чувашскую школу, Симбирскую духовную семинарию, Казанскую духовную академию, историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Руководил русско-арабскими школами в г. Хомс (Сирия), преподавал в Елабуге, был инспектором народных училищ в Златоусте. С 1923 г. преподавал в Казанском педагогическом институте, Восточном педагогическом институте. В 1933–1944 гг. читал курсы современного русского, старославянского, чувашского языков в Казанском и Чувашском педагогическом институтах. В 1948–1956 гг. работал на кафедре чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического института, в 1967–1969 гг. — на историко-филологическом факультете Чувашского государственного университета.

Научная деятельность В.Г. Егорова была связана со сравнительно-историческим изучением чувашского языка, вопросами языковой

типологии, описанием памятников чувашской письменности, практической лексикографией и др. В опубликованной в 1928 г. статье «Закон гармонии гласных в чувашском языке» им было впервые дано научное описание сингармонизма. В монографии «Введение в изучение чувашского языка» (М., 1930) ученый очертил круг будущих научных тем чувашского языкознания, определил основные проблемы глотто- и этногенеза. Аннотированный «Библиографический указатель литературы по чувашскому языку» (Чебоксары, 1931) открыл серию работ В.Г. Егорова, посвященных истории изучения чувашского языка и задачам будущих научных исследований. Им подготовлены для чувашских школ учебники по русскому языку, «Чувашско-русский словарь» (1935, 1954) и «Русско-чувашский словарь» (1960, 1970).

Многолетняя научная деятельность в области чувашского языкознания и тюркологии получила логическое завершение в монографии «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» (1954, 1971) и в «Материалах по грамматике современного чувашского языка» (1957). В 1964 г. опубликован «Этимологический словарь чувашского языка» – первый из словарей подобного типа в отечественной тюркологии.

Письма В.Г. Егорова к Л.С. Левитской, приведенные в «Приложении» к юбилейной статье, свидетельствуют о тесных научных контактах двух ученых (см. об этом подробнее: *Хузангай А.П., Батченко Е.И.* Левитская Лия Сергеевна: (К 75-летию со дня рождения) // Чувашский гуманитарный вестник. – № 1. – Чебоксары, 2006. – С. 237–243).

18. Александра Семеновна Канокова (1919) – языковед, кандидат филологических наук. Окончила Калининское педагогическое училище, Чувашский педагогический институт, аспирантуру при Институте языкознания АН СССР (1949). Преподаватель, доцент ЧГПИ и ЧГУ (1967–1977). Автор ряда научных работ по культуре речи и диалектологии чувашского языка.

19. Геннадий Емельянович Корнилов (1936) – языковед, специалист по общему и сравнительно-историческому языкознанию, доктор филологических наук, профессор. Окончил Уральский государственный университет, аспирантуру при Чувашском государственном педагогическом институте. Работал учителем, научным сотрудником. С 1968 г. в Чувашском государственном университете: доцент кафедры русского языка, зав. кафедрой, декан филологического факультета. Докторскую диссертацию

защитил на тему «Имитативы в чувашском языке». Основные научные интересы – в области ономастики, этимологии, имитативики, лингвоконтактологии. Автор более 150 научных работ.

20. **Виталий Иванович Котлеев** (1933–1989) – известный чувашский фонетист. Окончил историко-филологический факультет Чувашского государственного педагогического института, аспирантуру в Институте языкознания АН СССР. Работал научным сотрудником, преподавал в ЧГПИ, с 1967 г. – зав. кафедрой русского языка, с 1978 г. – декан филологического факультета этого вуза. Автор основополагающих работ по чувашской фонетике и фонологии, в которых с позиций ЛФШ рассмотрены состав и дифференциальные признаки фонем, природа сингармонизма, структура слога и др.

См.: *Котлеев В.И.* Фонетика // Хальхи чăваш чĕлхин фонетики, графика тата орфографийĕ. – Шупашкар, 1978. – С. 3–115. (ЧНТИ тĕпчев ёсĕсем; 83-мĕш кăларăм); *его же.* Чăваш чĕлхин сасă тытăмĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1981. – 96 с.

21. **Леонид Павлович Сергеев** (1929) – языковед, доктор филологических наук, профессор (1981). Окончил Чувашский государственный педагогический институт, там же аспирантуру. Работал учителем, директором школы, зав. РОНО, научным сотрудником, зав. сектором языка. С 1984 г. профессор Чувашского государственного педагогического института, позже – Чувашского государственного университета. Докторскую диссертацию защитил на тему «Диалектная система чувашского языка (Диалектологический атлас)». Ведущий специалист по чувашской диалектологии, участвовал в составлении «Лингвистического атласа Европы», «Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза», подготовил фундаментальные исследования по чувашским диалектам и говорам: «Диалектологический атлас чувашского языка» (1970), монографию «Диалектная система чувашского языка» (2007), автор более 300 научных и научно-методических работ.

22. **Раиса Ионовна Цаплина** (1920–1990) – языковед, кандидат филологических наук. Окончила Чувашский государственный педагогический институт, аспирантуру при Институте языкознания АН СССР. Работала на руководящих должностях в комсомольской и партийной организациях Чувашии. В 1949–1952 гг. научный сотрудник, зав. сектором чувашского языка ЧНИИ. В 1950–1982 гг. – научный сотрудник НИИ национальных школ Министерства

просвещения РСФСР, преподавала русский язык в Монголии, Германии, Болгарии.

Автор научных работ по вопросам диалектологии чувашского языка, по проблемам обучения орфографии чувашского языка.

23. Тимофей Матвеевич Матвеев (1884–1939) – один из первых исследователей чувашского языка. Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу, Симбирскую духовную семинарию, славяно-русское отделение Казанского университета, аспирантуру Яфетического института. Работал учителем, преподавал в учительских семинариях в г. Глазов и на ст. Шихраны (ныне г. Канаш). В 1928–1936 гг. работал в Научно-исследовательском институте языка, литературы и истории и преподавал в Чувашском педагогическом институте. В 1936 г. репрессирован.

Автор книги «Грамматика чувашского языка: морфология (Учение о формах)» (Симбирск, 1919), в которой в описании фонетики чувашского языка впервые применен фонологический принцип и установлено число фонем. Вел активную работу по нормализации чувашской орфографии. Участвовал в экспедициях по изучению чувашских диалектов, опубликовал работу «Краткий обзор чувашских диалектов» (1930). В сотрудничестве с Ф.Т. Тимофеевым подготовил первые школьные учебники по чувашскому языку (1933–1934). Участвовал в редактировании «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина.

24. Борис Александрович Серебренников (1915–1989) – языковед, организатор науки, доктор филологических наук, профессор, действительный член АН СССР (1984). Окончил филологический факультет Московского института истории, философии и литературы, аспирантуру при МГУ. Преподавал на филологическом факультете МГУ. С 1950 г. работал в Институте языкознания научным сотрудником, директором, зав. сектором общего языкознания и финно-угорских языков.

Б.А. Серебренников – лингвист широкого профиля, особо значимы его исследования в области теории языка и его эволюции, сравнительно-исторической грамматики индоевропейских, финно-угорских и тюркских языков, фонологии, топонимики, исторической лексикологии и этимологии, а также грамматики и синтаксиса финно-угорских, тюркских и других языков. Автор 11 монографий и более 350 статей.

Вопросам чувашского этно- и глоттогенеза посвящено около 20 научных трудов. Активно поддерживал и развивал теорию

булгаро-чувашиской этноязыковой преемственности, но при этом преувеличивал вклад финно-угорских языков в формирование чувашского языка.

См.: *Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.— М., 1979.— В соавт.; *его же.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: синтаксис.— М., 1986.— В соавт.

25. **Михаил Романович Федотов** (1919–2003) — языковед, тюрколог, алтаист, доктор филологических наук, профессор (1976). Окончил Горьковский педагогический институт иностранных языков. Работал учителем, зав. кабинетом иностранных языков в Чувашском республиканском институте усовершенствования учителей, преподавателем в Чувашском государственном педагогическом институте, с 1967 г. — доцент кафедры иностранных языков, с 1976 г. — профессор кафедры чувашского языкознания, с 1980 г. — профессор-консультант. Докторскую диссертацию защитил на тему «Чувашско-марийские языковые связи в историческом освещении». Автор свыше 250 научных работ, в том числе 20 монографий, учебных пособий, словарей. Основные работы посвящены сравнительно-историческому исследованию тюркских, алтайских и урало-алтайских языков, проблемам исторической грамматики чувашского языка, взаимосвязей чувашского языка с поволжскими и пермскими финно-угорскими языками, исторической лексикологии и этимологии. Основатель чувашской школы сравнительно-исторического изучения урало-алтайских языков. Разработал полный курс истории фонетической, грамматической и лексической систем чувашского языка на широком фоне урало-алтайских языков.

См.: *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков: в 3 т. — Чебоксары, 1980–1986; *его же.* Чувашский язык: истоки, отношение к алтайским и финно-угорским языкам, историческая грамматика. — Чебоксары, 1996; *его же.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. — Чебоксары, 1996.

26. См. о болгарских заимствованиях в старославянском и древнерусском языках докторскую диссертацию И.Г. Добродомова «Проблема изучения болгарских лексических элементов в славянских языках» (1974); статьи: «Тюркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков (соответствие *s ~ š*)» (Советская тюркология. 1971. № 2. С. 81–92); «Отражение тюркского начального *j* в болгаризмах славянских языков» (Советская тюркология. 1975. № 3. С. 23–35); «К вопросу о венгерском *sz-*, соответствующем

тюркскому *j*-, в старых болгаризмах» (Тюркологические исследования: сб. ст. М., 1976. С. 112–125); «Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков» (Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 106–115; «Булгарские заимствования в древнерусском и других славянских языках как источник для проблемы этногенеза чувашей» (Вопросы истории чувашского языка. Чебоксары, 1985).

27. **Александр Михайлович Щербак** (1926–2008) – тюрколог, доктор филологических наук, профессор. Окончил Ставропольский государственный педагогический институт, аспирантуру при Институте языкознания АН СССР. С 1951 г. сотрудник Института языкознания АН СССР, с 1993 г. возглавлял отдел алтайских языков в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Докторскую диссертацию защитил на тему «Сравнительная фонетика тюркских языков». Автор ряда монографий по проблемам языка древнетюркских и средневековых памятников. Один из авторов «Древнетюркского словаря» (1969). Итогом исследований сравнительно-исторической грамматики тюркских языков стали книги «Сравнительная фонетика тюркских языков» (1970), «Введение в сравнительное изучение тюркских языков» (1994), серия очерков по сравнительной морфологии тюркских языков и др.

А.М. Щербак – последовательный «антиалтаист», не принимал теории генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Свои взгляды он изложил в монографиях «Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.)» (1997), «Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков» (2005).

28. Чувашско-татарские взаимосвязи в науке до сих пор исследованы недостаточно. В последние десятилетия в этой области успешно работал Р.Г. Ахметьянов. См.: Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: (фонетика и лексика) / отв. ред. Л.С. Левитская. – М., 1978. – 247 с.

29. См.: *Егоров Н.И.* Историческое развитие общетюркского *a* первого слога в болгаро-чувашском языке. Ч. 1 // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка: сб. ст. / ЧНИИ. – Чебоксары, 1983. – С. 35–63; Ч. 2 // Вопросы истории чувашского языка: сб. ст. – Чебоксары, 1985. – С. 3–28; Ч. 3 // Вопросы чувашской фонетики и морфологии: сб. ст. / ЧНИИ. – Чебоксары, 1986. – С. 3–18; *его же.* Основной закон исторического развития болгаро-чувашского вокализма // Тюркология – 88: тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной

тюркологической конференции (7–8 сентября 1988 г.). – Фрунзе, 1988. – С. 353–354.

Николай Иванович Егоров (1949) – тюрколог-лингвист, доктор филологических наук, профессор. Окончил чувашское отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета. В 1977–1992 гг. – научный сотрудник отдела языка НИИЯЛИЭ (ныне ЧГИГН), в 1993–2004 гг. – преподаватель, зав. кафедрой тюркологии ЧГУ. С 2013 г. – главный научный сотрудник отдела языкознания, с 2014 г. – ведущий научный сотрудник филологического направления ЧГИГН. В 1992 г. защитил докторскую диссертацию «Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности». Автор более 200 научных работ по чувашскому этно- и глоттогенезу, древнейшим контактам языков булгаро-чувашского типа, чувашской этимологии и исторической лексикологии, ономастике и диалектологии, чувашской мифологии и др. Член-корреспондент Турецкого лингвистического общества, член президиума Ассоциации тюркологов всего мира.

См.: *Егоров Н.И.* Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология: в 2 т. – Чебоксары: Новое время, 2009. – Т. 1. – 854 с.; Т. 2. – 840 с.

30. См.: *Мудрак О.А.* К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке // Вопросы чувашской фонетики и морфологии. – Чебоксары, 1986. – С. 17–34; Специфическое дробление консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1989. – Ч. 1; *его же.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных (Опыт реконструкции и интерпретации). – М., 1993. – 185 с.

В данной работе автор выделяет три периода развития чувашского вокализма:

а) на древнечувашском этапе в количественном отношении сохраняется пратюркская система вокализма и происходит дифтонгизация **o* и **ö*;

б) на среднечувашском этапе исчезает часть старых дифтонгов, появляется противопоставление гласных по напряженности, по-особому развиваются сочетания гласных *c w, j* (в части случаев способствуя возникновению новых дифтонгов);

в) на новочувашском этапе исчезает противопоставление по напряженности, происходят кардинальные изменения, при которых часть гласных в зависимости от окружения согласных меняет ряд сингармонизма, а дифтонги совпадают с рефлексами обычных гласных (с. 139).

31. В последние десятилетия в чувашском языкознании утвердилась периодизация, предложенная А. Рона-Ташем. Вот главные периоды истории тюркских языков, в том числе и болгарского:

1. Пратюркский:

- раннепратюркский – около III тысячелетия до н.э.;
- позднепратюркский – с 300 г. до н.э. до I в. н.э.

2. Древнетюркский:

- раннедревнетюркский – 0 – прибл. 600 г. н.э.;
- позднедревнетюркский:

I. с 552 г. до VII в.;

II. VII–IX вв.;

III. IX–XIII вв.

3. Среднетюркский:

- раннесреднетюркский – XIII–XV вв.;
- позднедревнетюркский – XV–XVI / XVII вв.

4. Новотюркский:

- ранненовотюркский – XVIII в.;
- поздненовотюркский – XIX в.

5. Современные тюркские – с 1917 г.

1. Булгарские диалекты – от диал.

2. Раннедревнебулгарский – прибл. 463 г.;

3. Позднедревнебулгарский:

I. 463–650 гг.;

II. С 650 г. по VIII–IX вв.;

III. С VIII–IX вв. по 1235 г.

4. Раннесреднебулгарский – 1235–1430 гг.

5. Позднедревнебулгарский – 1430–1551 гг.

6. Новобулгарский или чувашский:

– раннечувашский – до 1723 г.;

– среднечувашский – до 1870 г.;

– позднечувашский – до 1917 г.

7. Современный чувашский – с 1917 г.

См. об этом подробнее: *Рона-Таш А.* Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. – Чебоксары, 1980. – С. 3–13. (Труды / ЧНИИ; вып. 97).

*Библиография работ Л.С. Левитской
по чувашскому языкознанию*

- Чувашский язык // БСЭ. – 3-е изд. – Т. 29. – М., 1978. – С. 245.
- О чувашских именных основах с конечными *ă*, *ё* // Филологический сборник, посвященный 85-летию профессора В.Г. Егорова. – Чебоксары, 1965. – С. 32–38. – (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 28).
- Заметки о чувашском консонантизме // Филологический сборник, посвященный 85-летию профессора В.Г. Егорова. – Чебоксары, 1965. – С. 39–42. – (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 28).
- Заметки о фонетике чувашских говоров // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Вып. 4. – Баку, 1966. – С. 182–185.
- Заметки о чувашско-татарских связях // Чебоксары, 1967. – С. 140–144. – (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 34).
- Лексикологические заметки // Филология. – Чебоксары, 1970. – С. 265–268. – (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 46).
- Имеются ли в чувашском языке огузские элементы? // *Chuvash Studies*. – Budapest, 1982. – P. 97–103.
- Общетюркские *L* и *R* в чувашском языке // Филология. – Чебоксары, 1967. – С. 135–152. – (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 34).
- Историческая фонетика чувашского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – 26 с.
- Чувашские этимологии // Советская тюркология. – 1974. – № 2. – С. 80–84.
- Чувашские этимологии // Советская тюркология. – 1976. – № 3. – С. 89–92.
- Чувашские этимологии // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. – Чебоксары, 1980. – С. 58–60. – (Труды / ЧНИИ; вып. 97).
- О нескольких тюркизмах марийского словаря // *Nyelvtudományi Közlemények*, 85. – 1983. – С. 387–390.
- Эрванд Владимирович Севортян и тюркская историческая лексикология // Теория и практика этимологических исследований. – М., 1985. – С. 93–101. – В соавторстве с К.М. Мусаевым.
- Историческая морфология чувашского языка. – М., 1976. – 206 с.
- Об этимологическом словаре отдельного тюркского языка // Актуальные вопросы чувашского языкознания: тезисы докладов и сообщений на научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения В.Г. Егорова (12–13 февраля 1980 г.) / ЧНИИ, ЧГУ. – Чебоксары, 1980. – С. 19–20.

Об этимологическом словаре отдельного тюркского языка // Исследования по этимологии чувашского языка: сб. ст. / ЧНИИ.— Чебоксары, 1981.— С. 128—133.

Н.И. Ашмарин и тюркское языкознание // Н.И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания: сб. ст. / ЧНИИ.— Чебоксары, 1971.— С. 21—27.

Василий Георгиевич Егоров: (К 90-летию со дня рождения) // Советская тюркология.— 1970.— № 2.— С. 142—143.

Эрванд Владимирович Севортян: (К 80-летию со дня рождения) // Советская тюркология.— 1981.— № 5.— С. 101—103.— В соавторстве с К.М. Мусаевым.

Новый вклад в чувашскую историческую лексикологию (Рец. на кн.: *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка.— Чебоксары, 1964.— 355 с.) // Тюркская лексикология и лексикография: сб. ст.— М., 1971.— С. 301—304.

Рец. на кн.: *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар.— М., 1978.— 208 с. // Вопросы языкознания.— 1980.— № 6.— С. 149—151.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

ЛЕВИТСКАЯ Лия Сергеевна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Монография

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Технический редактор *А.В. Кузнецов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Набор *С.В. Ермолаевой*
Верстка *А.В. Кузнецова*

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 60х84/16.

Гарнитура Times. Бумага офсетная.

Печать оперативная. Усл.-печ. л. 20,0.

Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 150 экз. Заказ № 20.

Отпечатано в РИО БНУ ЧГИГН
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015: г. Чебоксары: Московский пр., 29/1